Эпидемии Средневековья

Джон Кайус
Дж. Ф. К. Хекер

THE
EPIDEMICS
OF
THE MIDDLE AGES

FROM THE GERMAN OF
J. F. C. HECKER, M.D.

The cover image was created by the transcriber and is placed in the public domain

The Project Gutenberg eBook of The Epidemics of the Middle Ages.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: Эпидемии Средневековья

Автор: Дж. Ф. К. Хекер

Джон Кайус

Переводчик: Б. Г. Бабингтон

Дата выхода: 19 сентября 2020 [eBook #63232]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Тургутом Динчером, Робертом Тонсингом, Линдой Кантони и командой онлайновой распределенной корректуры по адресу https://www.pgdp.net (Этот файл был создан на основе изображений щедро предоставленных Интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE EPIDEMICS OF THE MIDDLE AGES ***

ЭПИДЕМИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ДЖ. Ф. К. ХЕККЕРА, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ.

ПРОФЕССОРА УНИВЕРСИТЕТА ФРЕДЕРИКА УИЛЬЯМА В БЕРЛИНЕ, ЧЛЕНА РАЗЛИЧНЫХ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ В АЛБАНИИ, БЕРЛИНЕ, БОННЕ, КОПЕНГАГЕНЕ, ДИЖОНЕ, ДРЕЗДЕНЕ, ЭРЛАНГЕНЕ, ХАНАУ, ГЕЙДЕЛЬБЕРГЕ, ЛЕЙПЦИГЕ, ЛОНДОНЕ, ЛИОНЕ, МАРСЕЛЕ, МЕТЦЕ, НЕАПОЛЕ, НЬЮ-ЙОРКЕ, ОФФЕНБУРГЕ, ФИЛАДЕЛЬФИИ, СТОКГОЛЬМЕ, ТУЛУЗЕ, ВАРШАВЕ И ЦЮРИХЕ.

ПЕРЕВОД Б. Г. БАБИНГТОНА, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ, ДОКТОРА ФИЛОСОФИИ И Т. Д.

ЛОНДОН

MDCCCXLIV

ЛОНДОН:
ДЖОРДЖ ВУДФОЛЛ И СЫН,
АНГЕЛЬСКИЙ ДВОР, СКИННЕР-СТРИТ

ОБЩЕЕ ПРЕДИСЛОВИЕ.

Совет Сиденхемского общества счел три трактата Геккера о различных эпидемиях, имевших место в Средние века, достойными того, чтобы собрать их в один том и представить его членам в английской одежде, и я с большим удовольствием вручил им авторские права на "Черную смерть"; договорился с ними о покупке "Танцевальной мании", в которой я мог оставить только свою долю в совместном интересе; и подготовил к печати эти произведения вместе с переводом "Потливой болезни", впервые публикуемым сейчас. Эта последняя работа, ввиду ее большей длины и непосредственной связи ее главного предмета с нашей страной, может считаться наиболее интересной и важной из всей серии.

Профессор Геккер, по общему признанию, является самым ученым историком медицины и одним из самых способных медицинских писателей в Германии. Его многочисленные работы показывают не только то, с каким усердием он трудился, но и то, как высоко его труды оценили его соотечественники; и когда я заявляю, что, за одним незначительным исключением, все они были переведены на другие языки, я предоставляю справедливое доказательство того, как их ценят в зарубежных странах; и, по крайней мере, в отношении оригиналов, полное оправдание Совета Сиденхемского общества в их выборе по этому случаю.

Книга "Schwarze Tod", или "Черная смерть", была опубликована в 1832 году; взяться за ее перевод меня побудило убеждение, что она окажется интересной в тот момент, когда другая страшная эпидемия, холера, с которой она допускает сравнение в некоторых аспектах, была свежа в памяти людей. Вскоре после этого вышла "Tanzwuth", или "Танцевальная мания"; и поскольку мне показалось, что, хотя она относится к менее ужасающему визиту, она обладает не меньшим интересом и, занимая нечто среднее между физическим и моральным мором, представляет собой предмет размышлений как для широкого, так и для профессионального читателя, я решил добавить ее в наш общий фонд медицинской литературы. Когда в 1834 году появилась "Английская болезнь", или "Потливая болезнь", содержащая много сопутствующих сведений, малоизвестных в Англии, и завершающая историю основных эпидемий средневековья, я приступил к завершению своей задачи; но, не сумев выполнить некоторые договоренности, связанные с ее публикацией, я отложил на время свой перевод в надежде, которая в конце концов оправдалась, что в какой-то более благоприятный момент он еще увидит свет.

Не следует думать, что автор, взявшись за историю трех важнейших эпидемий средневековья, хотя и проиллюстрировал их менее подробными описаниями некоторых других, считает, что исчерпал свой предмет; напротив, он убежден, что для того, чтобы добраться до тайных источников этих общих болезнетворных влияний, необходимо как самое подробное, так и самое обширное их исследование, такое, которое может быть сделано только объединенными усилиями многих. По-видимому, его цель - собрать воедино такое количество фактов из истории медицины всех стран и эпох, которое в конце концов позволит нам заниматься эпидемиями так же, как Луи занимался отдельными болезнями; и таким образом путем численного упорядочения данных, вместе со справедливым учетом их относительной ценности, прийти к открытию общих законов. Настоящая работа, таким

образом, является лишь одним из камней здания, для строительства которого он приглашает медиков во всех частях света предоставить материалы[1].

Будет ли информация, которую можно собрать даже самых усердных и обширных исследований, достаточно обширной и точной, чтобы позволить нам использовать этот метод с полным успехом, может быть предметом сомнения; но, по крайней мере, вероятно, что многие ценные факты, ныне похороненные в забвении, будут таким образом извлечены на свет; и побочные результаты, как это часто случается в стремлении к науке, могут оказаться столь же полезными, как и те, которые были непосредственным объектом открытия. Какое огромное значение, например, в XIV веке имело бы всеобщее знание того простого, но универсального обстоятельства, что во время всех сильных эпидемий, начиная со времен Фукидида[2] и до наших дней, у людей возникало ложное подозрение, что источники или провизия были отравлены, или воздух заражен какими-то предполагаемыми врагами общего блага. Сколько тысяч невинных жизней было бы таким образом спасено, которые были варварски принесены в жертву в соответствии с этим абсурдным представлением?

Был ли призыв Геккера о помощи в его начинании хоть в одном случае услышан врачами Германии, я не знаю; но ему, как и мне, будет приятно узнать, что именно прочтение "Черной смерти" подсказало доктору Симпсону из Эдинбурга, что он должен быть в курсе всех событий. Симпсону из Эдинбурга идею собрать материалы для истории проказы, как она существовала в Великобритании в средние века; и что очень научные и интересные антикварные исследования этого автора на эту тему, опубликованные в "Эдинбургском медицинском и хирургическом журнале", были ценным и, я надеюсь, не единственным результатом.

Поскольку три трактата, впервые объединенные под названием "Эпидемии Средневековья", вышли в свет в разное время, я счел за лучшее приложить к каждому из них оригинальное предисловие автора, а к двум, уже опубликованным на английском языке, - еще и переводчика; при этом обращение Геккера к врачам Германии, хотя и написанное до выхода "Английского Швейса", вполне заменяет авторское общее предисловие ко всему тому.

В конце "Черной смерти" я первоначально дал в качестве № III. Приложения, некоторые обширные выдержки из "Boke or Counseill against the Disease commonly called the Sweate or Sweatyng Sicknesse" Кайуса; но этот маленький трактат настолько характерен для времени, в которое он был написан, настолько любопытен, настолько короток и настолько скуден[3], что я счел целесообразным, с разрешения совета нашего Общества, перепечатать его полностью и добавить в более подходящее место, в качестве Приложения к "Потливой болезни".

ОБРАЩЕНИЕ
К
ВРАЧАМ ГЕРМАНИИ.

Дж. Ф. К. ХЕККЕР.

У меня давно было искреннее желание обратиться к моим уважаемым коллегам, особенно к тем, с кем я чувствую себя связанным сродством чувств, с тем, чтобы внушить им тему, в которой наука глубоко заинтересована и которая, согласно прямым свидетельствам самой природы, является одной из самых возвышенных и важных, которые могут быть представлены исследованиям ученых. Я имею в виду исследование эпидемических заболеваний в масштабах, соизмеримых с масштабами наших усилий в других областях, и достойных эпохи, в которой мы живем. От медиков, поскольку их единственным делом является жизнь, справедливо требуют, чтобы они рассматривали ее с правильной точки зрения. От них ожидают, что они будут воспринимать жизнь, как она существует индивидуально и коллективно: в первом случае - иметь в виду общую систему творения; во втором - демонстрировать связь и значение отдельных явлений, - различать одно с помощью другого, и таким образом с благоговением проникать в святилище космической и микрокосмической науки. Это ожидание не является экстравагантным, а истинность принципов, которые медицинский исследователь природы выводит из него, настолько очевидна, что едва ли возможно, чтобы по этому поводу возникали какие-либо сомнения.

И все же мы можем спросить: удовлетворяет ли медицинская наука в том виде, в котором она существует в наши дни, со всем великолепием, которое ее окружает, со всем совершенством, которым она может похвастаться, этому требованию? На этот вопрос мы вынуждены ответить отрицательно.

Рассмотрим лишь учение о болезнях, которое культивируется с момента зарождения науки. Оно выросло среди озарения знания и мрака невежества, его взрастили бури веков, его памятники древности и современности невозможно перечесть, и оно ясно говорит с посвященными на языках всех цивилизованных народов. Тем не менее, до сих пор она давала описание только отдельных болезней, насколько человеческий разум способен понять их природу. В этом она прекрасно преуспела, и с каждым годом ее успех становится все более масштабным.

Но если мы расширим наши запросы до болезней народов и всего человечества, наука отмалчивается, как будто не в ее компетенции разбираться в них, и показывает нам лишь неизмеримую и неисследованную страну, которую многие считают просто бесплодной пустыней, потому что никто из тех, к чьему голосу они привыкли прислушиваться, не дает о ней никаких сведений. Число тех, кто прошел по ней, невелико; часто они замирали, восхищенные поразительными явлениями; видели неисчерпаемые рудники, ждущие только руки рабочего, и, созерцая развитие коллективной органической жизни, которую наука нигде больше не демонстрирует в таком великолепном масштабе, испытывали всю священную радость натуралиста, которому открылся высший источник знаний. И все же они не могли заставить себя услышать в шумной суматохе рынков, а тем более ответить на бесчисленные вопросы, задаваемые им многими, как из одних уст, не столько для того, чтобы докопаться до истины, сколько для того, чтобы получить подтверждение древнего мнения, зародившегося еще в пятом веке до нашей эры.

Отсюда следует, что учение об эпидемиях, окруженное другими процветающими отраслями медицины, остается одним неплодотворным - можно сказать, чахлым в своем росте. Ведь к весомым мнениям Гиппократа, доктринам Фракасторо, содержащим опыт многострадального Средневековья, и, наконец, наблюдениям Сиденхема добавились лишь

ничтожные и единичные факты. Помимо этих фактов, даже до настоящего времени существуют лишь предположения, которые уже давно можно было бы свести к их первоначальному ничтожеству, если бы возобладал тот серьезный дух исследования, который охватывает пространство и проникает в века.

Никогда не было эпидемии, во время которой не ощущалась бы потребность в более точной информации и не выражалось бы громкое желание ученых познакомиться с тайными источниками столь грандиозных двигателей разрушения. Была ли болезнь нового характера? Дух исследования пробудился среди врачей; и самые выдающиеся из них никогда не испытывали недостатка ни в мужестве, ни в рвении к исследованию. Когда железистая чума впервые заявила о себе как о всеобщей эпидемии, в то время как более пугливые, преследуемые провидческими страхами, заперлись в своих чуланах, некоторые врачи в Константинополе, пораженные этим явлением, вскрывали нарывы умерших. Подобное происходило как в древние, так и в современные времена, не без благоприятных результатов для науки; более того, зрелые взгляды возбуждали страстное желание познакомиться с подобными или еще более значительными посещениями древних; но поскольку более поздние века всегда любили ссылаться на греческую древность, ученые тех времен, исходя из частичного и скудного пристрастия, довольствовались описаниями Фукидида, даже там, где природа раскрывала в бесконечном разнообразии действие своих сил.

Эти исследования, если они действительно заслуживали такого названия, никогда не были научными или всеобъемлющими. Они никогда не захватывали лишь часть, и едва прекращалась смертность, как едва пробудившееся рвение возвращалось к своему прежнему безразличию к интересным явлениям природы, подобно тому как воздержание, которое во время эпидемий всегда практиковалось лишь как вынужденная добродетель, уступало место безудержному потворству, как только опасность миновала. Это непостоянство может напомнить нам о благочестивых византийцах, которые после землетрясения 529 года, предвещавшего великую эпидемию, тысячами простерлись перед своими алтарями и старались превзойти друг друга в христианском самоотречении и благожелательности; но едва они почувствовали твердую почву под ногами, как снова без угрызений совести предались всем порокам метрополии. Можно ли простить мне это сравнение научного рвения с другими человеческими возбуждениями? Увы, это добродетель, которую мало кто практикует ради нее самой, и которая, как и любая другая, нуждается в стимулах страха и награды.

Но мы вынуждены признать, что среди наших предшественников-медиков эти стимулы едва ли были достаточно мощными, чтобы побудить их оставить нам косвенные и научные отчеты о современных эпидемиях, которые, тем не менее, даже в исторические времена поражали, почти бесчисленными визитами, весь человеческий род. Им и в голову не приходило занять более возвышенную позицию, с которой они могли бы одним взглядом постичь эти потрясающие явления органической коллективной жизни, в которых мощно и чудесно движется весь дух человечества, и таким образом рассматривать их как единое целое, в котором можно было бы предугадать или воспринять высшие законы природы, объединяющие все многообразие отдельных частей.

Здесь в медицинской науке возникает широкая и почти бездонная пропасть, которую в наш век зрелых суждений и разностороннего образования нельзя, как раньше, упускать из виду. Только история может заполнить ее; только она может придать учению о болезнях то значение, без которого его применение ограничивается сиюминутными событиями; в то время как развитие явлений жизни в течение длительных периодов является не меньшей

проблемой исследования для философа, который делает своим предметом безграничную науку о природе, чем обороты планеты, на которой мы движемся. В этой области исследования сами камни имеют свой язык, и на них еще читаются надписи, которые еще до создания человека были выгравированы органической жизнью в дивных формах на вечных скрижалях. Возвышенные идеи памятников первобытной древности здесь возбуждаются, а формы доземных путей и творений природы вызываются из глубины земли, чтобы бросить свой яркий свет на поверхность настоящего.

Медицина простирается не так далеко. Останки животных действительно знакомят нас с болезнями, которым животное существо подвергалось задолго до того, как воды перелились через край, а горы затонули; но исследование, которое является нашим более непосредственным объектом, едва ли доходит до начала человеческой культуры. Записи отдаленных и близких эпох лежат перед нами в богатом изобилии. Они говорят об отклонениях и разрушениях человеческой жизни, об истребленных и вновь образовавшихся народах; они кладут перед нами грандиозные факты, которые мы призваны распознать и объяснить, чтобы решить эту возвышенную проблему. Если врачи не могут похвастаться тем, что разворачивают эти записи с жадностью истинных исследователей природы, они могут найти оправдание в характере расследования - ведь символы мертвы, а духи, для которых они являются магическими символами, проявляют себя только для того, кто знает, как их вызвать. Эпидемии не оставляют телесных следов, поэтому их история, возможно, более интеллектуальна, чем наука геолога, который, со своей стороны, имеет преимущество в том, что занимается предметами, поражающими чувства и потому более привлекательными, - такими, как слепки растений, которые больше не существуют, и скелеты исчезнувших рас животных. Это, однако, не освобождает нас от обвинения в пренебрежении нашей наукой в квартале, где должны быть раскрыты самые важные факты. Пора наверстать упущенное, если мы не хотим остаться праздными и подлыми на фоне других натуралистов.

Этими и подобными размышлениями, а также событиями я был воодушевлен, когда взялся за написание истории "Черной смерти". С некоторой тревогой я отправил эту книгу в мир, поскольку вряд ли можно было ожидать, что она будет везде принята с благосклонностью, ведь она относилась к доселе неизвестному отделу исторических исследований, полезность которых в наше практическое время может быть не очевидна. Однако вскоре я получил поддержку не только от ученых друзей, но и от других людей с выдающимися заслугами, на чье мнение я очень полагался; таким образом, у меня появилась надежда, что я не напрасно и без некоторой пользы для науки раскрыл мрачную картину давно ушедшего века.

В продолжение этой работы я написал трактат о нервном расстройстве, которое впервые проявилось в том же веке в виде эпидемии, с симптомами, которые можно объяснить только духом средневековья, - симптомами, которые, в результате распространения болезни среди тысяч людей и ее распространения на протяжении более двух столетий, оказали демоническое влияние на человеческую расу, все еще находящуюся в тесном, хотя и недружественном союзе с более добрыми чувствами. Я подготовил материалы для различных других тем, насколько позволяют имеющиеся в моем распоряжении ресурсы, и могу надеяться, что при благоприятном стечении обстоятельств смогу постепенно завершить историю более обширной серии эпидемий по тому же плану, что и "Черная смерть" и "Пляшущая мания".

Среди накопленных материалов, которые предоставляют прошлые века, силы и жизнь одного человека, даже с помощью предыдущего исследования, недостаточны для завершения всеобъемлющей истории эпидемий. Необходимо приложить усердие многих , чтобы в кратчайшие сроки получить труд, который так необходим, чтобы не встречать новые

эпидемии с повинным незнанием аналогичных явлений. Как часто при вспышке эпидемий возникало ощущение, что опыт многих веков был накоплен напрасно. Люди с изумлением взирали на явления и, еще не разобравшись в их природе, высказывали свои мнения, которые, разделившись на резко противоположные партии, защищали со всей пылкостью фанатиков, совершенно не осознавая величия всевластной природы. В описательных отраслях естественной истории человек, пытающийся описать какой-либо доселе неизвестный природный продукт, животный или растительный, если он не знает родственных родов и видов и, возможно, не является ни ботаником, ни зоологом, неизбежно подвергнет себя жесточайшему порицанию; аналогичное невежество в отношении эпидемий у тех, кто все же обсуждал их природу, случалось слишком часто, и люди были невосприимчивы к справедливым упрекам. Так было всегда, и по этой причине мы не можем применить к себе в этом отделе знаменательные слова Бэкона, что мы - древние, а наши предки - современные, ибо мы одинаково далеки с ними от научного и всестороннего знания об эпидемиях. Это могло бы и должно быть иначе в эпоху, которая в других отношениях может справедливо похвастаться богатым разнообразием знаний и быстрым прогрессом в естественных науках.

Если в форме обращения к врачам Германии я выражаю желание увидеть исправление столь печального положения вещей, то характер предмета требует, чтобы, за исключением все еще преобладающей холеры, для исследования были выбраны замечательные всеобщие эпидемии. Они образуют грандиозные эпохи, в соответствии с которыми, естественно, распределяются эпидемии, менее обширные, но от этого не менее достойные наблюдения. Далеко не всегда я могу рекомендовать какую-то определенную серию или даже план и метод, которых следует придерживаться при изучении этого предмета. Возможно, было бы, в целом, наиболее выгодно, если бы мои уважаемые коллеги, отвечающие на эту просьбу, начали с тех эпидемий, по которым они располагают полными материалами, и полностью в соответствии с их собственным планом, не принимая никаких образцов для подражания, поскольку таким образом простая историческая истина будет получена наилучшим образом. Если, однако, окажется невозможным дать исторические описания целых эпидемий, что часто сопряжено с трудностями, интересные фрагменты всех видов, для которых имеются богатые сокровища в MSS. и скудные работы в различных местах, будут не менее желанны и полезны для великой цели подготовки коллективной истории эпидемий.

В настоящее время может показаться, что для осуществления такого начинания не хватает самых необходимых предварительных условий. Изучение истории медицины повсеместно находится на низком уровне; во Франции и Англии почти не осталось следов, к серьезнейшему ущербу для всей области медицины; в Германии тоже мало кто подозревает, какие неисчерпаемые запасы поучительной истины дремлют в их власти; они, возможно, относят их к теоретическим доктринам и одобряют кропотливое исследование их, не желая признать их дух. Ни один из университетов Германии, чьим делом должно быть заботиться в этом отношении о процветании вверенного им наследства, не может похвастаться профессорской кафедрой истории медицины; Более того, во многих из них она настолько неизвестна, что даже не рассматривается как объект второстепенной важности, так что следует ожидать, что слава немецкой эрудиции, по крайней мере в области медицины, может постепенно исчезнуть, и наши медицинские знания станут такими же практичными, но в то же время такими же механическими и дефектными, как во Франции и Англии. Даже те благородные учреждения, Академии, в которых все еще живет дух восемнадцатого века и чьей особенностью является изучение богатых страниц науки, не занялись историей эпидемий и своим молчанием поощряют необоснованное и вредное предположение, что эта область пустынна и неплодотворна.

Все эти препятствия действительно велики, но для решительных и настойчивых усилий они не являются непреодолимыми; и, хотя мы не можем скрыть их от самих себя, мы не должны позволять им подавлять наш дух. В Германии достаточно интеллектуальной силы, чтобы преодолеть их; пусть эта сила объединится и проявит себя в активной совместной деятельности. Рано или поздно перед медицинской наукой должна открыться новая дорога. Если это время еще не пришло, я, по крайней мере, попытался выполнить свой долг, попытавшись указать ее будущее направление.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТРАНИЦА
Общее предисловие	v
Обращение Геккера	ix
ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ.	
Предисловие переводчика	xxiii
Предисловие	xxvii
ГЛАВА I.	
Общие замечания	1
ГЛАВА II.	
Болезнь	2
ГЛАВА III.	
Причины - распространение	11
ГЛАВА IV.	
Смертность	21
ГЛАВА V.	
Моральные последствия	32
ГЛАВА VI.	
Врачи	50
Приложение:-	
I. Древняя песня флагеллантов	68
II. Допрос евреев, обвиненных в отравлении колодцев	74
МАНИЯ ТАНЦА.	
Предисловие переводчика	81
Предисловие	85

ГЛАВА I.
ТАНЦЕВАЛЬНАЯ МАНИЯ В ГЕРМАНИИ И НИДЕРЛАНДАХ.
Раздел 1. Танец святого Иоанна 87
2.- Танец святого Витта 91
3.- Причины 94
4.-Древние танцевальные чумы 97
5.-Физики 100
6.- Упадок и прекращение танцевальной чумы 103
ГЛАВА II.
ТАНЦЕВАЛЬНАЯ МАНИЯ В ИТАЛИИ.
Раздел 1. Тарантизм 107
2.- Древнейшие следы.- Причины 110
3.-Увеличение 116
4.-Идиосинкразии.-Музыка 119
5.-Истерия 126
6.-Снижение 129
ГЛАВА III.
ТАНЦЕВАЛЬНАЯ МАНИЯ В АБИССИНИИ.
Раздел. 1.- Тигретье 133
ГЛАВА IV.
Симпатия 139
Приложение:-
I. Отрывок из "Жития Григория XI." и др. 153
II. Из "Chronicon Magnum", &.c. 154
III. Из "Лимбургской хроники" и т. д. 155
IV. Из "Хроники ван Коэллена" и т. д. 156
V. Из "Отчета о конвульсивных заболеваниях в Шотландии" и др. 157
VI. Музыка для танца тарантасов и т. д. 167

ПОТЛИВАЯ БОЛЕЗНЬ.
Предисловие 177
ГЛАВА I.
ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ. 1485.
Раздел 1. Извержение 181
2.-Врачи 185
3.-Причины 187
4.-Другие эпидемии 188
5.-Армия Ричмонда 190

6.-Природа потливой болезни - предварительное расследование 191

ГЛАВА II.
ВТОРОЕ ПОСЕЩЕНИЕ. 1506.

Раздел 1. Наемные войска 193

2.- Новые обстоятельства 196

3.- Болезнь потливости 197

4.-Сопутствующие явления 198

5.-Петехиальная лихорадка в Италии. 1505 199

6.-Другие болезни 203

7.-Кровяные пятна 205

ГЛАВА III.
ТРЕТЬЕ ПОСЕЩЕНИЕ. 1517.

Раздел 1.- Бедность 208

2.- Болезнь потения 209

3.-Причины 211

4.-Привычки англичан 212

5.-Контагиоз 215

6.-Флюэнцы 218

7.-Эпидемии 1517 года 223

ГЛАВА IV.
ЧЕТВЕРТОЕ ПОСЕЩЕНИЕ. 1528, 1529.

Раздел 1. Уничтожение французской армии перед Неаполем, 1528 год 228

2.-Трусс-Галант во Франции, 1528 год и последующие годы 235

3.- Потливая болезнь в Англии, 1528 г. 238

4.-Природные явления.-Прогностика 240

5.- Потливая болезнь в Германии, 1529 г. 246

6.---------- Нидерланды 254

7.----------Дания, Швеция и Норвегия 255

8.-Террор 257

9.-Моральные последствия 261

10.-Врачи 264

11.- Памфлеты 270

12.-Форма болезни 278

ГЛАВА V.
ПЯТОЕ ПОСЕЩЕНИЕ. 1551.

Раздел 1. Извержение 290

2.-Продолжительность и длительность 291
3.-Причины.-Природные явления 295
4.-Болезни 297
5.-Джон Кей 301
ГЛАВА VI.
ПОТЛИВЫЕ БОЛЕЗНИ.
Раздел 1. Сердечная болезнь древних. (Morbus Cardiacus.) 306
2.- Пот Пикардии. (Suette des Picards-Suette Miliaire.) 315
3.- Потливая болезнь Реттингена. 324
Хронологический обзор 330
Каталог произведений, на которые имеются ссылки 339

Appendix.-A Boke, or Counseill against the Disease commonly called the Sweate, or Sweatyng Sicknesse. Ихон Кайус 353

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Читая рассказ доктора Геккера о Черной смерти, уничтожившей столь значительную часть человечества в XIV веке, я был поражен не только своеобразием взглядов автора, но и интересным характером собранных им фактов. Некоторые из них никогда прежде не становились общеизвестными, другие же ушли из памяти, будучи вычеркнуты из нее последующими событиями подобного рода, которые, хотя на самом деле имеют меньший масштаб и значение, в перспективе времени представляются более значительными, поскольку произошли ближе к нашим дням.

Как бы ни был ужасен описанный здесь мор, и мало где он был более ужасен, чем в Англии, наши современные историки лишь слегка упоминают о его посещении: Хьюм считает достаточным посвятить ему один абзац, а Генри и Рапин столь же кратки.

Поэтому, возможно, для медиков и даже для широкого читателя не будет неприемлемым получить достоверный и несколько подробный отчет об одном из величайших природных бедствий, когда-либо обрушивавшихся на человеческую расу.

Однако главным мотивом для перевода этой небольшой работы, да еще в данный период, было желание, чтобы при изучении причин, породивших и распространивших всеобщие моры, а также моральных последствий, к которым они привели, были приняты наиболее широкие взгляды. Контагионист и антиконтагионист могут найти достаточную поддержку своим убеждениям в конкретных случаях; Но при построении теории, достаточно всеобъемлющей для объяснения происхождения и распространения универсальных болезней, мы не только увидим недостаточность любой из доктрин, взятых по отдельности, но и, признав совместное влияние обеих, даже тогда обнаружим, что наши взгляды слишком узки, и будем вынуждены, в наших попытках объяснить факты, признать существование неизвестных сил, совершенно не связанных ни с общением через контакт, ни с атмосферным загрязнением.

Я ни в коем случае не хочу, чтобы меня поняли, что я принял взгляды автора на астральные и теллурические влияния, первые из которых, по крайней мере, я считал давно преданы забвению вместе с алхимией и магией; тем более я не готов согласиться с его представлением, или, скорее, с древним представлением, заимствованным с Востока и возрожденным им, об органической жизни в системе Вселенной. Мы постоянно получаем доказательства того, что то, что влияет на жизнь, само не является живым; И независимо от того, обращаем ли мы внимание на землю для выдохов, на воздух для электрических явлений, на небесные тела для влияния на нашу планету, или на все эти причины вместе взятые для формирования какого-то неизвестного принципа, вредного для существования животных, все же, если мы основываем наши рассуждения на установленных фактах, мы не можем увидеть ничего в этом огромном поле для физических исследований, что не управлялось бы, очевидно, законами инертной материи - ничего, что напоминало бы регулярную последовательность рождения, роста, распада, смерти и возрождения, наблюдаемую в организованных существах. Поэтому предполагать причины, существование которых мы не можем доказать, чтобы объяснить эффекты, которые, в конце концов, они не объясняют, - это не реальный прогресс в знаниях, и вряд ли его можно рассматривать иначе, чем косвенный метод признания нашего невежества.

Тем не менее, я считаю мнения автора, проиллюстрированные рядом интересных фактов, старательно собранных из достоверных источников, по крайней мере, достойными изучения, прежде чем мы их отвергнем, и ценными, поскольку они дают обширные данные, на которых можно строить новые теории.

У меня есть и другая, возможно, позволю себе сказать, более веская причина представить моим соотечественникам это повествование о страданиях прошлых веков, - чтобы, сравнив их с теми, что выпали на долю нашего времени, мы могли еще лучше осознать, насколько легка карающая рука Провидения на нынешнее поколение и как много оснований, следовательно, у нас есть, чтобы чувствовать благодарность за оказанную нам милость.

С этой целью публикация была намеренно несколько отложена, чтобы она появилась в тот момент, когда можно предположить, что мысли людей будут особенно направлены на приближающийся час публичного благодарения, и когда знание о том, чего они избежали, а также о том, что они претерпели, может усилить их благочестивые чувства по этому торжественному случаю.

Когда мы узнаем, что в XIV веке за четыре года была уничтожена по меньшей мере четверть населения старого мира, а некоторые страны, в том числе Англия, за несколько месяцев потеряли более чем вдвое больше жителей, мы можем поздравить себя с тем, что наше

посещение не было подобно их, и не заслужим насмешек, если вознесем смиренную благодарность "Творцу и Хранителю всего человечества" за наше избавление.

Мы также не посрамим своих чувств, если в качестве компенсации за оскорбления и недоброжелательность, которыми общественность так щедро одарила медицинскую профессию, мы испытаем легкое чувство благодарности к тем членам общества, которые, рискуя жизнью и жертвуя личными интересами, пытались остановить развитие зла и облегчить страдания своих собратьев.

В конце приложения я добавил несколько выдержек из небольшого труда, написанного черным шрифтом, под названием "Бок или совет против болезни, обычно называемой потливостью или потной болезнью", опубликованного Кайусом в 1552 году. Она была написана за три года до его латинского трактата на ту же тему и является настолько причудливой и в то же время настолько иллюстрирующей мнения своего времени и даже четырнадцатого века о причинах всеобщих болезней, что процитированные мной отрывки не могут не развлечь и не научить. Если я и поддался искушению перепечатать большее количество этой любопытной работы, чем было необходимо для моей основной цели, то только из убеждения, что читателю будет полезно узнать некоторые подробности об образе жизни в шестнадцатом веке, а также понаблюдать за тем, как автор осуждает вырождение и легковерие эпохи, в которой он жил. Его советы по выбору медицинского работника не могут быть слишком настоятельно рекомендованы, по крайней мере, *врачом*; а его предостережение против шарлатанства, особенно шарлатанства *художников*, которые "за спиной у вас разбрасывают (*quære* score?) свои лекарства, настолько мерзкие, что мне стыдно их называть", кажется вполне пророческим.

В заключение я хотел бы признать долг, которым я обязан моему другу мистеру Х. Э. Ллойду, чье близкое знакомство с немецким языком и литературой, я надеюсь, будет воспринято как достаточная гарантия того, что в переводе, который он любезно пересмотрел, не осталось очень важных ошибок.

Лондон, 1833.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Перед нами открывается важная страница мировой истории. Она повествует о потрясении рода человеческого, не имеющем себе равных по жестокости и масштабам. В ней говорится о невероятных бедствиях, отчаянии и необузданных демонических страстях. Она показывает нам бездну всеобщей разнузданности, вызванную всеобщей моровой язвой, которая распространилась от Китая до Исландии и Гренландии.

Побуждение раскрыть этот образ давно ушедшей эпохи очевидно. Новый мор достиг почти таких же масштабов и, хотя и менее грозный, частично вызвал, частично обозначил аналогичные явления. Его причины и распространение по Азии и Европе требуют от нас всестороннего рассмотрения, поскольку оно позволяет проникнуть в организм мира, в

котором совокупность органической жизни подчиняется великим силам природы. Человеческие знания еще недостаточно развиты, чтобы обнаружить связь между процессами, происходящими над и под поверхностью земли, или даже полностью изучить те законы природы, знакомство с которыми было бы необходимо; тем более применить их к великим явлениям, в которых одна пружина приводит в движение тысячу других.

С этой стороны, следовательно, такой точки зрения не найти, если мы не хотим потерять себя в дебрях догадок, которыми мир уже слишком переполнен: но ее можно найти в обширном и плодотворном поле исторических исследований.

История, это зеркало человеческой жизни во всех ее проявлениях, предлагает, даже для всеобщих пакостей, неисчерпаемую, хотя и малоисследованную, копилку фактов; и здесь она утверждает свое достоинство, как философия реальности, восхищающаяся истиной.

В соответствии с ее духом общие морские болезни следует рассматривать как события, затрагивающие весь мир, и объяснять их явления сравнением схожего. Таким образом, факты говорят сами за себя, потому что они, по-видимому, исходят из тех высших законов, которые управляют ходом существования человечества. Космическое происхождение и конвульсивное возбуждение, приводящее к самым важным последствиям среди народов, подверженных им, - вот наиболее яркие черты, на которые история указывает во всех всеобщих морах. Они, однако, принимают весьма различные формы, как в своих нападениях на общий организм, так и в своем распространении; в этом отношении заметно развитие от формы к форме, в течение веков, так что история мира делится на большие периоды, в которые преобладали положительно определенные моры. Насколько простираются наши летописи, о них можно получить более или менее определенную информацию.

Но эта часть истории медицины, оказывающая столь многообразное и мощное влияние на историю мира, находится еще в зачаточном состоянии. Ради чести этой науки, которая должна повсюду руководить действиями человечества, мы вынуждены выразить пожелание, чтобы она нашла место для расцвета среди той буйной растительности, которой, к несчастью, заросло поле немецкой медицинской науки.

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ.

ГЛАВА I.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

То всемогущество, которое созвало мир со всеми его живыми существами в единое одушевленное существо, особенно ярко проявляет себя в опустошениях, вызываемых сильными морами. Силы творения приходят в жестокое столкновение; знойная сухость атмосферы, подземные громы, туман переполненных вод - предвестники разрушения. Природа не довольствуется обычным чередованием жизни и смерти, и ангел-разрушитель замахивается на человека и зверя своим огненным мечом.

Эти революции совершаются в огромных циклах, которые дух человека, ограниченный узким кругом восприятия, не в состоянии исследовать. Однако они являются более значительными земными событиями, чем все те, что происходят от раздоров, бедствий или страстей народов. Уничтожая людей, они пробуждают новую жизнь; и когда буря над и под землей заканчивается, природа обновляется, а разум пробуждается от оцепенения и депрессии к сознанию интеллектуального существования.

Если бы в какой-то степени человеческие исследования были в состоянии составить в яркой и связной форме исторический очерк таких могущественных событий, как это делают историки войн и сражений, а также миграций народов, мы могли бы тогда прийти к ясным взглядам в отношении умственного развития человеческой расы, и пути Провидения стали бы более очевидными. Тогда стало бы очевидным, что на разум народов оказывает глубокое влияние разрушительный конфликт сил природы, и что великие катастрофы приводят к поразительным изменениям в общей цивилизации. Ведь все, что есть в человеке, будь то добро или зло, становится заметным при наличии большой опасности. Его самые сокровенные чувства пробуждаются, мысль о самосохранении овладевает его духом, самоотречение подвергается суровому испытанию, и там, где царят тьма и варварство, там испуганный смертный бежит к идолам своего суеверия, и все законы, человеческие и божественные, преступно нарушаются.

В соответствии с общим законом природы, такое состояние возбуждения влечет за собой изменения, благотворные или пагубные, в зависимости от обстоятельств, так что народы либо достигают более высокой степени нравственного достоинства, либо еще глубже погружаются в невежество и порок. Все это, однако, происходит в гораздо больших масштабах, чем обычные превратности войны и мира, возвышения и падения империй, потому что силы природы сами порождают язвы и подчиняют себе человеческую волю, которая в противостоянии народов преобладает одна.

ГЛАВА II.

БОЛЕЗНЬ.

Самым запоминающимся примером того, что было сказано, является великий мор XIV века, который опустошил Азию, Европу и Африку и о котором люди до сих пор хранят воспоминания в мрачных преданиях. Это была восточная чума, характеризующаяся воспалительными фурункулами и опухолями желез, подобных которым не бывает ни при одной другой лихорадочной болезни. Из-за этих воспалительных фурункулов и черных пятен, свидетельствующих о гнилостном разложении, которые появлялись на коже, в Германии и северных королевствах Европы ее называли *Черной смертью*, а в Италии - Великой *смертностью* ()[4]la Mortalega Grande.

О симптомах и течении болезни сохранилось немного свидетельств, но и их достаточно, чтобы пролить свет на форму заболевания, и они заслуживают доверия, поскольку совпадают с признаками той же болезни в наше время.

Имперский писатель Кантакузен[5], чей собственный сын, Андроник, умер от этой чумы в Константинополе, отмечает большие импостумы[6] на бедрах и руках заболевших, которые, когда их вскрывали, приносили облегчение за счет выделения неприятного вещества. Бубоны, которые являются безошибочными признаками восточной чумы, таким образом,

явно указываются, поскольку он отдельно упоминает о небольших нарывах на руках и на лице, а также в других частях тела, и четко отличает их от волдырей[7], которые не менее распространены при чуме во всех ее формах. Во многих случаях по всему телу появлялись черные пятна[8], либо одиночные, либо объединенные и сливающиеся.

Эти симптомы встречались не во всех случаях. Во многих случаях только одного из них было достаточно, чтобы наступила смерть, в то время как некоторые пациенты, вопреки ожиданиям, выздоравливали, хотя были поражены всеми. Симптомы поражения цефалии были частыми; многие пациенты впадали в оцепенение и погружались в глубокий сон, теряя речь из-за паралича языка; другие оставались без сна и отдыха. Слизистые оболочки и язык были черными и как будто налитыми кровью; никакие напитки не могли утолить жгучую жажду, так что страдания продолжались без облегчения до самой смерти, которую многие в своем отчаянии ускоряли собственными руками. Заразительность болезни была очевидна, так как больные заражали своих родственников и друзей, и многие дома в столице лишились даже последнего обитателя. Таким образом, произошли обычные обстоятельства, характерные только для восточной чумы. Однако с этой чумой были связаны еще более глубокие страдания, такие, каких не испытывали в другие времена; органы дыхания были охвачены гнилостным воспалением; сильная боль в груди атаковала больного; кровь отхаркивалась, а дыхание распространяло ядовитый запах.

На Западе при вспышке этой болезни преобладали следующие симптомы[9]. Жгучая лихорадка, сопровождаемая отхождением крови, приводила к летальному исходу в первые три дня. Похоже, что бубоны и воспалительные фурункулы сначала вообще не появлялись, а болезнь в виде карбункулярного (*сибиреязвенного*) поражения легких приводила к уничтожению жизни еще до появления других симптомов.

Так чума свирепствовала в Авиньоне в течение шести или восьми недель, и язвенное дыхание больных, отхаркивавших кровь, вызывало страшную заразу вдали и вблизи; ведь даже соседство с заболевшими чумой означало верную смерть[10], так что родители бросали своих зараженных детей, и все родственные связи были разорваны. После этого периода появились бубоны в подмышечной впадине и в паху, а также воспалительные нарывы по всему телу; но только через семь месяцев после этого некоторые пациенты выздоровели с созревшими бубонами, как при обычной, более легкой форме чумы.

Таков отчет отважного Ги де Шольяка, который подтвердил честь медицины, бросив вызов опасности, смело и постоянно оказывая помощь больным и презрев оправдания своих коллег, придерживавшихся арабского мнения, что медицинская помощь бесполезна, а зараза оправдывает бегство. Он дважды видел чуму в Авиньоне: сначала в 1348 году, с января по август, а затем двенадцать лет спустя, осенью, когда она вернулась из Германии и в течение девяти месяцев сеяла всеобщее бедствие и ужас. В первый раз она свирепствовала в основном среди бедняков, а в 1360 году - больше среди высших сословий. Теперь она также уничтожила множество детей, которых раньше щадила, и лишь немногих женщин.

Подобное наблюдалось и в Египте[11]. Здесь также преобладало воспаление легких, которое уничтожало быстро и безошибочно, со жгучим жаром и отхаркиванием крови. Дыхание больных также распространяло смертельную заразу, и человеческая помощь была столь же тщетной, сколь и губительной для тех, кто приближался к зараженному.

Боккаччо, который был очевидцем невероятной смертоносности этой болезни во Флоренции , месте возрождения науки, дает более живое описание приступа болезни, чем его современники, не занимавшиеся медициной[12].

Она начиналась здесь не так, как на Востоке, с кровотечения из носа, верного признака неизбежной смерти; но вначале, как у мужчин, так и у женщин, появлялись опухоли в паху и в подмышечной впадине, в окружности достигавшие размера яблока или яйца и называвшиеся в народе паразитами (gavoccioli). Затем подобные опухоли появлялись без разбора на всех частях тела, а на руках или бедрах, или на других частях появлялись черные или синие пятна, либо одиночные и крупные, либо мелкие и густо усыпанные. Эти пятна оказались столь же смертельными, как и нарывы от паразитов, которые с самого начала считались верным признаком смерти[13]. Никакие лекарства не приносили облегчения - почти все умирали в течение первых трех дней, некоторые раньше, некоторые позже, после появления этих признаков, и в большинстве случаев совершенно без лихорадки[14] или других симптомов. Чума распространялась с еще большей яростью, передаваясь от больных к здоровым, как огонь среди сухого и жирного топлива, и даже контакт с одеждой и другими предметами, которыми пользовались зараженные, казалось, вызывал болезнь. По мере ее распространения заболевали и вскоре умирали не только люди, но и животные, если они прикасались к вещам, принадлежавшим больным или мертвым. Так, Боккачио сам видел, как две свиньи, сидевшие на тряпках умершего от чумы человека, после непродолжительного шатания упали замертво, как будто приняли яд. В других местах множество собак, кошек, птиц и других животных стали жертвами заразы[15]; следует предположить, что имели место и другие эпизоотии среди животных, хотя невежественные писатели XIV века об этом умалчивают.

В Германии во всех отношениях повторились те же явления. Там, как и везде, были обнаружены безошибочные признаки восточной бубонной чумы с ее неизбежным заражением; но смертность была не столь велика, как в других частях Европы[16]. Не во всех отчетах упоминается отхаркивание крови, диагностический симптом этой смертельной чумы; однако мы не должны из этого делать вывод о значительном смягчении или изменении болезни, поскольку мы должны учитывать не только дефектность хроник, но и то, что отдельные свидетельства часто противоречат многим другим. Так, хроникам Страсбурга, в которых говорится только о нарывах и набухании желез в подмышечных впадинах и пахах[17], противостоит другой рассказ, согласно которому смертельное сплевывание крови встречалось в Германии[18]; Но и это вызывает подозрения, поскольку рассказчик откладывает смерть тех, кто был таким образом поражен, до шестого и (даже) восьмого дня, тогда как ни один другой автор не санкционирует столь длительное течение болезни; и даже в Страсбурге, где смягчение чумы можно предположить с большой вероятностью, поскольку в 1349 году было унесено всего 16 000 человек, большинство умерло на третий или четвертый день[19]. В Австрии, особенно в Вене, чума была столь же злокачественной, как и везде, так что больные с красными пятнами и черными нарывами, а также с опухолевидными железами умирали примерно на третий день[20]; и, наконец, на побережье Северного моря и в Вестфалии очень часто случались внезапные смерти без дальнейшего развития болезни[21].

Во Францию эта чума пришла в северном направлении из Авиньона и была там более разрушительной, чем в Германии, так что во многих местах в живых осталось не более двух из двадцати жителей. Многих поражало, словно молнией, и они умирали на месте, причем чаще молодые и сильные, чем старые; больные с увеличенными железами в подмышечных впадинах и пахах едва выдерживали два-три дня: и не успевали эти роковые признаки проявиться, как они прощались с миром и искали утешения лишь в отпущении грехов, которое папа Климент VI обещал им в час смерти[22].

В Англии болезнь проявлялась, как и в Авиньоне, с отхаркиванием крови и с той же фатальностью, так что больные, страдавшие либо от этого симптома, либо от рвоты кровью,

умирали в одних случаях сразу, в других - через двенадцать часов или, самое позднее, через два дня[23]. Воспалительные нарывы и пузыри в паху и подмышечных впадинах были сразу же признаны предвещающими фатальный исход, и те, у кого они появлялись в большом количестве по всему телу, теряли всякую надежду на выздоровление. Только ближе к концу чумы осмелились вскрыть разрезом эти твердые и сухие нарывы, когда из них в небольшом количестве вытекала материя, и таким образом, принудив природу к критическому нагноению, спасли многих пациентов. Каждое место, к которому прикасался больной, его дыхание, его одежда распространяли заразу; и, как и во всех других местах, обслуживающий персонал и друзья, которые либо были слепы к их опасности, либо героически презирали ее, падали жертвой своего сочувствия. Даже глаза больного считались источниками заразы[24], способной действовать на расстоянии, то ли из-за их неуместного блеска или искажения, которому они всегда подвергаются при чуме, то ли в соответствии с древним представлением, согласно которому зрение считалось носителем демонического очарования. Бегство из зараженных городов редко помогало страждущим, так как зародыш болезни прилипал к ним, и они заболевали вдали от помощи, в уединении своих загородных домов.

Таким образом, чума распространялась по Англии с беспримерной быстротой после того, как она впервые вспыхнула в графстве Дорсет, откуда продвинулась через графства Девон и Сомерсет до Бристоля, а затем достигла Глостера, Оксфорда и Лондона. Вероятно, немногие места спаслись, а может быть, и ни одно; ведь летописи современников сообщают, что по всей стране в живых осталась лишь десятая часть жителей[25].

Из Англии заразу перевезли на корабле в Берген, столицу Норвегии, где чума разразилась в самой страшной форме, с рвотой кровью, и по всей стране, пощадив не более трети жителей. Моряки не находили убежища на своих кораблях; часто можно было видеть, как по океану разъезжают и дрейфуют к берегу суда, экипажи которых погибли до последнего человека[26].

В Польше на зараженных нападало кровохарканье, и они умирали за несколько дней в таком огромном количестве, что, как утверждали, от жителей оставалась едва ли четвертая часть[27].

Наконец, в России чума появилась на два года позже, чем в Южной Европе, но опять-таки с теми же симптомами, что и в других местах. Русские современники записали, что она начиналась с окоченения, жара и пронизывающей боли в плечах и спине, что она сопровождалась отхаркиванием крови и заканчивалась смертельным исходом через два, максимум три дня. Только в 1360 году мы находим упоминания о пузырях, возникающих на шее, в подмышечных впадинах и в паху, которые, как утверждается, появлялись, когда отхаркивание крови продолжалось некоторое время. Однако, судя по опыту Западной Европы, нельзя утверждать, что эти симптомы не появлялись в более ранний период[28].

Такова краткая информация о природе Черной смерти, полученная из достоверных источников. Приведенные описания содержат, за несколькими несущественными исключениями, все симптомы восточной чумы, которые наблюдались в более современные времена. В этом вопросе не может быть никаких сомнений. Факты ясно видны перед нашими глазами. Мы должны, однако, помнить, что эта жестокая болезнь не всегда проявляется в одной и той же форме, и что, хотя сущность яда, который она производит и который так обильно выделяется из тела больного, остается неизменной, она протеифицирована в своих разновидностях, от почти незаметной везикулы, не сопровождаемой лихорадкой, которая

существует некоторое время, прежде чем она распространит свой яд внутрь, а затем возбудит лихорадку и бубоны, до смертельной формы, в которой карбункулярные воспаления падают на самые важные внутренности.

Именно такую форму приняла чума в XIV веке, ибо сопутствующее заболевание грудной клетки, проявившееся во всех странах, о которых мы получили хоть какие-то сведения, при сравнении с аналогичными и знакомыми симптомами не может рассматриваться иначе, как воспаление легких современной медицины[29], болезнь, которая в настоящее время проявляется лишь спорадически и, благодаря гнилостному разложению жидкостей, вероятно, сочетается с кровотечениями из сосудов легких. Так как каждый карбункул, будь то кожный или внутренний, в изобилии выделяет заразную материю, которая его породила, то, следовательно, дыхание пораженных должно было быть ядовитым при этой чуме, и по этой причине его заразительная сила удивительно возросла; Поэтому неопровержимо мнение, что из-за скопления больных заражались не только отдельные палаты и дома, но и целые города, которые, к тому же, в средние века были, за редким исключением, тесно построены, содержались в грязном состоянии и были окружены застойными канавами[30]. Бегство, следовательно, было бесполезно для робких людей; ведь даже если они старательно избегали всякого общения с больными и подозреваемыми, их одежда была пропитана вредоносной атмосферой, и каждое вдохновение передавало им семена губительной болезни, которые, в большинстве случаев, прорастали с излишней плодовитостью. К этому следует добавить обычное распространение чумы через одежду, постели и тысячи других вещей, к которым прилипает яд моровой язвы, - распространение, которое из-за отсутствия осторожности должно было бесконечно умножаться; а поскольку предметы такого рода, удаленные от доступа воздуха, не только сохраняют заразную материю на неопределенный срок, но и усиливают ее активность и порождают ее, как живое существо, страшные плохие последствия последовали в течение многих лет после того, как первая ярость моровой язвы прошла.

Поражение желудка, часто упоминаемое в туманных выражениях, а иногда и как рвота кровью, несомненно, было лишь подчиненным симптомом, даже если признать, что гематемезис действительно имел место. Ведь для немедиков трудность отличить поток крови из желудка от легочного отхаркивания этой жидкости даже в обычных случаях немалая. Насколько же сильнее она должна была быть при такой страшной болезни, когда помощники не могли решиться подойти к больному, не подвергая себя верной смерти? До нас дошли только два медицинских описания этой болезни: одно - отважного Ги де Шолиака, другое - Раймона Шалина де Винарио, очень опытного ученого, хорошо знакомого с наукой своего времени. Первый обращает внимание только на смертельный кашель с кровью; второй, помимо этого, отмечает эпистаксис, гематурию и потоки крови из кишечника как симптомы столь явной и быстрой смертности, что те пациенты, у которых они наблюдались, обычно умирали в тот же или на следующий день[31].

То, что рвота кровью не могла иметь место, возможно, даже была распространена во многих местах, ни в коем случае нельзя отрицать, исходя из природы болезни; ведь любое гнилостное разложение жидкостей порождает склонность к кровотечениям всех видов. Здесь, однако, речь идет об исторической достоверности, которая, после этих сомнений, ни в коем случае не установлена. Если бы не столь быстрая смерть, последовавшая за отхаркиванием крови, мы, несомненно, получили бы более подробные сведения о других кровоизлияниях; но болезнь не успела распространить свое действие дальше, на конечности сосудов. Однако после того, как первый приступ ярости прошел, болезнь перешла в обычную лихорадочную форму восточной чумы. Внутренних карбункулярных

воспалений больше не , а кровоизлияния стали явлениями, не более существенными при этом, чем при других лихорадочных заболеваниях. Чалин, который наблюдал не только *большую смертность* 1348 года и чуму 1360 года, но и 1373 и 1382 годов, говорит о *поражении горла* и описывает *черные пятна* у больных чумой более удовлетворительно, чем любой из его современников. Первые появлялись лишь в редких случаях и заключались в карбункулярном воспалении глотки с затруднением глотания, вплоть до удушья, к которому в некоторых случаях добавлялось воспаление церуминозных желез ушей с опухолями, вызывающими сильное уродство. У таких пациентов, как и у других, наблюдалось отхаркивание крови; но обычно они умирали не раньше шестого, а иногда и до четырнадцатого дня[32]. Подобное явление, как известно, нередко встречается и при других чумах; так же как и волдыри на поверхности тела, в разных местах, вблизи которых возникали опухолевидные железы и воспалительные нарывы, окруженные обесцвеченными и черными полосами, что свидетельствовало о приеме яда. Эти полосатые пятна назывались, по меткому сравнению, *опоясывающими*, и этот вид справедливо считался чрезвычайно опасным[33].

ГЛАВА III.

ПРИЧИНЫ - РАСПРОСТРАНЕНИЕ.

Исследование причин Черной смерти не может не дать важных результатов в изучении чумы, которая посетила мир, хотя оно не может продвинуться дальше обобщения, не заходя в область до сих пор неосвоенную и, по сей день, совершенно неизвестную. Ему предшествовали мощные революции в организме Земли, о которых мы имеем достоверные сведения. От Китая до Атлантики основы земли были потрясены, во всей Азии и Европе атмосфера была в смятении и подвергала опасности своим пагубным влиянием как растительную, так и животную жизнь.

Череда этих великих событий началась в 1333 году, за пятнадцать лет до того, как чума вспыхнула в Европе: впервые они проявились в Китае. Здесь на территории, омываемой реками Кианг и Хоай, началась изнурительная засуха, сопровождавшаяся голодом. За этим последовали такие сильные ливни в Кинсае и его окрестностях, тогдашней столице империи, что, по преданию, более 400 000 человек погибли от наводнения. В конце концов гора Цинчеу обрушилась, и в земле образовались огромные расщелины. В следующем году (1334), минуя сказочные предания, наводнения посетили окрестности Кантона, а в Тче, после беспримерной засухи, разразилась чума, которая, как говорят, унесла около 5 000 000 человек. Через несколько месяцев после этого последовало землетрясение в Кинсае и его окрестностях; после обвала гор Ки-мин-чан образовалось озеро более ста лиг в окружности, где снова нашли свою могилу тысячи людей. В Хоу-куанге и Хо-нане в течение пяти месяцев царила засуха; бесчисленные стаи саранчи уничтожали растительность, а голод и мор, как обычно, следовали за ними по пятам. Связных рассказов о состоянии Европы перед этой великой катастрофой от писателей XIV века ожидать не приходится. Примечательно, однако, что одновременно с засухой и повторными наводнениями в Китае в 1336 году на севере Франции наблюдалось множество необычных атмосферных явлений, а зимой - частые грозы; и уже в богатом событиями 1333 году произошло извержение Этны[34]. Согласно китайским летописям, в 1337 году в окрестностях Кианга от голода погибло около 4 000 000 человек: ливни, стаи саранчи и землетрясение, которое продолжалось шесть дней, произвели невероятные опустошения. В том же году во Франконии появились первые стаи саранчи,

которые в следующем году сменились мириадами этих насекомых. В 1338 году Кингсай посетило десятидневное землетрясение; в это же время Франция пострадала от неурожая; и с тех пор, вплоть до 1342 года, в Китае постоянно происходили наводнения, землетрясения и голод. В том же году в окрестностях Рейна и во Франции произошли великие наводнения, которые нельзя было объяснить только дождями; повсюду, даже на вершинах гор, пробивались источники, и сухие участки необъяснимым образом оказывались под водой. В следующем году гора Хонг-чанг в Китае обрушилась и вызвала разрушительный потоп; а в Пьен-чеу и Леанг-чеу после трехмесячного дождя последовали неслыханные наводнения, разрушившие семь городов. В Египте и Сирии произошли сильные землетрясения, а в Китае они с этого времени становились все более и более частыми; в 1344 году они повторились в Вен-тчеу, где вследствие этого разлилось море; в 1345 году - в Ки-тчеу, а в оба последующих года - в Кантоне, с подземными громами. Тем временем наводнения и голод опустошали различные районы вплоть до 1347 года, когда ярость стихии в Китае утихла[35].

Признаки земных волнений начались в Европе в 1348 году, после того как, вероятно, таким же образом были посещены промежуточные районы страны в Азии.

На острове Кипр уже разразилась чума с Востока, когда землетрясение потрясло фундамент острова и сопровождалось таким страшным ураганом, что жители, убивавшие своих рабов-магометан, чтобы не быть покоренными ими, в ужасе бежали во все стороны. Море переполнилось, корабли разбились о скалы, и лишь немногие пережили это ужасное событие, в результате которого этот плодородный и цветущий остров превратился в пустыню. Перед землетрясением вредоносный ветер распространил такой ядовитый запах, что многие, одолев его, внезапно падали и умирали в страшных муках[36].

Это явление - одно из самых редких, которые когда-либо наблюдались, ибо ничто не является более постоянным, чем состав воздуха; и ни в одном отношении природа не проявляла большей заботы о сохранении органической жизни. Никогда еще натуралисты не обнаруживали в атмосфере чужеродных элементов, которые, очевидные для органов чувств и переносимые ветрами, распространялись от земли к земле, разнося болезни по целым участкам земли, как это, по преданию, произошло в 1348 году. Поэтому тем больше приходится сожалеть, что в этот необычный период, когда из-за низкого уровня развития науки не хватало точных наблюдателей, было зафиксировано так мало сведений о необычных явлениях в воздухе, на которые можно положиться. Тем не менее, в немецких рассказах прямо говорится, что густой, зловонный туман пришел с востока и распространился над Италией[37]; и в столь явном явлении не могло быть никакого обмана[38]. Достоверность неприкрашенных традиций, как бы мало они ни удовлетворяли физическим исследованиям, едва ли можно поставить под сомнение, если учесть связь событий; ведь именно в это время землетрясения были более распространены, чем когда-либо в истории. В тысячах мест образовались пропасти, из которых вырывались ядовитые пары; а поскольку в то время природные явления превращались в чудеса, сообщалось, что огненный метеор, упавший на землю далеко на востоке, уничтожил все в радиусе более ста лиг, заразив воздух на большое расстояние[39]. Последствия бесчисленных наводнений способствовали тому же эффекту; обширные районы рек превратились в болота; повсюду поднимались дурные испарения, усиленные запахом гнилой саранчи, которая никогда, возможно, не затмевала солнце более густыми стаями[40], и бесчисленных трупов, которые даже в хорошо обустроенных странах Европы не умели достаточно быстро убирать с глаз живых. Поэтому вполне вероятно, что атмосфера в значительной степени содержала чужеродные и ощутимые примеси, которые, по крайней мере в нижних регионах, не могли быть разложены или сделаны неэффективными путем разделения.

Теперь, если вернуться к симптомам болезни, яростное воспаление легких указывает на то, что органы дыхания поддались атаке атмосферного яда - яда, который, если допустить независимое происхождение Черной чумы в каком-либо месте земного шара, в чем при столь необычных обстоятельствах трудно было бы сомневаться, воздействовал на кровообращение столь же враждебным образом, как тот, что вызывает воспаление селезенки, и другие животные инфекции, вызывающие опухание и воспаление лимфатических желез.

Прослеживая дальнейший ход этих грандиозных революций, мы узнаем о беспрецедентном землетрясении, которое 25 января 1348 года потрясло Грецию, Италию и соседние страны. Неаполь, Рим, Пиза, Болонья, Падуя, Венеция и многие другие города значительно пострадали: целые деревни были поглощены. Замки, дома и церкви были разрушены, а сотни людей погребены под их руинами[41]. В Каринтии тридцать деревень вместе со всеми церквями были разрушены; из мусора извлекли более тысячи трупов; город Виллах был настолько полностью разрушен, что спаслись лишь немногие его жители; а когда земля перестала дрожать, обнаружилось, что горы были сдвинуты с места, а многих деревень лежали в руинах[42]. Записано, что во время этого землетрясения вино в бочках помутнело, что можно считать доказательством того, что произошли изменения, вызвавшие разложение атмосферы; но если у нас нет других сведений, на основании которых можно было бы сделать вывод о возбуждении конфликтующих сил природы во время этих волнений, то научные наблюдения в наше время показали, что отношение атмосферы к земле изменяется под воздействием вулканического влияния. Почему же из этого факта мы не можем сделать ретроспективные выводы относительно тех необычных явлений?

Однако независимо от этого мы знаем, что во время этого землетрясения, продолжительность которого, по одним данным, составляла неделю, а по другим - две недели, люди испытывали необычное оцепенение и головную боль, а многие теряли сознание[43].

Эти разрушительные землетрясения распространялись вплоть до окрестностей Базеля[44] и повторялись до 1360 года по всей Германии, Франции, Силезии, Польше, Англии и Дании, а также гораздо дальше на север[45].

Во многих местах появлялись огромные и необычные метеоры, к которым относились с суеверным ужасом. Огненный столб, который 20 декабря 1348 года в течение часа оставался на восходе солнца над дворцом папы в Авиньоне[46]; огненный шар, который в августе того же года был замечен на закате над Парижем и отличался от подобных явлений большей продолжительностью[47], не говоря уже о других случаях, перемешанных с чудесными пророчествами и предзнаменованиями, зафиксированы в хрониках той эпохи.

Порядок времен года, казалось, был изменен, - дожди, наводнения и неурожаи были столь распространены, что лишь немногие места были от них свободны; и хотя один историк этого века уверяет нас, что в житницах и хранилищах было изобилие[48], все его современники в один голос противоречат ему. Последствия неурожая вскоре ощутились, особенно в Италии и близлежащих странах, где в этот год дождь, продолжавшийся четыре месяца, уничтожил посевы. В крупных городах весной 1347 года они были вынуждены прибегнуть к раздаче хлеба среди бедняков, особенно во Флоренции, где они построили большие пекарни, из которых в апреле ежедневно раздавалось девяносто четыре тысячи буханок хлеба, каждая

весом в двенадцать унций[49]. Однако очевидно, что гуманность могла лишь частично смягчить общее бедствие, но не полностью его устранить.

Болезни, неизменное следствие голода, вспыхивали как в деревне, так и в городах; дети умирали от голода на руках у матерей, - нужда, несчастье и отчаяние были всеобщими во всем христианстве[50].

Таковы события, происходившие перед вспышкой Черной чумы в Европе. Современники объясняли их на свой манер и тем самым, как и их потомки, при аналогичных обстоятельствах доказывали, что смертные не обладают ни чувствами, ни интеллектуальными способностями, достаточно острыми, чтобы постичь явления, производимые земным организмом, и тем более научно разобраться в их последствиях. Суеверие, эгоизм в тысяче форм, самонадеянность школ ухватились за несвязанные факты. Они тщетно пытались постичь целое в отдельном человеке и не воспринимали универсальный дух, который в тесном единении с могущественными силами природы одушевляет движения всего сущего и не позволяет ни одному явлению возникнуть из отдельных причин. Попытка спустя пять столетий после той эпохи опустошения указать на причины космической суматохи, которая никогда не повторялась в прежних масштабах, - научно обосновать влияния, вызвавшие столь ужасающий яд в телах людей и животных, - выходит за рамки человеческого понимания. Если мы даже сейчас не в состоянии, используя все разнообразные ресурсы расширенного знания природы, определить то состояние атмосферы, при котором возникают моры, то тем более мы не можем претендовать на то, чтобы рассуждать ретроспективно от девятнадцатого до четырнадцатого века; но если мы возьмем общий взгляд на происшествия, то этот век даст нам обширную информацию, которая, будучи применимой ко всем последующим временам, имеет большое значение.

В ходе развития взаимосвязанных природных явлений, от Востока к Западу, отчетливо проявляется тот великий закон природы, который так часто и наглядно проявлялся в организме Земли, а также в состоянии зависящих от нее народов. В самых глубинах земного шара в 1333 году был дан тот импульс, который непрерывной чередой в течение шести с половиной двадцати лет сотрясал поверхность земли, вплоть до западных берегов Европы. С самого начала воздух принял земное сотрясение, атмосферные воды захлестнули землю, а растения и животные погибли под палящим зноем. Племя насекомых было чудесным образом вызвано к жизни, как будто одушевленным существам было суждено завершить разрушение, начатое астральными и теллурическими силами. Таким образом, эта ужасная работа природы продвигалась из года в год; это была прогрессирующая инфекция Зон, которая оказывала мощное влияние как над, так и под поверхностью земли; и после того, как она была заметна в более слабых проявлениях, в начале земных волнений в Китае, она охватила всю землю.

Природа первой чумы в Китае неизвестна. У нас нет никаких определенных сведений об этой болезни, пока она не проникла в западные страны Азии. Здесь она проявилась как восточная чума с воспалением легких; в этой форме она, вероятно, также могла начаться в Китае, то есть как болезнь, которая распространяется больше, чем любая другая, путем заражения - заражения, которое при обычной чуме требует непосредственного контакта, и только при неблагоприятных обстоятельствах в редких случаях передается при простом приближении к больному. Доля, которую эта причина сыграла в распространении чумы по всей земле, была, безусловно, очень велика: и мнение, что Черную смерть можно было бы исключить из Западной Европы с помощью хороших правил, подобных тем, которые используются сейчас, имело бы все основания для современного опыта, если бы можно было доказать, что эта

чума была действительно завезена с Востока; или что восточная чума вообще, когда бы она ни появилась в Европе, имеет свое происхождение в Азии или Египте. Такое доказательство, однако, ни в коем случае не может быть представлено так, чтобы обеспечить убежденность; ибо оно подразумевало бы невозможное предположение, что либо не существует существенной разницы между степенью цивилизации европейских народов в древнейшие и современные времена, либо что пагубные обстоятельства, которые уступили только цивилизации человеческого общества и регулярному культивированию стран, не могли ранее поддерживать железистую чуму.

Однако чума была известна в Европе еще до того, как народы были объединены узами торговли и социального общения[51]; поэтому есть основания предполагать, что она возникла спонтанно, вследствие грубого образа жизни и невозделанности земли; влияния, которые особенно благоприятствуют возникновению тяжелых заболеваний. Теперь нам нет нужды возвращаться к более ранним векам, так как сам 14-й год, не успев и половины своего срока, был посещен пятью или шестью морами[52].

Если, таким образом, мы примем во внимание то особенное свойство чумы, что в странах, которые она однажды посетила, она остается надолго в более мягкой форме, и что эпидемические влияния 1342 года, когда она появилась в последний раз, были особенно благоприятны для ее незаметного продолжения до 1348 года, мы придем к мысли, что и в этот богатый событиями год в Южной Европе существовали зародыши чумы, которые могли быть оживлены атмосферными ухудшениями; И что таким образом, по крайней мере частично, Черная чума могла возникнуть в самой Европе. Разрушение атмосферы пришло с Востока, но сама болезнь не прилетела на крыльях ветра, а была лишь возбуждена и усилена атмосферой, в которой она существовала ранее.

Однако этот источник Черной чумы был не единственным; ведь гораздо сильнее, чем возбуждение скрытых элементов чумы атмосферными влияниями, было воздействие заразы, передававшейся от одного народа к другому на больших дорогах и в гаванях Средиземноморья. Из Китая путь караванов лежал к северу от Каспийского моря, через Среднюю Азию, в Тавриду. Здесь корабли были готовы доставить продукцию Востока в Константинополь, торговую столицу и средство связи между Азией, Европой и Африкой[53]. Другие караваны шли из Индии в Малую Азию , заходили в города к югу от Каспийского моря, и, наконец, из Багдада через Аравию в Египет; немалое значение имело и морское сообщение по Красному морю из Индии в Аравию и Египет. Во всех этих направлениях зараза проникала в страну; и, несомненно, Константинополь и гавани Малой Азии следует рассматривать как очаги инфекции, откуда она распространялась на самые отдаленные морские порты и острова.

В Константинополь чума была занесена с северного побережья Черного моря[54], после того как она обезлюдела в странах, расположенных между этими торговыми путями; она появилась уже в 1347 году на Кипре, Сицилии, в Марселе и некоторых морских портах Италии. Последовательно были посещены остальные острова Средиземноморья, в частности Сардиния, Корсика и Майорка. Очаги заразы существовали в полной активности и на всем южном побережье Европы, когда в январе 1348 года чума появилась в Авиньоне[55], в других городах на юге Франции и севере Италии, а также в Испании.

Точные дни ее появления в отдельных городах уже не установить; но она не была одновременной, так как во Флоренции болезнь появилась в начале апреля[56], в Чезене - 1 июня[57], а в разных местах она атаковала их в течение всего года; Так что чума, пройдя через всю Францию и Германию, где, однако, она не причиняла вреда до следующего года,

вспыхнула только в августе в Англии; где она продвигалась так постепенно, что прошло три месяца, прежде чем она достигла Лондона[58]. Северные королевства были атакованы им в 1349 году. Швеция, правда, только в ноябре того же года: почти через два года после ее появления в Авиньоне[59]. Польша получила чуму в 1349 году, вероятно, из Германии[60], если не из северных стран; но в России она появилась только в 1351 году, более чем через три года после того, как вспыхнула в Константинополе. Вместо того чтобы продвигаться в северо-западном направлении из Тавриды и от Каспийского моря, она, таким образом, совершила большой круг по Черному морю, пройдя через Константинополь, Южную и Центральную Европу, Англию, северные королевства и Польшу, прежде чем достигла русских территорий; это явление, которое не повторялось в отношении более поздних моров, зародившихся в Азии.

Существовало ли какое-либо различие между местной чумой, возбуждаемой влиянием атмосферы, и чумой, занесенной инфекцией, теперь уже невозможно установить на основании фактов, так как современники, которые в целом не были компетентны в проведении точных исследований такого рода, не оставили никаких данных по этому вопросу. Несомненно, существовали более легкие и более злокачественные формы, и первые не всегда происходили от вторых, как можно предположить, исходя из того обстоятельства, что плевки кровью, безошибочно диагностирующие последние при первой вспышке чумы, не упоминаются во всех отчетах; поэтому вполне вероятно, что более легкие формы принадлежали к местной чуме, а более злокачественные - к занесенной инфекцией. Заражение, однако, само по себе было лишь одной из многих причин, породивших Черную чуму.

Эта болезнь была следствием сильных потрясений в земном организме - если вообще можно так считать болезни космического происхождения. Одна пружина привела в движение тысячу других для уничтожения живых существ, временных или постоянных, промежуточных или непосредственных. Самой мощной из всех была зараза; в самых отдаленных странах, едва заслышавших эхо первого сотрясения, люди пали жертвой органического яда - безвременного отпрыска жизненных энергий, пришедших в буйное волнение.

ГЛАВА IV.

СМЕРТНОСТЬ.

У нас нет определенного мерила, с помощью которого можно было бы оценить опустошительные последствия Черной чумы, если бы потребовались численные данные, как в наше время. Давайте на мгновение вернемся в XIV век. Люди были еще мало цивилизованы. Церковь , конечно, покорила их, но все они страдали от дурных последствий своей первоначальной грубости. Господство закона еще не было утверждено. Государям повсюду приходилось бороться с могущественными врагами внутреннего спокойствия и безопасности. Города были крепостями для собственной защиты. Мародеры устраивали лагеря на дорогах; крестьянин был феодальным рабом, без собственного имущества; грубость была всеобщей; гуманность была еще неизвестна людям; ведьм и еретиков сжигали заживо; мягких правителей считали слабыми; дикие страсти, суровость и жестокость преобладали повсюду; человеческая жизнь мало ценилась; правители не заботились о количестве своих подданных, о благополучии которых они должны были заботиться. Таким образом, первое необходимое условие для оценки человеческих потерь, а именно знание

численности населения, полностью отсутствует; более того, традиционные заявления о размерах этих потерь настолько расплывчаты, что и из этого источника можно строить лишь предположения.

В Кайро, когда чума свирепствовала с наибольшей силой, ежедневно погибало от 10 до 15 тысяч человек; столько же, сколько в наше время уносила чума за все время своего существования. В Китае, как говорят, умерло более тринадцати миллионов человек, и это соответствует, безусловно, преувеличенным данным из других частей Азии. Индия была обезлюжена. Тартария, татарское царство Капчак, Месопотамия, Сирия, Армения были покрыты мертвыми телами - курды тщетно бежали в горы. В Карамании и Кесарии не осталось ни одного живого. На дорогах, в лагерях, в караван-сараях можно было увидеть только непогребенные тела, и лишь несколько городов (арабские историки называют Маара-эль-Нуман, Шисур и Харем) непостижимым образом оставались свободными. В Алеппо ежедневно умирало 500 человек; в Газе в течение шести недель было унесено 22 000 человек и большинство животных. Кипр потерял почти всех своих жителей[61]; корабли без экипажей часто видели в Средиземном море, а затем и в Северном, они разъезжали и распространяли чуму, где бы они ни выходили на берег[62]. Папе Клименту в Авиньоне было доложено, что на всем Востоке, вероятно, за исключением Китая, жертвами чумы стали 23 840 000 человек[63]. Учитывая происшествия XIV и XV веков, мы можем, на первый взгляд, заподозрить точность этого утверждения. Как (спросите вы) могли вестись такие большие войны, предприниматься такие мощные усилия; как могла быть свергнута Греческая империя, всего сто лет спустя, если народ действительно был так полностью уничтожен?

Тем не менее, этот рассказ заслуживает доверия благодаря тому факту, что дворцы князей менее доступны для заразных болезней, чем жилища народа; и что в важных местах приток населения из тех районов, которые пострадали меньше всего, вскоре восстанавливает даже самые тяжелые потери. Мы также должны помнить, что без глубокого знания состояния общества мы не сможем многое понять на основании одних лишь цифр. Поэтому мы ограничимся приведением некоторых наиболее достоверных сведений о европейских городах.

Во Флоренции от черной чумы умерло	60,000[64]
В Венеции	100,000[65]
В Марселе за один месяц	16,000[66]
В Сиене	70,000[67]
В Париже	50,000[68]
В Сен-Дени	14,000[69]
В Авиньоне	60,000[70]
В Страсбурге	16,000[71]
В Любеке	9,000[72]
В Базеле	14,000
В Эрфурте, по крайней мере	16,000
В Веймаре	5,000[73]
В Лимбурге	2,500[74]
В Лондоне, по крайней мере	100,000[75]
В Норвиче	51,100[76]

К этому можно добавить.

Францисканские монахи в Германии	124,434[77]
Минориты в Италии	30,000[78]

Этот краткий каталог может быть легко увеличен путем трудоемких и неопределенных расчетов, выведенных из других источников, но все равно не даст истинного представления о произошедшей депопуляции. Любек, в то время Северная Венеция, которая уже не могла вместить толпы людей, стекавшихся к ней, был повергнут в такое смятение при вспышке чумы, что горожане уничтожали себя, словно в бешенстве.

Купцы, чьи доходы и имущество были безграничны, холодно и охотно отказывались от своих земных благ. Они несли свои сокровища в монастыри и церкви и клали их к подножию алтаря; но золото не действовало на монахов, ибо приносило им смерть. Они закрывали свои ворота, но все равно его бросали им через монастырские стены. Люди не желали препятствовать последнему благочестивому делу, на которое их толкало отчаяние. Когда чума прекратилась, людям казалось, что они все еще бродят среди мертвецов, настолько ужасающим был синюшный вид оставшихся в живых людей, вызванный пережитыми ими тревогами и неизбежным заражением воздуха[79]. Многие другие города, вероятно, выглядели подобным образом; установлено, что множество небольших провинциальных городков и деревень, которые оценивались, и не слишком высоко, в 200 000 человек[80], лишились всех своих жителей.

Во многих местах Франции в живых осталось не более двух из двадцати жителей[81], а столица ощутила на себе ярость чумы, как во дворце, так и в койке.

Две королевы[82], один епископ[83] и множество других знатных особ стали ее жертвой, и более пятисот человек в день умирали в Отель-Дье под верным присмотром сестер милосердия, чье бескорыстное мужество в эту эпоху ужаса демонстрировало самые прекрасные черты человеческой добродетели. И хотя они погибали, очевидно, от заразы, а их число несколько раз возобновлялось, все равно не было недостатка в новых кандидатках, которые, чуждые нехристианскому страху смерти, благочестиво посвящали себя своему святому призванию.

Церковные дворы вскоре оказались не в состоянии вместить умерших[84], а многие дома, оставшиеся без жителей, превратились в руины.

В Авиньоне папа счел необходимым освятить Рону, чтобы тела без промедления бросали в реку, поскольку церковные дворы уже не могли их вместить[85]; так же и во всех густонаселенных городах принимались чрезвычайные меры, чтобы поскорее избавиться от мертвых. В Вене, где в течение некоторого времени ежедневно умирало 1200 жителей[86], было немедленно запрещено захоронение трупов в церковных дворах и внутри церквей; затем мертвые были уложены тысячами в шесть больших ям за городом[87], как это уже было сделано в Каире и Париже. И все же многих хоронили тайно; ведь во все времена люди привязаны к освященным кладбищам своих мертвых и не отказываются от привычного способа погребения.

Во многих местах ходили слухи, что больных чумой хоронят заживо[88], как это иногда случается из-за бессмысленной тревоги и неприличной поспешности; и таким образом ужас страдающих людей повсеместно усиливался. В Эрфурте, после того как церковные дворы были заполнены, 12 000 трупов были сброшены в одиннадцать больших ям; то же самое,

более или менее точно, можно сказать обо всех крупных городах[89]. Похоронные церемонии, последнее утешение оставшихся в живых, были повсеместно неосуществимы.

Во всей Германии, согласно вероятному подсчету, умерло, кажется, всего 1 244 434[90] жителей; эта страна, однако, была более пощажена, чем другие: Италия, напротив, пострадала сильнее всех. Говорят, что она потеряла половину своих жителей[91]; достоверность этому свидетельству придают огромные потери отдельных городов и провинций: Так, на Сардинии и Корсике, согласно рассказу выдающегося флорентийца Иоанна Виллани, которого самого унесла черная чума[92], в живых осталась едва ли третья часть населения; а о венецианцах рассказывают, что они по высокой цене нанимали корабли, чтобы отступить на острова; так что после того, как чума унесла три четверти жителей, этот гордый город остался заброшенным и опустевшим[93]. В Падуе после прекращения чумы не осталось и двух третей жителей; а во Флоренции было запрещено публиковать число умерших и звонить в колокола на их похоронах, чтобы живые не впали в отчаяние[94].

Мы располагаем более точными сведениями об Англии; большинство крупных городов понесли невероятные потери; прежде всего Ярмут, в котором погибло 7052 человека: Бристоль, Оксфорд, Норвич, Лестер, Йорк и Лондон, где только в одном захоронении было погребено до 50 000 трупов, уложенных слоями в большие ямы[95]. Говорят, что во всей стране в живых осталась лишь десятая часть[96]; но эта оценка, очевидно, слишком высока. Меньших потерь было достаточно, чтобы вызвать те конвульсии, последствия которых ощущались в течение нескольких столетий в виде ложного импульса, приданного гражданской жизни, и чье косвенное влияние, неизвестное англичанам, распространилось, возможно, даже на современность.

Нравственность повсеместно ухудшилась, а служение Богу было в значительной степени отброшено, поскольку во многих местах церкви опустели, лишившись своих священников. Обучение народа было затруднено[97]; любостяжание стало всеобщим; а когда спокойствие было восстановлено, поразило большое количество адвокатов, которым бесконечные споры о наследстве принесли богатый урожай. Нехватка священников по всей стране также очень пагубно сказывалась на народе (низшие классы были наиболее подвержены опустошительному воздействию чумы, в то время как дома знати были, в пропорции, гораздо более пощажены), и это не было компенсацией, что целые группы невежественных мирян, потерявших своих жен во время моровой язвы, толпились в монашеских орденах, чтобы участвовать в респектабельности священства и в богатых наследствах, которые поступали в церковь со всех сторон. Заседания парламента, королевской скамьи и большинства других судов были приостановлены, пока свирепствовала болезнь. Законы мира не действовали во время владычества смерти. Папа Климент воспользовался этим беспорядком, чтобы уладить кровавую ссору между Эдуардом III и Филиппом VI; однако ему это удалось только в тот период, когда чума поддерживала мир. Смерть Филиппа (1350) аннулировала все договоры, и, как рассказывают, Эдуард, правда, с другими войсками, но с теми же вождями и рыцарями, снова вышел на поле боя. Ирландия пострадала гораздо меньше, чем Англия. Болезнь, похоже, едва ли достигла горных районов этого королевства; да и Шотландия, возможно, осталась бы свободной, если бы шотландцы не воспользовались замешательством англичан, чтобы совершить вторжение на их территорию, которое закончилось уничтожением их армии, чумой и мечом, и распространением моровой язвы через тех, кто спасся, по всей стране.

Вначале в Англии был избыток всего необходимого для жизни; но чума, которая тогда казалась единственной болезнью, вскоре сопровождалась смертельным падежом скота.

Блуждая без пастухов, они падали тысячами; и, как это наблюдалось в Африке, хищные птицы и звери, как говорят, не трогали их. Какова была природа этой чумы, невозможно определить, возникла ли она в результате общения с больными чумой или по другим причинам; но точно известно, что она началась только после начала Черной смерти. Вследствие этого морока и невозможности убрать кукурузу с полей повсеместно наблюдался большой рост цен на продукты питания, который многие считали необъяснимым, поскольку урожай был обильным; другие приписывали его злым замыслам рабочих и торговцев; но на самом деле он был основан на фактическом дефиците, возникающем в силу обстоятельств, на которых отдельные классы во все времена старались нажиться. Целый год, до самого конца августа 1349 года, Черная чума царила на этом прекрасном острове и повсюду отравляла источники комфорта и процветания[98].

В других странах она обычно продолжалась всего полгода, но в отдельных местах часто возвращалась; поэтому некоторые, не имея достаточных доказательств, приписывали ей семилетний срок[99].

Испания непрерывно страдала от Черной чумы до 1350 года, чему в немалой степени способствовали частые внутренние распри и войны с маврами. Альфонсо XI, чья страсть к войне завела его слишком далеко, умер от нее при осаде Гибралтара, 26 марта 1350 года. Он был единственным королем в Европе, который пал жертвой этой болезни; но еще до этого периода бесчисленные семьи были ввергнуты в беду[100]. В остальном смертность в Испании, похоже, была меньше, чем в Италии, и примерно такой же значительной, как во Франции.

Весь период, в течение которого Черная чума с разрушительной силой свирепствовала в Европе, длился, за исключением России, с 1347 по 1350 год. Чуму, которая впоследствии часто возвращалась вплоть до 1383 года[101], мы не считаем относящейся к "Великой смертности". Это были скорее обычные моры, без воспаления легких, как в прежние времена, так и в последующие столетия, возбуждаемые повсеместно существовавшей заразной материей, которая при каждом благоприятном случае вновь набирала силу, как это обычно бывает с этой страшной болезнью.

Особенно опасным было скопление больших масс людей; так, преждевременное празднование Юбилея, на который Климент VI призвал верующих в Рим (1350) во время великой эпидемии, вызвало новую вспышку чумы, от которой, как говорят, спасся едва ли один из ста паломников[102].

В результате Италия вновь обезлюдела, а те, кто вернулся, распространяли яд и развращение нравов во всех направлениях[103]. Поэтому тем более непонятно, как Папа, в целом столь мудрый и внимательный, знавший, как идти по пути разума и гуманности в самых сложных обстоятельствах, должен был пойти на столь пагубную меру; ведь он сам был настолько убежден в благотворном влиянии уединения, что во время чумы в Авиньоне поддерживал постоянные костры и не допускал к себе никого[104]; и в других отношениях отдавал такие распоряжения, которые предотвращали или облегчали многие страдания.

Изменения, произошедшие в этот период на севере Европы, достаточно памятны, чтобы уделить им несколько минут внимания. В Швеции умерли два принца - Хокен и Кнут, сводные братья короля Магнуса; а в одном только Вестготланде - 466 священников[105]. Жители Исландии и Гренландии нашли в холоде своего негостеприимного климата защиту от южного врага, проникшего к ним из более счастливых стран. Чума произвела среди них большой хаос. Природа не приняла во внимание их постоянную борьбу со стихиями и скупость, с которой она предоставляла им жизненные блага[106]. В Дании и Норвегии,

однако, люди были настолько заняты своими несчастьями, что привычные путешествия в Гренландию прекратились. В то же время на побережье Восточной Гренландии вследствие общего сотрясения земного организма образовались огромные айсберги, и с тех пор никто из смертных никогда не видел ни этого берега, ни его обитателей[107].

Выше уже отмечалось, что в России Черная чума вспыхнула только в 1351 году, после того как она уже прошла через юг и север Европы. В этой стране смертность также была чрезвычайно велика, и наблюдались те же сцены страдания и отчаяния, что и у тех народов, которые уже прошли через это испытание. Тот же способ погребения, та же ужасающая уверенность в смерти, то же оцепенение и подавленность духа. Богатые люди оставляли свои сокровища, отдавали деревни и поместья церквям и монастырям, что, по представлениям эпохи, было самым верным способом добиться благосклонности Небес и прощения прошлых грехов. В России тоже голос природы заглушался страхом и ужасом. В час опасности отцы и матери бросали своих детей, а дети - своих родителей[108].

Из всех оценок числа погибших в Европе наиболее вероятной является та, что в общей сложности четвертая часть жителей была унесена в плен. Так, если в Европе в настоящее время проживает 210 000 000 человек, то в XVI веке население, если не брать более высокую оценку, которая может быть легко оправдана, составляло не менее 105 000 000 человек.

Поэтому можно без преувеличения предположить, что Европа потеряла во время Черной смерти 25 000 000 жителей.

То, что ее народы смогли так быстро преодолеть столь страшное сотрясение внешних обстоятельств и, в целом, не отступив больше, чем на самом деле, смогли так развить свою энергию в следующем столетии, является самым убедительным доказательством несокрушимости человеческого общества в целом. Однако полагать, что оно не претерпело никаких существенных внутренних изменений, поскольку внешне все осталось по-прежнему, несовместимо со справедливым взглядом на причину и следствие. Многие историки, похоже, придерживались такого мнения; привыкшие, как обычно, судить о моральном состоянии народа исключительно по превратностям земной власти, событиям битв и влиянию религии, но с безразличием обходящие стороной великие явления природы, которые изменяют не только поверхность земли, но и человеческий разум. Поэтому большинство из них лишь поверхностно коснулись "великой смертности" XIV века. Мы же, со своей стороны, убеждены, что в мировой истории Черная смерть - одно из важнейших событий, подготовивших почву для нынешнего состояния Европы.

Тот, кто внимательно изучает человеческий разум и выносит взвешенные суждения об интеллектуальных силах, приводящих в движение людей и государства, возможно, найдет некоторые подтверждения этому утверждению в следующих наблюдениях:- В то время продвижение иерархии в большинстве стран было необычайным, ибо церковь приобрела сокровища и большие земельные владения, даже в большей степени, чем после крестовых походов; но опыт показал, что такое положение вещей губительно для народа и заставляет его регрессировать, что и было продемонстрировано на этом примере.

После прекращения Черной чумы повсеместно отмечалась повышенная плодовитость женщин - грандиозное явление, которое, возникая после каждого разрушительного мора, доказывает, если это вообще возможно, преобладание высшей силы в направлении общей органической жизни. Браки были почти без исключения плодовитыми, а двойные и тройные роды случались чаще, чем в другие времена; в этой связи следует вспомнить странное

замечание, что после "великой смертности" у детей, как говорят, стало меньше зубов, чем прежде; современники были сильно шокированы, да и более поздние писатели испытывали удивление.

Если мы изучим основания этого часто повторяемого утверждения, то обнаружим, что они были поражены тем, что у детей прорезалось двадцать или, самое большее, двадцать два зуба, исходя из предположения, что раньше на их долю выпадало большее количество[109]. Некоторые авторитетные авторы, как, например, врач Савонарола[110] из Феррары, который, вероятно, искал у детей двадцать восемь зубов, опубликовали свои мнения по этому поводу. Другие копировали их, не видя сами, как это часто случается в других вопросах, которые столь же очевидны; и таким образом мир поверил в чудо несовершенства человеческого тела, вызванного Черной чумой.

Люди постепенно утешились после перенесенных страданий; мертвые были оплаканы и забыты, и в бурных превратностях бытия мир принадлежал живым[111].

ГЛАВА V.

МОРАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.

Психическое потрясение, испытанное всеми народами во время распространения черной чумы, не имеет аналогов и не поддается описанию. В глазах робких людей опасность была несомненным предвестником смерти; многие пали жертвой страха при первом же появлении чумы[112], а самые стойкие потеряли уверенность в себе. Таким образом, после того как надежда на будущее угасла, духовный союз, связывающий человека с его семьей и другими существами, постепенно распался. Благочестивые люди закрывали свои счета с миром, - перед их взором представала вечность, - их единственным оставшимся желанием было участие в утешениях религии, потому что для них смерть была избавлена от своего жала.

Покаяние охватывало нарушителя, призывая его посвятить оставшиеся часы жизни исполнению христианских добродетелей. Все умы были направлены на созерцание будущего; и детей, которые безропотно проявляют более возвышенные чувства души, часто видели, когда они, мучаясь от чумы, испускали дух в молитвах и благодарственных песнях[113].

Ужасное чувство раскаяния охватило христиан всех общин; они решили оставить свои пороки, загладить прошлые обиды, прежде чем их призовут сюда, искать примирения со своим Создателем и отвратить с помощью самобичевания наказание, положенное за их прежние грехи. Человеческая природа была бы возвышена, если бы бесчисленные благородные поступки, которые во времена самой непосредственной опасности совершались втайне, были записаны в назидание будущим поколениям. Однако они никак не влияют на ход земных событий. Они известны лишь молчаливым очевидцам и вскоре предаются забвению. Но лицемерие, иллюзии и фанатизм неудержимо преследуют нас; они оскверняют то, что благородно, извращают то, что божественно, в нечестивых целях эгоизма, который торопит всякое доброе чувство в ложном волнении века. Так было и в годы этой чумы. В XIV веке монашеская система все еще была в полном расцвете сил, власть церковных орденов и братств почиталась народом, а иерархия все еще была грозной для мирской власти. Поэтому естественной конституцией общества было то, что фанатичное рвение, которое в такие времена выставляет напоказ публичные акты покаяния, должно

было использовать видимость религии. Но это происходило так, что необузданное, своевольное покаяние перерастало в слабоволие, отказывалось от послушания иерархии и готовило страшную оппозицию церкви, парализованной древними формами.

В то время как все страны были наполнены плачем и скорбью, в Венгрии[114], а затем и в Германии возникло Братство Флагеллантов, называемое также Братьями Креста, или Крестоносцами, которые взяли на себя покаяние людей за совершенные ими грехи и возносили молитвы и мольбы об избавлении от этой чумы. Этот орден состоял в основном из людей низшего сословия, которые либо были движимы искренним раскаянием, либо с радостью пользовались этим предлогом для безделья и торопились вместе с приливом отвлекающего безумия. Но по мере того как эти братства приобретали известность и принимались народом с почтением и энтузиазмом, многие дворяне и церковники становились под их знамена; нередко их отряды пополнялись детьми, почтенными женщинами и монахинями; так сильно были порабощены этим увлечением умы самых противоположных темпераментов[115]. Они шествовали по городам в хорошо организованных процессиях, с вождями и певцами; их головы были покрыты до самых глаз, взгляд устремлен в землю и сопровождается всеми признаками глубочайшего раскаяния и скорби. Они были одеты в мрачные одежды, с красными крестами на груди, спине и шапке, и несли тройные бичи, завязанные на три или четыре узла, в которых были закреплены железные острия[116]. Перед ними несли лампады и великолепные знамена из бархата и золотой ткани; где бы они ни появлялись, их встречали звоном колоколов, и народ стекался со всех концов, чтобы с преданностью и слезами слушать их гимны и наблюдать за их покаянием.

В 1349 году двести флагеллантов впервые вошли в Страсбург, где были приняты с большой радостью и гостеприимно размещены горожанами. Более тысячи человек присоединились к братству, которое теперь приняло вид бродячего племени и разделилось на две части, чтобы отправиться на север и на юг. В течение более чем полугода еженедельно прибывали новые партии, и при каждом прибытии взрослые и дети покидали свои семьи, чтобы сопровождать их, пока, наконец, их святость не была поставлена под сомнение, и двери домов и церквей были закрыты против них[117]. В Спиресе двести мальчиков двенадцати лет и младше объединились в Крестовое братство, подражая детям, которые около ста лет назад по наущению некоторых фанатичных монахов объединились для восстановления Гроба Господня. Все жители этого города были увлечены иллюзией; они проводили чужестранцев в свои дома с благодарственными песнями, чтобы побаловать их на ночь. Женщины вышивали для них знамена, и все стремились приумножить их пышность; и с каждым последующим паломничеством их влияние и репутация росли[118].

Их поддерживали не только отдельные части страны: вся Германия, Венгрия, Польша, Богемия, Силезия и Фландрия отдавали дань этой мании; и в конце концов они стали столь же грозными для светской, как и для церковной власти. Влияние этого фанатизма было огромным и угрожающим; оно напоминало волнение, созвавшее всех жителей Европы в пустыни Сирии и Палестины примерно за двести пятьдесят лет до этого. Само по себе это явление не было новым. Еще в XI веке многие верующие в Азии и Южной Европе подвергали себя наказанию флагелляцией. Доминик Лорикатус, монах из Сан-Кроче д'Авеллано, упоминается как мастер и образец этого вида умерщвления плоти, который, согласно примитивным представлениям азиатских анхоритов, считался истинно христианским. Автором торжественных процессий флагеллантов, как говорят, был святой Антоний; ведь даже в его время (1231 год) этот вид покаяния был настолько в моде, что записан как событие в мировой истории. В 1260 году флагелланты появились в Италии под именем *девоти*. "Когда

земля была загрязнена пороками и преступлениями[119], беспримерный дух раскаяния внезапно овладел умами итальянцев. Страх перед Христом охватил всех: знатные и не знатные, старые и молодые, и даже дети пяти лет, маршировали по улицам, не прикрываясь ничем, кроме платка вокруг талии. Каждый из них нес бич из кожаных ремешков, который они прикладывали к своим конечностям, среди вздохов и слез, с такой силой, что из ран текла кровь. Не только днем, но и ночью, в самую суровую зиму, они проходили по городам с горящими факелами и знаменами, тысячами и десятками тысяч, возглавляемые своими жрецами, и преклоняли колена перед алтарями. Таким же образом они действовали и в деревнях: леса и горы гудели от голосов тех, кто возносил свои вопли к Богу. Только меланхоличное пение кающихся было слышно. Враги примирялись; мужчины и женщины соревновались друг с другом в великолепных делах милосердия, как будто боялись, что Божественное всемогущество вынесет им приговор об уничтожении".

Паломничества флагеллантов распространялись по всем провинциям Южной Германии, вплоть до Саксонии, Богемии, Польши и даже дальше; но в конце концов священники воспротивились этому опасному фанатизму, не сумев искоренить иллюзию, которая была выгодна иерархии до тех пор, пока она подчинялась ее власти. Регниер, отшельник из Перуджи, записан как фанатичный проповедник покаяния, с которого и началась эта экстравагантность[120]. В 1296 году в Страсбурге состоялась большая процессия флагеллантов[121]; а в 1334 году, за четырнадцать лет до великой смертности, проповедь Вентуринуса, доминиканского монаха из Бергамо, побудила более 10 000 человек совершить новое паломничество. Они бичевали себя в церквях и развлекались на рыночных площадях за государственный счет. В Риме Вентуринус был осмеян и изгнан папой в горы Рикондона. Он терпеливо перенес все, отправился в Святую землю и умер в Смирне в 1346 году[122]. Таким образом, мы видим, что этот фанатизм был манией средневековья, которая в 1349 году, по столь страшному случаю и пока еще так свежа в памяти, не нуждалась в новом основателе; о котором, правда, все записи молчат. Вероятно, она возникла во многих местах в одно и то же время; ведь ужас перед смертью, охвативший все народы и внезапно приведший в движение столь мощные импульсы, мог легко вызвать фанатизм преувеличенного и всепоглощающего покаяния.

Манеры и действия флагеллантов XIII и XIV веков в точности похожи друг на друга. Но если во время Черной чумы им на помощь пришло простое легковерие, принявшее в качестве утешения грубейшие заблуждения религиозного энтузиазма, то очевидно, что лидеры должны были быть тесно сплочены и пользоваться властью тайной ассоциации. Кроме того, грубая группа, как правило, находилась под контролем людей образованных, некоторые из которых, по крайней мере, наверняка преследовали другие цели, не зависящие от тех, которые якобы были у них на виду. Тот, кто желал вступить в братство, должен был оставаться в нем тридцать четыре дня и иметь в своем распоряжении четыре пенса в день, чтобы не быть обременительным для кого-либо; если он был женат, то должен был получить согласие жены и дать заверение, что примирился со всеми людьми. Братьям Креста не разрешалось искать свободные помещения или даже входить в дом без приглашения; им запрещалось общаться с женщинами; если они нарушали эти правила или действовали без благоразумия, то обязаны были исповедоваться настоятелю, который приговаривал их к нескольким ударам бича в качестве покаяния. Экклезиасты как таковые не имели среди них никакого превосходства; по их первоначальному закону, который, однако, часто нарушался, они не могли становиться магистрами или принимать участие в *тайных советах*. Покаяние совершалось дважды в день: утром и вечером они расходились парами, распевая псалмы, под звон колоколов; прибыв к месту порки, они раздевали верхнюю часть тела и снимали обувь, оставляя на себе только льняное платье, доходившее от талии до щиколоток. Затем

они ложились в большой круг, в различных позах, в соответствии с характером их преступления: прелюбодей - лицом к земле; лжесвидетель - на одну сторону, подняв три пальца, и т. д., и подвергались бичеванию, одни больше, другие меньше, со стороны Мастера, который приказывал им встать со словами предписанной формы[123]. После этого они бичевали себя, под пение псалмов и громкие мольбы об избавлении от чумы, с генуфлексиями и другими церемониями, о которых современные писатели приводят различные свидетельства; и в то же время постоянно хвастались своим покаянием, что кровь их ран смешалась с кровью Спасителя[124]. В заключение один из них встал и зачитал письмо, которое, как утверждалось, ангел принес с небес в церковь святого Петра в Иерусалиме, в котором говорилось, что Христос, сильно недовольный грехами людей, по ходатайству Пресвятой Девы и ангелов даровал всем, кто будет скитаться тридцать четыре дня и бичевать себя, причастие к Божественной благодати[125]. Эта сцена вызвала среди верующих такое же сильное волнение, как когда-то находка святого копья в Антиохии; и если кто-то из духовенства спрашивал, кто запечатал письмо, ему смело отвечали: тот же, кто запечатал Евангелие!

Все это произвело столь сильный эффект, что церковь оказалась в большой опасности; ведь флагелланты пользовались большим авторитетом, чем священники, от которых они так полностью отстранились, что даже отпускали грехи друг другу. Кроме того, они повсеместно завладели церквями, а их новые песни, переходившие из уст в уста, сильно действовали на умы людей. В этих гимнах, и особенно в главном псалме Крестоносцев, который сохранился до наших дней и который пели по всей Германии на разных диалектах и который, вероятно, имеет более древнюю дату[126], ясно прослеживается большой энтузиазм и первоначально благочестивые чувства. Дегенерация, однако, скоро вкралась; преступления совершались повсеместно; и не нашлось энергичного человека, способного направить индивидуальное возбуждение на более чистые цели, даже если бы в тот ранний период можно было оказать действенное сопротивление разваливающейся церкви и сдержать фанатизм. Флагелланты иногда брались испытать свою способность творить чудеса, как, например, в Страсбурге, где они попытались в своем кругу оживить мертвого ребенка: им это не удалось, и их неумелость принесла им много вреда, хотя им удавалось то тут, то там поддерживать некоторое доверие к своему святому призванию, притворяясь, что они обладают способностью изгонять злых духов[127].

Братство Креста объявило, что паломничество флагеллантов будет продолжаться в течение тридцати четырех лет; и многие из магистров, несомненно, решили создать прочную лигу против церкви; но они зашли слишком далеко. Уже в первый год их существования всеобщее негодование положило конец их интригам, так что строгие меры, принятые императором Карлом IV и папой Климентом[128], который на протяжении всего этого страшного периода проявлял благоразумие и благородство и вел себя так, как подобает его высокому положению, были легко приведены в исполнение[129].

Парижская Сорбонна и император Карл уже обратились к Святому Престолу за помощью против этих грозных и еретических эксцессов, которые почти уничтожили влияние духовенства во всех местах; когда сто человек из Братства Креста прибыли в Авиньон из Базеля и попросили о приеме. Папа, невзирая на заступничество нескольких кардиналов, запретил им публичное покаяние, на которое он не давал разрешения; и под страхом отлучения запретил во всем христианстве продолжение этих паломничеств[130]. Филипп VI, поддержанный осуждающим приговором Сорбонны, запретил их прием во Франции[131]. Манфред, король Сицилии, в то же время угрожал им смертной казнью: а на Востоке им противостояли несколько епископов, среди которых были Янусий, Гнесенский[132], и

Прецлав, Бреславский, которые осудили на смерть одного из их магистров, бывшего дьяконом, и, в соответствии с варварством того времени, публично сожгли его[133]. В Вестфалии, где незадолго до этого почитали Братьев Креста, теперь преследовали их с неумолимой жестокостью[134]; и в Марке, как и во всех других странах Германии, они преследовали их, как если бы они были авторами всех несчастий[135].

Крестные ходы Братства, несомненно, способствовали распространению чумы; и очевидно, что мрачный фанатизм, который их порождал, вливал новый яд в и без того унылые умы людей.

Однако все это не выходило за рамки варварского энтузиазма; но ужасными были гонения на евреев, которые совершались в большинстве стран с еще большим ожесточением, чем в XII веке, во время первых крестовых походов. При любой разрушительной моровой язве простые люди сначала приписывают смертность яду. Никакие наставления не помогают; предполагаемое свидетельство их зрения становится для них доказательством, и они авторитетно требуют жертв своей ярости. На кого же можно было обрушить свой гнев, как не на иудеев, ростовщиков и чужеземцев, враждовавших с христианами? Их повсюду подозревали в том, что они отравили колодцы или заразили воздух[136]. Считалось, что только они принесли христианам эту страшную смертность[137]. Вследствие этого их преследовали с беспощадной жестокостью и либо без разбора отдавали на растерзание населению, либо приговаривали к кровавым судам, которые со всей строгостью закона приговаривали их к сожжению заживо. В такие времена много говорят о виновности и невиновности, но ненависть и месть сводят на нет всякую дискриминацию, а малейшая вероятность превращает подозрение в уверенность. Эти кровавые сцены, опозорившие Европу в XIV веке, являются аналогом аналогичной мании того времени, проявившейся в преследовании ведьм и колдунов; и, как и они, они доказывают, что энтузиазм, связанный с ненавистью и объединяющий низменные страсти, может действовать на целые народы сильнее, чем религия и правопорядок; более того, он даже знает, как воспользоваться авторитетом обоих, чтобы с большей уверенностью насытить кровью меч давно подавляемой мести.

Преследование евреев началось в сентябре и октябре 1348 года[138] в Шильоне, на Женевском озере, где против них было возбуждено первое уголовное дело, после того как народ уже давно обвинил их в отравлении колодцев; аналогичные сцены последовали в Берне и Фрейбурге в январе 1349 года. Под воздействием мучительных страданий истерзанные евреи признали себя виновными в преступлении, которое им вменялось в вину; и когда подтвердилось, что в колодце в Цоффингене действительно был найден яд, это сочли достаточным доказательством, чтобы убедить мир; и преследование отвратительных преступников, таким образом, стало оправданным. И хотя мы не можем не согласиться с этими процессами, как и с многочисленными признаниями ведьм, поскольку вопросы фанатичных и кровожадных трибуналов были настолько сложны, что с помощью дыбы неизбежно можно было получить требуемый ответ; кроме того, человеческой природе свойственно, что преступления, которые на слуху у всех, в конце концов могут быть действительно совершены некоторыми, либо из распутства, либо из мести, либо от отчаяния: Однако преступления и обвинения при таких обстоятельствах являются лишь порождением мстительного, неистового духа в народе; и обвинители, согласно основополагающим принципам морали, которые одинаковы во все века, являются более виновными нарушителями.

Уже осенью 1348 года страшная паника, вызванная этим мнимым отравлением, охватила все народы; особенно в Германии были заложены источники и колодцы, чтобы никто не мог пить из них или использовать их содержимое в кулинарных целях, и в течение долгого времени жители многочисленных городов и деревень пользовались только речной и дождевой водой[139]. Городские ворота также охранялись с величайшей осторожностью: в них впускали только доверенных лиц; и если лекарство или любой другой предмет, который можно было предположить ядовитым, оказывался в руках незнакомца, - а это было естественно, что некоторые должны были иметь при себе эти вещи для личного пользования, - их заставляли проглотить часть его[140]. В результате этого тяжелого состояния лишений, недоверия и подозрительности ненависть к предполагаемым отравителям значительно усилилась и часто выливалась в народные волнения, которые только еще больше разжигали самые дикие страсти. Знатные и подлые люди бесстрашно связывали себя клятвой истреблять евреев огнем и мечом и отнимать их у своих покровителей, которых было так мало, что во всей Германии можно назвать лишь несколько мест, где эти несчастные не считались бы преступниками, не подвергались мученической смерти и сожжению[141]. Из Берна в города Базель, Фрайбург-ин-Брайсгау и Страсбург были направлены торжественные повестки с требованием преследовать евреев как отравителей. Бургомистры и сенаторы, правда, воспротивились этому требованию; но в Базеле население заставило их связать себя клятвой, сжечь евреев и запретить лицам этой общины въезжать в их город в течение двухсот лет. После этого все евреи Базеля, число которых не могло быть незначительным, были заключены в деревянное здание, построенное специально для этой цели, и сожжены вместе с ним, по одному только крику народа, без приговора и суда, которые, конечно, ничего бы им не дали. Вскоре после этого то же самое произошло во Фрейбурге. В Беннефельде, в Эльзасе, состоялся очередной сейм, на котором епископы, лорды и бароны, а также депутаты от графств и городов советовались, как им поступить с евреями; И когда депутаты Страсбурга - не епископ этого города, который оказался ярым фанатиком, - высказались в пользу преследуемых, поскольку против них не было выдвинуто ничего преступного, поднялся большой шум, и их горячо спросили, почему, если это так, они закрыли свои колодцы и убрали ведра? Был принят кровавый указ, по которому народ, повинуясь призыву знати и высшего духовенства, стал лишь слишком добровольным палачом[142]. Везде, где евреев не сжигали, их, по крайней мере, изгоняли; вынужденные скитаться, они попадали в руки деревенских жителей, которые, не считаясь ни с какими законами, преследовали их огнем и мечом. В Шпире иудеи, доведенные до отчаяния, собрались в своих жилищах, которые они подожгли и таким образом уничтожили себя вместе со своими семьями. Тех немногих, кто остался, заставили принять крещение, а трупы убитых, которые валялись на улицах, положили в пустые винные бочки и скатили в Рейн, чтобы они не заражали воздух. Толпе было запрещено входить в развалины домов, сожженных в еврейском квартале, так как сам сенат приказал искать сокровища, которые, как говорят, были очень значительными. В Страсбурге две тысячи евреев были заживо сожжены в их собственном захоронении, где был воздвигнут большой эшафот: несколько человек, обещавших принять христианство, были пощажены, а их детей забрали из кучи. Молодость и красота нескольких женщин также вызвали некоторое сочувствие; их вырвали из смерти против их воли; многие же, кто насильно вырвался из огня, были убиты на улицах.

Сенат распорядился вернуть должникам все залоги и облигации, а деньги разделить между рабочими[143]. Многие, однако, отказались принять низкую цену крови и, возмущенные сценами кровожадной скупости, которые заставляли разъяренную толпу забыть[144], что вокруг свирепствует чума, отдали ее в монастыри, следуя советам своих духовников. Во всех странах на Рейне эти жестокости продолжались в течение последующих месяцев; а после того, как в некоторой степени восстановилось спокойствие, люди решили оказать

благодетельную услугу Богу, взяв кирпичи из разрушенных домов и надгробные камни евреев для ремонта церквей и возведения колоколен[145].

Только в Майенсе, как говорят, 12 000 евреев были преданы жестокой смерти. Флагелланты вошли туда в августе; евреи по этому случаю вступили в перепалку с христианами и убили нескольких человек; но когда они увидели, что не в состоянии противостоять растущему превосходству своих врагов и что ничто не может спасти их от гибели, они уничтожили себя и свои семьи, поджигая свои жилища. Так и в других местах приход флагеллантов вызывал сцены резни; а поскольку жажда крови повсеместно сочеталась с необузданным духом прозелитизма, среди евреев возникло фанатичное рвение погибнуть как мученики за свою древнюю религию. И как это возможно, чтобы они от всего сердца приняли христианство, когда его заповеди никогда не нарушались столь возмутительно? В Эслингене вся еврейская община сожгла себя в своей синагоге[146]; и часто видели, как матери бросали своих детей на кучу, чтобы предотвратить их крещение, а затем сами бросались в пламя[147]. Короче говоря, любые поступки, на которые фанатизм, месть, алчность и отчаяние в страшном сочетании могли подтолкнуть людей, - а где в таком случае предел? - совершались в 1349 году по всей Германии, Италии и Франции, безнаказанно и на глазах у всего мира. Казалось, что чума породила не траур и скорбь, а скандальные поступки и неистовые беспорядки, и большая часть тех, кто по своему образованию и званию был призван возвысить голос разума, сами повели дикую толпу на убийство и грабеж. Почти все евреи, спасшие свои жизни крещением, впоследствии были сожжены в разное время, так как их продолжали обвинять в отравлении воды и воздуха. Христиане, которых филантропия или корысть побудили предложить им защиту, были поставлены на дыбу и казнены вместе с ними[148]. Многие евреи, принявшие христианство, раскаялись в своем отступничестве и, вернувшись к своей прежней вере, скрепили ее своей смертью[149].

Гуманность и благоразумие Климента VI в этом случае также должны быть упомянуты к его чести; но даже самой высокой церковной власти было недостаточно, чтобы сдержать необузданную ярость народа. Он не только защитил евреев в Авиньоне, насколько это было в его силах, но и издал две буллы, в которых объявил их невиновными; и призвал всех христиан, хотя и безуспешно, прекратить эти беспочвенные гонения[150]. Император Карл IV также был благосклонен к ним и старался предотвратить их гибель, где только мог; но он не осмелился обнажить меч правосудия и даже оказался вынужден уступить эгоизму богемских дворян, которые не желали отказываться от столь благоприятной возможности освободиться от своих еврейских кредиторов, получив императорский мандат[151]. Герцог Альберт Австрийский сжигал и грабил те из своих городов, которые преследовали евреев, - напрасный и бесчеловечный поступок, который, к тому же, не исключает подозрений в корыстолюбии; однако он не смог защитить в своей крепости Киберг несколько сотен евреев, которые были там приняты, от варварского сожжения жителями[152]. Несколько других князей и графов, среди которых был Рупрехт фон дер Пфальц, брали евреев под свою защиту, выплачивая большие суммы: из-за этого их называли "жидомасонами", и они подвергались опасности нападения со стороны населения и своих могущественных соседей[153]. У этих гонимых и обиженных людей, за исключением тех случаев, когда гуманные люди проявляли к ним сострадание на свой страх и риск или когда им удавалось за счет богатства купить защиту, не оставалось иного убежища, кроме далекой Литвы, где Болеслав V., Болеслав V, герцог польский (1227-1279), прежде даровал им свободу совести; а король Казимир Великий (1333-1370), поддавшись мольбам Эстер, любимой еврейки, принял их и предоставил им дальнейшую защиту[154]: благодаря чему в этой стране до сих пор проживает большое количество евреев, которые своими уединенными привычками более, чем какой-либо другой народ в Европе, сохранили нравы средневековья.

Но вернемся к страшным обвинениям против евреев: по всей Европе ходили слухи, что они поддерживают связь с тайным начальством в Толедо, чьим указам они подчиняются и от кого получают повеления о чеканке поддельных денег, отравлении, убийстве христианских детей и т. д.[155]; что они получали яд морем из отдаленных мест, а также сами готовили его из пауков, сов и других ядовитых животных; но, чтобы их секрет не был раскрыт, он был известен только раввинам и богатым людям[156]. По-видимому, было немного тех, кто не считал это экстравагантное обвинение обоснованным; действительно, во многих сочинениях XIV века мы находим большую ярость в отношении подозреваемых в смешении ядов, что явно свидетельствует о существовавшем против них предубеждении. К несчастью, после признаний первых жертв в Швейцарии, каторга добивалась подобных признаний в разных местах. Некоторые даже признавались, что получали ядовитый порошок в мешочках и предписания из Толедо от тайных посыльных. Подобные мешочки также часто находили в колодцах, хотя нередко выяснялось, что христиане сами бросали их туда; вероятно, чтобы дать повод для убийств и грабежей; подобные примеры можно найти в преследованиях ведьм[157].

Эта картина не нуждается в дополнениях. Живой образ Черной чумы и морального зла, которое последовало за ней, ярко представит себе тот, кто знаком с природой и устройством общества. Почти единственные достоверные свидетельства об образе жизни и разрушениях, происходивших в частной жизни во время этой эпидемии, получены из Италии; они могут позволить нам составить справедливое представление об общем состоянии семей в Европе, принимая во внимание то, что свойственно нравам каждой страны.

"Когда зло стало всеобщим" (речь идет о Флоренции), "сердца всех жителей были закрыты для чувств гуманности. Они бежали от больных и всего, что им принадлежало, надеясь таким образом спастись. Другие заперлись в своих домах, с женами, детьми и домочадцами, питаясь самой дорогой пищей, но тщательно избегая излишеств. К ним никто не допускался, никакие известия о смерти или болезни не доходили до их ушей, и они проводили время в пении, музыке и других развлечениях. Другие же, напротив, считали лучшим лекарством еду и питье, развлечения всех мастей, потакание любым удовольствиям и безразличие к тому, что происходит вокруг, и действовали соответственно. Они бродили день и ночь от одной таверны к другой и пировали без меры и ограничений. Таким образом они старались избегать общения с больными и бросали свои дома и имущество на произвол судьбы, как люди, для которых уже прозвучал предсмертный звон.

"На фоне всеобщего плача и скорби влияние и авторитет всех законов, человеческих и божественных, исчезли. Большинство из тех, кто занимал свои должности, были унесены чумой, или лежали больные, или потеряли столько членов своих семей, что не могли выполнять свои обязанности; так что отныне каждый поступал так, как считал нужным. Другие в своем образе жизни выбирали средний путь. Они ели и пили то, что им нравилось, и ходили по улицам, нося с собой пахучие цветы, травы или специи, которые они время от времени нюхали, чтобы взбодрить мозг и предотвратить пагубное влияние воздуха, зараженного больными и бесчисленными трупами тех, кто умер от чумы. Другие пошли еще дальше и решили, что самый верный способ избежать смерти - бегство. Поэтому они покидали город; женщины, как и мужчины, оставляли свои жилища и своих родственников и уходили в деревню. Но и из них многие были унесены, причем большинство из них были одиноки и покинуты всем миром, сами подав ранее пример. Таким образом, один гражданин бежал от другого, сосед от соседа, родственник от родственника; и в конце концов ужас так

полностью погасил все добрые чувства, что брат бросил брата, сестра сестру, жена мужа, наконец, даже родитель своих отпрысков и бросил их, не навещаемых и не утешаемых, на произвол судьбы. Нуждающиеся в помощи становились жертвами жадных сиделок, которые за непомерное вознаграждение просто передавали больным еду и лекарства, оставались с ними в последние минуты жизни, а потом нередко сами становились жертвами своей скупости и не успевали насладиться вымоленной прибылью. Благопристойность и приличия исчезли среди беспомощных больных. Женщины высокого ранга, казалось, забыли о своей природной стыдливости и поручали заботу о своих персонах без разбора мужчинам и женщинам самого низкого ранга. В доме скорби больше не было женщин, родственниц или подруг, чтобы разделить горе оставшихся в живых: труп не сопровождали до могилы ни соседи, ни многочисленная вереница священников с восковыми лампадами и пением псалмов, его не несли и другие граждане такого же ранга. Многие уходили из жизни, не имея друга, который успокоил бы их предсмертную подушку; и лишь немногие уходили из жизни под причитания и слезы друзей и родственников. Вместо скорби и траура царили безразличие, легкомыслие и веселье, которые, особенно среди женщин, считались способствующими здоровью. Редко за телом следовало хотя бы десять или двенадцать сопровождающих; вместо обычных носильщиков и пономарей за это брались наемники из самых низких слоев населения, и в сопровождении всего нескольких священников, а часто и без единого костра, его несли к ближайшей церкви и опускали в первую могилу, которая не была еще слишком заполнена, чтобы принять его. Среди среднего класса, и особенно среди бедняков, страдания были еще более ужасными. Бедность или небрежность побуждали большинство из них оставаться в своих домах или в непосредственной близости от них, и таким образом они падали тысячами, а многие заканчивали свою жизнь на улицах, днем и ночью. Вонь от гниющих трупов часто была первым признаком того, что соседи узнали о новых смертях. Оставшиеся в живых, чтобы уберечь себя от заражения, обычно выносили тела из домов и складывали перед дверями; ранним утром их находили в кучах, выставленных на обозрение проходящих мимо чужаков. Уже невозможно было иметь отдельный одр для каждого трупа - обычно клали три или четыре вместе; мужа и жену, отца и мать с двумя или тремя детьми часто несли в могилу на одном одре; часто случалось, что два священника сопровождали гроб, неся перед ним крест, и по дороге к ним присоединялись еще несколько похорон, так что вместо одного трупа для погребения требовалось пять или шесть".

Таков Боккаччо. О поведении священников другой современник замечает[158]: "В больших и малых городах они удалились из страха, оставив исполнение церковных обязанностей тем немногим, кто оказался достаточно мужественным и верным, чтобы взять их на себя". Но мы не должны возлагать на них больше вины, чем на других; ведь мы находим доказательства той же робости и бессердечия в каждом классе. Во время распространения черной чумы благотворительные ордена вели себя превосходно и сделали столько добра, сколько может быть сделано отдельными людьми во времена великих бед и разрушений, когда сострадание, мужество и благородные чувства встречаются лишь у немногих, а трусость, эгоизм и злая воля с их низменными страстями утверждают свое превосходство. На месте добродетели, изгнанной с земли, повсюду восстает порочность, и последующие поколения оказываются во власти ее ужасающей тирании.

ГЛАВА VI.

ФИЗИКИ.

Если мы теперь обратимся к медицинским талантам, столкнувшимся с "*Великой смертностью*", то средневековье должно быть оправдано, поскольку даже современники считают, что врачебное искусство не в состоянии справиться с восточной чумой и может избавить от нее только при особо благоприятных обстоятельствах[159]. Мы также должны помнить, что человеческая наука и искусство оказываются особенно слабыми во время больших эпидемий, потому что им приходится бороться с силами природы, о которых они не имеют никакого представления; и которые, если бы они были или могли быть постигнуты в их коллективных эффектах, оставались бы неподконтрольными им, главным образом из-за неупорядоченного состояния человеческого общества. Кроме того, каждая новая чума имеет свои особенности, которые тем легче обнаружить с первого взгляда, что во время ее опустошения страх и ужас смиряют гордый дух.

Врачи XIV века во время Черной смерти сделали все, на что был способен человеческий разум в условиях реального состояния искусства врачевания; и их знания о болезни отнюдь не были презренными. Они, как и все остальное человечество, потакали предрассудкам и отстаивали их, возможно, с излишним упорством; некоторые из них, однако, были основаны на образе мышления эпохи и в те времена воспринимались как непреложные истины; другие продолжают существовать и по сей день.

Поэтому их преемникам в XIX веке не стоит слишком высоко превозносить превосходство своих знаний, ведь и они подвергнутся суровому суду потомков - их тоже с полным основанием обвинят в человеческой слабости и недостаточной прозорливости.

Медицинскому факультету Парижа, самому знаменитому в XIV веке, было поручено высказать свое мнение о причинах Черной чумы и разработать соответствующие правила жизни во время ее распространения. Этот документ достаточно примечателен, чтобы поместить его здесь.

"Мы, члены Коллегии врачей Парижа, после зрелых размышлений и консультаций по поводу нынешней смертности , собрали советы наших старых мастеров в этом искусстве и намереваемся сделать известными причины этой чумы более ясно, чем это можно было бы сделать в соответствии с правилами и принципами астрологии и естественных наук; поэтому мы заявляем следующее:...

"Известно, что в Индии и в окрестностях Великого моря созвездия, которые боролись с лучами солнца и теплом небесного огня, особенно сильно воздействовали на это море и яростно боролись с его водами. (Поэтому часто возникают пары, которые окутывают солнце и превращают его свет во тьму). Эти пары попеременно поднимались и опускались в течение двадцати восьми дней; но наконец солнце и огонь так сильно подействовали на море, что привлекли к себе большую его часть, и воды океана поднялись в виде пара; при этом воды в некоторых местах были настолько испорчены, что рыбы, которые в них содержались, погибли. Однако эти испорченные воды солнечный жар не мог уничтожить, как не могли из них возникнуть и другие полезные воды, град, снег и роса. Напротив, этот пар распространялся по воздуху во многих местах земли и окутывал их туманом.

"Так было по всей Аравии, в части Индии, на Крите, на равнинах и в долинах Македонии, в Венгрии, Албании и Сицилии. Если то же самое произойдет на Сардинии, ни один человек не останется в живых; и подобное будет продолжаться, пока солнце остается в знаке Льва, на

всех островах и в прилегающих странах, на которые распространяется или уже распространился из Индии этот испорченный морской ветер. Если жители тех мест не будут использовать и придерживаться следующих или подобных средств и наставлений, мы объявляем им неизбежную смерть - если только благодать Христа не сохранит их жизнь.

"Мы считаем, что созвездия с помощью природы стремятся, в силу своей божественной мощи, защитить и исцелить человеческий род; и с этой целью, в союзе с лучами солнца, действующими через силу огня, пытаются прорвать туман. Соответственно, в течение следующих десяти дней и до 17 числа следующего месяца июля этот туман будет превращен в зловонный пагубный дождь, благодаря чему воздух значительно очистится. Теперь, как только этот дождь заявит о себе громом или градом, каждый из вас должен защитить себя от воздуха; и, как до, так и после дождя, разжечь большой костер из виноградного дерева, зеленого лавра или другого зеленого дерева; полынь и ромашка должны быть также сожжены в большом количестве на рынках, в других густонаселенных местах, и в домах. Пока земля не высохнет полностью, и в течение трех дней после этого, никто не должен выходить в поле. В течение этого времени диета должна быть простой, а люди должны быть осторожны и избегать облучения в прохладное вечернее время, ночью и утром. Не следует есть птицу и водоплавающую птицу, молодую свинину, старую говядину и вообще жирное мясо, а наоборот, мясо соответствующего возраста, теплое и сухое, но ни в коем случае не согревающее и возбуждающее. Следует пить бульон, приправленный молотым перцем, имбирем и гвоздикой, особенно тем, кто привык жить умеренно и пока еще выбирает диету. Сон в дневное время вреден; его следует принимать ночью до восхода солнца или несколько дольше. За завтраком следует пить мало; ужинать следует за час до захода солнца, когда можно выпить больше, чем утром. В качестве напитка следует употреблять чистое светлое вино, смешанное с пятой или шестой частью воды. Сушеные или свежие фрукты с вином не вредны, но очень вредны без него. Свекла и другие овощи, как маринованные, так и свежие, вредны; напротив, пряные травы, такие как шалфей или розмарин, полезны. Холодная, влажная, водянистая пища в целом вредна. Выходить на улицу ночью и даже до трех часов утра опасно из-за росы. Употребляйте только мелкую речную рыбу. Слишком большие физические нагрузки вредны. Тело должно быть теплее, чем обычно, и таким образом оно защищено от влаги и холода. Нельзя использовать дождевую воду для приготовления пищи, и каждый должен избегать воздействия сырой погоды. Если идет дождь, после ужина следует принять немного мелкой патоки. Тучные люди не должны сидеть на солнце. Следует выбирать хорошее чистое вино и пить его часто, но в небольших количествах, в течение дня. Оливковое масло, как продукт питания, смертельно опасно. Не менее вредны пост и чрезмерное воздержание, душевное беспокойство, гнев и неумеренное питье. Молодые люди, особенно осенью, должны воздерживаться от всего этого, если они не хотят рисковать умереть от дизентерии. Чтобы поддерживать организм в нормальном состоянии, при необходимости следует делать клизму или использовать другие простые средства. Купание вредно. Мужчины должны хранить целомудрие так же, как они ценят свою жизнь. Каждый должен запечатлеть это в своей памяти, но особенно те, кто живет на побережье или на острове, куда проникает злой ветер"[160].

По какому случаю были даны эти странные наставления, теперь уже невозможно установить, даже если бы это было целью. Однако следует признать, что они не делают чести ни Парижскому факультету, ни XIV веку в целом. Этот знаменитый факультет оказался перед мучительной необходимостью быть мудрым по приказу и в упор стрелять эрудицией в противника, окутанного темным туманом, о природе которого они не имели ни малейшего представления. Скрывая свое невежество авторитетными утверждениями, они тем самым вводили себя в заблуждение; и, пытаясь предстать перед миром с блеском, выдавали умным

людям свою прискорбную слабость. Кто-то может предположить, что в том состоянии, в котором находились науки XIV века, не существовало ни одного умного врача; но это полностью противоречит законам развития человечества и опровергается историей. Настоящие знания эпохи можно увидеть только в архивах ее литературы. Только здесь гений истины говорит во всеуслышание: только здесь талантливые люди депонируют результаты своего опыта и размышлений, без тщеславия или корыстных целей. Нет никаких оснований полагать, что в XIV веке люди такого рода публично подвергались сомнению в своих взглядах; поэтому тем более необходимо, чтобы беспристрастная история взяла на себя их дело и воздала должное их заслугам.

Первое упоминание на эту тему относится к очень известному учителю в Перудже, Джентилису из Фолиньо, который 18 июня 1348 года пал жертвой чумы, добросовестно исполняя свой долг[161]. Приверженец арабских доктрин и всеми уважаемого Галена, он, как и все его современники, верил в гнилостное разложение крови в легких и в сердце, которое вызывается атмосферой чумы и сразу же передается всему телу. Поэтому он считал, что все зависит от достаточного очищения воздуха с помощью больших костров из пахучего дерева, как вблизи здоровых, так и больных, а также от соответствующего образа жизни, чтобы гниль не одолевала больных. В соответствии с представлениями, полученными от древних, он полагался на кровопускание и очищение в начале приступа с целью очищения; предписывал здоровым часто мыться уксусом или вином, окроплять уксусом свои жилища и часто нюхать камфору или другие летучие вещества. После этого он, по арабской моде, дал подробные правила с обилием различных лекарств, в целебную силу которых верили. Он не придавал особого значения сверхлунным влияниям, если говорить о самом заболевании; по этому поводу он не вступал в великие споры астрологов, но всегда держал в поле зрения, как объект медицинского внимания, разложение крови в легких и сердце. Он верил в прогрессирующее заражение от страны к стране, в соответствии с представлениями сегодняшнего дня; а заразная сила болезни даже вблизи тех, кто пострадал от чумы, была, по его мнению, вне всяких сомнений[162]. В этом вопросе умные современники были единодушны, и, по правде говоря, не требовалось большого гения, чтобы убедиться в столь очевидном факте. Кроме того, правильные представления о заразе пришли из далекой древности и сохранялись неизменными в XIV веке[163]. Еще в эпоху Платона знание о заразной силе злокачественных воспалений глаза, в которой не сомневался ни один врач средних веков[164], было всеобщим среди людей[165]; однако в наше время хирурги заполнили тома пристрастными спорами на эту тему. Весь язык древности приспособился к представлениям людей о заражении моровой язвой, и их термины были, вне всякого сравнения, более выразительными, чем те, что используются современниками[166].

Меры по защите здоровых людей от заразных болезней, необходимость которых следует из этих представлений, древние считали полезными; и многие, чьи обстоятельства позволяли это, приводили их в действие в своих домах. Даже полное отделение больных от здоровых, это необходимое средство защиты от заражения при контакте, было предложено врачами II века после Рождества Христова, чтобы остановить распространение проказы. Но против этого решительно возражали, поскольку, как утверждалось, врачебное искусство не должно быть виновно в такой суровости[167]. Эта мягкость древних, в образе мышления которых бесчеловечность так часто и так неприкрыто бросалась в глаза, могла бы вызвать удивление, если бы была не более чем очевидной. Истинная причина пренебрежения общественной защитой от моровой язвы лежала в общем понятии и конституции человеческого общества, - она заключалась в пренебрежении к человеческой жизни, о чем великие народы древности давали доказательства на каждой странице своей истории. Не следует думать, что им нужны были знания о распространении заразных болезней. Напротив, они были так же хорошо

осведомлены в этом вопросе, как и современные люди; но это проявлялось там, где нужно было защищать индивидуальную собственность, а не человеческую жизнь в широком масштабе. Поэтому древние придерживались общей практики сдерживания распространения рожи среди скота путем отделения больных от здоровых. Только их стада пользовались той защитой, которую они считали нецелесообразным распространять на человеческое общество, поскольку не имели желания делать это[168]. То, что в XIV веке правительства еще не были настолько развиты, чтобы ввести в действие общие правила борьбы с чумой, не требует особых доказательств. Поэтому врачи могли лишь советовать публичные очищения воздуха с помощью больших костров, как это часто практиковалось в древние времена; и они были вынуждены предоставить отдельным семьям либо искать безопасности в бегстве, либо закрываться в своих жилищах[169] - метод, который отвечает обычным чумам, но который здесь не обеспечивал полной безопасности, поскольку болезнь была настолько яростной, когда она достигала своего пика, что атмосфера целых городов была пронизана инфекцией.

В том, что астральное влияние, которое, как считалось, стало причиной "*Великой смертности*", врачи и ученые были убеждены не меньше, чем в его реальности. В качестве основной причины было принято считать великое соединение трех высших планет - Сатурна, Юпитера и Марса - в знаке Водолея, которое произошло, по словам Ги де Шольяка, 24 марта 1345 года. При определении дня этот врач, глубоко сведущий в астрологии, не согласился с другими, после чего возникли различные споры, имевшие вес в ту эпоху, но не имеющие никакого значения в нашу; люди, однако, согласились в том, что соединения планет безошибочно предсказывают великие события, великие революции королевств, новых пророков, разрушительную чуму и другие события, которые приносят беды и ужас человечеству. Ни один медицинский автор XIV и XV веков не упускает случая представить их в числе общих предсказаний великих бедствий; не можем и мы, со своей стороны, считать астрологию средних веков простым порождением суеверия. Она не только имеет, как и все идеи, которые вдохновляют и направляют человечество, высокое историческое значение, совершенно не зависящее от ее ошибочности или истинности - ведь влияние и того, и другого одинаково сильно, - но в ней, как и в алхимии, содержатся великие мысли древности, которых современная натурфилософия так мало стыдится, что претендует на них как на свою собственность. Прежде всего, это идея о всеобщей жизни, которая распространяется по всей Вселенной, выраженная величайшими греческими мудрецами и переданная в средние века через новую натурфилософию Платона. Этому представлению о вселенском организме не могло быть чуждо предположение о взаимном влиянии земных тел[170], и оно не переставало соответствовать более высокому взгляду на природу, пока астрологи не переступили границы человеческого знания с легкомысленными и мистическими расчетами.

Ги де Шолиак считает влияние соединения, которое считалось всемогущим, главной общей причиной Черной чумы; а болезненное состояние тел, разложение жидкостей, слабость, непроходимость и так далее - особыми подчиненными причинами[171]. По его мнению, качество воздуха и других элементов было настолько изменено, что они приводили ядовитые жидкости в движение по направлению к внутренним частям тела, подобно тому, как магнит притягивает железо; отсюда вначале возникали лихорадка и отхаркивание крови, а затем, однако, отложение в виде набухания желез и воспалительных нарывов. Здесь понятие эпидемической конституции было изложено четко и в соответствии с духом эпохи. В заразности болезни Ги де Шольяк был полностью убежден. Он пытался защититься от нее обычными средствами[172]; вероятно, именно он посоветовал папе Клименту VI затвориться, пока длится чума. Сохранение жизни этого папы, однако, принесло большую пользу городу

Авиньону, поскольку он осыпал бедняков благоразумными актами доброты, позаботился о том, чтобы обеспечить им надлежащий уход, и сам платил врачам, чтобы они оказывали помощь везде, где только можно, - преимущество, которым, пожалуй, не пользовался ни один другой город[173]. Лечение больных чумой в Авиньоне также не вызывало никаких нареканий; после обычного истощения кровопусканием и аперитивами, когда того требовали обстоятельства, они старались довести бубоны до нагноения; они делали надрезы на воспалительных нарывах или прижигали их раскаленным железом - практика, которая во все времена оказывалась полезной, а во время Черной чумы спасла множество жизней. В этом городе больше всего доставалось евреям, которые жили в состоянии величайшей грязи, а также испанцам, которых Чалин обвиняет в большой распущенности[174].

Еще более четкие представления о причинах чумы изложил своим современникам в XIV веке Галеаццо ди Санта-София, ученый человек, уроженец Падуи, который также лечил больных чумой в Вене[175], хотя в каком году - не установлено. Он тщательно отличает *мор* от *эпидемии* и *эндемии*. Общее представление о двух первых в точности совпадает с представлением об эпидемической конституции, ибо обе они, по его словам, заключаются в неизвестном изменении или порче воздуха; с той разницей, что *мор* вызывает болезни разного рода; *эпидемия* же, напротив, всегда одну и ту же болезнь. В качестве примера *эпидемии* он приводит кашель (грипп), который наблюдался во всех климатах в одно и то же время, без видимых причин; приближение же *моровой язвы* он распознавал независимо от необычных природных явлений по более частому появлению различных видов лихорадки, которой современные врачи придали бы нервный и гнилостный характер. По его мнению, *враг* зарождается только в местных теллурических изменениях - пагубных влияниях, которые развиваются в земле и воде, без разложения воздуха. В его время эти понятия были смешаны воедино, как и все, что человеческое понимание разделяет по слишком тонким границам. Однако оценка космических влияний в *эпидемии* и *моровой язве* вполне заслуживает похвалы; и Санта София в этом отношении не только согласен с самыми умными людьми XIV и XV веков, но и обнародовал мнение, которое и сейчас должно служить основой для наших едва начавшихся исследований космических влияний[176]. *Мор* и *эпидемия* состоят не в изменении четырех первичных качеств[177], а в разложении воздуха, мощного, хотя и совершенно нематериального, и не познаваемого чувствами: (corruptio aëris non substantialis, sed qualitativa) в диспропорции невесомых веществ в атмосфере, как выразились бы современные люди[178]. Причинами *моровой язвы* и *эпидемий* являются, прежде всего, астральные влияния, особенно при планетарных соединениях; затем обширное гниение животных и растительных тел и земное разложение (corruptio in terra); этому также могут способствовать плохое питание и нужда. Санта София считает гниение саранчи, погибшей в море и вновь выброшенной на поверхность, в сочетании с астральными и земными влияниями, причиной моровой язвы в богатый событиями год "*Великой смертности*".

Все лихорадки, вызванные *мором*, по его мнению, относятся к гнилостному типу; ведь они происходят в основном от гнилостности сердечной крови, которая неизбежно следует за вдыханием зараженного воздуха. Восточная чума иногда, но далеко не всегда, вызывается *мором* (?), который придает ей характер (qualitas occulta), враждебный человеческой природе. Она часто возникает по другим причинам, среди которых, как известно, этот врач считал заразные; и следует отметить, что он считал эпидемическую оспу и корь безошибочными предшественниками чумы, как это делают врачи и жители Востока[179] в наши дни.

В изложении своих терапевтических взглядов на чуму Санта-София вновь демонстрирует ясность ума, которая делает честь эпохе. Ему казалось, что лечение чумы зависит, во-первых, от удаления гнилостных веществ с помощью чистящих средств и кровопускания: однако он не одобрял использование этих средств без разбора и без внимания, особенно если состояние крови было здоровым. Он также решительно выступал против кровопускания ad deliquium (venæ sectio eradicativa). 2d, Укрепление сердца и предотвращение гниения. 3-е, Соответствующий режим. 4-е, Улучшение воздуха. 5-е, Соответствующее лечение опухолевых желез и воспалительных фурункулов с помощью смягчающих и даже стимулирующих припарок (горчица, луковицы лилий), а также раскаленного золота и железа. И наконец, шестое: внимание к ярким симптомам. Запасы арабской аптеки, которые он привел в действие для удовлетворения всех этих показаний, были действительно очень значительными; следует заметить, однако, что в основном были собраны щадящие средства, которые, в случае злоупотребления, не принесут вреда; ведь характер арабской системы медицины, принципам которой повсеместно следовали в это время, заключался в мягкости и осторожности. По этой причине мы также не можем поверить, что весьма пространный трактат Марсильи ди Санта София[180], современника Галеаццо, о профилактике и лечении чумы мог причинить большой вред, хотя, возможно, даже в XIV веке приятная широта и уверенные утверждения относительно вещей, которые никто из смертных не исследовал, или которые совершенно безразлично различать, считались доказательством ценного практического таланта.

Согласие современных и более поздних авторов показывает, что опубликованные взгляды самых знаменитых врачей XIV века были общепринятыми. Среди них Чалин де Винарио - самый опытный. Хотя он предан астрологии больше, чем его выдающийся современник, он признает великую силу земных влияний и весьма здраво высказывается о неоспоримой доктрине заражения, пытаясь тем самым извинить многих хирургов и врачей своего времени, которые пренебрегали своим долгом[181]. Он смело и правдиво утверждал, "*что все эпидемические болезни могут стать заразными[182], а все лихорадки - эпидемическими*", что подтвердили внимательные наблюдатели всех последующих эпох.

Свои рассуждения о кровопускании он излагал с проницательностью опытного врача; однако, как можно предположить, он не смог умерить стремление к кровопусканию, проявляемое невежественными монахами. Он не хотел брать кровь из вен у пациентов младше четырнадцати лет, но противодействовал воспалительному возбуждению у них с помощью примочек и пытался умерить воспаление опухолевых желез с помощью пиявок[183]. Большинство тех, кому пускали кровь, умирали; поэтому он оставлял это средство для плеториков; особенно для папских придворных и лицемерных священников, которых он видел удовлетворяющими свои чувственные желания и подражающими Эпикуру, в то время как они напыщенно притворялись, что следуют за Христом[184]. Он рекомендовал прижигать нарывы раскаленным железом только при чуме без лихорадки, что случалось в единичных случаях[185]; и всегда был готов поправить тех чрезмерно усердных хирургов, которые огнем и жестокими средствами наносили непоправимый вред своим пациентам[186]. Майкл Савонарола, профессор в Ферраре (1462), рассуждая о восприимчивости человеческого организма к влиянию чумной инфекции, как причине столь различных модификаций болезни, выражается так, как выразился бы современный врач по этому вопросу; а принятие принципа заражения легло в основу его определения чумы[187]. Не менее достойны внимания взгляды знаменитого Валеска из Таранты, который во время последнего визита Черной смерти в 1382 году практиковал как врач в Монпелье и передал потомкам то, что повторяется в бесчисленных трактатах о чуме, написанных в XV и XVI веках[188].

Из всех этих представлений и взглядов на чуму, развитие которых мы представили, особенно выделяются два, которые имеют важное историческое значение:- Первое: мнение ученых врачей, что *мор*, или эпидемическая конституция, является *родителем различных видов болезней*; что чума иногда, правда, но далеко не всегда, происходит от нее: что, говоря языком современников, *мор* имеет такое же отношение к заразе, как предрасполагающая причина к случайной причине: и, во-вторых, всеобщее убеждение в заразной силе этой болезни.

Заразительность постепенно привлекала все больше внимания: считалось, что в ней можно избежать самой мощной случайной причины; возможность защиты целых городов путем разделения постепенно становилась все более очевидной; и настолько ужасающими были воспоминания о насыщенном событиями годе "*Великой смертности*", что еще до конца XIV века, пока не прекратились дурные последствия Черной чумы, народы старались уберечься от возвращения этого врага путем тщательной и эффективной защиты.

Первое постановление, изданное с этой целью, принадлежит виконту Бернабо и датируется 17 января 1374 года. "Каждый больной чумой должен был быть вывезен из города в поле, где он должен был умереть или выздороветь. Те, кто присутствовал при чумном больном, должны были оставаться в стороне в течение десяти дней, прежде чем снова вступать в связь с кем-либо. Священники должны были осматривать больных и указывать специальным комиссарам на зараженных; под угрозой конфискации их имущества и сожжения заживо. Кто бы ни ввозил чуму, государство обрекало его имущество на конфискацию. Наконец, никто, кроме назначенных для этой цели лиц, не должен был посещать больных чумой под страхом смерти и конфискации[189]".

Эти распоряжения, соответствующие духу XIV века, достаточно решительны, чтобы указать на воспоминания о благотворном влиянии заключения и удержания на расстоянии тех, кто подозревается в заболевании чумой. Говорили, что сам Милан, строго заперев три дома, в которых вспыхнула чума, на значительное время избавился от "*великой смертности*"[190]; и примеры сохранения отдельных семей путем строгого разделения, безусловно, очень часты. Можно легко предположить, что эти распоряжения должны были вызвать всеобщее недовольство своей необычной суровостью, как мы знаем, особенно в городе Реджио; но Бернабо не отступал от своей цели из-за страха - напротив, когда чума вернулась в 1383 году, он под страхом смерти запретил допускать людей из зараженных мест на свою территорию[191]. Правда, мы не знаем, насколько ему это удалось; однако следует полагать, что он задержал болезнь, поскольку она уже давно утратила свойство Черной смерти - распространять по воздуху заразную материю, исходящую из легких и наполненную гнилью, и омрачать атмосферу целых городов огромным количеством больных. Теперь, когда она вернулась к своей более мягкой форме, так что заражение происходило только при контакте, она позволяла удерживаться в отдельных жилищах так же легко, как и в наши дни.

Примеру Бернабо подражали; не было ни одного века, более подходящего для рекомендации правительствам жестких правил против чумы, чем 14-й; ведь когда она вспыхнула в Италии в 1399 году и по-прежнему требовала новых жертв, это было уже в 16-й раз; не считая частых визитов кори и оспы. В том же году виконт Джон, в более мягких выражениях, чем его предшественник, приказал не пускать посторонних в зараженные места и строго охранять городские ворота. Зараженные дома должны были проветриваться не менее восьми-десяти дней и очищаться от вредных испарений с помощью костров и фумигаций бальзамическими и ароматическими веществами. Солому, тряпки и тому подобное сжигали, а использованные кровати выставляли на четыре дня под дождь или солнце, чтобы с помощью того или другого уничтожить болезнетворные испарения. Никто не

должен был осмеливаться пользоваться одеждой или постелью в зараженных жилищах, если они не были предварительно выстираны и высушены на огне или на солнце. Люди также должны были избегать, насколько это возможно, занимать дома, в которых часто бывали больные чумой[192].

Мы не можем с точностью увидеть в этом продвижение к общим правилам; возможно, люди были убеждены в непреодолимых препятствиях, которые мешали разделению открытых внутренних стран, где тела людей, связанных друг с другом, нельзя было заставить, даже с помощью самой упрямой суровости, отказаться от привычки к выгодному общению.

Несомненно, именно природа сделала больше всего для изгнания восточной чумы из Западной Европы, где растущая обработка земли и развивающийся порядок в цивилизованном обществе не позволили ей остаться одомашненной, какой она, скорее всего, была в более древние времена.

В XV веке, в течение которого она семнадцать раз вспыхивала в разных местах Европы[193], тем важнее было поставить барьер на пути ее проникновения из Азии, Африки и Греции (ставшей турецкой), ибо ей было бы трудно сохранять свою самобытность в дальнейшем. Однако среди южных торговых государств, которые были вынуждены прилагать наибольшие усилия для достижения этой цели, главным образом Венеция, ранее так сильно пострадавшая от Черной чумы, наложила необходимое ограничение на рискованные доходы купца. Вплоть до конца XV века весьма значительные торговые связи с Востоком были свободными и беспрепятственными. Корабли торговых городов нередко привозили чуму: более того, в прежние времена "*великая смертность*" сама возникала по вине мореплавателей. Так как во второй половине осени 1347 года четыре корабля с больными чумой вернулись из Леванта в Геную, болезнь распространилась там с поразительной быстротой. В связи с этим в следующем году генуэзцы запретили входить в свой порт кораблям с подозрением на чуму. Они отплывали в Пизу и другие города на побережье, где природа уже сделала столь мощные приготовления к приему Черной чумы, и в результате произошло то, что мы уже описали[194].

В 1485 году, когда среди городов северной Италии Милан особенно ощутил на себе бедствие чумы, в Венеции был создан специальный совет здоровья, состоявший из трех дворян, которые, вероятно, старались сделать все возможное, чтобы предотвратить проникновение этой болезни, и постепенно привели в действие все те правила, которые в последующие времена послужили образцом для других южных государств Европы. Их усилия, однако, не увенчались полным успехом; поэтому в 1504 году их полномочия были расширены за счет предоставления им права жизни и смерти над теми, кто нарушал предписания[195]. Вероятно, впервые были введены в 1527 году, во время смертельной чумы[196], которая посещала Италию в течение пяти лет (1525-30) и требовала удвоенной осторожности.

Первые лазареты были основаны на островах, расположенных на некотором расстоянии от города, по-видимому, еще в 1485 году. Здесь задерживали всех чужестранцев, прибывших из мест, где подозревали наличие чумы. Если она появлялась в самом городе, больных вместе с семьями отправляли в так называемый Старый Лазаретто, снабжали провизией и лекарствами, а когда они выздоравливали, их вместе со всеми, кто имел с ними сношения, еще сорок дней держали в Новом Лазаретто, расположенном на другом острове. Все эти правила с каждым годом совершенствовались, а их необходимая строгость усиливалась, так что начиная с 1585 года приговор Совета здоровья не мог быть обжалован; другие торговые

страны постепенно поддержали венецианцев, приняв соответствующие правила[197]. Векселя о здоровье, однако, не были всеобщими до 1665 года[198].

Назначение сорокадневного заключения, откуда карантины получили свое название, не было продиктовано капризом, но, вероятно, имело медицинское происхождение, которое частично вытекает из доктрины критических дней; ведь сороковой день, согласно древнейшим представлениям, всегда считался последним для острых болезней и пределом разделения между ними и хроническими. Было принято подвергать женщин, лежащих в постели в течение сорока дней, более тщательному наблюдению. В медицинских трудах также много говорилось о сорокадневных эпохах в формировании плода, не говоря уже о том, что алхимики ожидали более длительных революций через сорок дней, этот период они называли философским месяцем.

Этот период, как правило, преобладает в естественных процессах, было разумно предположить и юридически установить его как необходимый для развития скрытых принципов заражения, поскольку государственные правила не могут обойтись без решений такого рода, даже если они не должны быть полностью оправданы природой случая. Большое внимание уделяется также теологическим и юридическим основаниям, которые в XV веке, безусловно, имели больший вес, чем в более современные времена[199].

Однако мы не можем решать этот вопрос, поскольку наша единственная цель - указать на происхождение политического средства защиты от болезни, которая была величайшим препятствием для цивилизации на памяти человека; средства, которое, подобно вакцине Дженнера, после того как оспа опустошала Европу в течение двенадцатисот лет, уменьшило сдерживание, которое смертность накладывает на прогресс цивилизации, и таким образом придало жизни и нравам народов этой части мира новое направление, результат которого мы не можем предсказать.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

I.

Das alte Geisslerlied

НАЧ. АУСГАБЕ МАССМАННА ФОН ГЕРРН ПРОФЕССОР ЛАХМАНН С ВЕРГЛИХЕНОМ.

Sve siner sele wille pleghen

De sal gelden unde weder geuen

So wert siner sele raed

Des help uns leue herre goed

Nu tredet here we botsen wille5

Vle wi io de hetsen helle

Lucifer is en bose geselle

Sven her hauet

Mit peke he en lauet

Datz vle wi ef wir hauen sin10

Des help uns maria koninghin

Das wir dines kindes hulde win

Jesus crist de wart ge vanghen

An en cruce wart he ge hanghen

Dat cruce wart des blodes rod15

Wer klaghen sin marter unde sin dod

Sunder war mide wilt tu mi lonen

Dre negele unde en dornet crone

Das cruce vrone en sper en stich

Sunder datz leyd ich dor dich20

Was wltu nu liden dor mich

So rope wir herre mit luden done

Unsen denst den nem to lone

Be hode uns vor der helle nod

Des bidde wi dich dor dinen dod25

Dor god vor gete wi unse blot

Dat is uns tho den suden guot

Maria muoter koninghe

Dor dines leuen kindes minne

Al unse nod si dir ghe klaghet30

Des help uns moter maghet reyne.

De erde beuet och kleuen de steyne

Lebe hertze du salt weyne

Wir wenen trene mit den oghen

Unde hebben des so guden louen35

Mit unsen sinnen unde mit hertzen

Dor uns leyd crist vil manighen smertzen

Nu slaed w sere

Dor cristus ere.

Dor god nu latet de sunde mere40

Dor god nu latet de sunde varen

Se wil sich god ouer uns en barmen

Maria stund in grotzen noden

Do se ire leue kint sa doden

En svert dor ire sele snet45

Sunder dat la di wesen led

In korter vrist

God tornich ist

Jesus wart gelauet mid gallen

Des sole wi an en cruce vallen50

Er heuet uch mit uwen armen

Dat sic god ouer uns en barme

Jesus dorch dine namen dry

Nu make uns hir van sunde vry

Jesus dor dine wnden rod55

Be hod uns vor den gehen dod

Dat he sende sinen geist

Und uns dat kortelike leist

De vrowe unde man ir e tobreken

Dat wil god selven an en wreken60

Sveuel pik und och de galle

Dat gutet de duuel in se alle

Vor war sint se des duuels spot

Dor vor behode uns herre god

De e de ist en reyne leuen65

De had uns god selven gheuen

Ich rade uch vrowen unde mannen

Dor god gy solen houard annen

Des biddet uch de arme sele

Дорх бог ну латет хуард мере70

Dor god nu latet houard varen

So wil sich god ouer uns en barmen

Cristus rep in hemelrike

Sinen engelen al gelike

De cristenheit wil mi ent wichen75

Des wil lan och se vor gaen

Marie bat ire kint so sere

Leue kint la se di boten

Dat wil ich sceppen dat se moten

Bekeren sich.80

Des bidde ich dich

Gi logenere

Gy meynen ed sverer

Gi bichten reyne und lan de sunde uch ruwen

So wil sich god in uch vor nuwen85

Owe du arme wokerere

Du bringest en lod up en punt

Dat senket din an der helle grunt

Ir morder und ir straten rouere

Ir sint dem leuen gode un mere90

Ir ne wilt uch ouer nemende barmen

Des sin gy eweliken vor loren

Were dusse bote nicht ge worden

De cristenheit wer gar vorsunden

De leyde duuel had se ge bunden95

Мария потеряла унсен бант

Sunder ich saghe di leue mere

Sunte peter is portenere

Wende dich an en he letset dich in

He bringhet dich vor de koninghin100

Leue herre sunte Michahel

Du bist en plegher aller sel

Be hode uns vor der helle nod

Dat do dor dines sceppers dod.

Древняя песня флагеллантов.

ПО ИЗДАНИЮ МАССМАННА В СРАВНЕНИИ С МС. ПРОФЕССОРА ЛАХМАНА.

(*Перевод.*)

Кто душу спасти стремится,

Должен заплатить и вернуть.

О безопасности своей он должен думать:

Помоги нам, добрый Господь, к этому прийти.

Кто раскаивается в своих преступлениях, приблизьтесь5.

Из горящего ада мы бежим,

От злой компании Сатаны.

Кого он ведет

Он питается податью.

Если мы будем мудры, то убежим.10

Мария! Царица! Мы уповаем на тебя,

Чтоб Сын Твой к сочувствию подвигнул.

Иисус Христос был пленен,

И к кресту был прикован.

Крест покраснел от его крови15

И мы сожалеем о его мученической смерти.

"Грешник, можешь ли ты искупить меня.

Три острых гвоздя, терновый венец,

Святой крест, копье, рана,

Вот жестокие муки, которые я нашел.20

Что ты, грешник, понесешь за меня?"

Господь, громким голосом мы отвечаем Тебе,

Прими нашу службу в ответ,

И спаси нас, чтобы мы не горели в аду.

Мы, через смерть твою, к тебе прибегли.25

За Бога на небесах мы проливаем свою кровь:

Это за грехи наши послужит ко благу.

Благословенная Мария! Мать! Царица!

Через искупительное средство твоего возлюбленного Сына

Да будут все наши нужды к Тебе обращены.30

Помоги нам, Мать! Непорочная Дева!

Дрожит земля, скалы раскалываются[200],

Сердце мое нежное, ты должна успокоиться.

Слезы из наших скорбных очей льются;

Поэтому так твердо мы веру храним35

Всем сердцем и всеми чувствами.

Христос претерпел муки за наши преступления.

Смиритесь с бичом ради Иисуса,

И Бог через Христа возьмет ваши грехи.

Из любви к Богу оставьте грех,40

Исправлять свои порочные жизни начните,

Так мы милость Его завоюем.

Ужасна была боль Марии.

Когда она увидела, что ее любимый убит.

Душа ее была пронзена, как дротиком:45

Грешник, пусть это затронет твое сердце.

Близится время

Когда Бог в гневе явится.

Иисус освежился желчью:

Простершись крестообразно, падем мы,50

А потом с воздетыми руками встанем,

Чтоб Бог с нами сочувствовал.

Иисус, три титула Твоих[201],

От рабства нас освободи.

Иисус, драгоценной кровью Твоей,55

Спаси нас от огненного потопа.

Господи, защити нашу беспомощность,

И на помощь нам Дух Твой пошли.

Если муж и жена нарушат свои обеты

Бог за это отомстит.60

Сера и смола, и желчь,

Сатана выливает на таких грешников.

Воистину, дьявол их презирает:

Поэтому, Господи, мы молим Тебя о помощи.

Брак - это почетная связь65

Который сам Бог освящает.

С этим предупреждением, человек, оставайся,

Бог непременно накажет гордыню.

Пусть твоя драгоценная душа умоляет тебя,

Отбросьте гордость, чтобы не настигло вас возмездие.70

Я умоляю вас, отбросьте гордость,

И Бог нас пожалеет.

Христос на небесах, где Он повелевает,

обратился к своим ангелам: "Христианство бесчестит Меня.

"Христианство бесчестит Меня,75

И потому ее гибель Я предписываю".

Тогда Мария умоляла своего Сына: - "Покаяние Тебе, возлюбленный!

"Покаяние для Тебя, любимое Дитя, да будет сделано;

Чтобы она покаялась - это Моя забота;

Останови же гнев Твой и услышь молитву Мою "80.

Вы лжецы!

Вы, нарушившие свое таинство,

Внимательно оглянитесь и покайтесь.

Искренне раскаивайтесь в своих отвратительных грехах,

И Господь обновит ваши сердца.85

Горе ростовщику, хоть богатство твое и велико,

За каждую унцию, что ты делаешь фунтом.

Погрузит тебя в ад глубокий.

Убийцы вы, и грабители вы все,

Гнев Божий на вас падет,90

Милосердие к другим не проявите,

Никого не найдете вы, лишь бесконечное горе.

Если бы не наше раскаяние,

Все христианство погибло бы.

Сатана заковал ее в свои цепи; 95

Мария вновь ослабила свои узы.

Радостную весть несу я тебе, грешный смертный,

На небесах Святой Петр хранит портал,

Обратись к нему с умоляющим видом,

Он приведет тебя к царице твоей.100

Блаженный Михаил, благословенный святой,

Хранитель душ, прими наши мольбы.

Через смерть твоего Всемогущего Создателя,

Сохрани нас от преисподней.

II.

Допрос евреев, обвиненных в отравлении колодцев[202].

Ответ кастеляна Шильона городу Страсбургу вместе с копией инквизиции и признанием нескольких евреев, заключенных в Шильонском замке по подозрению в отравлении. Anno 1348.

Достопочтенным мэру, сенату и гражданам города Страсбурга кастелян Шильона, заместитель судебного пристава Шаблэ, шлет приветствие со всей покорностью и уважением.

Понимая, что вы желаете ознакомиться с признанием евреев и доказательствами, выдвинутыми против них, я удостоверяю вас и каждого из вас, кто желает быть осведомленным, этими документами, что они из Берна получили копию инквизиции и признания евреев, которые в последнее время проживали в указанных местах и были обвинены в подсыпании яда в колодцы и некоторые другие места; а также самые убедительные доказательства истинности выдвинутого против них обвинения. Многие иудеи были подвергнуты допросу, другие же были освобождены от него, так как признались, и были преданы суду и сожжены. Несколько христиан, которым иудеи дали яд, чтобы уничтожить христиан, были посажены на колесо и подвергнуты пыткам. Это сожжение евреев и пытки упомянутых христиан происходили во многих частях графства Савойя.

Прощайте.

Признание, сделанное в 15-й день сентября в год Господа нашего 1348 в Шильонском замке евреями, арестованными в Нойштадте по обвинению в отравлении колодцев, источников и других мест, а также пищи и т. д. с целью уничтожения и истребления всех христиан.

I. Балавинь, еврейский врач, житель Тонона, был арестован в Шильоне, так как его нашли в окрестностях. Его на короткое время посадили на дыбу, а когда сняли, он после долгих колебаний признался, что примерно за десять недель до этого раввин Иаков из Толедо, который по причине ссылки проживал в Шамбери с Пасхи, прислал ему еврейским мальчиком яд в мумии яйца: Это был порошок, зашитый в тонкий кожаный мешочек, к которому прилагалось письмо, предписывавшее ему под страхом отлучения от церкви и в силу обязательного повиновения закону бросить этот яд в более крупные и часто посещаемые колодцы города Тонона, чтобы отравить тех, кто берет там воду. Кроме того, ему было предписано не сообщать об этом обстоятельстве никому, под угрозой того же наказания. Выполняя это повеление иудейских раввинов и докторов закона, он, Балавигнус, раздал яд в нескольких местах и признался, что однажды вечером положил определенную порцию под камень в источнике на берегу в Тононе. Он также признался, что упомянутый мальчик принес различные письма подобного рода, адресованные другим представителям его нации, и в частности указал некоторые, адресованные по отдельности Моссойету, Бандитону и Самолето из Нойштадта; Муссео Абрамо и Аквету из Монреанца, евреям, проживающим в Турне в Вивее; Бенетону и его сыну в Санкт-Морице; Вивиану Якобусу, Аквету и Сонету, евреям в Аквани. Несколько писем подобного рода были отправлены Абраму и Муссе, евреям из Мончеоли; мальчик рассказал, что отвез много других писем в разные и отдаленные места, но не помнит, кому они были адресованы. Далее Балавигнус признался, что, подсыпав яд в источник в Тононе, он категорически запретил своей жене и детям пить воду, но не счел нужным объяснить причину. Он поклялся в истинности этого

заявления и в присутствии нескольких заслуживающих доверия свидетелей поклялся своим законом и Пятикнижием Моисея во всех пунктах своих показаний.

На следующий день Балавиньус добровольно и без пыток дословно подтвердил вышеприведенное признание перед многими известными людьми и по собственной воле признал, что, возвращаясь однажды из Тура близ Вивея, он бросил в колодец под Муструэзом, а именно под Ла-Конерайдом, некоторое количество яда, завязанного в тряпку, которую дал ему для этой цели Аквет Монреанский, житель упомянутого Тура: что он ознакомил Мансионо и его сына Делосаза, жителей Нойштадта, с обстоятельствами своего поступка и посоветовал им не пить воду. Он описал цвет яда как красно-черный.

В девятнадцатый день сентября вышеупомянутый Балавигнус признался без пыток, что примерно через три недели после Витсунтида еврей по имени Муссус сказал ему, что он бросил яд в колодец в таможне того места, принадлежащий семье Борнеллер, и что он больше не пьет воду из этого колодца, а пьет воду из озера. Далее он заявил, что Муссус сообщил ему, что он также положил немного яда под камни в таможне в Шильоне. Соответственно, в этом колодце был произведен обыск, и яд был найден: немного яда было дано еврею для пробы, и он от этого умер. Он также заявил, что раввины приказали ему и другим евреям воздерживаться от питья воды в течение девяти дней после того, как в нее был подмешан яд; и сразу же после отравления воды он сообщил об этом другим евреям. Он, Балавинь, признался, что около двух месяцев назад, находясь в Эвиане, он беседовал на эту тему с евреем по имени Иаков и, среди прочего, спросил его, получил ли он также письмена и яд, и получил утвердительный ответ; затем он спросил его, выполнил ли он приказ, и Иаков ответил, что нет, но отдал яд еврею Савету, который бросил его в колодец де Морер в Эвиане. Иаков также попросил его, Балавигнуса, исполнить наложенное на него повеление с должной осторожностью. Он признался, что Аквет из Монреанца сообщил ему, что бросил немного яда в колодец над Туром, воду из которого он иногда пил. Он признался, что Самолет сказал ему, что положил яд, который он получил, в колодец, который, однако, отказался назвать ему. Балавигнус, как врач, далее утверждал, что если человек, зараженный таким ядом, соприкоснется с другим человеком, находящимся в состоянии пота, то заражение будет почти неизбежным результатом; то же самое может произойти и от дыхания зараженного человека. Этот факт он считал верным, и его мнение подтверждалось свидетельствами многих опытных врачей. Он также заявил, что никто из его окружения не может оправдаться от этого обвинения, поскольку заговор был сообщен всем, и что все виновны в вышеупомянутых обвинениях. Балавиньи перевезли по озеру из Шильона в Кларенс, чтобы указать колодец, в который он, по его признанию, бросил порох. По приземлении его провели на место; увидев колодец, он признал его, сказав: "Это тот самый колодец, в который я бросил яд". Колодец был осмотрен в его присутствии, и льняная ткань, в которую был завернут яд, была найдена в сточной трубе нотариусом Генрихом Герхардом в присутствии многих людей и показана указанному еврею. Тот признал, что это та самая льняная ткань, в которой находился яд, по его словам, двух цветов, красного и черного, но сказал, что бросил ее в открытый колодец. Льняную ткань забрали и сохранили.

В заключение Балавигнус подтверждает истинность всего и вся, о чем говорилось выше. Он считает, что в этом яде содержится часть василиска, потому что слышал и был уверен, что без него невозможно приготовить вышеупомянутый яд.

II. Бандитоно, еврей из Нойштадта, пятнадцатого сентября был на короткое время подвергнут пытке. После долгого перерыва он признался, что бросил в колодец Карутет количество яда размером с крупный орех, которое дал ему еврей Муссей в Туре, недалеко от Вивея, чтобы отравить тех, кто из него выпьет.

На следующий день Бандитоно добровольно и без пыток подтвердил истинность вышеупомянутых показаний, а также признался, что раввин Якоб фон Паше, приехавший из Толедо и поселившийся в Шамбери, прислал ему в Пильекс через слугу-еврея яд размером с крупный орех вместе с письмом, предписывающим под страхом отлучения бросить этот порошок в колодцы. Поэтому он бросил яд, который был засыпан в кожаный мешок, в колодец Церклити де Рош; кроме того, он видел в руках слуги много других писем, адресованных разным евреям; он также видел, как упомянутый слуга передал одно из них с внешней стороны верхних ворот Самулету, еврею, в Нойштадте. Он также заявил, что еврей Массолет сообщил ему, что тот подсыпал яд в колодец у моста в Вивее.

III. Упомянутый Мансионо, еврей из Нейштадта, был поставлен на дыбу пятнадцатого числа того же месяца, но отказался признать вышеупомянутое обвинение, заявив о своем полном неведении относительно всего этого дела; Но на следующий день он добровольно и без всяких пыток признался в присутствии многих лиц, что однажды в прошлую витсунскую неделю он пришел из Манчеоло в компании с евреем по имени Провенцаль, и, дойдя до колодца Чаблоз-Крюэс между Вьоном и Мурой, тот сказал: "Ты должен вылить в этот колодец немного яда, который я тебе дам, или горе тебе!" Он взял порцию порошка величиной с орех и сделал то, что ему было велено. Он полагал, что евреи в окрестностях Эвиана созвали совет по поводу этого заговора перед Витсунтидом. Он также сказал, что Балавиньи сообщил ему о том, что отравил колодец де ла Конерайд под Муструэзом. Он также подтвердил свою убежденность в виновности евреев в этом деле, заявив, что они были полностью ознакомлены со всеми деталями и виновны в предполагаемом преступлении.

На третий день октября Мансионо предстал перед членами комиссии и ничуть не изменил своих прежних показаний и не отрицал, что подсыпал яд в упомянутые колодцы.

Вышеупомянутые евреи перед казнью торжественно поклялись своим законом в истинности своих показаний и заявили, что все евреи, начиная с семи лет и старше, не могут быть освобождены от обвинения в виновности, так как все они были знакомы с заговором и в большей или меньшей степени участвовали в преступлении.

[*Семь других экспертиз почти не отличаются от вышеприведенной, за исключением имен обвиняемых, и не вносят особого разнообразия. Поэтому мы добавим лишь характерный отрывок в заключение этого документа. Все говорит само за себя*].

Остаются многочисленные доказательства и обвинения против вышеупомянутых евреев, а также против евреев и христиан в разных частях графства Савойя, которые уже понесли наказание, причитающееся за их чудовищное преступление; которых, однако, у меня нет под рукой, и поэтому я не могу вам их прислать. Должен добавить, что все евреи Нойштадта были сожжены по справедливому приговору закона. В Аугсте я присутствовал при сожжении трех христиан за соучастие в заговоре с отравлением. Очень многие христиане были арестованы за это преступление в различных местах этой страны, особенно в Эвиане, Гебенне, Крузилиене и Хохштетте, которые, наконец, в свои предсмертные минуты были вынуждены признаться и признать, что получили яд от евреев. Некоторых из этих христиан четвертовали,

других распластали, а затем повесили. Магистраты назначили определенных комиссаров для исполнения приговора над всеми евреями, и я полагаю, что ни один из них не уйдет.

ССЫЛКИ:

[1] Здесь я мог бы подробнее остановиться на общей важности изучения эпидемий; но это было настолько полно изложено в Обращении автора к врачам Германии, которое следует сразу за ним, а также в Предисловии к "Потливой болезни" на с. 177, что любые дальнейшие замечания на эту тему были бы излишними с моей стороны.

[2] στε καὶ ἐλέχθη ὑπ' αὐτῶν ὡς οἱ Πελοποννήσιοι φάρμακα ἐσβεβλήκοιεν ἐς τὰ φρέατα. Thucyd. Hist. B. ii. 49. "Болезнь приписывалась народом яду, и, по-видимому, ничто не могло быть более достоверным, чем распространявшиеся сообщения о злоумышленниках, принимавшихся подмешивать ядовитые снадобья в пищу и питье простых людей". Наблюдения над холерой в Санкт-Петербурге, стр. 9. G. W. Lefevre, M.D. 8vo. 1831.

[3] Известно только о двух экземплярах, один из которых хранится в Британском музее, а другой - в библиотеке Колледжа врачей.

[4] La Mortalega Grande. Matth. de Griffonibus. Muratori. Script. rer. Italicar. T. XVIII. p. 167. D. Другие называли их Anguinalgia. Andr. Gratiol. Discorso di Peste. Venet. 1576. 4to. Шведский: *Diger-döden*. Loccenii Histor. Suecan. L. III. p. 104.- Датский: *den sorte Dod*. Понтан. Rer. Danicar. Histor. L. VIII. p. 476.-Amstelod. 1631, fol. Icelandic: *Svatur Daudi*. Saabye, Tagebuch in Grönland. Введение XVIII. Mansa, de Epidemiis maxime memorabilibus, quæ in Dania grassatæ sunt, &c. Part I. p. 12. Havniæ, 1831, 8.- В Вестфалии было распространено имя *de groete Doet*. Meibom.

[5] Joann. Cantacuzen. Historiar. L. IV. c. 8. Ed. Paris. p. 730. 5. Как справедливо замечает Шпренгель, экс-император действительно скопировал некоторые отрывки из Фукидида (Appendix to the Geschichte der Medicin. Vol. I. H. I. S. 73), хотя, скорее всего, это было сделано лишь для того, чтобы округлить период. Это не наносит ущерба его достоверности, поскольку его утверждения согласуются с другими отчетами.

[6] Ἀποστάσεις μεγάλαι.

[7] Μελαίναι φλυκτίδες.

[8] ὥσπερ στίγματα μέλανα.

[9] Guidon. de Cauliaco Chirurgia. Tract 11. c. 5. p. 113. Прим. ред. Lugdun. 1572.

[10] Et fuit tantæ contagiositatis specialiter quæ fuit cum sputo sanguinis, quod non solum morando, sed etiam inspiciendo unus recipiebat ab alio: intantum quod gentes moriebantur sine servitoribus, et sepeliebantur sine sacerdotibus, pater non visitabat filium, nec filius patrem: charitas erat mortua, spes prostrata.

[11] Deguignes, Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols, &c. Tom. IV. Paris, 1758. 4to. p. 226.

[12] Decameron. Giorn. I. Introd.

[13] С этого времени черные питекантропы всегда считались смертельными при чуме.

[14] Весьма обычное обстоятельство при эпидемиях чумы.

[15] Auger. de Biterris, Vitæ Romanor. pontificum, Muratori Scriptor. rer. Italic. Vol. III. Pt. II. p. 556.

[16] Contin. altera Chronici Guillelmi de Nangis in d'Acher, Spicilegium sive Collectio Veterum Scriptorum, &c. Ed. de la Barre, Tom. III. p. 110.

[17] "Все люди умерли от нарывов и воспаленных желез, которые появлялись под мышками и в паху". Jac. v. Königshoven, старейшая хроника Эльзаса и Страсбурга, да и всей Германии. Страсбург, 1698. 4. cap. 5, § 86. p. 301.

[18] Hainr. Rebdorff, Annales, Marq. Freher. Germanicarum rerum Scriptores. Francof. 1624. fol. p. 439.

[19] Königshoven, in loc. cit.

[20] Anonym. Leobiens. Chron. L. VI. in Hier. Pez, Scriptor. rer. Austriac. Lips. 1721. fol. Tom. I. p. 970. Вышеупомянутые явления здесь называются: *rote sprinkel, swarcze erhubenn* und *druesz under den üchsen und ze den gemüchten*.

[21] Ubb. Emmiie rer. Frisiacar. histor. L. XIV. p. 203. Lugd. Bat. 1616. fol.

[22] Guillelmus de Nangis, loc. cit.

[23] Ant. Wood, Historia et Antiquitates Universit. Oxoniens. Oxon. 1764. fol. L. l. p. 172.

[24] Mezeray, Histoire de France. Paris, 1685. fol. T. II. p. 418.

[25] Барнс, давший живую картину черной чумы в Англии, взятую из реестров XIV века, описывает внешние симптомы в следующих выражениях: шишки или припухлости в паху или подмышками, называемые ядрами, желчью, волдырями, прыщами, сыпями или язвами чумы. История Эдуарда III. Cambridge, 1688, fol. p. 432.

[26] Torfæus, Historia rerum Norvegicarum. Hafn. 1711. fol. L. ix. c. 8. p. 478. Этот автор последовал за Понтанусом (Rerum Danicar. Historia. Amstelod. 1631. fol.), который дал только общий отчет о чуме в Дании и ничего о ее симптомах.

[27] Dlugoss, vide Longini Histor. polonic. L. xii. Lips. 1711. fol. T. I. p. 1086.

[28] W. M. Richter, Geschichte der Medicin in Russland. Moskwa, 1813, 8. p. 215. Свои сведения о черной чуме в России Рихтер почерпнул из подлинных русских MSS.

[29] Сравните по этому вопросу трактат Баллинга "Zur Diagnostik der Lungenerweichung". Vol XVI. ii. 3. p. 257 of litt. Annalen der ges. Heilkunde.

[30] В отношении Авиньона и Парижа точно установлено, что нечистота на улицах значительно усиливала чуму. Раим. Шалин де Винарио.

[31] De Peste Libri tres, opera Jacobi Dalechampii in lucem editi. Lugduni, 1552. 16. p. 35. Далешамп лишь улучшил язык этого произведения, не добавив к нему ничего, кроме предисловия в виде двух писем. Раймон Шалин де Винарио был современником Ги де Шольяка в Авиньоне. Он пользовался высокой репутацией и был в очень богатых обстоятельствах. Он часто упоминает кардиналов и высших чиновников папского двора, которых он лечил; и даже вероятно, хотя и не точно, что он был врачом Климента VI. (1342-1352), Иннокентия VI. (1352-1362) и Урбана V (1362-1370). Он и Ги де Шольяк никогда не упоминают друг друга.

[32] Dalechamp, p. 205 - где, а также на стр. 32-36, вспышки чумы упоминаются в обычных неопределенных выражениях: Exanthemata viridia, cærulea, nigra, rubra, lata, diffusa, velut signata punctis, &c.

[33] "Pestilentis morbi gravissimum symptoma est, quod zonam vulgo nuncupant. Ea sic fit: Pustulæ nonnunquam per febres pestilentes fuscæ, nigræ, lividæ existunt, in partibus corporis a glandularum emissariis sejunctis, ut in femore, tibia, capite, brachio, humeris, quarum fervore et caliditate succi corporis attracti, glandulas in trajectione replent, et attollunt, unde bubones fiunt atque carbunculi. *Ab iis tanquam solidus quidam nervus in partem vicinam distentam ac veluti convulsione rigentem producitur, puta brachium vel tibiam, nunc rubens, nunc fuscus, nunc obscurior, nunc virens, nunc iridis colore, duos vel quatuor digitos latus*. Hujus summo, qua desinit in emissarium, plerumque tuberculum pestilens visitur, altero vero extremo, qua in propinquum membrum porrigitur, carbunculus. Hoc scilicet malum vulgus zonam cinctumve nominat, periculosum minus, cum hic tuberculo, illic carbunculo terminatur, quam si tuberculum in capite solum emineat." p. 198.

[34] V. Hoff. Geschichte der natürlichen Veränderungen der Erdoberfläche, T. II. p. 264. Гота, 1824. За этим извержением в том же столетии не последовало ни одного другого, ни Этны, ни Везувия.

[35] Deguignes, loc. cit. p. 226, из китайских источников.

[36] Ibid. p. 225.

[37] Было также много саранчи, которую ураган сдул в море, а затем выбросил на берег, и она издавала ядовитые выделения; *на небе был виден густой и страшный туман, поднимавшийся на востоке и опускавшийся на Италию*. Мансфельдская хроника, в M. Cyriac Spangenberg, chap. 287, fol. 336. b. Eisleben, 1572. Сравните Staind. Chron. (?) в Schnurrer, ("Ingens vapor magnitudine horribili boreali movens, regionem, magno adspicientium terrore dilabitur,") и Ad. von Lebenwaldt, Land-Stadt-und Hausarzney-Buch. fol. p. 15. Нюрнберг, 1695 г., который упоминает о темном, густом тумане, покрывшем землю. Чалин выражается по этому поводу в следующих выражениях: "Cœlum ingravescit, *aër impurus sentitur: nubes crassæ ac multæ luminibus cœli obstruunt, immundus ac ignavus tepor hominum emollit corpora, exoriens sol pallescit*." p. 50.

[38] См. рассказ Кайуса о причинах потливой болезни в Приложении - *прим.* перев.

[39] Mezeray, Histoire de France, Tom. II. 418. Париж, 1685. Сравните "Хроники Фландрии" Удегерста. Antwerp, 1571, 4to. Chap. 175, f. 297.

[40] Они распространились в направлении с востока на запад, над большинством стран, из которых мы получили сведения. Аноним. Leobiens, Chron. loc. cit.

[41] Giov. Villani Istorie Fiorentine, L. XII. chap. 121, 122. in Muratori, T. XIII. pp. 1001, 1002. Сравните Barnes, loc. cit. p. 430.

[42] J. Vitoduran. Chronicon, in Füssli. Thesaurus Histor. Helvet. Tigur. 1735. fol. p. 84.

[43] Albert. Argentiniens. Chronic. in Urstis. Scriptor. rer. Germanic. Francof. 1585. fol. P. II. p. 147. Сравните Chalin, loc. cit.

[44] Петрарка. Опера. Basil. 1554. fol. p. 210. Barnes, loc. cit. p. 431.

[45] "Un tremblement de terre universel, mesme en France et aux pays septentrionaux, renversoit les villes toutes entières, déracinoit les arbres et les montagnes, et remplissoit les campagnes d'abysmes si profondes, qu'il semblait que l'enfer eût voulu engloutir le genre humain." Mezeray, loc. cit. p. 418. Barnes, p. 431.

[46] Villani, loc. cit. c. 119. p. 1000.

[47] Guillelm. de Nangis, Cont. alt. Chron. loc. cit. p. 109.

[48] Ibid. p. 110.

[49] Villani, loc. cit. c. 72. p. 954.

[50] Anonym. Istorie Pistolesi, in Muratori, T. XI. p. 524. "Ne gli anni di Chr. 1346 et 1357, fu grandissima carestia in tutta la Christianità, in tanto, che molta gente moria di fame, e fu grande mortalità in ogni paese del mondo."

[51] По словам Папона, ее происхождение полностью теряется в неясности отдаленных веков; и даже до христианской эры мы можем проследить множество упоминаний о прежних морах. De la peste, ou époques mémorables de ce fléau, et les moyens de s'en préserver. T. II. Paris, An VIII. de la rép. 8.

[52] 1301 год - на юге Франции; 1311 - в Италии; 1316 - в Италии, Бургундии и Северной Европе; 1335 - год саранчи - в центре Европы; 1340 - в Верхней Италии; 1342 - во Франции; 1347 - в Марселе и на большинстве крупных островов Средиземноморья. Там же. T. II. p. 273.

[53] Сравните Deguignes, loc. cit. p. 288.

[54] Согласно общему византийскому обозначению, "из страны гиперборейских скифов". Kantakuzen, loc. cit.

[55] Guid. Cauliac, loc. cit.

[56] Matt. Villani, Istorie, in Muratori, T. XIV. p. 14.

[57] Annal. Cæsenat, *Ibid.* p. 1179.

[58] Barnes, loc. cit.

[59] Olof Dalin's, Svea-Rikes Historie, III. vol. Stockholm, 1747-61, 4. Vol. II. C. 12, p. 496.

[60] Dlugoss, Histor. Polon. L. IX. p. 1086, T. I. Lips. 1711, fol.

[61] Deguignes, loc. cit. p. 223, f.

[62] Matt. Villani, Istoria, loc. cit. p. 13.

[63] Knighton, in Barnes, loc. cit. p. 434.

[64] Jno. Trithem Annal. Hirsaugiens. (Monast. St. Gall. Hirsaug. 1690. fol.) T. II. p. 296. Согласно Боккачио, loc. cit. 100 000; согласно Matt. Виллани, loc. cit. p. 14, три из пяти.

[65] Odoric. Рейнальд. Annal. ecclesiastic. Colon. Agripp. 1691. fol. Vol. XVI. p. 280.

[66] Vitoduran. Chronic. in Füssli, loc. cit.

[67] Tromby, Storia de S. Brunone e dell'ordine Cartusiano. Vol. VI. L. VIII. p. 235. Napol. 1777. fol.

[68] Barnes, p. 435.

[69] Ibid.

[70] Baluz. Vitæ Papar. Avenionens. Paris, 1693-4. Vol. I. p. 316. Согласно Ребдорфу в Freher. loc. cit. в худший период - 500 ежедневно.

[71] Königshoven, loc. cit.

[72] Согласно Реймару Корку, с Пасхи до Михаэля 1350 года от 80 до 90 000 человек; среди них было одиннадцать членов сената и епископ Иоанн IV. Vid. Иоанн Руд. Беккер, Косвенная история имперского и вольного города Любека. Lübeck, 1782, 84, 1805. 3 Vols. 4. Том I. стр. 269. 71. Хотя Любек в то время находился в самом цветущем состоянии, этот рассказ, который согласуется с рассказом Пауля Ланге, несомненно, преувеличен. (Chronic. Citizense, in I. Pistorius, Rerum Germanic. Scriptores aliquot insignes, cur. Struve. Ratisb. 1626. fol. p. 1214.) Поэтому мы выбрали более низкую оценку анонимного писателя. Хроника. Склавическое изложение Эрпольда Линденброга. Scriptores rerum Germanic. Septentrional. vicinorumque populor. diversi, Francof. 1630. fol. p. 225, и Spangenberg, loc. cit., с которым опять же не совпадает заверение двух авторов, что 10 августа 1350 года умерло 15 или 1700 (по Беккеру 2500) человек. Сравните Chronik des Franciskaner Lesemeisters Detmar, nach der Urschrift und mit Ergänzungen aus anderen Chroniken herausgeg. published by F. H. Grautoff. Hamburg, 1829, 30. 8. P. I. p. 269. App. 471.

[73] Förstemann, Versuch einer Geschichte der christlichen Geisslergesellschaften, in Staüdlin's und Tzschirner's, Archiv für alte und neue Kirchengeschichte, Vol. III. 1817.

[74] Limburg Chronicle, pub. by C. D. Vogel. Марбург, 1828. 8vo. p. 14.

[75] Barnes, loc. cit.

[76] Ibid.

[77] Spangenberg. fol. 339. a. Grawsam Sterben vieler faulen Troppfen. Многие ленивые монахи умерли жестокой смертью.

[78] Vitoduran, loc. cit.

[79] Becker, loc. cit.

[80] Hainr. Rebdorf. p. 630.

[81] Guillelm. de Nang. loc. cit.

[82] Иоганна, королева Наваррская, дочь *Людовика X.*, и *Иоганна* Бургундская, жена короля *Филиппа* де Валуа.

[83] Фулько де Шанак.

[84] Mich. Felibien, Histoire de la ville de Paris, Liv. XII. Vol. II. p. 601, Paris, 1725. fol. Comp. Guillelm. de Nangis. loc. cit. и Daniel, Histoire de France, Tom. II. p. 484. Амстерд. 1720. 4to.

[85] Torfæus, loc. cit.

[86] Согласно другому рассказу, 960 год. Хроника. Salisburg, in Pez. loc. cit. T. I. p. 412.

[87] Согласно анонимному хронисту, каждая из этих ям, как говорят, вмещала 40 000 человек; это, однако, мы должны понимать только как круглые числа. Аноним. Leobiens, in Pez. p. 970.

По словам этого писателя, в некоторых домах погибло более семидесяти человек, многие были полностью опустошены, а в одном только соборе Святого Стефана было перебито пятьдесят четыре церковнослужителя.

[88] Auger. de Biterris in Muratori. Vol. III. P. II. p. 556. То же самое говорит о Падерборне Гобелин Персон в Henr. Meibom. Rer. Germanic. Script. T. I. p. 286. Helmstadt, 1688. fol.

[89] Spangenberg. loc. cit. chap. 287. fol. 337. b.

[90] Barnes, 435.

[91] Trithem. Annal. Hirsaug. loc. cit.

[92] Loc. cit. L. XII. c. 99. p. 977.

[93] Chronic. Claustro-Neoburg. in Pez. Vol. I. p. 490. Comp. Barnes, p. 435. Raynald Histor. ecclesiastic, loc. cit. Согласно этому рассказу, беглый венецианец, как говорят, принес чуму в Падую.

[94] Giov. Villani, L. XII. c. 83. p. 964.

[95] Barnes, p. 436.

[96] Wood, loc. cit.

[97] Вуд говорит, что до чумы в Оксфорде было 13 000 студентов; это число может в некоторой степени позволить нам составить представление о состоянии образования в Англии в то время, если учесть, что в средние века университеты посещали молодые студенты, которые в наше время не бросают школу до 18 лет.

[98] Barnes and Wood, loc. cit.

[99] Gobelin. Person, in Meibom. loc. cit.

[100] Juan de Mariana. Historia General de España, illustrated by Don José Sabau y Blanco. Том. IX. Madrid, 1819. 8vo. Libro XVI. p. 225. Don Diego Ortiz de Zúñiga, Annales ecclesiasticos y seculares de Sevilla. Madrid, 1795. 4to. T. II. p. 121. Don Juan de Ferreras, Historia de España. Мадрид, 1721. T. VII. p. 353.

[101] Gobelin. Person, loc. cit. Comp. Chalin, p. 53.

[102] Guillelm. de Nangis, loc. cit.

[103] Spangenberg. fol. 337. b. Limburg. Chronic, p. 20. "Und die auch von Rom kamen, wurden eines Theils böser als sie vor gewesen waren."

[104] Guillelm. de Nangis, loc. cit. и многие другие.

[105] Dalin's Svea Rikes Historie, Vol. II. c. 12. p. 496.

[106] Saabye. Tagebuch in Grönland. Einleit. XVIII.-Torfæi Histor. Norveg. Tom. IV. L. IX. c. viii. p. 478-79. F. G. Mansa, De epidemiis maxime memorabilibus quæ in Dania Grassatæ sunt, et de Medicinæ statu. Partic. I. Havn. 1831. 8vo. p. 12.

[107] Torfæi Groenlandia antiqua, s. veteris Groenlandiæ; descriptio. Havniæ, 1715. 8vo. p. 23.-Pontan. Rer. danicar. Histor. Amstelod. 1631. fol. L. VII. p. 476.

[108] Richter, loc. cit.

[109] Этот взгляд на предмет мы почерпнем у Гиллеля де Нангиса и Барнса, если *внимательно* их прочитаем. Сравните Олоф Далин, loc. cit.

[110] Practica de ægritudinibus a capite usque ad pedes. Papiæ, 1486. fol. Tract VI. c. vii.

[111] "Darnach, da das Sterben, die Geiselfarth, Römerfarth, Judenschlacht, als vorgeschrieben stehet, ein End hatte, da hub die Welt wieder an zu leben und fröhlich zu seyn, und machten die Männer neue Kleidung." Limburger Chronik. p. 26. После этого, когда, как уже говорилось, закончились смертоубийство, шествия флагеллантов, походы в Рим и резня евреев, мир стал оживать и радоваться, а люди надели новые одежды".

[112] Chalin, loc. cit. p. 92. Любекская хроника Детмара, V. I. p. 401.

[113] Хрон. Дитмари, епископ. Мерзепург, Франкоф. 1580, fol. p.358.-"Spagenberg, p. 338. Плач был жалобным, и единственным утешением оставалась тревога, вызванная опасностью, чтобы подготовиться к славному отъезду; другой надежды не оставалось - смерть казалась неизбежной. Поэтому многих побудили обратиться к Богу и отказаться от своих порочных занятий: родители предупреждали своих детей, наставляли их, как молиться и покоряться путям Провидения; соседи взаимно наставляли друг друга; никто не мог рассчитывать ни на один час передышки. Многие люди и даже маленькие дети прощались с миром; одни с молитвой, другие с хвалой на устах".

[114] Torfæi Hist. rer. Norvegic. L. IX. c. viii. p. 478. (Havn. 1711, fol.) *Die Cronica van der hilliger Stat van Coellen, off dat tzytboich*, Coellen, 1490, fol. p. 263. "*In dem vurss jair erhoiff sich eyn alzo wunderlich nuwe Geselschaft in Ungarien*," &c. Хроника святого города Кельна, 1499 год. В том же году в Венгрии было создано весьма примечательное общество.

[115] Альберт. Argentinens. Chronic. p. 149, in Chr. Urstisius. Germaniæ historicorum illustrium Tomus unus. Francof. 1585, fol.-Guillelm. de Nang. loc. cit.-Comp. также Саксонскую хронику, написанную Маттеусом Дрессереном, врачом и профессором в Лейпсиге, Виттенберг, 1596, fol. p. 340; вышеупомянутую Лимбургскую хронику, и Germaniæ Chronicon, о происхождении, имени, торговле и т.д. всех тевтонских народов Германии: автор Seb. Франкен, из Вёрда. Tübingen, 1534, fol. p. 201.

[116] Ditmar, loc. cit.

[117] Königshoven, Elsassische und Strassburgische Chronicke. loc. cit. p. 297. f.

[118] Albert. Argentin. loc. cit. Они никогда не оставались дольше одной ночи в каком-либо месте.

[119] Слова Монаха Падуанского, приведенные в трактате Фёрстеманна, который является лучшим по этому вопросу - см. с. 24.

[120] Schnurrer, Chronicle of the Plagues, T. I. p. 291.

[121] Königshoven, loc. cit.

[122] Förstemann, loc. cit. Паломничество флагеллантов в 1349 году было не последним. Позднее, в XIV веке, этот фанатизм еще несколько раз проявлялся, хотя уже не в такой степени: в XV веке в некоторых частях Германии считалось необходимым истреблять их огнем и мечом; а в 1710 году процессии крестоносцев все еще можно было увидеть в Италии. Насколько глубоко укоренилась эта мания, доказывают показания гражданина Нордхаузена

(1446 г.): его жена, желая совершить христианский акт, хотела бичевать своих детей, как только они крестились.

[123] Königshoven, p. 298:

"*Stant uf durch der reinen Martel ere;*

Und hüte dich vor der Sünden mere."

[124] Guill. de Nang. loc. cit.

[125] Albert. Argentinens. loc. cit.

[126] Мы встречаем фрагменты разной длины в хрониках того времени, но единственный полный MS., которым мы располагаем, находится в ценной библиотеке президента фон Мейзебаха. Массманн напечатал ее, сопроводив переводом, под названием "Erläuterungen zum Wessobrunner Gebet des 8ten Jahrhunderts. Nebst Zweien *noch ungedruckten*, Gedichten des Vierzehnten Jahrhunderts, Berlin, 1824. "Разъяснения Вессобруннской молитвы VIII века, вместе с двумя неизданными гимнами XIV века". Мы поместим его в конце этого трактата как яркий документ эпохи. Лимбургская хроника утверждает, что он не был составлен до этого времени, хотя часть, если не весь, был исполнен в процессии флагеллантов в 1260 году. См. Incerti auctoris Chronicon rerum per Austriam Vicinasque regiones gestarum inde ab anno 1025, usque ad annum 1282. Munich, 1827 8, p. 9.

[127] Trithem. Annal. Hirsaugiens, T. II. p. 206.

[128] Он издал буллу против них, 20 октября 1349 года. Рейнальд. Trithem. loc. cit.

[129] Но поскольку в конце концов они перестали вызывать удивление, их больше не приветствовали звоном колоколов и не принимали с почтением, как раньше, они исчезли, как это свойственно человеческому воображению. Саксонская хроника, автор Матт. Дрессерена. Wittenberg, 1596, fol. p. 340, 341.

[130] Albert. Argentinens. loc. cit.

[131] Guillelm. de Nangis.

[132] Ditmar. loc. cit.

[133] Klose of Breslaw's Documental History and Description, 8vo. Vol. II. p. 190. Breslaw, 1781.

[134] Limburg Chronicle, p. 17.

[135] Kehrberg's Description of Königsberg, *i. e.* Neumark, 1724, 4to. p. 240.

[136] Так пишет польский историк Длугосс, loc. cit., в то время как большинство его современников упоминают только отравление колодцев. Очевидно, что в том состоянии, в котором находились их чувства, не имело большого значения, добавляли ли они еще одно, более грозное обвинение.

[137] В тех местах, где не проживали евреи, как в Лейпсиге, Магдебурге, Бриге, Франкенштейне и т. д., в преступлении обвиняли гробокопателей - V. Möhsen's History of the Sciences in the March of Brandenburg, T. II. p. 265.

[138] См. оригинальный протокол в Приложении.

[139] Hermanni Gygantis Flores temporum, sive Chronicon Universale-Ed. Meuschen. Lugdun. Bat. 1743. 4to. p. 139. Герман, францисканский монах из Франконии, писавший в 1349 году, был очевидцем самых отвратительных сцен мести по всей Германии.

[140] Guid. Cauliac. loc. cit.

[141] Hermann. loc. cit.

[142] Albert. Argentin.-Königshoven, loc. cit.

[143] *Dies was ouch die Vergift, die die Juden döttete*. "Это также был яд, который убил евреев", - замечает Кенигсховен, что он иллюстрирует словами о том, что их численность в Германии была очень велика, а их способ добывать средства к существованию, который, однако, был единственным оставшимся у них ресурсом, вызывал неприязнь к ним во всех кругах.

[144] Многие состоятельные евреи, например, по пути на костер были лишены одежды ради зашитой в ней золотой монеты. Argentinens.

[145] См. предыдущее примечание.

[146] Spangenberg, loc. cit.

[147] Guillelm. de Nangis.-Dlugoss, loc. cit.

[148] Albert. Argentinens.

[149] Спангенберг описывает подобную сцену, произошедшую в Костнице.

[150] Guillelm. de Nang.-Raynald.

[151] Histor. Landgrav. Thuring. in Pistor. loc. cit. Vol. I. p. 948.

[152] Anonym. Leobiens, in Pez. loc. cit.

[153] Спангенберг. В графстве Марк евреи жили не лучше, чем в остальной Германии. Маркграф Людвиг Римский даже потворствовал их преследованиям, о которых Керберг, loc. cit. 241. приводит следующий официальный отчет: Coram cunctis Christi fidelibus præsentia percepturis, ego Johannes dictus *de Wedel* Advocatus, inclyti Principis Domini, Ludovici, Marchionis, publice profiteor et recognosco, quod nomine Domini mei civitatem Königsberg visitavi et intravi, et ex parte Domini Marchionis Consulibus ejusdem civitatis in adjutorium mihi assumtis, *Judæos inibi morantes igne cremavi*, bonaque omnia eorundem Judæorum ex parte Domini mei totaliter usurpavi et assumsi. In cujus testimonium præsentibus meum sigillum appendi. Datum A.D. 1351. in Vigilia S. Matthæi Apostoli.

[154] Basnage, Histoire des Juifs. A la Haye, 1716. 8vo. T. IX. Часть 2. Liv. IX. Гл. 23. §. 12. 24. pp. 664. 679. В этом ценном труде содержится интересный рассказ о состоянии евреев в средние века. Сравните "Историю израильтян со времен Маккавеев до наших дней" Й. М. Йоста. Т. VII. Берлин, 1827. 8vo. pp. 8. 262.

[155] Albert. Argentinens.

[156] Hermann. Gygas. loc. cit.

[157] По этому вопросу см. Кёнигсховена, который сохранил несколько очень ценных оригинальных протоколов. Наиболее важные из них - уголовные допросы десяти евреев в

Шильоне на Женевском озере, состоявшиеся в сентябре и октябре 1348 г. - V. Приложение. На них были получены самые странные признания, и под ложным именем правосудия был санкционирован кровожадный фанатизм, от которого загорались погребальные костры. Копии этих процессов были отправлены в Берн и Страсбург, где они послужили поводом для первых гонений на евреев.- V. также оригинал документа о наступательном и оборонительном союзе между Бертольдом фон Гетцем, епископом Страсбурга, и многими влиятельными лордами и дворянами в пользу города Страсбурга против Карла IV. В результате последний был вынужден объявить этому городу амнистию за гонения на евреев, что в наши дни считалось бы позором для императорской короны. Не говоря уже о многих других документах, в которых не менее отчетливо прослеживается дух XIV века, p. 1021. f.

[158] Guillelm. de Nangis, p. 110.

[159] "Curationem omnem respuit pestis confirmata."-Chalin, p. 33.

[160] Jacob. Францискини де Амброзис. В приложении к "Истории Пистолези", в Muratori, Tom. XI. p. 528.

[161] Gentilis de Fulgineo Consilia. De Peste Cons. I. II. fol. 76, 77. Venet. 1514. fol.

[162] - "venenosa putredo circa partes cordis et pulmonis de quibus exeunte venenoso vapore, periculum est in vicinitatibus." Cons. I. fol. 76, a.

[163] Представление д-ра Маклина о том, что доктрина заражения была впервые провозглашена в 1547 году папой Павлом III и т. д., таким образом, рушится вместе со всеми аргументами, основанными на ней - см. Diseases, 8vo, 1817, Pt. II. Book II. ch. 3, 4.-Transl. *note*.

[164] Lippitudo contagione spectantium oculos afficit.-Chalin de Vinario, p. 149.

[165] См. книгу автора "Geschichte der Heilkunde", Vol. II. P. III.

[166] Сравните Маркс, Origines contagii. Caroliruh. et Bad. 1824. 8.

[167] Cæl. Aurelian. Chron. L. IV. c. 1. p. 497. Прим. ред. Амман. "Sed hi ægrotantem destituendum magis imperant, quam curandum, quod a se alienum humanitas approbat medicinæ."

[168] Geschichte der Heilkunde, Vol. II. p. 248.

[169] Чалин прямо уверяет нас, что многие женские монастыри, закрыв свои ворота, остались свободными от заразы. Стоит отметить, и вполне в соответствии с преобладающими представлениями, что пребывание в густой, влажной атмосфере, как правило, считалось более благоприятным и консервативным, поскольку она была более непроницаемой для астрального влияния, так как низшая причина удерживала высшую.- Chalin, p. 48.

[170] Это называлось Affluxus, или *Forma specifica*, и сравнивалось с действием магнита на железо и янтаря на мякину -Chalin de Vinario, p. 23.

[171] Causa universalis agens-causa particularis patiens. Этому соответствуют в Чалине выражения Causa superior et inferior.

[172] Очищение с помощью алетических пилюль; кровопускание; очищение воздуха с помощью больших костров; использование патоки; частое нюхание летучих веществ, из которых готовились определенные "помы"; внутреннее употребление армянского боровика -

средства от чумы, заимствованного у арабов и в течение всего средневековья имевшего большую моду и очень неправильное применение; употребление кислой пищи, чтобы противостоять гниению. Ги де Шольяк, похоже, рекомендовал многим бегство. Loc. citat. p. 115. Сравните Шалина, L. II., который дает прекрасные наставления по этому вопросу.

[173] Auger. de Biterris, loc. cit.

[174] L. I. c. 4. p. 39.

[175] Fol. 32. loc. cit.

[176] Galeacii de Sancta Sophia, Liber de Febribus. Venet. 1514, fol. (Печатается вместе с Guillelmus Brixiensis, Marsilius de Sancta Sophia, Ricardus Parisiensis. fol. 29. seq.)

[177] Тепло, холод, сухость и влажность.

[178] Талантливый Чалин придерживается того же мнения: "Obscurum interdum esse vitium aëris, sub pestis initia et menses primos, hoc est argumento: *quod cum nec odore tetro gravis, nec turpi colore fœdatus fuerit, sed purus, tenuis, frigidus, qualis in montosis et asperis locis esse solet, et tranquillus, vehementissima sit tamen pestilentia infestaque*," etc. p. 28. Самые последние наблюдатели малярии не утверждают ничего более, чем это.

[179] Сравните Enr. di Wolmar, Abhandlung über die Pest. Berlin, 1827. 8vo.

[180] Tractatus de Febribus, fol. 48.

[181] De Peste Liber, pura latinitate donatus a Jacobo Dalechampio. Lugdun. 1552. 16. p. 40. 188. "Longe tamen plurimi congressu eorum qui fuerunt in locis pestilentibus periclitantur et gravissime, quoniam e causa duplici, nempe et aëris vitio, et eorum qui versantur nobiscum, vitio. *Hoc itaque modo fit, ut unius accessu in totam modo familiam, modo civitatem, modo villam, pestis invehatur*." Сравните с p. 20: "Solæ privatorum ædes pestem sentiunt, *si adeat qui in pestilenti loco versatus est*."- "Nobis proximi ipsi sumus, nemoque est tanta occœcatus amentia, qui de sua salute potius quam aliorum sollicitus non sit, maxime in contagione tam cita et rapida." Довольно вольный принцип, который мог бы сильно поощрить низкие чувства и поставить под угрозу честь медицинской профессии, но который у Чалина, осознававшего невозможность избежать заразы в нечистых жилищах, настолько оправдан, что он не применял его к себе.

[182] Morbos omnes pestilentes esse contagiosos, audacter ego equidem pronuntio et assevero. p. 149.

[183] См. предыдущее примечание, с. 162, 163.

[184] Ibid. p. 97. 166. "Qualis (vita) esse solet eorum, qui sacerdotiorum et cultus divini prætextu, genio plus satis indulgent et obsequuntur, ac Christum speciosis titulis ementientes, Epicurum imitantur." Безусловно, замечательная свобода чувств для XIV века.

[185] Ibid. p. 183. 151.

[186] Ibid. p. 159. 189.

[187] Canonica de Febribus, ad Raynerium Siculum, 1487, s. 1. cap. 10, sine pag. "Febris pestilentialis est febris contagiosa ex ebullitione putrefactiva in altero quatuor humorum cordi propinquorum principaliter."

[188] Valesci de Tharanta, Philonium. Lugduni, 1535. 8. L. VII. c. 18. fol. 401. b. seq.-Compare Astruc. Mémoires pour servir à l'Histoire de la Faculté de Médecine de Montpellier. Paris, 1767. 4. p. 208.

[189] Chronicon Regiense, Muratori, Tom. XVIII. p. 82.

[190] Adr. Chenot, Hinterlassene Abhandlungen über die ärztlichen und politischen Anstalten bei der Pestseuche. Wien, 1798, 8vo. p. 146. С этого периода в средние века было принято забаррикадировать двери и окна домов, зараженных чумой, и подвергать их жителей немилосердной гибели. Möhsen, loc. cit.

[191] Chron. Reg. loc. cit.

[192] Muratori, Tom. XVI. p. 560.-Сравните Chenot, loc. cit. p. 146.

[193] Papon, loc. cit.

[194] Chenot, p. 145.

[195] Le Bret, Staatsgeschichte der Republik Venedig. Рига, 1775. 4, Part II. Div. 2. p. 752.

[196] Zagata, Cronica di Verona, 1744. 4, III. p. 93.

[197] Le Bret, loc. cit. Сравните Гамбургский ремаркен 1700 года, стр. 282 и 305.

[198] Göttinger gelehrte Anzeigen, 1772, p. 22.

[199] Сорокадневная продолжительность Потопа, сорокадневное пребывание Моисея на горе Синай, пост нашего Спасителя в течение такого же времени в пустыне; наконец, то, что называется саксонским термином (Sächsische Frist), который длится сорок дней, и т. д. Сравните Г. В. Ведель, Centuria Exercitationum Medico-philologicarum. De Quadragesima Medica. Jenæ, 1701. 4. Dec. IV. p. 16.

[200] Отсюда мы понимаем, с какими чувствами народ относился к подземным громам.

[201] Ради Троицы Твоей.

[202] Благодаря этому судебному разбирательству всем последующим гонениям была придана видимость справедливости, и они заслуживают того, чтобы быть записанными как важные исторические документы. Оригинал на латыни, но мы предпочли немецкий перевод в "Хронике Кёнигсховена", с. 1029.

МАНИЯ ТАНЦА.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Если рассказ д-ра Хеккера о "Черной смерти" в его английском переводе встретил благосклонный прием, я склонен полагать, что "Пляшущая мания", аналогичное произведение того же способного автора, также окажется приемлемым. Если так и будет, я намерен завершить серию переводом истории "потливой болезни", единственной оставшейся эпидемии, которая, по мнению нашего автора, относится к Средним векам.

Разум и тело взаимно и таинственно влияют друг на друга, а недуги, о которых пойдет речь на этих страницах, так тесно связаны с расстройством обоих, что зачастую трудно определить, от чего они в большей степени зависят или на что оказывают более серьезное влияние.

Созерцая их, врач, вероятно, будет вынужден признать, что воображение играет более значительную роль в возникновении болезней, чем он мог бы, не зная о поразительных фактах, о которых здесь говорится, предположить, что они находятся в пределах возможного. Он, несомненно, уже заметил, что радость влияет на кровообращение, горе - на пищеварение; что гнев нагревает раму так же пагубно, как пылкие духи, а страх охлаждает ее так же безусловно, как лед; но он, возможно, не довел свое наблюдение до степени понимания, что не только отдельные и преходящие эффекты, но и конкретные болезни производятся через агентство психических впечатлений, и поэтому он может быть удивлен, обнаружив, что танцы св. Иоанна и Святого Вита, распространявшиеся по симпатии из города в город, вызывали одни и те же отклонения от телесного здоровья у всех, на кого они нападали; что тарантизм был одной и той же болезнью, как с медицинской, так и с моральной точки зрения, по всей Италии; что "ликантропия" прошлого и "прыгающая ага" нынешнего времени имеют каждый свой набор специфических симптомов.

Моралист посмотрит на эти свидетельства человеческой слабости в другом свете; он изучит состояние общества, которое способствовало распространению таких болезней; Он спросит, насколько они были порождением тех эпох, в которые они появились, и хотя он, возможно, не будет склонен думать вместе с нашим автором, что они никогда не смогут вернуться, он, по крайней мере, сделает вывод из фактов, представленных здесь перед ним, что они зарождаются в тех умах, невежественных или плохо образованных, в которых воображению позволено узурпировать власть трезвого смысла, и идеальному позволено занимать мысли, исключая существенное.

Естественно предположить, что такие умы чаще всего встречаются в эпоху невежества, и нас подкрепляет в этом предположении тот факт, что эти болезни уменьшаются пропорционально развитию знаний; но легковерие и энтузиазм не являются несовместимыми с высокой степенью цивилизации: И если среди образованных классов женский пол более сентиментален, чем мужской, а обеспеченные люди более доверчивы, чем те, чье существование зависит от их собственных усилий, то это объясняется тем, что они обычно посвящают больше досуга приятному созерцанию произведений воображения и менее настоятельно призваны совершенствовать свои суждения сухим изучением фактов и опытом, приобретенным в серьезном деле жизни. Но даже в наш век хваленого разума нет класса, полностью освобожденного от пагубного влияния фанатизма; и в наши дни, и в этой самой столице, не мало примеров, доказывающих, что расстройства (как их более милосердно обозначить?), сильно напоминающие некоторые из тех, что описаны на следующих страницах, могут появиться среди людей, получивших все преимущества просвещенного образования и все возможности расширить свой разум свободным общением с изысканным обществом.

Поэтому я смею надеяться, что, уделив час досуга этой небольшой части истории медицины, врач сможет расширить свои знания о болезнях, а моралист - получить подсказку для интеллектуального совершенствования своих собратьев. Автор, однако, ставит перед собой более масштабную задачу - истории отдельных эпидемий для него лишь данные, из которых мы должны вывести общие законы, управляющие здоровьем человека в целом. Существует ли такая *сущность*, как коллективная органическая жизнь, и, как следствие, существуют ли общие законы, регулирующие ее здоровое или болезненное состояние, я не берусь здесь определять; но понятие это своеобразное, и для того, чтобы оно могло быть более полно раскрыто читателю, я перевел в качестве введения к настоящему тому[1] обращение доктора Геккера к медицинской профессии его собственной страны за помощью в его начинании. Если в ходе замечаний, содержащихся в этом обращении, он несколько сурово осудил пренебрежение, как в нашей стране, так и во Франции, к изучению истории медицины, я смело признаюсь, что принадлежу к тем, кто скорее хочет извлечь пользу из его порицания, чем оспаривает его справедливость.

Я добавил несколько примечаний, которые, я надеюсь, не окажутся неприменимыми. Они состоят главным образом из параллельных рассказов, иллюстрирующих то, что изложено в тексте; с той же целью я собрал в № V Приложения несколько историй местных эпидемий и сослался на некоторые отдельные случаи, которые, как мне кажется, представляют особый интерес в связи с темой этой работы и делают ее в целом более полной.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Болезни, являющиеся предметом настоящего исследования, позволяют глубоко понять работу человеческого разума в условиях общества. Они являются частью истории и никогда не вернутся в том виде, в котором они там записаны; но они обнажают уязвимую часть человека - инстинкт подражания - и поэтому очень тесно связаны с человеческой жизнью в целом. Казалось бы, стоит описать болезни, которые распространяются на лучах света - на крыльях мысли; которые будоражат разум, возбуждая чувства, и чудесным образом воздействуют на нервы - средства воли и чувств. Казалось бы, стоит попытаться поместить эти расстройства между эпидемиями менее утонченного происхождения, которые поражают тело больше, чем душу, и всеми теми страстями и эмоциями, которые граничат с обширной областью болезни, готовые в любой момент перейти границу. Если нам удастся вывести из серьезных исторических фактов, приведенных здесь, убедительное доказательство того, что человеческая раса, среди окружающего ее творения, движется телом и душой как единое целое, автор может надеяться, что он приблизился к своему идеалу великого понимания болезней во времени и пространстве, и будет поощрен сотрудничеством современников, ревностных в поисках истины, чтобы продолжить исследование по пути, на который он уже вступил.

ГЛАВА I.
МАНИЯ ТАНЦЕВ В ГЕРМАНИИ И НИДЕРЛАНДАХ.

Раздел 1. Танец святого Иоанна.

Последствия *Черной смерти* еще не улеглись, и едва успели закрыть могилы миллионов ее жертв, как в Германии возникло странное заблуждение, которое овладело умами людей и, несмотря на божественность нашей природы, устремило тело и душу в магический круг адского суеверия. Это была конвульсия, которая самым необыкновенным образом разъярила человеческий организм и вызывала изумление современников на протяжении более двух столетий, с тех пор она больше никогда не появлялась. Его называли танцем святого Иоанна или святого Вита, из-за вакхических прыжков, которыми он характеризовался, и которые придавали пострадавшим, исполнявшим свой дикий танец, кричавшим и пенившимся от ярости, вид одержимых. Она не ограничивалась отдельными населенными пунктами, а распространялась по всей Германии и соседним странам на северо-западе, которые уже были подготовлены к ее приему господствующими в то время мнениями, как демоническая эпидемия.

Уже в 1374 году в Экс-ла-Шапель были замечены сборища мужчин и женщин, приехавших из Германии, которые, объединенные одним общим заблуждением, являли публике на улицах и в церквях следующее странное зрелище[2]. Они образовывали круги рука об руку и, казалось, полностью потеряв контроль над своими чувствами, продолжали танцевать, не обращая внимания на посторонних, в течение нескольких часов, в диком бреду, пока, наконец, не падали на землю в состоянии изнеможения. Затем они жаловались на сильное угнетение и стонали, словно в предсмертных муках, пока их не обматывали тряпками, туго завязанными вокруг талии, после чего они снова приходили в себя и не жаловались до следующего приступа. К такому способу обмахивания прибегали из-за тимпании, сопровождавшей эти спазматические бредни, но посторонние люди часто облегчали состояние пациентов менее искусственным способом, стуча и топча по больным местам. Во время танца они ничего не видели и не слышали, будучи невосприимчивыми к внешним впечатлениям через органы чувств, но их преследовали видения, их фантазии вызывали духов, имена которых[3] они выкрикивали; и некоторые из них впоследствии утверждали, что чувствовали себя так, будто были погружены в поток крови, который и заставил их так высоко подпрыгнуть[4]. Другие во время пароксизма видели открытые небеса и Спасителя, восседающего на троне вместе с Девой Марией, в соответствии с религиозными представлениями того времени, которые странным и разнообразным образом отражались в их воображении[5].

Там, где болезнь была полностью развита, приступ начинался с эпилептических конвульсий[6]. Больные падали на землю без чувств, задыхаясь и пытаясь отдышаться. У них шла пена изо рта, и, внезапно вскочив на ноги, они начинали свой танец, выделывая при этом странные движения. Однако болезнь, несомненно, проявлялась очень по-разному и зависела от временных или местных обстоятельств, в которых современники-медики лишь несовершенно отмечали существенные особенности, привыкшие путать наблюдения за природными явлениями с представлениями о мире духов.

Прошло всего несколько месяцев, прежде чем эта демоническая болезнь распространилась из Экс-ла-Шапель, где она появилась в июле, по соседним Нидерландам [7]. В Льеже,

Утрехте, Тонгресе и многих других городах Бельгии танцовщицы появлялись с гирляндами в волосах и подпоясанные тряпками, чтобы, как только пароксизм заканчивался, они могли получить немедленное облегчение при приступе тимпании. Эту повязку, вставив палку, можно было легко закрутить: многие, однако, получали большее облегчение от пинков и ударов, которые находили множество людей, готовых их нанести; ведь где бы ни появлялись танцоры, народ собирался толпами, чтобы удовлетворить свое любопытство страшным зрелищем. В конце концов растущее число пострадавших вызвало не меньшую тревогу, чем внимание, которое им уделялось. В городах и деревнях они завладевали религиозными домами, повсюду устраивались процессии, по ним служили мессы и пели гимны, а сама болезнь, демоническое происхождение которой ни у кого не вызывало ни малейших сомнений, вызывала повсюду удивление и ужас. В Льеже священники прибегали к экзорцизму и всеми доступными им средствами пытались унять зло, которое грозило им самим большой опасностью; одержимые, собираясь толпами, часто произносили проклятия в их адрес и угрожали им гибелью. Они запугали людей до такой степени, что был издан указ, запрещающий делать любую обувь, кроме обуви с квадратным носком, поскольку эти фанатики проявляли болезненную неприязнь к остроносым туфлям, вошедшим в моду сразу после *Великого смертоубийства* 1350 года[8]. Еще большее раздражение они испытывали при виде красных цветов, влияние которых на расстроенные нервы могло бы навести нас на мысль о чрезвычайном соответствии между этим спазматическим недугом и состоянием разъяренных животных; но у танцовщиц Святого Иоанна это возбуждение, вероятно, было связано с видениями, возникавшими в результате их конвульсий. Были среди них и такие, кто не мог вынести вида плачущих людей[9]. Духовенство, похоже, с каждым днем все больше укреплялось в своем убеждении, что те, кто страдал от этого, были своего рода сектантами, и поэтому они спешили с экзорцизмом, насколько это было возможно, чтобы зло не распространилось среди высших классов, Ибо до сих пор почти никто, кроме бедняков, не подвергался нападению, а те немногие уважаемые люди среди мирян и духовенства, которых можно было встретить среди них, были людьми, чья природная легкомысленность не могла противостоять возбуждению новизны, даже если оно исходило от бесовского влияния. Некоторые из пострадавших под влиянием священнических форм экзорцизма сами заявляли, что если бы демонам дали еще несколько недель, они бы вошли в тела дворян и князей, а через них уничтожили бы духовенство. Подобные утверждения, которые одержимые произносили, находясь в состоянии, которое можно сравнить с магнетическим сном, получили всеобщее признание и переходили из уст в уста с удивительными дополнениями. Священство в связи с этим проявляло тем большее рвение в своих попытках предвосхитить любое опасное возбуждение людей, как будто существующий порядок вещей мог серьезно угрожать из-за таких бессвязных бредней. Их усилия оказались действенными, поскольку в XIV веке экзорцизм был мощным средством; или, возможно, это дикое увлечение закончилось в результате истощения, которое естественно вытекало из него; во всяком случае, в течение десяти или одиннадцати месяцев танцовщиц Святого Иоанна больше нельзя было найти ни в одном из городов Бельгии. Зло, однако, было слишком глубоко укоренившимся, чтобы полностью поддаться таким слабым атакам[10].

Через несколько месяцев после того, как эта танцевальная болезнь проявилась в Экс-ла-Шапель, она вспыхнула в Кельне, где число одержимых достигло более пятисот человек[11], и примерно в то же время в Меце, улицы которого, как говорят, были заполнены одиннадцатью сотнями танцоров[12]. Крестьяне оставили свои плуги, механики - свои мастерские, домохозяйки - свои домашние обязанности, чтобы присоединиться к диким гуляньям, и этот богатый торговый город стал ареной самого разрушительного беспорядка. Тайные желания возбуждались и слишком часто находили возможности для диких наслаждений; многочисленные нищие, побуждаемые пороком и несчастьем, пользовались

этой новой жалобой, чтобы получить временные средства к существованию. Девочки и мальчики покидали своих родителей, а слуги - своих хозяев, чтобы развлекаться на танцах одержимых, и жадно впитывали яд психической заразы. Более сотни незамужних женщин были замечены бродящими по освященным и неосвященным местам, и последствия этого вскоре стали очевидны[13]. Банды праздных бродяг, умевших до мелочей имитировать жесты и конвульсии тех, кто был действительно болен, кочевали с места на место в поисках содержания и приключений, и таким образом, где бы они ни находились, распространяли эту отвратительную спазматическую болезнь, как чуму; ведь при болезнях такого рода восприимчивые люди заражаются так же легко, как внешне, так и на самом деле. В конце концов возникла необходимость прогнать этих озорных гостей, которые оказались одинаково недоступны и экзорцизму священников, и средствам лекарей. Однако только через четыре месяца рейнские города смогли подавить эти самозванства, которые так тревожно усиливали первоначальное зло. В то же время, будучи однажды вызванной к жизни, чума прокралась дальше и нашла обильную пищу в тоне мысли, который преобладал в четырнадцатом и пятнадцатом веках, и даже, хотя и в незначительной степени, в шестнадцатом и семнадцатом, вызывая постоянное расстройство ума и демонстрируя в тех городах, для жителей которых она была в новинку, сцены столь же странные, сколь и отвратительные.

Раздел 2. Танец святого Витта[14].

Страсбург посетила "танцевальная чума" в 1418 году, и такое же увлечение существовало среди жителей этого города, как и в городах Бельгии и Нижнего Рейна[15]. Многие, кто был захвачен видом пораженных, привлекали внимание сначала своим растерянным и нелепым поведением, а затем тем, что постоянно следовали за стаями танцоров. Днем и ночью они проходили по улицам в сопровождении музыкантов, играющих на волынках, и бесчисленных зрителей, привлеченных любопытством, к которым добавились встревоженные родители и родственники, пришедшие присмотреть за теми из заблуждающейся толпы, кто принадлежал к их семьям. Самозванство и распутство также играли свою роль в этом городе, но, похоже, преобладало само болезненное заблуждение. Религия могла оказать лишь временную помощь, поэтому городской совет проявил благосклонный интерес к пострадавшим. Они разделили их на отдельные партии, в каждую из которых назначили ответственных надзирателей, чтобы защитить их от вреда и, возможно, сдержать их буйство. Пешком и в каретах их доставляли в часовни святого Вита, расположенные неподалеку от Заберна и Ротештайна, где священники воздействовали на их заблудшие умы мессами и другими религиозными обрядами. После завершения богослужения их торжественной процессией вели к алтарю, где они приносили небольшую милостыню и где, вероятно, многие из них под влиянием набожности и святости места излечивались от этого прискорбного отклонения. Стоит отметить, что танцевальная мания не возобновлялась у алтарей святого, и что только к нему обращались за помощью, и благодаря его чудесному вмешательству ожидали исцеления, которое было недоступно человеческому мастерству. Личная история святого Вита имеет немаловажное значение в этом вопросе. Он был сицилийским юношей, который вместе с Модестом и Кресцентием принял мученическую смерть во время гонений на христиан при Диоклетиане, в 303 году[16]. Легенды о нем неясны, и его наверняка пропустили бы без внимания среди бесчисленных апокрифических мучеников первых веков, если бы перенос его тела в Сент-Денис, а затем, в 836 году, в Корвей, не возвел его в более высокий ранг. С этого времени, надо полагать, у его новой гробницы было явлено множество чудес, которые сыграли важную роль в утверждении римской веры среди германцев, и вскоре святой Вит был причислен к четырнадцати святым помощникам (Nothhelfer или Apotheker[17]). Его алтари множились, люди прибегали к нему

во всех бедах и почитали его как могущественного заступника. Однако поскольку поклонение этим святым в то время было лишено всех исторических связей, которые намеренно стирались священством, в начале XV века, а возможно, и в XIV, была придумана легенда о том, что св. Вит перед тем, как сложить шею под меч, молил Бога, чтобы тот защитил от Танцующей мании всех, кто будет праздновать день его памяти и поститься накануне, и тогда с неба раздался голос: "Вит, молитва твоя принята"."[18] Так святой Вит стал покровителем страдающих от танцующей чумы, как святой Мартин из Тура в свое время был помощником больных оспой, святой Антоний - страдающих от "адского огня", а святая Маргарита была Юноной Люциной для родильниц.

Раздел. 3.- Причины.

Связь Иоанна Крестителя с танцевальной манией XIV века носила совершенно иной характер. Изначально он был далек от того, чтобы быть защитником тех, кто подвергался нападкам, или тем, кто мог бы дать им облегчение от недуга, считавшегося делом рук дьявола. Напротив, то, как ему поклонялись, послужило важной и очень очевидной причиной для его развития. Начиная с отдаленного периода, возможно, даже с IV века, день святого Иоанна праздновался со всевозможными странными и грубыми обычаями, из которых первоначальный мистический смысл был по-разному изуродован у разных народов добавлением реликтов язычества[19]. Так, немцы перенесли на праздник дня святого Иоанна древний языческий обычай - разжигание "нодфира", который был запрещен им святым Бонифацием, и до сих пор сохранилось поверье, что люди и животные, проскочившие через это пламя или его дым, защищены на целый год от лихорадки и других болезней, как бы в результате своего рода крещения огнем[20]. Вакхические пляски, возникшие по аналогичным причинам у всех грубых народов земли, и дикие экстравагантности разгоряченного воображения были постоянным сопровождением этого полуязыческого, полухристианского праздника. Однако в тот период, о котором мы рассказываем, германцы были не единственным народом, который поддался приливам фанатизма в проведении праздника святого Иоанна Крестителя. Подобные обычаи встречались также у народов Южной Европы и Азии[21], и более чем вероятно, что греки перенесли на праздник Иоанна Крестителя, который также высоко почитается у магометан, часть своих вакхических мистерий, абсурд, который слишком часто встречается в человеческих делах. Насколько воспоминание об истории смерти святого Иоанна могло повлиять на этот случай, мы оставим решать опытным теологам. Здесь важно лишь добавить, что в Абиссинии, стране, полностью отделенной от Европы, где христианство сохранилось в своей первобытной простоте против магометанства, Иоанну по сей день поклоняются как святому, защищающему тех, кто подвергается нападению танцевальной болезни[22]. В этих осколках господства мистицизма и суеверий не найти исторической связи.

Однако если мы заметим, что первые танцоры в Экс-ла-Шапель появились в июле с именем святого Иоанна во рту, то можно предположить, что буйное веселье в день святого Иоанна, 1374 год, породило эту душевную чуму, которая с тех пор поражает многие тысячи людей неизлечимыми отклонениями ума и отвратительными искажениями тела.

Это становится тем более вероятным, что за несколько месяцев до этого районы, расположенные по соседству с Рейном и Мэном, пережили большие бедствия. Еще в феврале обе эти реки вышли из берегов; стены города Кельна, расположенного на берегу Рейна, обрушились, а многие деревни были доведены до крайнего бедствия[23]. К этому добавилось плачевное состояние Западной и Южной Германии. Ни закон, ни эдикт не могли подавить непрекращающиеся междоусобицы баронов, а во Франконии, особенно во Франконии, казалось, возрождались древние времена клубного права. Охрана

собственности отсутствовала; повсюду царил произвол; развращение нравов и грубая власть редко встречали даже слабое сопротивление; отсюда и жестокие, но прибыльные гонения на евреев, которые во многих местах продолжались в течение всего этого века с прежней свирепостью. Таким образом, по всей западной части Германии, особенно в районах, граничащих с Рейном, проживало несчастное и угнетенное население; и если мы примем во внимание, что среди их многочисленных групп бродило множество людей, чья совесть мучилась воспоминаниями о преступлениях, которые они совершили во время распространения черной чумы, мы поймем, как их отчаяние искало облегчения в опьянении искусственного бреда[24]. Поэтому есть все основания полагать, что неистовое празднование праздника святого Иоанна в 1374 году лишь довело до кризиса болезнь, которая уже давно надвигалась; и если мы хотим узнать, как безобидный до сих пор обычай, который, как и многие другие, служил лишь для поддержания суеверия, мог перерасти в столь серьезную болезнь, мы должны принять во внимание необычное возбуждение умов людей, а также последствия нищеты и нужды. Кишечник, который у многих был ослаблен голодом и плохой пищей, был именно той частью, которая в большинстве случаев поражалась мучительной болью, а тимпаническое состояние кишечника указывает разумному врачу на происхождение расстройства, которое вполне заслуживает внимания.

Разд. 4.- Более древние танцевальные чумы.

Танцевальная мания 1374 года, по сути, не была новой болезнью, а явлением, хорошо известным в средние века, о котором в народе традиционно ходило множество чудесных историй. В 1237 году около сотни детей, как рассказывали, внезапно заболели этой болезнью в Эрфурте и, танцуя и прыгая, отправились по дороге в Арнштадт. Прибыв туда, они упали без сил на землю, и, согласно рассказу старой хроники, многие из них, после того как их забрали домой родители, умерли, а остальные до конца жизни страдали постоянной дрожью[25]. Еще один случай, как рассказывают, произошел на Мозельском мосту в Утрехте 17 июня 1278 года, когда двести фанатиков начали танцевать и не прекращали, пока мимо не прошел священник, который нес Святыню больному человеку, после чего, словно в наказание за их преступление, мост просел, и все они утонули[26]. Подобное событие произошло в 1027 году возле монастырской церкви Кольбиг, недалеко от Бернбурга. Согласно часто повторяющемуся преданию, восемнадцать крестьян, имена некоторых из которых сохранились до сих пор, накануне Рождества нарушили богослужение, танцуя и бранясь на церковном дворе, после чего священник Рупрехт наложил на них проклятие, согласно которому они должны были танцевать и кричать целый год без остановки. Это проклятие, как утверждается, было полностью исполнено, так что несчастные страдальцы погрузились по колено в землю и оставались все это время без пищи, пока не были наконец освобождены благодаря заступничеству двух благочестивых епископов. Говорят, что после этого они погрузились в глубокий сон, который продолжался три дня, и четверо из них умерли, а остальные всю жизнь страдали от дрожи в конечностях[27]. Не стоит разделять, что в этой странно искаженной истории могло быть правдой, а что - добавлением хитрых священников. Достаточно того, что в нее верили и рассказывали с изумлением и ужасом на протяжении всего средневековья; так что если и существовала какая-либо возбуждающая причина для этого бредового бреда и дикой ярости танцев, то она не могла не произвести своего эффекта на людей, чьи мысли были преданы вере в чудеса и явления.

Эта склонность ума, в целом столь характерная для средневековья, которая, к счастью для человечества, уступила улучшенному состоянию цивилизации и распространению народного образования, объясняет происхождение и долгую продолжительность этого необычного психического расстройства. Здравый смысл людей с ужасом и отвращением

отталкивался от этой тяжелой чумы, которая, когда злонамеренные лица желали проклясть своих злейших врагов и противников, долгое время использовалась в качестве проклятия[28]. Негодование, которое испытывал народ в целом против безнравственности эпохи, было доказано тем, что он приписывал этот страшный недуг неэффективности крещения, совершаемого нецеломудренными священниками, как будто невинные дети были обречены искупать в последующие годы это осквернение таинства, совершаемого нечестивыми руками[29]. Мы уже упоминали, каким опасностям подвергались священники в Нидерландах из-за этого убеждения. Теперь, правда, они старались побыстрее примириться с раздраженным и в то время очень деградировавшим народом[30] с помощью экзорцизма, который у некоторых вызывал большее уважение, чем когда-либо, поскольку таким образом они зримо восстанавливали тысячи пострадавших. В целом, однако, преобладала неуверенность в их эффективности, и тогда священные обряды имели так же мало силы, чтобы остановить развитие этого глубоко укоренившегося недуга, как впоследствии молитвы и святые службы у алтарей высокочтимого мученика святого Вита. Поэтому мы можем приписать лишь случайности и некоторому отвращению к этой демонической болезни, которая, казалось, была недоступна человеческому мастерству, что мы встречаем лишь немногочисленные и несовершенные упоминания о танцах святого Вита во второй половине пятнадцатого века. Красочные описания шестнадцатого века противоречат представлению о том, что эта душевная чума хоть в какой-то степени уменьшилась в своей тяжести, и нельзя найти ни одного факта, который бы подтверждал мнение, что хоть один из основных симптомов болезни, даже за исключением тимпании, исчез, или что само расстройство стало более мягким в своих приступах. Врачи никогда, как кажется, на протяжении всего пятнадцатого века, не брались за лечение танцевальной мании, которая, согласно господствующим представлениям, относилась исключительно к служителям церкви. Против демонических расстройств у них не было никаких средств, и хотя некоторые поначалу провозглашали мнение, что недуг имеет естественное происхождение, например, горячий темперамент и другие причины, названные во фразеологии школ[31], однако эти мнения были тем менее изучены, что не стоило делить с ревнивым священством заботу о множестве фанатичных бродяг и нищих.

Раздел 5. Врачи.

Только в начале шестнадцатого века танец святого Витта стал предметом медицинского исследования и лишился своего неприглядного характера демонической работы. Этого добился Парацельс, могущественный, но до сих пор малопонятный реформатор медицины, целью которого было вывести болезни из-под власти чудесных вмешательств и святых влияний и объяснить их причины на основе принципов, выведенных из его знаний о человеческом организме. "Мы, однако, не признаем, что святые имеют силу причинять болезни и что они должны быть названы в их честь, хотя есть многие, кто в своей теологии делает большой акцент на этом предположении, приписывая их скорее Богу, чем природе, что является пустой болтовней. Нам не нравятся такие вздорные сплетни, не подкрепленные симптомами, а лишь верой, вещью нечеловеческой, которой сами боги не придают никакого значения".

Таковы были слова Парацельса, обращенные к его современникам, которые еще не были способны оценить доктрины такого рода; ведь вера в чары все еще оставалась непоколебимой, а вера в мир духов все еще держала умы людей в таком тесном рабстве, что тысячи людей, по их собственному убеждению, отдавались в жертву дьяволу; в то время как по велению религии и закона зажигались бесчисленные костры, пламя которых должно было очистить человеческое общество.

Парацельс делит танец святого Витта на три вида. Во-первых, тот, что возникает от воображения (Vitista, Chorea imaginativa, æstimativa), под которым следует понимать первоначальную танцевальную чуму. Во-вторых, возникающие от чувственных желаний, зависящих от воли (Chorea lasciva). В-третьих, возникающая по телесным причинам (Chorea naturalis, coacta), которую, согласно странному собственному представлению, он объяснял тем, что в некоторых сосудах, подверженных внутреннему возбуждению и вызывающих смех, кровь приходит в движение, вследствие изменения жизненного духа, что вызывает непроизвольные приступы пьянящей радости и склонность к танцам[32]. К такому выводу его, несомненно, привело наблюдение за более мягкой формой танца святого Вита, нередкой в его время, которая сопровождалась непроизвольным смехом и имела сходство с истерическим смехом современников, за исключением того, что характеризовалась более приятными ощущениями и экстравагантной склонностью к танцам. Здесь не было воя, криков и прыжков, как в более тяжелой форме; не было и непреодолимой склонности к танцам. Пациенты, пораженные таким образом, хотя и не могли полностью контролировать свое понимание, все же были достаточно самообладательны во время приступа, чтобы подчиняться полученным указаниям. Среди них были даже такие, кто вообще не танцевал, а только чувствовал непроизвольный импульс, чтобы ослабить внутреннее чувство тревоги, которое обычно является предвестником приступа такого рода, смехом и быстрой ходьбой, доведенной до степени усталости[33]. Это расстройство, столь отличное от первоначального типа, очевидно, приближается к современной хорее; или, скорее, полностью соответствует ей, даже в отношении менее существенного симптома смеха. Таким образом, смягчение формы танцевальной мании явно произошло в начале шестнадцатого века.

О передаче танца святого Витта через симпатию Парацельс на своем особом языке выражается с большим духом и показывает глубокое знание природы чувственных впечатлений, которые проникают в сердце - место радости и эмоций, - преодолевают сопротивление разума и, в то время как "все другие качества и натуры" покорены, непрерывно побуждают пациента, вследствие его первоначального соответствия и его всепобеждающего воображения, подражать тому, что он видел. Его лечение болезни мы не можем похвалить, но должны довольствоваться замечанием, что оно соответствовало представлениям эпохи, в которой он жил. Для первого вида, который часто возникал в страстном возбуждении, у него было психическое средство, эффективность которого не стоит презирать, если оценивать его значение в связи с распространенными в те времена мнениями. Пациент должен был сделать изображение себя из воска или смолы и усилием мысли сконцентрировать в нем все свои богохульства и грехи. "Без вмешательства кого бы то ни было, вложить в образ весь свой разум и мысли, касающиеся этих клятв"; а когда ему это удавалось, он должен был сжечь образ, чтобы от него не осталось ни частицы[34]. Во всем этом не упоминается ни святой Вит, ни другие святые-посредники, что объясняется тем, что в это время начался открытый мятеж против Римской церкви, и поклонение святым многие отвергали как идолопоклонство[35]. Для второго вида танца святого Вита, возникающего от чувственного раздражения, которым женщины страдали гораздо чаще, чем мужчины, Парацельс рекомендовал суровое лечение и строгий пост. Он предписывал лишать пациентов свободы, помещать их в одиночную камеру и заставлять сидеть в неудобном месте, пока страдания не приведут их в чувство и не вызовут у них чувство раскаяния. Затем он разрешал им постепенно возвращаться к привычному образу жизни. Не обходилось и без суровых телесных наказаний; но, с другой стороны, необходимо было тщательно избегать гневного сопротивления со стороны пациента, поскольку это могло усилить его недуг или даже погубить его: кроме того, там, где это казалось целесообразным, Парацельс ослаблял нервное возбуждение погружением в холодную воду. О лечении третьего вида мы не будем здесь подробно рассказывать. Оно должно было осуществляться с помощью всевозможных

чудесных средств, состоящих из квинтэссенций; чтобы сделать его понятным, потребовалось бы более подробное изложение особых принципов, чем это соответствует нашей цели.

Раздел 6. Спад и прекращение танцующей чумы.

Примерно в это время пляска святого Витта начала ослабевать, так что легкие формы стали появляться чаще, а тяжелые случаи - реже; и даже в них постепенно исчезали некоторые важные симптомы. Парацельс не упоминает о тимпанитах, возникающих после приступов, хотя иногда они могли иметь место; а Шенк фон Граффенберг, знаменитый врач второй половины XVI века[36], говорит об этой болезни как о частом явлении только во времена своих предков; его описания, однако, применимы ко всему тому веку и к концу XV[37]. Пляска святого Витта поражала людей всех сословий, особенно тех, кто вел сидячий образ жизни, например сапожников и портных; но даже самые крепкие крестьяне бросали свой труд в поле, словно одержимые злыми духами; и вот больных видели беспорядочно собирающимися время от времени в определенных местах и, если им не мешали наблюдатели, продолжающими танцевать без перерыва до последнего вздоха. Их ярость и экстравагантность поведения настолько лишали их рассудка, что многие из них разбивали свои мозги о стены и углы зданий или бросались с головой в быстрые реки, где и находили себе водяную могилу. Ревущих и пенящихся людей удавалось сдерживать лишь тем, что они ставили на пути скамейки и стулья, чтобы в результате высоких прыжков, на которые они соблазнялись, их силы были исчерпаны. Как только это происходило, они безжизненно падали на землю и, очень медленно, вновь восстанавливали свои силы. Немало было и таких , которые даже при таком напряжении сил не израсходовали бушевавшую в них бурю, а проснулись с вновь ожившими силами и снова и снова смешивались с толпой танцующих, пока, наконец, сильное возбуждение их расстроенных нервов не было ослаблено большим непроизвольным напряжением конечностей, а душевное расстройство не было успокоено крайним истощением тела. Таким образом, сами приступы были в этих случаях, как и во всех других нервных заболеваниях, необходимыми кризисами внутреннего болезненного состояния, которое переносилось с сенсорики на нервы движения, а в более ранний период - на брюшное сплетение, где глубокое расстройство системы было заметно по выделению флатуса в кишечнике.

Излечение, вызванное этими бурными приступами, во многих случаях было настолько совершенным, что некоторые пациенты возвращались к работе на фабрике или к плугу как ни в чем не бывало. Другие же, напротив, расплачивались за свою глупость таким полным упадком сил, что не могли вернуть себе прежнее здоровье даже с помощью самых сильных средств. Медики с удивлением наблюдали, что женщины на поздних сроках беременности способны пережить приступ болезни без малейшего вреда для своего потомства, которое они защищали лишь повязкой, наложенной на талию. Подобные случаи были нередки и во времена Шенка. То, что пациенты должны испытывать сильное воздействие музыки, и их пароксизмы, вызванные и усиленные ею, естественны при таких нервных расстройствах; когда через ухо, которое является наиболее интеллектуальным из всех органов, производятся более глубокие впечатления, чем через любое из других чувств. В связи с этим магистрат нанял музыкантов для того, чтобы танцоры Святого Вита быстрее проходили через приступы, и распорядился, чтобы среди них были посланы атлеты для полного изнурения, которое, как было замечено, часто дает хороший эффект[38]. В то же время был введен запрет ношение красных одежд, поскольку при виде этого цвета страдальцы приходили в такую ярость, что бросались на тех, кто носил его, и так стремились нанести им увечья, что их с трудом удавалось сдерживать. В пароксизме они часто рвали на себе одежду и совершали

другие неподобающие поступки, так что самые богатые нанимали конфиденциальных слуг, чтобы те сопровождали их и следили за тем, чтобы они не причиняли вреда ни себе, ни другим. Однако во времена Шенка эта необычная болезнь была настолько ослаблена, что танцовщицы Святого Вита уже давно перестали шастать из города в город, а этот врач, как и Парацельс, не упоминает о тимпаническом раздувании кишечника. Более того, большинство страдальцев приступы посещали лишь ежегодно, а повод для них был настолько явно отсылающим к господствующим в тот период представлениям, что если бы безоговорочная вера в сверхъестественную силу святых могла быть отменена, то жалобы бы не возвращались. В течение всего июня, до праздника святого Иоанна, пациенты чувствовали беспокойство и тревогу, которые не могли преодолеть. Они были подавлены, робки и тревожны; бродили в беспокойстве, мучимые дергающими болями, которые внезапно охватывали их в разных частях тела, и с нетерпением ожидали кануна дня святого Иоанна, в уверенной надежде, что, поплясав у алтарей этого святого или святого Вита (поскольку в Брейсгау помощи в равной степени искали у обоих), они избавятся от всех своих страданий. Эта надежда не оправдалась, и до конца года они оставались свободными от дальнейших напастей, после того как, танцуя и беснуясь в течение трех часов, удовлетворяли непреодолимое требование природы. В то время в Брейсгау было две часовни, которые посещали танцоры Святого Вита: часовня Святого Вита в Биссене, недалеко от Брейзаха, и часовня Святого Иоанна, недалеко от Васенвайлера; вполне вероятно, что на юго-западе Германии эта болезнь все еще существовала в семнадцатом веке.

Однако с каждым годом она становилась все более редкой, так что в начале семнадцатого века в древней форме ее наблюдали лишь изредка. Так, весной 1623 года Г. Хорст увидел женщин, которые ежегодно совершали паломничество к часовне святого Вита в Дрефельхаузене, близ Вайсенштайна, на территории Ульма, чтобы там переждать танцевальный припадок, как это, согласно рассказу Шенка, делали жительницы Брейсгау. Однако они не удовлетворились трехчасовым танцем, а день и ночь пребывали в состоянии душевной аберрации, как люди в экстазе, пока не упали без сил на землю; когда же они снова пришли в себя, то почувствовали облегчение от мучительного беспокойства и болезненного ощущения тяжести в теле, на которое они жаловались в течение нескольких недель до дня святого Вита[39].

После этого потрясения они оставались здоровыми в течение всего года; и такова была их вера в защитную силу святого, что один из них посетил эту святыню в Дрефельхаузене более двадцати раз, а другой уже в тридцать второй раз отмечал день святого на этой святой станции.

Сам танцевальный припадок здесь, как, вероятно, и в других местах, возбуждался музыкой, от воздействия которой пациенты впадали в состояние конвульсий[40]. Многие сопутствующие свидетельства говорят о том, что музыка в целом способствовала продолжению танца святого Витта, порождала и усиливала его пароксизмы, а иногда была причиной их смягчения. Уже в XIV веке стаи танцоров Св. Иоанна сопровождались менестрелями, играющими на шумных инструментах, которые возбуждали их болезненные чувства; и можно легко предположить, что при исполнении оживленных мелодий и стимулирующем воздействии пронзительных тонов фиф и труб пароксизм, который сам по себе был, возможно, незначительным, во многих случаях мог усиливаться до самой неистовой ярости, как в более поздние времена, когда его специально вызывали, чтобы сила болезни была истощена жестокостью ее приступа. Более того, с помощью одурманивающей музыки был устроен своего рода демонический праздник для грубой толпы, что способствовало распространению этого несчастного недуга все шире и шире. Мягкая

гармония, однако, использовалась, чтобы успокоить возбуждение людей, и в качестве характерной черты мелодий, исполняемых с этой целью танцорами Святого Вита, упоминается, что они содержали переходы от быстрой к медленной мере и постепенно переходили от высокого тона к низкому[41]. К сожалению, до наших дней не дошло никаких следов этой музыки, что объясняется отчасти катастрофическими событиями XVII века, а отчасти тем, что беспорядки рассматривались как исключительно национальные, а иностранные ученые лишь вскользь считали их достойными внимания. Если в начале семнадцатого века танец святого Витта уже находился в упадке, то последующие события были совершенно неблагоприятны для его продолжения. Войны, которые велись враждебно и с разным успехом в течение тридцати лет, сотрясали запад Европы; и хотя невыразимые бедствия, которые они принесли Германии, как во время их продолжения, так и по их непосредственным последствиям, отнюдь не благоприятствовали прогрессу знаний, все же, с силой очищающего огня, они постепенно привели к интеллектуальному возрождению немцев; суеверие в его древней форме больше никогда не появлялось, и вера во власть духов, которая преобладала в средние века, навсегда потеряла свою некогда грозную силу.

ГЛАВА II.
МАНИЯ ТАНЦА В ИТАЛИИ.

Раздел 1. Тарантизм.

Для танцоров Святого Вита было очень выгодно, что они выбрали любимого святого покровителя; ведь, не говоря уже о том, что люди были склонны сравнивать их с одержимыми злыми духами, описанными в Библии, и, следовательно, считать их невинными жертвами власти сатаны, имя их великого заступника рекомендовало их к всеобщему сочувствию, и таким образом была поставлена магическая граница для любого грубого чувства, которое в противном случае могло бы оказаться враждебным их безопасности. Другим фанатикам не так повезло: с ними часто обращались с самой безжалостной жестокостью, когда представления средневековья либо оправдывали, либо предписывали это как религиозный долг[42].

Так, опустив бесчисленные случаи сожжения ведьм, которые, в конце концов, были всего лишь заблуждением, тевтонские рыцари в Пруссии нередко приговаривали к костру тех маньяков, которые воображали себя метаморфозами волков[43] - необыкновенный вид безумия, которое, существовавшее в Греции еще до нашей эры, со временем распространилось по Европе, так что передалось не только ромейскому, но и германскому и сарматскому народам, и перешло от древних, как наследие недуга потомкам. В наше время ликантропия, так называли это увлечение, исчезла с лица земли, но, тем не менее, она заслуживает внимания наблюдателя человеческих отклонений, и ее история, написанная каким-нибудь писателем, одинаково хорошо знакомым как со средневековьем, так и с античностью, по-прежнему является необходимым условием[44]. Мы же пока оставим ее без дальнейшего внимания и обратимся к болезни, самой необычной по всем своим явлениям, имеющей тесную связь с танцем святого Витта и, благодаря сопоставлению фактов, которые в целом похожи, представляющей нам поучительный предмет для размышления. Речь идет о болезни под названием тарантизм, которая впервые появилась в Апулии, а затем распространилась по другим провинциям Италии, где в течение нескольких столетий

свирепствовала как большая эпидемия. В наше время он исчез или, по крайней мере, полностью утратил свое первоначальное значение, как и танец святого Витта, ликантропия и колдовство.

Раздел 2. Древнейшие следы и причины.

Ученый Николас Перотти[45] приводит самый ранний рассказ об этом странном расстройстве. Никто не сомневался, что оно вызвано укусом *тарантула*[46][47], наземного паука, распространенного в Апулии; страх перед этим насекомым был настолько всеобщим, что его укус, по всей вероятности, гораздо чаще представляли себе или принимали за него укус какого-нибудь другого насекомого, чем получали на самом деле. Слово *"тарантул*", по-видимому, то же самое, что и *"террантола"*, название, данное итальянцами стеллиону старых римлян, который был разновидностью ящерицы[48], по слухам, ядовитой, и наделенной легковерием такими необычными качествами, что, подобно змею из Моисеева сказания о сотворении мира, он олицетворял в воображении вульгарных людей понятие хитрости, так что даже юристы обозначали хитрое мошенничество названием "стеллионатус"[49]. Перотти прямо уверяет нас, что римляне называли эту рептилию *тарантулом*; и поскольку он сам, один из самых выдающихся авторов своего времени, странным образом смешивает пауков и ящериц, так что он считает апулийского тарантула, которого он причисляет к классу пауков, имеющим то же значение, что и вид ящерицы, 50], то тем более удивительно, что необразованные жители Апулии путают страшного паука-землекопа со сказочной ящерицей-звездой[51] и присваивают одному из них имя другого. Происхождение слова "тарантул" от города Тарентум или реки Тары в Апулии[52], на берегах которой, как говорят, это насекомое встречалось чаще всего, или, по крайней мере, его укус имел самый ядовитый эффект, кажется, не подтверждается авторитетом. Вот так и с названием этого знаменитого паука, которое, если мы не сильно ошибаемся, не проливает никакого света на природу рассматриваемого заболевания. Натуралисты, которые, обладая знанием прошлого, не должны злоупотреблять своими талантами, используя их для установления сухого различия форм, найдут здесь много того, что требует исследования, и их усилия прояснят многие неясности.

Перотти утверждает, что тарантул, то есть так называемый паук, не встречался в Италии в прежние времена, но в его время он стал обычным, особенно в Апулии, а также в некоторых других районах. Однако он не заслуживает большого доверия как натуралист, несмотря на то, что читал в Болонье лекции по медицине и другим наукам[53]. Он, по крайней мере, пренебрег доказательством своего утверждения, которое не подтверждается ни одним аналогичным явлением, наблюдаемым в современное время в связи с историей паукообразных. Ни в коем случае нельзя признать, что тарантул не появился в Италии до того, как болезнь, приписываемая его укусу, стала заметной, даже если бы бури, более сильные, чем те беспримерные ураганы, которые возникли во время Черной смерти[54] в середине XIV века, привели в движение мир насекомых; ведь паук мало, если вообще восприимчив к тем космическим влияниям, которые иногда до удивительной степени размножают саранчу и других крылатых насекомых и заставляют их мигрировать.

Симптомы, которые Перотти перечисляет в качестве последствий укуса тарантула, очень точно совпадают с теми, что описаны более поздними авторами. Те, кого укусили, обычно впадали в состояние меланхолии, казались одурманенными и едва ли владели своими чувствами. Во многих случаях это состояние сопровождалось столь сильной чувствительностью к музыке, что при первых же звуках любимых мелодий они вскакивали с

места, кричали от радости и танцевали без перерыва, пока не падали на землю обессиленные и почти безжизненные. У других болезнь не принимала такого веселого оборота. Они постоянно плакали и, словно тоскуя по какому-то неудовлетворенному желанию, проводили дни в величайших страданиях и тревогах. Другие, опять же в болезненных приступах любви, бросали тоскливые взгляды на женщин, и зафиксированы случаи смерти, которые, как говорят, происходили в пароксизме то ли смеха, то ли плача".

Из этого неполного описания легко понять, что тарантизм, основные симптомы которого в нем упомянуты, не мог возникнуть в XV веке, к которому относится рассказ Перотти; ведь тот автор говорит о нем как о хорошо известном недуге и утверждает, что отсутствие упоминания о нем у старых авторов следует приписать исключительно недостатку образования в Апулии, единственной провинции, где, вероятно, в то время преобладала эта болезнь. Нервное расстройство, достигшее столь высокой степени развития, должно было существовать давно и, несомненно, требовало тщательной подготовки в результате совпадения общих причин.

Симптомы, возникающие после укуса ядовитых пауков, были хорошо известны древним и привлекали внимание их лучших наблюдателей, которые сходятся в их описании. Вероятно, к многочисленным видам фаланги[55] относится и апулийский тарантул, но точно установить это трудно, тем более что в Италии тарантул был не единственным насекомым, вызывавшим это нервное поражение: подобные результаты приписывались и укусу скорпиона. Синюшность всего тела и лица, затрудненная речь, тремор конечностей, ледяная холодность, бледная моча, упадок духа, головная боль, поток слез, тошнота, рвота, сексуальное возбуждение, метеоризм, обмороки, дизурия, бдительность, вялость, даже сама смерть - все это они называли последствиями укусов ядовитых пауков, причем не делали различий между их видами. К этим симптомам можно добавить странный слух, повторявшийся на протяжении всего средневековья, о том, что у укушенных людей из кишечника и почек, а также при рвоте извергаются вещества, напоминающие паутину.

Однако нигде мы не находим упоминаний о том, что больные испытывали непреодолимую тягу к танцам или что они случайно излечивались с их помощью. Даже Константин Африканский, живший через 500 лет после Аэция и, будучи самым ученым врачом салернской школы, несомненно, не обошел бы вниманием столь приемлемый предмет для замечания, ничего не знает о столь запоминающемся течении этой болезни, возникающей от яда, и лишь повторяет наблюдения своих греческих предшественников[56]. Гариопонт[57], салернский врач XI века, первым описал разновидность безумия, отдаленное родство которого с болезнью тарантула становится очевидным благодаря очень яркому симптому. Больные во время внезапных приступов вели себя как маньяки, вскакивали, дикими движениями разбрасывали руки и, если под рукой оказывался меч, ранили себя и других, так что приходилось тщательно их оберегать. Они воображали, что слышат голоса и различные звуки, и если во время этой иллюзии до их слуха доносились звуки любимого инструмента, они начинали спазматический танец или бежали со всей энергией, на которую были способны, до полного изнеможения. На этих опасных маньяков, которые, судя по всему, появлялись в большом количестве, смотрели как на легион дьяволов, но о причинах их недуга этот неизвестный автор ничего не добавляет, кроме того, что, по его мнению (как это ни странно), болезнь иногда может быть вызвана укусом бешеной собаки. Он называет болезнь Anteneasmus, под которой, несомненно, подразумевается Enthusiasmus греческих врачей[58]. Мы приводим это явление как важную предтечу тарантизма, будучи убеждены, что таким образом мы пополнили доказательства того, что развитие этого последнего должно было быть основано на обстоятельствах, существовавших с двенадцатого по конец четырнадцатого века; ибо происхождение самого тарантизма относится, с величайшей

вероятностью, к периоду между серединой и концом этого века и, следовательно, совпадает с танцами святого Вита (1374). Влияние римской католической религии, связанной, как это было в средние века, с пышностью процессий, публичными упражнениями в покаянии и бесчисленными практиками, которые сильно возбуждали воображение ее приверженцев, несомненно, приводило разум в очень благоприятное состояние для получения нервного расстройства. Соответственно, пока доктрины христианства были смешаны с мистицизмом, эти недозволенные расстройства преобладали в значительной степени, и даже в наши дни мы видим, что они распространяются с наибольшей легкостью там, где существование суеверия производит тот же эффект в более ограниченных районах, что и когда-то среди целых народов. Но это еще не все. Каждая страна Европы, а Италия, пожалуй, больше других, была посещена в средние века страшными чумами, которые следовали одна за другой в такой быстрой последовательности, что почти не давали измученным людям времени на выздоровление. Восточная бубонная чума опустошала Италию[59] шестнадцать раз между 1119 и 1340 годами. Оспа и корь были еще более разрушительными, чем в наше время, и повторялись так же часто. Огонь святого Антония был страшилищем города и деревни; а отвратительная болезнь, проказа, которая, благодаря крестовым походам, распространила свой вкрадчивый яд во все стороны, вырвала из отцовского очага бесчисленные жертвы, которые, изгнанные из человеческого общества, томились в одиноких хижинах, где их сопровождали только жалость доброжелателей и собственное отчаяние. Все эти бедствия, о которых современные люди почти не сохранили воспоминаний, были до невероятной степени усилены Черной смертью[60], которая распространила по Италии безграничное опустошение и несчастье. Умы людей повсюду были болезненно чувствительны; и как это случается с людьми, чьи чувства, когда они страдают от беспокойства, становятся более раздражительными, так что мелочи превращаются в объекты большой тревоги, а легкие потрясения, которые едва ли повлияли бы на настроение в здоровом состоянии, вызывают у них тяжелые заболевания, так было и со всем этим народом, во все времена столь живым к эмоциям, а в тот период так остро переживавшим ужасы смерти.

Укус ядовитых пауков, а точнее, необоснованный страх перед его последствиями, вызвал в этот период, хотя не мог сделать этого раньше, жестокое нервное расстройство, которое, подобно пляске святого Витта в Германии, распространилось по симпатиям, усиливаясь по мере расширения ареала, и еще больше расширяя свои опустошения от долгого продолжения. Таким образом, с середины XIV века фурии *Танца* обрушили свой бич на страдающих смертных; а музыка, к которой жители Италии, возможно, впервые, проявили восприимчивость и талант, стала способна вызывать экстатические приступы у страдающих, а затем послужила магическим средством изгнания меланхолии.

Раздел. 3.- Увеличение.

В конце XV века мы видим, что тарантизм распространился за пределы Апулии, и страх быть укушенным ядовитыми пауками усилился. От раны, нанесенной этими насекомыми, не ждали ничего, кроме смерти, а если укушенным удавалось спастись, то, как говорят, они впадали в уныние. Многие становились слабовидящими или слабослышащими, некоторые теряли дар речи, и все были невосприимчивы к обычным поводам для волнения. Ничто, кроме флейты и цитры, не приносило им облегчения[61]. При звуках этих инструментов они, как по волшебству, просыпались, открывали глаза и, двигаясь сначала медленно, в такт музыке, с течением времени постепенно переходили к самому страстному танцу. Было заметно, что деревенские люди, грубые и не знающие музыки, демонстрировали в таких случаях необычайную грацию, как будто их хорошо натренировали в изящных движениях

тела; ведь особенность подобных нервных расстройств заключается в том, что органы движения находятся в измененном состоянии и полностью подвластны перенапряженному духу. Города и деревни в течение всего летнего сезона оглашались звуками фиф, кларнетов и турецких барабанов; повсюду можно было встретить пациентов, которые считали танцы единственным средством лечения. Александр аб Александро[62], который приводит этот рассказ, видел в отдаленной деревне молодого человека, охваченного жестоким приступом тарантизма. Он с нетерпением и неподвижным взглядом прислушивался к звукам барабана, и его грациозные движения постепенно становились все более и более бурными, пока его танцы не превратились в череду бешеных прыжков, требовавших максимального напряжения всех его сил. В разгар этого перенапряжения души и тела музыка внезапно прекратилась, и он тут же бессильно упал на землю, где лежал бессмысленно и неподвижно, пока ее магическое воздействие вновь не пробудило его к возобновлению своих страстных выступлений.

В то время, о котором мы рассказываем, существовало всеобщее убеждение, что под воздействием музыки и танцев яд тарантула распределяется по всему телу и выводится через кожу, но если в сосудах остается хоть малейший его остаток, то это становится постоянным зародышем расстройства, так что танцевальные припадки могут вновь и вновь вызываться музыкой *до бесконечности*. Это убеждение, напоминающее заблуждение тех безумцев, которые, освободившись от мнимых причин своих страданий, лишь на короткое время освобождаются от своих ложных представлений, имело самые пагубные последствия: ведь в результате него больные непременно убеждались в неизлечимости своего расстройства. От музыки они ждали облегчения, но не излечения; а когда летний зной пробуждал воспоминания о танцах предыдущего года, они, подобно танцорам святого Вита того же периода до дня святого Вита, снова становились унылыми и мизантропичными, пока музыкой и танцами не развеивали меланхолию, ставшую для них своего рода чувственным наслаждением.

При таких благоприятных обстоятельствах очевидно, что тарантизм с каждым годом должен был все больше прогрессировать. Число людей, подверженных ему, увеличивалось до невероятных размеров, ведь тот, кто действительно был или даже воображал, что его однажды укусил ядовитый паук или скорпион, ежегодно появлялся там, где звучали веселые ноты тарантеллы. Любознательные самки присоединялись к толпе и заражались болезнью, но не от яда паука, а от психического яда, который они охотно принимали через глаза; и таким образом лечение *Тарантати* постепенно превратилось в регулярный праздник населения, который ожидался с нетерпеливым восторгом.

Если не приписывать больше обману и мошенничеству, чем своеобразной природе прогрессирующего психического заболевания, то можно легко понять, что случаи этого странного расстройства теперь становились все более частыми. Прославленный Маттиоли[63], заслуживающий полного доверия, рассказывает об этом как очевидец. Он наблюдал те же необыкновенные эффекты, производимые музыкой, что и Александро, ибо, как бы ни были измучены болью, как бы ни были безнадежны на облегчение пациенты, лежавшие на кушетке болезни, при первых же звуках тех мелодий, которые производили на них впечатление - но так было только с тарантеллой, сочиненной специально для этой цели, - они поднимались, словно вдохновленные новой жизнью и духом, и, не обращая внимания на свое расстройство, начинали двигаться размеренными жестами, танцуя часами без устали, пока, покрытые приятным потом, не ощущали спасительную вялость, которая избавляла их по крайней мере на время, а может быть, и на целый год, от уныния и гнетущего чувства общего недомогания. Опыт Александро о вредных последствиях внезапного прекращения

музыки был в целом подтвержден Маттиоли. Если кларнеты и барабаны прекращались на одно мгновение, что, поскольку самые искусные игроки были утомлены пациентами, не могло не происходить время от времени, они страдали от вялости конечностей, снова опускались в изнеможении на землю и не могли найти утешения, кроме как в возобновлении танца. В связи с этим старались продолжать музыку до изнеможения; ведь лучше было заплатить нескольким дополнительным музыкантам, которые могли бы подбадривать друг друга, чем позволить пациенту в разгар этого лечебного занятия вновь погрузиться в столь плачевное состояние страдания. Приступ, возникающий после укуса тарантула, Маттиоли описывает как сильно различающийся по своей манере. Одни становились болезненно возбужденными, так что долгое время оставались без сна, смеялись, танцевали и пели в состоянии сильнейшего возбуждения. Другие, напротив, испытывали сонливость. Многие чувствовали тошноту и страдали от рвоты, а некоторые испытывали постоянную дрожь. Полная мания была нередким явлением, не говоря уже об обычном упадке духа и других сопутствующих симптомах.

Раздел. 4.- Идиосинкразии.- Музыка.

Необъяснимые эмоции, странные желания и болезненные чувственные раздражения всех видов были столь же распространены, как и при танце святого Витта и подобных больших нервных заболеваниях. Уже в XVI веке пациентов видели вооруженными сверкающими шпагами, которыми во время приступа они размахивали с дикими жестами, как будто собирались участвовать в фехтовальном поединке[64]. Даже женщины презирали всякую женскую деликатность[65] и, принимая этот бесстрастный вид, делали то же самое; и это явление, как и возбуждение, которое танцоры-тарантулы испытывали при виде любой вещи с металлическим блеском, было весьма распространено вплоть до того периода, когда в наше время эта болезнь исчезла[66].

Отвращение к одним цветам и приятные ощущения, вызываемые другими, были гораздо более выражены у возбудимых итальянцев, чем в танце святого Витта у более флегматичных немцев. Красные цвета, которые танцовщицы святого Витта ненавидели, им, как правило, нравились, так что редко можно было встретить пациента, который не носил бы с собой красный платок для своего удовольствия или не ловил бы жадным взглядом красные предметы одежды, надетые на прохожих. Одни предпочитали желтые, другие - черные цвета, объяснение чему, согласно господствующим в то время представлениям, искали в разнице темпераментов[67]. Другие же были очарованы зеленым цветом; очевидцы описывают эту ярость к цветам как столь необычную, что едва ли можно найти слова, чтобы выразить свое изумление. Не успевали пациенты увидеть любимый цвет, как, несмотря на новизну впечатления, они, словно разъяренные животные, бросались к объекту, пожирали его жадными взглядами, целовали и ласкали всеми возможными способами и постепенно смирялись с более мягкими ощущениями, принимали томительное выражение очарованных влюбленных и обнимали платок или какой-либо другой предмет, который им преподносили, с самым сильным пылом, а слезы текли из их глаз, как будто они были полностью подавлены опьяняющим впечатлением, произведенным на их чувства.

Танцевальные припадки некоего монаха-капуцина в Тарентуме вызвали такое любопытство, что кардинал Кахетано отправился в монастырь, чтобы своими глазами увидеть, что там происходит. Как только монах, находившийся в разгаре своего танца, увидел духовного принца, облаченного в красные одежды, он перестал слушать тарантеллу музыкантов, а странными жестами попытался приблизиться к кардиналу, словно желая пересчитать нити его алой мантии и унять свою острую тоску ее запахом. Вмешательство зрителей и собственное уважение не позволили ему прикоснуться к ней, и, не успокоив раздражение

чувств, он впал в состояние такого страдания и беспокойства, что вскоре упал в обморок, от которого оправился только после того, как кардинал с состраданием подал ему плащ. Он тут же схватил его в величайшем экстазе и прижал то к груди, то ко лбу и щекам, а затем снова начал свой танец, словно в безумии любовного припадка[68].

При виде цветов, которые им не нравились, пациенты впадали в жесточайшую ярость и, подобно танцорам Святого Вита при виде красных предметов, с трудом удерживались от того, чтобы не разорвать одежду тех зрителей, которые вызывали в них столь неприятные ощущения[69].

Другим не менее необычным симптомом была страстная тяга к морю, которую проявляли пациенты. Как Иоанновские плясуны XIV века видели в духе, что небеса разверзаются и являют все великолепие святых, так и те, кто страдал от укуса тарантула, чувствовали себя привлеченными безбрежным простором синего океана и теряли себя в его созерцании. В некоторых песнях, сохранившихся до наших дней, отмечалась эта особая тоска, которая выражалась, кроме того, в значительной музыке и возбуждалась даже простом упоминании моря[70]. Некоторые, в ком эта восприимчивость была доведена до высшей степени, бросались со слепой яростью в синие волны[71], как танцоры Святого Вита иногда бросались в быстрые реки. Это состояние, столь противоположное страшному состоянию гидрофобии, проявлялось у других только в удовольствии, которое доставлял им вид прозрачной воды в стаканах. Их они держали в руках во время танца, демонстрируя при этом странные движения и давая выход самым экстравагантным проявлениям своих чувств. Они были в восторге, когда посреди пространства, отведенного для этих упражнений, ставили более просторные сосуды, наполненные водой и окруженные камышами и водяными растениями, в которых они с явным удовольствием купали свои головы и руки[72]. Другие катались по земле, по собственному желанию закапывались по горло в землю, чтобы облегчить страдания своего состояния, не говоря уже о бесконечном множестве других симптомов, свидетельствующих об извращенном действии нервов.

Однако все эти способы облегчения были ничто по сравнению с неотразимым очарованием музыкального звука. В древние времена предпринимались попытки облегчить боль от радикулита[73] или пароксизмов мании[74] с помощью мягкой мелодии флейты, и, что еще более применимо к настоящей цели, устранить опасность, возникающую от укуса гадюки[75], с помощью того же средства. Это, однако, было испробовано лишь в очень малой степени. Но после укуса тарантула, согласно распространенному мнению, жизнь можно было спасти только музыкой, и вряд ли считалось исключением из общего правила, что время от времени плохие последствия ранения предотвращались наложением лигатуры на укушенную конечность или внутренними лекарствами, или что сильные люди иногда выдерживали действие яда, не прибегая к каким-либо средствам[76]. Гораздо чаще, что вполне соответствует природе столь утонченного нервного заболевания, можно услышать рассказы о многих, кто, будучи укушенным тарантулом, погибал, потому что тарантелла, которая принесла бы им избавление, не была им сыграна[77]. Поэтому уже в начале семнадцатого века было принято, чтобы целые группы музыкантов путешествовали по Италии в летние месяцы, и, что совершенно беспримерно ни в древние, ни в современные времена, лечение *тарантасов* в разных городах и деревнях проводилось с размахом. Этот сезон танцев и музыки называли "женским маленьким карнавалом"[78], потому что именно женщины особенно тщательно следили за его проведением; по всей стране они откладывали свободные деньги, чтобы вознаградить желанных музыкантов, и многие из них пренебрегали своими домашними делами, чтобы принять участие в этом празднике

больных. Упоминается даже одна благосклонная дама (Мита Лупа), которая потратила на это все свое состояние[79].

Сама музыка идеально соответствовала характеру заболевания и произвела столь глубокое впечатление на итальянцев, что и по сей день, после исчезновения этого недуга, они сохранили тарантеллу как особый вид музыки, используемый для быстрых оживленных танцев. Различные виды тарантеллы отличались, что очень важно, особыми названиями, которые были связаны с настроением, наблюдаемым у пациентов. Отсюда следует, что они стремились изобразить с помощью этих мелодий даже идиосинкразию ума, выраженную в лице. Так, существовал один вид тарантеллы, который назывался "Panno rosso", очень живой и страстный стиль музыки, к которому были приспособлены дикие дифирамбические песни; другой, называемый "Panno verde", который подходил для более мягкого возбуждения чувств, вызванного зелеными цветами, и устанавливался на идиллические песни о зеленеющих полях и тенистых рощах. Третья называлась "Cinque tempi": четвертая "Moresca", которая исполнялась под мавританский танец; пятая - "Catena" и шестая, с очень подходящим названием "Spallata", как будто ее можно было играть только для танцоров, хромающих на плечо. Это была самая медленная и наименее модная из всех[80]. Для тех, кто любил воду, подбирали любовные песни, которые исполнялись под соответствующую музыку, и такие люди с удовольствием слушали журчащие источники, стремительные каскады и ручьи[81]. К сожалению, по этому вопросу мы не можем дать никакой дополнительной информации, поскольку сохранились лишь небольшие фрагменты песен и несколько тарантел, которые относятся к периоду, столь отдаленному, как начало семнадцатого или, в крайнем случае, конец шестнадцатого века[82].

Музыка была почти полностью в турецком стиле (ария Турческа), а старинные песни крестьянства Апулии, число которых ежегодно увеличивалось, хорошо подходили к резким и живым нотам турецкого барабана и пастушьей трубы. Эти два инструмента были самыми любимыми в стране, но в городах и деревнях играли и на других, как аккомпанемент к танцам пациентов и песням зрителей. Если какая-то мелодия не нравилась больным, они показывали свое недовольство бурными жестами, выражающими отвращение. Они не выносили фальшивых нот, и примечательно, что необразованные хамы, которые никогда в жизни не проявляли никакого восприятия чарующей силы гармонии, приобретали в этом отношении чрезвычайно утонченное чувство слуха, как будто их посвящали в глубочайшие тайны музыкального искусства[83]. Повседневно приходилось наблюдать, как пациенты проявляли пристрастие к определенным тарантеллам, предпочитая их другим, что послужило поводом для сочинения великого множества этих танцев. Кроме того, они были весьма капризны в своих пристрастиях к определенным инструментам; так, одни жаждали пронзительных нот трубы, другие - мягкой музыки, создаваемой вибрацией струн[84].

Наибольшего расцвета тарантизм достиг в Италии в XVII веке, уже после того, как исчезли немецкие танцы святого Витта. Этой жалобе подвергались не только уроженцы страны . Иностранцы всех цветов кожи и всех рас, негры, цыгане, испанцы, албанцы, были точно так же поражены ею[85]. От последствий укуса тарантула или вида страдальцев не защищали ни молодость, ни возраст; так что даже девяностолетние старики отбрасывали костыли при звуках тарантеллы и, словно по их жилам текло какое-то волшебное зелье, восстанавливающее молодость и бодрость, присоединялись к самым экстравагантным танцорам[86]. Фердинандо видел мальчика пяти лет, охваченного манией танца[87], вследствие укуса тарантула, и, во что почти невозможно поверить, если бы это не подтверждалось свидетельством столь надежных очевидцев, даже глухие люди не были

свободны от этого расстройства, настолько сильным был эффект от самого вида страдающих, даже без бодрящих эмоций, вызванных музыкой[88].

Нервные приступы были гораздо более частыми в этом столетии, чем в любой другой период, и необычайная ледяная холодность наблюдалась у тех, кто им подвергался; так что они восстанавливали свой естественный жар только после того, как занимались бурными танцами[89]. Их страдания и чувство подавленности вызывали у них холодный пот; выделения из почек были бледными[90], и они испытывали столь сильную неприязнь ко всему холодному, что, когда им предлагали воду, они с отвращением отталкивали ее. Вино, напротив, все они пили охотно, не согреваясь им и не испытывая ни малейшего опьянения[91]. В течение всего периода приступа они страдали от спазмов в желудке и испытывали нежелание принимать какую-либо пищу. За некоторое время до ожидаемых приступов они воздерживались от мяса и улиток, что, по их мнению, делало их более тяжелыми[92], и их сильная жажда вина, возможно, в какой-то степени объясняется отсутствием более питательной диеты; однако расстройство нервов, очевидно, было его главной причиной, а потеря аппетита, как и необходимость поддержки вином, были его последствиями. Потеря голоса, иногда слепота[93], головокружение, полное безумие, бессонница, частые рыдания без видимых причин - все это было обычными симптомами. Многие пациенты находили облегчение, когда их сажали на качели или качали в колыбели[94]; других требовалось вывести из состояния страдания сильными ударами по подошвам ног; третьи били себя, без всякого намерения устроить представление, а исключительно для того, чтобы ослабить сильное нервное раздражение, которое они испытывали; значительное число пациентов видели с раздутыми животами[95], как у танцоров St. Иоанна, а о сильном кишечном расстройстве у других свидетельствовали упорные запоры, поносы и рвота[96]. Эти жалкие объекты постепенно теряли силы и цвет кожи и, ползая по земле с инъекционными глазами, желтушным цветом лица и раздутыми кишками, вскоре впадали в состояние глубокой меланхолии, которая находила пищу и утешение в торжественном звоне похоронного колокола и в обитании среди могил на кладбищах, как это было с ликантропами в прежние времена.

Убеждения о неизбежных последствиях укуса тарантула властвовали над умами людей, от которых не могли избавиться даже самые здоровые и сильные. Еще в середине XVI века знаменитый Фракасторо застал крепкого пристава своего поместья стонущим и с видом человека, находящегося в крайней степени отчаяния, испытывающего предсмертные муки от укуса в шею, нанесенного насекомым, которое считалось тарантулом. Он любезно и без промедления ввел отвар из уксуса и армянского лыка, великого в те времена средства от чумы и всех видов животных ядов, и умирающий, словно чудом, вернулся к жизни и обрел дар речи[97]. Так как не может быть и речи о том, чтобы боровик имел какое-либо отношение к результату в этом случае, несмотря на веру Фракасторо в его достоинства, мы можем объяснить излечение только предположением, что доверие к столь великому врачу одержало верх над этой смертельной болезнью воображения, которая в противном случае не поддалась бы никакому другому средству, кроме тарантеллы. Фердинандо был знаком с женщинами, которые в течение тридцати лет подряд преодолевали приступы этого расстройства путем возобновления ежегодных танцев - так долго они сохраняли веру в еще не уничтоженный яд укуса тарантула, и так долго продолжалось это душевное расстройство, после того как оно перестало зависеть от какого-либо телесного возбуждения[98].

Куда бы мы ни обратились, мы обнаружим, что это болезненное состояние ума преобладало и поддерживалось мнениями той эпохи, что для возникновения этого бурного нервного расстройства нужен был только стимул в виде укуса тарантула и предполагаемая

уверенность в его весьма катастрофических последствиях. Даже во времена Фердинандо было много тех, кто полностью отрицал ядовитое действие укуса тарантула, а расстройство, которое ежегодно приводило Италию в смятение, они считали меланхолией, зависящей воображения[99]. Однако они дорого расплачивались за этот скептицизм, когда их с неосмотрительным усердием побуждали проверять свои мнения экспериментальным путем; многие из них становились объектами сурового тарантизма, и даже один выдающийся прелат, Джо. Баптист Квинцато, епископ Фолиньо, позволив в шутку укусить себя тарантулу, смог излечиться не иначе, как будучи под влиянием тарантеллы вынужден танцевать[100]. Другие представители духовенства, желавшие заткнуть уши от музыки, поскольку считали танцы унизительными для своего положения, впадали в опасное состояние болезни, оттягивая таким образом кризис недуга, и были вынуждены в конце концов спастись от жалкой смерти, подчинившись нежелательному, но единственному средству лечения[101]. Таким образом, оказывается, что эпоха была столь мало благоприятна для свободы мысли, что даже самые решительные скептики, неспособные защитить себя от воспоминаний о том, что предстало перед глазами, были покорены ядом, силу которого они высмеивали и который сам по себе был инертен в своем действии.

Раздел 5. Истерия.

Различные характеристики болезненно возбужденной жизненной силы, ставшие заметными благодаря тарантизму у разных людей, не могли не привести к тому, что другие нарушения нервной системы принимали подобную форму, когда обстоятельства благоприятствовали такому переходу. Это особенно характерно для истерии, этого протеинового и изменчивого расстройства, в котором, очевидно, отразились фантазии, суеверия и глупости всех веков. Карневалетто делле Донне" появился как нельзя кстати для тех, кто страдал истерией. Их болезнь получила от него, как и в другие времена от других необычных обычаев, особое направление; так что независимо от того, укусил ли их тарантул или нет, они чувствовали себя вынужденными участвовать в танцах тех, кто страдает, и появляться на этом народном празднике, где у них была возможность триумфально продемонстрировать свои страдания. Здесь мы сделаем паузу, чтобы подумать о том, какую жизнь вели женщины в Италии. Одинокие, лишенные жестоким обычаем общения, этого прекраснейшего из всех удовольствий, они влачили жалкое существование. Жизнерадостность и склонность к чувственным удовольствиям переходили в вынужденное безделье, а у многих - в черное уныние[102]. Их воображение расстроилось, бледность лица и сбитое дыхание свидетельствовали об их глубоких страданиях. Как могли они поступить иначе, погруженные в такие страдания, если не воспользовались случаем, чтобы вырваться из своих тюрем и облегчить свои страдания, принимая участие в наслаждении музыкой. Нельзя обойти вниманием и то обстоятельство , которое в замечательной степени иллюстрирует психологическую природу истерических страданий, а именно: многие хлоротичные женщины, присоединившись к танцующим на Карневалетто, избавлялись от спазмов и угнетения дыхания на целый год, хотя телесная причина их недуга не была устранена[103]. После такого результата никто не мог назвать их самообман простым самозванством и безоговорочно осудить его как таковой.

Этот многочисленный контингент пациентов, конечно, не в малой степени способствовал поддержанию зла, ибо их фантастические страдания, в которых диссимуляция и реальность едва ли могли быть различимы даже ими самими, не говоря уже о врачах, имитировались самозванцами того времени так же, как искажения танцовщиц святого Вита. Несомненно, именно благодаря им число подчиненных симптомов увеличивалось до бесконечности, как можно понять из ежедневного наблюдения за истерическими больными, которые из

болезненного желания выделиться отступают от законов морального приличия. Мощное сексуальное возбуждение часто оказывало самое сильное влияние на их состояние. Многие из них обнажались самым непристойным образом, вырывали волосы с корнем, воя и скрежеща зубами; а когда, как это иногда случалось, неудовлетворенная страсть доводила их до исступления, они заканчивали свое существование самоуничтожением; в те времена было принято, чтобы эти несчастные бросались в колодцы[104].

Поэтому может показаться, что в поведении пациентов такого типа к первоначальному расстройству примешивается столько обмана и лжи, что, перейдя в другую жалобу, оно само должно было быть уничтожено. Однако в первой половине семнадцатого века этого не произошло, ибо явным доказательством того, что тарантизм оставался по сути тем же самым и совершенно не был затронут истерией, служит тот факт, что во многих местах, в частности в Мессапии, женщин было меньше, чем мужчин, которые, в свою очередь, в немалой степени были введены в искушение сексуальным возбуждением[105]. В других местах, например, в Бриндизи, ситуация была обратной, что , как и в случае с другими жалобами, может быть в какой-то мере объяснено местными причинами. В целом, судя по совпадающим данным, женщины ни в коем случае не отличались тем, что подвергались тарантизму чаще мужчин.

Говорят, что при ежегодном или полугодовом возвращении укуса тарантула цикатикс обесцвечивается[106], но в этом вопросе не хватает четких свидетельств хороших наблюдателей, чтобы лишить это утверждение полной неправдоподобности.

Не лишним будет заметить, что примерно в то же время, когда тарантизм достиг своего наивысшего расцвета в Италии, в отдаленных частях Азии также боялись укусов ядовитых пауков больше, чем когда-либо на памяти человека. Однако было и то отличие, что симптомы, возникавшие при этом несчастном случае, не сопровождались апулийским нервным расстройством, которое, как было показано на предыдущих страницах, имело свое происхождение скорее в меланхолическом темпераменте жителей юга Италии, чем в природе самого яда тарантула. Поэтому этот яд, несомненно, следует рассматривать лишь как отдаленную причину жалобы, которая, если бы не этот темперамент, была бы неадекватной для ее возникновения. Персы использовали очень грубое средство для борьбы с плохими последствиями яда такого рода. Они обливали раненого молоком, а затем, с помощью сильного вращательного движения в подвешенном ящике, заставляли его вырвать[107].

Раздел 6. Уменьшение.

Мания танца, вызванная укусом тарантула, продолжалась со всеми теми дополнениями самообмана и диссимуляции, которые постоянно сопутствуют нервным расстройствам такого рода, на протяжении всего семнадцатого века. Она действительно постепенно шла на спад, но вплоть до конца этого периода проявляла такие необычные симптомы, что Бальиви, один из лучших врачей того времени, счел за благо оказать услугу науке, сделав их предметом диссертации[108]. Он повторяет все наблюдения Фердинандо и подкрепляет свои собственные утверждения опытом своего отца, врача из Лечче, чьи свидетельства очевидца можно признать безупречными[109].

Непосредственные последствия укуса тарантула, последующее нервное расстройство, а также отклонения и припадки тех, кто страдал от Истерии, он описывает в мастерском стиле и никогда не допускает, чтобы его легковерие уменьшало достоверность его рассказа, в чем его несправедливо обвиняли более поздние авторы.

Наконец, в наше время тарантизм все больше и больше уменьшался и теперь ограничивается единичными случаями. Как он мог сохраниться в неизменном виде в XVIII веке, когда все звенья, связывавшие его со средневековьем, давно уже были разорваны? Самозванство[110] становилось все более частым, и где бы болезнь ни проявлялась в своей подлинной форме, ее главная причина, а именно своеобразная меланхолия, которая раньше была характерна для тысяч людей, теперь лишь изредка проявлялась у несчастных индивидов. Поэтому не без оснований можно утверждать, что современный тарантизм имеет почти такое же отношение к первоначальному недугу, как танец святого Витта, который существует до сих пор и, несомненно, существовал всегда, в некоторых случаях имеет отношение к первоначальной мании танца танцоров святого Иоанна.

В заключение. Тарантизм, как реальная болезнь, отрицается *полностью* и клеймится как навязанная большинством врачей и натуралистов, которые в этом споре показали узость своих взглядов и полное незнание истории. Чтобы подкрепить свое мнение, они провели несколько экспериментов, явно благоприятных для него, но при совершенно неприменимых обстоятельствах, поскольку в большинстве своем в качестве испытуемых они выбрали не кого-нибудь, а здоровых мужчин, на которых совершенно не влияла вера в эту некогда столь страшную болезнь. На основании отдельных случаев мошенничества и диссимуляции, которые встречаются при большинстве нервных заболеваний, не вызывая сомнений в их реальности, они сделали слишком поспешный вывод относительно общего явления, о котором они, по-видимому, не знали, что оно продолжается уже почти четыреста лет, зародившись в самые отдаленные времена средневековья. Самым ученым и самым острым среди этих скептиков является неаполитанец Серао[111]. Его рассуждения сводятся тому, что он считает болезнь очень выраженной формой меланхолии и сравнивает воздействие укуса тарантула на нее со стимулированием шпорами уже бегущей лошади. Реальность этого эффекта он, таким образом, признает, а значит, прямо подтверждает то, что отрицает только внешне[112]. Потрясая и без того колеблющуюся веру в это расстройство, он, как говорят, фактически преуспел в том, чтобы сделать его менее частым и установить границы для самозванства[113]; но это не более опровергает реальность его существования, чем часто повторяющееся обнаружение навязывания смогло в наше время изгнать магнитный сон из круга природных явлений, хотя такое обнаружение, со своей стороны, сделало более редкими неопровержимые эффекты животного магнетизма. Другие врачи и натуралисты[114] высказывали свои мнения о тарантизме, но поскольку они не обладали обширным знанием его истории, их взгляды не заслуживают особого изложения. Для понимания каждого достаточно того, что мы представили факты, освобожденные от всех посторонних спекуляций.

ГЛАВА III.
ТАНЦЕВАЛЬНАЯ МАНИЯ В АБИССИНИИ.

Раздел 1. Тигретье.

И танец святого Витта, и тарантизм принадлежали тем эпохам, в которые они появились. Они не могли существовать под той же широтой в какую-либо другую эпоху, потому что ни в какой другой период обстоятельства, подготовившие почву для них, не сочетались в подобном отношении друг к другу, а душевные и телесные темпераменты народов, зависящие от причин, о которых говорилось выше, так же мало способны к обновлению, как и различные

стадии жизни отдельных людей. Это придает еще большее значение болезни, о которой лишь вскользь упоминалось на предыдущих страницах, существующей в Абиссинии и почти напоминающей первоначальную манию танцоров Святого Иоанна, поскольку она демонстрирует совершенно аналогичный экстаз и оказывает такое же сильное воздействие на двигательные нервы. Чаще всего она встречается в стране Тигре, откуда и получила название Тигретье, и, вероятно, это та же болезнь, которая на языке Эфиопии называется Astarāgaza[115]. По этому поводу мы приведем свидетельство Натаниэля Пирса[116], очевидца, прожившего девять лет в Абиссинии. "Тигретье, - говорит он, - чаще встречается среди женщин, чем среди мужчин. Она охватывает тело, как при сильной лихорадке, а затем переходит в затяжную болезнь, которая превращает больных в скелеты и часто убивает их, если родственники не могут достать подходящее средство. Во время этой болезни их речь превращается в некое подобие заикания, которое никто не может понять, кроме тех, кто страдает тем же расстройством. Когда родственники обнаруживают, что болезнь является настоящим *тигром*, они объединяются, чтобы покрыть расходы на ее лечение; первое средство, к которому они обычно прибегают, - это помощь ученого дофтера, который читает Евангелие от святого Иоанна[117] и обливает пациента холодной водой ежедневно в течение семи дней, что очень часто оказывается смертельным. Наиболее эффективное средство, хотя и гораздо более дорогое, чем первое, заключается в следующем: родственники нанимают за определенную сумму оркестр трубачей, барабанщиков и фиферов и покупают некоторое количество спиртного; затем все молодые люди и женщины этого места собираются в доме больного, чтобы совершить следующую необычайную церемонию.

"Однажды сосед позвал меня к своей жене, очень молодой женщине, которая имела несчастье страдать этим недугом; этот человек был моим старым знакомым и всегда близким товарищем в лагере, я каждый день, когда был дома, приходил к ней, но не мог оказать ей никакой помощи, хотя она никогда не отказывалась от моих лекарств. В это время я не понимал ни слова из того, что она говорила, хотя она говорила очень свободно, и никто из ее родственников не мог ее понять. Она не могла вынести ни книги, ни священника, потому что при виде любого из них она билась и, по-видимому, была охвачена острой агонией, и поток слез, похожих на кровь, смешанную с водой, лился по ее лицу из глаз. В таком состоянии она пролежала три месяца, живя так скудно, что казалось, этого недостаточно для поддержания жизни человеческого тела; наконец ее муж согласился применить обычное средство и, приготовив средства на содержание группы в течение времени, необходимого для излечения, занял у всех соседей серебряные украшения и обвешал ими ее ноги, руки и шею.

"Вечером, когда оркестр начал играть, я расположился рядом с ней, когда она лежала на кушетке, и примерно через две минуты после того, как зазвучали трубы, я заметил, что ее плечи начали двигаться, а вскоре после этого голова и грудь, и менее чем через четверть часа она села на кушетку. Дикий вид ее, хотя иногда она улыбалась, заставил меня отойти на большее расстояние, так как я был почти встревожен, увидев, как почти скелет двигается с такой силой: ее голова, шея, плечи, руки и ноги - все делало сильные движения под звуки музыки, и так она продолжала постепенно, пока не встала на ноги на полу. После этого она начала танцевать, временами подпрыгивать, и наконец, когда музыка и шум певцов усилились, она часто поднималась на три фута от земли. Когда музыка стихала, она казалась совсем не в духе, но когда она становилась громче, то улыбалась и радовалась. Во время этих упражнений она ни разу не показала ни малейшего признака усталости, хотя музыканты были совершенно измотаны; а когда они останавливались, чтобы освежиться, попить и немного отдохнуть, она обнаруживала признаки недовольства.

"На следующий день, согласно обычаю, принятому для лечения этого расстройства, ее отвели на рыночную площадь, где несколько кувшинов *с маисом* или *цугом* были расставлены в порядке, чтобы напоить музыкантов и танцоров. Когда толпа собралась и музыка была готова, ее вывели, и она начала танцевать и метаться в самых безумных позах, какие только можно себе представить, и так продолжалось весь день. Ближе к вечеру с ее шеи, рук и ног по очереди стали падать серебряные украшения, так что за три часа с нее сняли все предметы. Родственник постоянно ходил за ней, пока она танцевала, подбирал украшения, а затем доставлял их владельцам, у которых они были позаимствованы. Когда солнце зашло, она стартовала с такой скоростью, что самый быстрый бегун не смог бы за ней угнаться, а когда она оказалась на расстоянии около двухсот ярдов, то внезапно упала, словно подстреленная. Вскоре после этого молодой человек, подойдя к ней, выстрелил из спичечного коробка по ее телу, ударил ее по спине широкой стороной своего большого ножа и спросил ее имя, на что она ответила как в здравом уме - верное доказательство того, что она исцелена; ведь во время этого недуга страдающие им никогда не называют своих христианских имен. Теперь ее взяли на руки в очень слабом состоянии и понесли домой, а священник пришел и снова крестил ее во имя Отца, Сына и Святого Духа, и эта церемония завершила ее исцеление. Некоторых из них, прежде чем вылечить, много дней водят на рынок, а иногда случается, что их вообще не могут вылечить. Я видел, как они в таких припадках танцуют с *брули* или бутылкой кукурузы на голове, не проливая спиртного и не позволяя бутылке упасть, хотя они принимали самые экстравагантные позы.

"Я не мог решиться написать об этом понаслышке, да и не представлял себе, что это возможно, пока не был вынужден применить это средство на практике на собственной жене[118], страдавшей тем же недугом, и тогда я был вынужден еще ближе познакомиться с этим странным расстройством. Сначала я подумал, что хлыст может оказаться полезным, и однажды попытался нанести несколько ударов незаметно для окружающих: мы были одни, и у меня возникло сильное подозрение, что этот недуг проистекает от слабого ума женщин, которых побуждают к нему пышность, богатые наряды и музыка, сопровождающие излечение. Но как же я был удивлен, когда в тот момент, когда я нанес легкий удар, думая сделать доброе дело, обнаружил, что она стала похожа на труп, и даже суставы ее пальцев стали такими жесткими, что я не мог их распрямить; Я действительно подумал, что она умерла, и тут же сообщил людям в доме, что она потеряла сознание, но не сказал им причину, на что они немедленно принесли музыку, в которой я много дней им отказывал, и которая вскоре оживила ее; затем я оставил дом ее родственникам, чтобы они вылечили ее за мой счет, как я уже говорил, хотя для лечения моей жены потребовалось гораздо больше времени, чем для той женщины, о которой я только что рассказывал. Однажды я с компаньоном отправился наедине посмотреть, как танцует моя жена, и держался на небольшом расстоянии, так как стеснялся подходить к толпе. Неотрывно глядя на нее, танцующую или прыгающую, больше похожую на оленя, чем на человека, я сказал, что это точно не моя жена, на что мой спутник разразился приступом смеха, от которого он едва мог воздерживаться всю дорогу домой. Мужчины иногда страдают этим ужасным расстройством, но не часто. Среди амхара и галла это не так распространено".

Таков рассказ Пирса, который во всех отношениях заслуживает доверия, а его живое описание делает традиции прежних времен о танце святого Вита и тарантизме понятными даже тем, кто скептически относится к существованию болезненного состояния души и тела такого рода, как описанное, поскольку при современном уровне развития цивилизации среди народов Европы возможностей для его развития больше не возникает. Авторитет этого энергичного, но отнюдь не амбициозного человека не вызывает ни малейших подозрений,

поскольку из-за отсутствия образования он не был знаком с рассматриваемым явлением, а его работа демонстрирует привлекательную и непритязательную беспристрастность.

Сравнение - мать наблюдения, и здесь можно прояснить одно явление через другое - прошлое через то, что еще существует. Угнетение, отсутствие безопасности и влияние очень грубого священничества - вот те мощные причины, которые действовали на немцев и итальянцев в средние века, как они продолжают действовать на абиссинцев в наши дни. Как бы ни отличались эти люди от нас по своему происхождению, нравам и обычаям, влияние вышеупомянутых причин в Африке такое же, как и в Европе, ибо они действуют на самого человека независимо от конкретной местности, в которой он может быть посажен; и состояние абиссинцев в наши дни в отношении суеверий является зеркальным отражением состояния европейских народов в средние века. Если это покажется смелым утверждением, то оно будет подкреплено тем фактом, что в Абиссинии встречаются два примера суеверий, которые полностью соответствуют явлениям средневековья, происходившим одновременно с манией танца. *У абиссинцев есть свои христианские флагеллянты, и среди них существует вера в зооморфизм, который представляет собой живой образ ликантропии средних веков.* Их флагеллянты называются Закари. Они объединены в отдельное христианское братство и совершают свои шествия по городам и селам с большим шумом и беспорядком, бичуя себя до крови и нанося себе раны ножами[119]. Они хвастаются, что являются потомками святого Георгия. Именно в Тигре, стране абиссинской танцевальной мании, они встречаются в наибольшем количестве, и именно там, в окрестностях Аксума, у них есть своя церковь, посвященная их святому покровителю *Ун Арвелу*. Здесь есть вечно горящая лампада, и они стараются внушить веру в то, что она поддерживается сверхъестественными средствами. Здесь же хранится святая вода, которая, как говорят, является лекарством для тех, кто страдает манией танца.

Не менее важное явление - абиссинский зооморфизм, который проявляется весьма своеобразно. Кузнецы и гончары образуют среди абиссинцев общество или касту, называемую в Тигре *Теббиб*, а в Амхаре *Буда*, которая пользуется определенным презрением и не допускается к таинству Вечери Господней, поскольку считается, что они могут превращаться в гиен и других хищных зверей, из-за чего их все боятся и относятся к ним с ужасом. Они искусно стараются поддерживать это суеверие, потому что благодаря этому разделению они сохраняют монополию на свои прибыльные ремесла, а поскольку в других отношениях они хорошие христиане (среди них живет мало евреев и магометан), они, похоже, не придают большого значения своему отлучению. В качестве знака отличия они носят золотую серьгу, которую часто находят в ушах убитых гиен, причем никогда не было установлено, как они ловят этих животных, чтобы украсить их этим странным украшением, и это устраняет в сознании людей все сомнения относительно сверхъестественных способностей кузнецов и гончаров[120]. Будам также приписывают дар зачарования, особенно влияние сглаза[121]. Тем не менее они живут без охраны, и фанатичные жрецы не приговаривают их к огню, как ликантропов в средние века.

ГЛАВА IV.
СИМПАТИЯ.

Подражание, сострадание, симпатия - вот несовершенные обозначения общей связи между людьми, инстинкта, соединяющего индивидов с общим организмом, охватывающего с одинаковой силой разум и глупость, добро и зло, уменьшающего похвалу добродетели, равно как и преступность порока. В этом импульсе есть свои степени, но нет существенных различий, от первых интеллектуальных усилий младенческого ума, которые в значительной степени основаны на подражании, до того болезненного состояния души, в котором чувствительное впечатление от нервного заболевания сковывает ум и находит свой путь через глаз, непосредственно к больной текстуре, как электрический удар распространяется при контакте от тела к телу. К этому инстинкту подражания, когда он существует в высшей степени, присоединяется потеря всякой власти над волей, которая происходит, как только впечатление на органы чувств прочно укрепилось, вызывая состояние, подобное тому, которое бывает у маленьких животных, когда они очарованы видом змеи. По этой психической привязанности болезненная симпатия четко и определенно отличается от всех подчиненных степеней этого инстинкта, каким бы тесным ни было подражание расстройству, которое может показаться просто глупостью, нелепой модой, неловкой привычкой в речи и манере поведения или даже путаницей идей. Однако даже эти последние подражания, направленные на глупые и пагубные цели, выставляют в весьма сомнительном свете самостоятельность большей части человечества и объясняют необходимость их объединения в социальное целое. Еще более близким к болезненному сочувствию, чем подражание соблазнительной глупости, хотя часто и со значительной примесью последней, является распространение сильных возбуждений, особенно религиозного или политического характера, которые так сильно будоражили народы древних и современных времен и которые могут, после зарождающегося соответствия[122], перейти в полную потерю власти над волей и настоящую болезнь ума. Далеко не всегда мы пытаемся пробудить все разнообразные тона этого аккорда, вибрации которого открывают глубокие тайны, скрытые в глубинах души. Нам вполне могут понадобиться силы, достаточные для столь масштабной задачи. Здесь мы имеем дело только с той болезненной симпатией, с помощью которой танцевальная мания средневековья переросла в настоящую эпидемию. Для того чтобы это стало очевидным в сравнении, в завершение этого исследования, возможно, будет неуместно привести несколько ярких примеров: - 1.

1. "На хлопчатобумажной мануфактуре в Ходден-Бридже, в Ланкашире, пятнадцатого февраля 1787 года одна девочка положила мышь в грудь другой девочке, которая очень боялась мышей. Девочка немедленно впала в припадок, который продолжался с сильнейшими конвульсиями в течение двадцати четырех часов. На следующий день таким же образом заразились еще три девочки, а 17-го - еще шесть. К этому времени тревога была настолько велика, что вся работа, в которой было занято 200 или 300 человек, была полностью остановлена, и возобладала идея, что определенная болезнь была занесена через мешок с хлопком, открытый в доме. В воскресенье 18-го за доктором Сент-Клером послали из Престона; до его приезда было схвачено еще трое, а за ночь и утро 19-го - еще одиннадцать, всего двадцать четыре человека. Из них двадцать одна молодая женщина, две девочки лет десяти и один мужчина, который очень устал, удерживая девочек. Трое из них жили примерно в двух милях от места, где впервые вспыхнуло заболевание, а трое - на другой фабрике в Клитеро, примерно в пяти милях, причем последние и еще двое заразились совершенно случайно, не видя других больных, но, как и они, и вся страна, были сильно впечатлены идеей, что чуму можно подхватить от хлопка. Симптомами болезни были беспокойство, удушье и очень сильные конвульсии; они были настолько сильными, что

продолжались без перерыва от четверти часа до двадцати четырех часов, и требовалось четыре или пять человек, чтобы пациенты не рвали на себе волосы и не бились головой об пол или стены. Доктор Сент-Клер взял с собой портативную электрическую машину, и с помощью электрических разрядов пациенты получали облегчение все без исключения. Как только пациенты и вся страна убедились, что это всего лишь нервное расстройство, которое легко лечится и не вызвано хлопком, ни один человек больше не пострадал. Чтобы еще больше развеять их опасения, наилучший эффект был достигнут, если заставить их выпить бокал и присоединиться к танцам . Во вторник 20-го числа они танцевали, а на следующий день все были на работе, кроме двух или трех, которые были сильно ослаблены припадками"[123].

Описанный случай примечателен тем, что у этих молодых женщин не было никакой важной предрасполагающей причины для конвульсий, если не считать таковой их жалкую и замкнутую жизнь в рабочих помещениях прядильной мануфактуры. Конвульсии не возникли на почве энтузиазма, и не сообщается, что пациентки страдали какими-либо другими нервными расстройствами. В другом, совершенно аналогичном случае все нападавшие страдали от нервных расстройств, которые вызывали в них болезненное сочувствие при виде человека, охваченного конвульсиями. Это, вместе с наблюдением истерических припадков, можно достаточно метко сравнить с тарантизмом.

2. "Молодая женщина самого низкого пошиба, двадцати одного года от роду, крепкого телосложения, пришла 13 января 1801 года навестить больного в берлинскую больницу Шарите, где она сама ранее лечилась от воспаления грудной клетки с тетаническими спазмами, и сразу же, войдя в палату, упала в сильных конвульсиях. При виде ее сильных конвульсий шесть других пациенток немедленно заболели тем же самым, и постепенно еще восемь подверглись подобному нападению с сильными конвульсиями. Все эти пациенты были в возрасте от шестнадцати до двадцати пяти лет и страдали без исключения: один - от спазмов в желудке, другой - от паралича, третий - от вялости, четвертый - от приступов с потерей сознания, пятый - от каталепсии, шестой - от обморока и т. д. Судороги, чередующиеся в различных отношениях с тоническими спазмами, сопровождались потерей чувствительности, им неизменно предшествовало томление с тяжелым сном, за которым в течение минуты или двух следовали припадки; примечательно, что у всех этих пациентов их прежние нервные расстройства, за исключением параличей, исчезали, возвращаясь, однако, после последующего устранения новой жалобы. Лечение, в ходе которого две медсестры, молодые женщины, перенесли подобные приступы, продолжалось в течение четырех месяцев. В конце концов оно увенчалось успехом и заключалось главным образом в приеме опиума, в то время излюбленного средства[124]".

Итак, любой вид энтузиазма, любая сильная привязанность, любая бурная страсть могут привести к конвульсиям - к психическим расстройствам - к сотрясению нервов, начиная с сенсориума и заканчивая самыми тонкими отделами спинного мозга. Весь мир полон примеров этой болезненной суматохи, которая, когда ум увлекается силой чувственного впечатления, разрушающего его свободу, неудержимо распространяется через подражание. Зараженные таким образом люди не щадят даже собственной жизни, но, как загнанное стадо овец, следуя за своим вожаком, бросается в пропасть, так и целые сонмы энтузиастов, заблуждаясь в своих увлечениях, спешат на верную смерть. Так было всегда, со времен милезийских девственниц до современных ассоциаций саморазрушения[125]. Из всех восторженных увлечений, однако, религиозное - самое плодотворное в плане расстройств как ума, так и тела, и оба они распространяются с наибольшей легкостью

благодаря симпатии. История церкви содержит бесчисленные доказательства этого, но нам нет нужды углубляться дальше самых последних времен.

3. В методистской часовне в Редруте во время богослужения один человек громким голосом воскликнул: "Что мне делать, чтобы спастись?", проявляя при этом величайшую тревогу и беспокойство о состоянии своей души. Некоторые другие члены общины, следуя его примеру, кричали в той же форме, и, казалось, вскоре после этого испытывали мучительную телесную боль. Это странное явление вскоре получило широкую огласку, и сотни людей, пришедших сюда либо из любопытства, либо желая по другим мотивам посмотреть на страдальцев, впали в такое же состояние. Часовня оставалась открытой несколько дней и ночей, и с этого момента новое расстройство распространилось с быстротой молнии по соседним городам - Кемборну, Хелстону, Труро, Пенрину и Фалмуту, а также по деревням в окрестностях. Продвигаясь таким образом, она несколько уменьшилась в том месте, где впервые появилась, и ограничилась методистскими часовнями. Возбуждалась она только теми словами, о которых уже говорилось, и захватывала не только людей с самым низким уровнем образования. Те, кто подвергся нападению, испытывали сильнейшие страдания и впадали в конвульсии; другие, как одержимые, кричали, что Всемогущий немедленно изольет на них свой гнев, что в их ушах звучали стенания измученных духов и что они видели ад, открытый, чтобы принять их. Священнослужители, когда во время проповедей понимали, что люди охвачены таким образом, убедительно призывали их исповедовать свои грехи и усердно старались убедить их в том, что они по природе своей враги Христу, что гнев Божий обрушился на них, и что если смерть застанет их врасплох в разгар грехов, то вечные муки ада станут их уделом. Возбужденные прихожане повторяли эти слова, что, естественно, усиливало ярость их судорожных приступов. Когда речь произвела полный эффект, проповедник сменил тему; напомнил страждущим о силе Спасителя, а также о Божьей благодати и представил им в сияющих красках радости небес. На это рано или поздно последовала удивительная реакция. Те, кто бился в конвульсиях, чувствовали себя поднятыми из самых глубин страдания и отчаяния к самому возвышенному блаженству и торжествующе кричали, что их узы ослаблены, грехи прощены и что они перешли к чудесной свободе детей Божьих. Тем временем конвульсии продолжались, и они оставались в этом состоянии, настолько отрешенные от всех земных мыслей, что оставались в часовнях по два, а иногда и по три дня и ночи, все время возбуждаемые спазматическими движениями, не принимая ни отдыха, ни пищи. По самым скромным подсчетам, в течение очень короткого времени 4000 человек были поражены этим судорожным недугом.

Ход и симптомы приступов в целом были следующими: сначала наступала слабость, тяжесть и чувство тяжести в области желудка, вскоре после чего пациент вскрикивал, как при предсмертных муках или родовых схватках. Затем начались судороги, сначала проявившиеся в мышцах век, хотя сами глаза оставались неподвижными и пристальными. Затем последовали самые страшные искажения лица, и теперь судороги пошли вниз, так что были затронуты мышцы шеи и туловища, что вызвало рыдающее дыхание, которое осуществлялось с большим усилием. Последовали тремор и возбуждение, пациенты неистово кричали и бросали голову из стороны в сторону. По мере того как жалоба усиливалась, она захватывала руки, и жертвы били себя в грудь, сжимали руки и делали всевозможные странные жесты. Наблюдатель, который приводит этот рассказ, отметил, что нижние конечности ни в коем случае не страдали. В некоторых случаях изнеможение наступало через несколько минут, но обычно приступ длился гораздо дольше, и были даже случаи, когда он продолжался шестьдесят или семьдесят часов. Многие из тех, кто сидел в момент приступа, во время его продолжения быстро наклоняли свое тело вперед и назад, делая соответствующие движения руками, как люди, пилящие дрова. Другие громко

кричали, прыгали и бросали свое тело во все возможные позы, пока не исчерпали все свои силы. В начале заболевания зевота наблюдалась во всех случаях, но по мере усиления расстройства кровообращение и дыхание ускорялись, так что лицо приобретало опухший и одутловатый вид. Когда наступало истощение, пациенты обычно теряли сознание и оставались в неподвижном состоянии до самого выздоровления. Расстройство полностью напоминало танец святого Витта, но припадки иногда доходили до необычайной силы, так что автор статьи однажды видел, как женщина, охваченная этими конвульсиями, сопротивлялась попыткам четырех или пяти сильных мужчин удержать ее. Те пациенты, которые не теряли сознания, в целом становились еще более неистовыми при каждой попытке утихомирить их силой, и поэтому они, как правило, оставались без защиты, пока сама природа не приводила их к истощению. После приступов больные жаловались на слабость, а иногда случалось, что они переходили в другие расстройства: так, некоторые впадали в состояние меланхолии, которое, однако, вследствие их религиозного экстаза, отличалось отсутствием страха и отчаяния; а у одного пациента, как говорят, произошло воспаление мозга. Ни пол, ни возраст не были свободны от этой эпидемической болезни. Им одинаково страдали и пятилетние дети, и восьмидесятилетние люди, а его влиянию подвергались даже мужчины самого крепкого телосложения. Однако чаще всего жертвами болезни становились девушки и молодые женщины[126].

4. В течение последних ста лет на Шетландских островах существовало нервное заболевание совершенно аналогичного рода, которое представляет собой яркий пример, возможно, единственный из ныне существующих, очень длительного распространения этого вида расстройств путем симпатии. Происхождение болезни было очень незначительным. У женщины-эпилептика случился припадок в церкви, и то ли умы прихожан были возбуждены набожностью, то ли, будучи подавлены видом сильных конвульсий, вызвали их сочувствие, но точно известно, что многие взрослые женщины и даже дети, некоторые из которых были мужского пола и не старше шести лет, сразу же начали жаловаться на сердцебиение, затем на обморок, который перешел в неподвижное и явно каталептическое состояние. Эти симптомы продолжались более часа и, вероятно, повторялись часто. Однако с течением времени эта болезнь, как говорят, претерпела изменения, которые проявляются и в настоящее время. Женщины, на которых он напал, внезапно падают, разбрасывают руки, принимают различные формы тела, резко двигают головой из стороны в сторону и с неподвижными глазами произносят самые жалобные крики. Если припадок случается во время какого-либо общественного развлечения, то, как только он прекращается, они смешиваются со своими товарищами и продолжают развлекаться как ни в чем не бывало. Подобные пароксизмы чаще всего случались в теплые летние месяцы, а около пятидесяти лет назад почти не было суббот, в которые они не случались. Сильные душевные страсти, вызванные религиозным энтузиазмом, также являются возбуждающими причинами этих приступов, но, как и все подобные ложные признаки божественных действий, они легко преодолеваются, вызывая у пациента другой склад ума, и особенно возбуждая чувство стыда: таким образом, пострадавшие находятся под контролем любого здравомыслящего проповедника, который знает, как "оказать помощь больному уму", и разоблачить глупость добровольного подчинения симпатии, которой так легко противостоять, или приглашения подобных атак с помощью жеманства. Один умный и благочестивый священник Шетландских островов сообщил врачу, который рассказывает об этом расстройстве как очевидец, что, будучи сильно раздраженным, когда он впервые приехал в эту страну, этими пароксизмами, из-за которых богослужения в церкви были сильно затруднены, он предотвратил их повторение, заверив своих прихожан, что никакое лечение не может быть более эффективным, чем погружение в холодную воду; А поскольку его кирха, к счастью, находилась рядом с пресноводным озером, он предупредил, что во время богослужения под

рукой должны быть служители, чтобы обеспечить надлежащие средства лечения. О дальнейших событиях нет нужды рассказывать. Страх быть вынесенным из церкви в воду подействовал как талисман; не было сделано ни одной наяды, и достойный священник в течение многих лет имел основания похвастаться одной из лучших регулируемых общин на Шетландских островах. Когда упомянутый выше врач присутствовал на богослужении в кирхе Балиаста на острове Унст, раздался женский крик, свидетельствующий о судорожном припадке; священник, мистер Ингрэм из Фетлара, очень корректно прервал свою речь, пока не удалили нарушителя порядка; и, посоветовав всем, кто считает, что может пострадать подобным образом, покинуть церковь, он тем временем прочел псалом. Таким образом, прихожане были ограждены от дальнейшего прерывания; однако эффект сочувствия не был предотвращен, поскольку, когда рассказчик выходил из церкви, он увидел несколько женщин, корчившихся и разбрасывавших руки на зеленой траве, которые не смели, опасаясь порицания с кафедры, проявлять себя подобным образом в священных стенах кирхи[127].

В возникновении этого расстройства, которое, несомненно, существует и поныне, фанатизм, конечно же, сыграл меньшую роль, чем раздражительное состояние нездоровых женщин, которым достаточно было одного волнения, неважно какого рода, чтобы впасть в преобладающий нервный пароксизм. Когда же эта мощная причина нервных расстройств берет на себя ведущую роль, мы обнаруживаем гораздо более примечательные симптомы, и тогда от психического состояния людей, среди которых они появляются, зависит, будут ли они в своем распространении иметь узкий или широкий диапазон, будут ли они ограничены каким-то небольшим узлом фанатиков и исчезнут без следа, или же они приобретут даже историческое значение.

5. Появление *конвульсионеров* во Франции, жители которой, в силу большей подвижности своей крови, в целом были менее склонны к фанатизму, в этом отношении поучительно и заслуживает внимания. В 1727 году в столице этой страны умер дьякон Парис, ревностный противник ультрамонтанистов, раскол которых возник во французской церкви из-за буллы "Unigenitus". Люди часто посещали его гробницу на кладбище Сен-Медар, а через четыре года после этого (в сентябре 1731 года) распространился слух, что там происходят чудеса. Пациенты были охвачены конвульсиями и тетаническими спазмами, катались по земле, как одержимые, впадали в сильные конвульсии головы и конечностей, испытывали сильнейшее угнетение, сопровождавшееся учащением и неравномерностью пульса. Это новое явление произвело величайший фурор во всем Париже, и огромное количество людей ежедневно прибегало на вышеупомянутое кладбище, чтобы увидеть столь удивительное зрелище, которое ультрамонтанисты сразу же истолковали как дело рук сатаны, в то время как их противники приписывали его божественному влиянию. Беспорядок вскоре усилился, пока не вызвал у нервных женщин *ясновидение* (*Schlafwachen*) - явление, до тех пор неизвестное; особенно привлекала внимание одна женщина, которая с завязанными глазами и, как считалось, с помощью обоняния читала все письмена, которые клали перед ней, и различала характеры неизвестных людей. Земля, взятая с могилы дьякона, вскоре была признана обладающей чудодейственной силой. Ее посылали многочисленным больным на расстоянии, и те, как утверждали, излечивались, и таким образом это нервное расстройство распространилось далеко за пределы столицы, так что в одно время, по подсчетам, насчитывалось более восьмисот решившихся на *конвульсии*, которые вряд ли бы так сильно увеличились в числе, если бы Людовик XV не распорядился закрыть кладбище[128]. Само расстройство принимало различные формы и своими приступами усиливало общее возбуждение. Многие люди не только страдали от конвульсий, но и испытывали сильные боли, которые требовали помощи братьев по вере. По этой причине их, а также тех, кто

оказывал им помощь, стали называть *секуристами*. Принятые способы облегчения были в значительной степени схожи с теми, которые применялись к танцорам Святого Иоанна и тарантати, и в целом они были очень грубыми; страдальцев били и били по различным частям тела камнями, молотками, мечами, дубинками и т. д., причем защитники этой необычной секты приводят самые поразительные примеры, доказывая, что сильная боль настоятельно требуется природой при этом расстройстве как эффективное противораздражающее средство. Секуристы использовали деревянные дубинки, подобно тому, как павры используют свои молотки, и утверждается, что некоторые конвульсионеры ежедневно переносили от шести до восьми тысяч ударов, наносимых таким образом, без опасности[129]. Один секурсист нанес молодой женщине, страдавшей от спазма желудка, самые сильные удары по этой части, не говоря уже о других подобных случаях, которые встречались повсюду в огромном количестве. Иногда пациенты поднимались с земли, подгоняемые конвульсиями, как рыбы из воды; и это так часто имитировалось в более поздний период, что женщины и девушки, ожидая таких сильных конвульсий, не желая показаться неприличными, надевали платья, сделанные как мешки, закрытые у ног. Если они получали какие-либо ушибы при падении, их лечили землей с могилы неканонизированного святого. Обычно, однако, они проявляли большую ловкость в этом отношении, и нет необходимости отмечать, что женский пол особенно отличался всевозможными прыжками и почти немыслимыми искривлениями тела. Одни крутились на ногах с невероятной быстротой, как рассказывают о дервишах; другие бились головой о стены или изгибали тело, как канатоходцы, так что пятки касались плеч.

Все это в конце концов выродилось в решительное безумие. Некая конвульсионерка в Верноне, которая раньше вела довольно разгульный образ жизни, занималась тем, что исповедовала противоположный пол; в других местах женщин этой секты видели налагающими на священников епитимью, во время которой те были вынуждены становиться перед ними на колени. Другие играли с детскими погремушками или рисовали маленькие тележки, придавая этим детским действиям символические значения[130]. Один конвульсионер даже заставлял верующих брить подбородок и одновременно давал религиозные наставления, чтобы подражать Парису, творящему чудеса, который во время этой операции и за столом имел обыкновение читать проповеди. Некоторым поперек тела клали доску, на которой стоял целый ряд мужчин; а так как в этом неестественном состоянии ума от мучительной боли получают некое удовольствие, то видели и таких, кто щипал себе грудь щипцами, а другие, закрыв ноги платьем, стояли на голове и оставались в таком положении дольше, чем это было бы возможно, будь они здоровы. Адвокат Пино, принадлежавший к этой секте, каждый день несколько часов лаял, как собака, и даже это находило подражание среди верующих.

Безумие конвульсионеров длилось без перерыва до 1790 года, и за эти пятьдесят девять лет вызвало больше плачевных явлений, чем могли бы допустить просвещенные духи восемнадцатого века. Самая грубая безнравственность находила в тайных собраниях верующих надежное убежище, а в их запутанных благочестивых упражнениях - удобную маскировку. Не помогло то, что в 1762 году парламентским актом был запрещен Grands Secours; с тех пор эта работа велась в тайне и с большим рвением, чем когда-либо; напрасно некоторые врачи, и среди прочих строгий, благочестивый Геке[131], а за ним и Лорри[132], объясняли поведение конвульсионеров естественными причинами. Знатные люди из высших классов, например, депутат Монжерон и церковник Ламбер (ум. в 1813 г.), выступили защитниками этой секты; а многочисленные сочинения[133], которыми обменивались по этому поводу, служили, благодаря тому значению, которое они придавали ей, для придания ей устойчивости. Революция, наконец, пошатнула структуру этого пагубного мистицизма.

Однако он не был уничтожен; ведь даже в период наибольшего возбуждения тайные собрания продолжались; пророческие книги конвульсионеров различных конфессий появились даже в самые последние времена, и всего несколько лет назад (в 1828 году) эта некогда знаменитая секта все еще существовала, хотя и без конвульсий и чрезвычайно грубой помощи братьев по вере, которые, среди хваленого превосходства французского интеллектуального прогресса, с особой силой напоминают нам о темных временах танцоров Св. Иоанна танцоров[134].

6. Подобные фанатичные секты демонстрируют у всех народов[135] древности и современности одни и те же явления. Чрезмерный фанатизм, как сам по себе, так и с медицинской точки зрения, является разрушительным раздражением чувств, которое уводит человека от эффективности психической свободы и особенно благоприятствует наиболее вредным эмоциям. Чувственные приливы, сопровождающиеся сильными нервными конвульсиями, появляются рано или поздно[136], а безумие, самоубийственное отвращение к жизни и неизлечимые нервные расстройства[137] слишком часто являются последствиями извращенного, и, более того, лицемерного рвения, которое всегда преобладало как в собраниях мейнадов и корибантов древности, так и под видимостью религии у христиан и магометан.

Есть несколько деноминаций английских методистов, которые превосходят, если возможно, французских конвульсионеров; и мы можем здесь упомянуть, в частности, джамперов, среди которых еще труднее, чем в приведенном выше примере, провести границу между религиозным экстазом и совершенным расстройством нервов; симпатия, однако, действует на них, возможно, более пагубно, чем на другие фанатичные собрания. Секта прыгунов была основана в 1760 году в графстве Корнуолл двумя фанатиками[138], которые уже в то время смогли собрать значительную партию. Их общая доктрина похожа на методистскую и требует нашего рассмотрения лишь в той мере, в какой она предписывает им во время набожных упражнений впадать в конвульсии, которые они способны осуществлять самым странным образом, какой только можно себе представить. Употребляя некоторые неблагозвучные слова, они доводят себя до состояния религиозного безумия, в котором, кажется, почти не контролируют свои чувства. Затем они начинают прыгать со странными жестами, повторяя это упражнение со всей силой, пока не выдохнутся, так что нередко женщины, которые, подобно мæнадам, практикуют эти религиозные упражнения, уносятся из их среды в состоянии обморока, а остальные члены общин на протяжении многих миль по дороге домой наводят ужас на всех, кого встречают, видом такого бесовского бреда. Никогда не бывает больше нескольких экстатиков, которые своим примером возбуждают остальных к прыжкам, и за ними следует большая часть собрания, так что эти собрания прыгунов в течение нескольких часов напоминают скорее самые дикие оргии, чем общины, собравшиеся для христианского назидания[139].

В Соединенных Штатах Северной Америки общины методистов существуют на протяжении последних шестидесяти лет. Сообщения достоверных свидетелей об их собраниях для богослужения под открытым небом (camp meetings)[140], на которые многие тысячи людей приезжают с огромных расстояний[141], превосходят всякое представление; ведь они не только повторяют все безумные действия французских конвульсионеров и английских джамперов, но расстройство их разума и нервов достигает на этих собраниях еще большей высоты. Бывало, что у женщин случался выкидыш, когда они страдали от экстаза и сильных спазмов, в которые впадали, а другие публично раздевались и прыгали в реки. Они падали в обморок[142] сотнями, изнемогая от бреда и припадков; а из Баркеров, которые появлялись среди конвульсионеров то тут, то там, в единичных случаях полной аберрации интеллекта,

видели целые группы, бегающие на четвереньках и рычащие[143], как будто они хотели даже своим внешним видом указать на шокирующую деградацию своей человеческой природы. На этих лагерных сборищах дети становятся свидетелями этого безумного увлечения, а поскольку их слабые нервы с величайшей легкостью поддаются воздействию симпатии, они вместе с родителями впадают в бурные припадки, хотя ничего не знают об их причинах, и многие из них на всю жизнь сохраняют тяжелое нервное расстройство, которое, возникнув от испуга и чрезмерного возбуждения, не поддается впоследствии никакому медицинскому лечению[144].

Но хватит об этих экстравагантностях, которые даже в наши дни опустошают жизни многих тысяч людей и являют миру в XIX веке такую же ужасающую форму психического расстройства, какую танец святого Витта когда-то представлял для неимущих народов средневековья.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

I.

Petri de Herentals, Prioris Floreffiensis Vita Gregorii XI., in Stephan. Baluzii Vitæ Paparum Avenionensium. T. I. Paris, 1693. *4to. p. 483*.

Ejus tempore, videlicet A. D. MCCCLXXV., mira secta tam virorum quam mulierum venit Aquisgrani de partibus Alamanniæ, et ascendit usque Hanoniam seu Franciam, cujus talis fuit conditio. Nam homines utriusque sexus illudebantur a dæmonio, taliter quod tam in domibus quam in plateis et in Ecclesiis se invicem manibus tenentes chorizabant et in altum saltabant, ac quædam nomina dæmoniorum nominabant, videlicet *Friskes* et similia, nullam cognitionem in hujusmodi chorizatione nec verecundiam sui propter astantes populos habentes. Et in fine hujus chorizationis in tantum circa pectoralia torquebantur, quod nisi mappulis lineis a suis amicis per medium ventris fortiter stringerentur, quasi furiose clamabant se mori. Hi vero in Leodio per conjurationes sumptas de illis quæ in catechismo ante baptismum fiunt, a dæmonio liberabantur, et sanati dicebant, quod videbatur eis *quod in hora hujus chorizationis erant in fluvio sanguinis, et propterea sic in altum saltabant*. Vulgus autem apud Leodium dicebat quod hujusmodi plaga populo contigisset eo, quod populus male baptizatus erat, maxime a Presbyteribus suas tenentibus concubinas. Et propter hoc proposuerat vulgus insurgere in clerum, eos occidendo et bona eorum diripiendo, nisi Deus de remedio providisset per conjurationes prædictas. Quo viso cessavit tempestas vulgi taliter quod clerus multo plus a populo fuit honoratus. De ista autem chorizatione seu secta talia extant rigmata:

Oritur in seculo nova quædam secta

In gestis aut in speculo visa plus nec lecta.

Populus tripudiat nimium saltando.

Se unus alteri sociat leviter clamando.

Frisch friskes cum gaudio clamat uterque sexus.

Cunctus manutergio et baculo connexus.

Capite fert pelleum desuper sertum.

Cernit Mariæ filium et cœlum apertum.

Deorsum prosternitur. Dudum fit ululatus.

Calcato ventre cernitur statim liberatus.

Vagatur loca varia pompose vivendo.

Mendicat necessaria propriis parcendo.

Spernit videre rubea et personam flentem.

Ad fidei contraria crigit hic gens mentem.

Noctis sub umbraculo ista perpetravit.

Cum naturali baculo subtus se calcavit.

Clerum habet odio. Non curat sacramenta.

Post sunt Leodio remedia inventa,

Hanc nam fraudem qua suggessit sathan est convictus.

Conjuratus evanescit. Hinc sit Christus benedictus.

II.

Jo. Pistorii Rerum familiarumque Belgicarum Cbronicon magnum. Francof. 1654. *fol. p. 319*. De chorisantibus.

Item Anno. Dn. MCCCLXXIV. tempore pontificates venerabilis Domini Joannis de Arckel Episcopi Leodiensis, in mense Julio in crastino divisionis Apostolorum visi sunt dansatores scilicet chorisantes, qui postea venerunt Trajectum, Leodium, Tungrim et alia loca istarum partium in mense Septembri. Et cœpit hæc *dæmoniaca pestis* vexare in dictis locis et circumvicinis masculos et fœminas maxime pauperes et levis opinionis ad magnum omnium terrorem; pauci clericorum vel divitum sunt vexati. Serta in capitibus gestabant, circa ventrem mappa cum baculo se stringebant circa umbilicum, ubi post saltationem cadentes nimium torquebantur, et ne creparentur pedibus conculcabantur, vel contra creporem cum baculo ad mappam duriter se ligabant, vel cum pugno se trudi faciebant, rostra calceorum aliqui clamabant se abhorrere, unde in Leodio fieri tunc vetabantur. Ecclesias chorisando occupabant, et crescebant numerose de mense Septembri et Octobri, processiones fiebant ubique, litaniæ et missæ speciales. Leodii apud Sanctam crucem scholaris servitor in vesperis dedicationis, cœpit ludere cum thuribulo, et post vesperas fortiter saltare. Evocatus a pluribus, ut diceret Pater noster, noluit, et Credo respondit in diabolum. Quod videns capellanus, allata stola conjuravit cum per exorcismum baptizandorum, et statim dixit: Ecce inquit, scholaris recedit cum parva toga et calceis rostratis. Dic, tunc inquit, Pater noster et Credo. At ille utrumque dixit perfecte et curatus est. Apud Harstallium uno mane ante omnium Sanctorum, multi eorum ibi congregati consilium habuerunt, ut pariter venientes

omnes canonicos, presbyteres et clericos Leodienses occiderent. Canonicus quidam parvæ mensæ minister Simon in claustro Leodiensi apud capellam Beatæ virginis, in Deo confortatus, scalam projecit in collum unius, dicens Evangelium: In principio erat verbum, super caput ejus, et per hoc fuit liberatus, et pro miraculo statim fuit pulsatum. Apud S. Bartolomæum Leodii, præsentibus multis, cuidam alii exorcisanti respondit dæmon: Ego exibo libenter. Expecta, inquit presbyter, volo tibi loqui. Et postquam aliquos alios curasset, dixit illi, loquere tu personaliter et responde mihi. Tum solus respondit dæmon: Nos eramus duo, sed socius meus nequior me, ante me exivit, habui tot pati in hoc corpore, si essem extra, nunquam intrarem in corpus Christianum. Cui presbyter: Quare intrasti corpora talium personarum? Отвечает: Clerici et presbyteres dicunt tot pulchra verba et tot orationes, ut non possemus intrare corpora ipsorum. Si adhuc fuisset expectatum per quindenam vel mensem, nos intrassemus corpora divitum, et postea principum, et sic per eos destruxissemus clerum. Et hæc fuerunt ibi a multis audita et postea a multis narrata. Hæc pestis intra annum satis invaluit, sed postea per tres aut quatuor annos omnino cessavit.

III[145].

Die Limburger Chronik, herausgegeben von C. D. Vogel. Marburg, 1828, *8vo. s. 71*.

Anno 1374 zu mitten im Sommer, da erhub sich ein wunderlich Ding auff Erdreich, und sonderlich in Teutschen Landen, auff dem Rhein und auff der Mosel, also dass Leute anhuben zu tantzen und zu rasen, und stunden je zwey gegen ein, und tantzeten auff einer Stätte einen halben Tag, und in dem Tantz da fielen sie etwan offt nieder, und liessen sich mit Füssen tretten auff ihren Leib. Davon nahmen sie sich an, dass sie genesen wären. Und lieffen von einer Stadt zu der andern, und von einer Kirchen zu der andern, und huben Geld auff von den Leuten, wo es ihnen mocht gewerden. Und wurd des Dings also viel, dass man zu Cölln in der Stadt mehr dann fünff hundert Täntzer fand. Und fand man, dass es eine Ketzerey war, und geschahe um Golds willen, das ihr ein Theil Frau und Mann in Unkeuschheit mochten kommen, und die vollbringen. И нашли в Цёльне более тысячи девушек и мужчин, которые не были эхейликами. Die wurden alle in der Täntzerey Kinder-tragend, und wann dass sie tantzeten, so bunden und knebelten sie sich hart um den Leib, dass sie desto geringer wären. Hierauff sprachen ein Theils Meister, sonderlich der guten Artzt, das ein Theil wurden tantzend, die von heisser Natur wären, und von andern gebrechlichen natürlichen Sachen. Dann deren war wenig, denen das geschahe. Die Meister von der heiligen Schrift, die beschwohren der Täntzer ein Theil, die meynten, dass sie besessen wären von dem bösen Geist. Кроме того, это был betrogen End, и währete wohl sechszehn Wochen in diesen Landen oder in der Mass. Auch nahmen die vorgenannten Täntzer Mann und Frauen sich an, dass sie kein roth sehen möchten. Und war ein eitel Teuscherey, und ist verbottschaft gewesen an Christum nach meinem Bedünken.

IV.

Die Chronica van der hilliger Stat van Coellen. A. D. MCCCLXXIV. fol. 277. Coellen, 1499. fol.

In dem seluen iair stonde eyn groisse kranckheit vp vnder den mynschen, ind was doch niet vill me gesyen dese selue kranckheit vur off nae ind quam van natuerlichen ursachen as die meyster schrijnen, ind noemen Sij maniam, dat is raserie off unsynnicheit. Ind vill lude beyde man ind frauwen junck ind alt hadden die kranckheit. Ind gyngen vyss huyss ind hoff, dat deden ouch junge meyde, die verliessen yr alderen, vrunde ind maege ind lantschaff. Disse vurss mynschen zo etzlichen tzijden as Sij die kranckheit anstiesse, so hadden Sij eyn wonderlich bewegung yrre lychamen. Sij gauen vyss kryschende vnd grusame stymme, ind mit dem wurpen Sij sich haestlich

up die erden, vnd gyngen liggen up yren rugge, ind beyde man ind vrauwen moist men vmb yren buych ind vmp lenden gurdelen vnd kneuelen mit twelen vnd mit starcken breyden benden, asso stijff vnd harte als men mochte.

Item asso gegurt mit den twelen dantzten Sij in kyrchen ind in clusen ind vp allen gewijeden steden. As Sij dantzten, so sprungen Sij allit vp ind rieffen, *Here sent Johan, so so, vrisch ind vro here sent Johan*.

Item die ghene die die kranckheit hadden wurden gemeynlichen gesunt bynnen. VV. dagen. Zom lesten geschiede vill bouerie vnd droch dae mit. Eyndeyll naemen sich an dat Sij kranck weren. vp dat Sij mochten gelt dae durch bedelen. Die anderen vinsden sich kranck vp dat Sij mochten vnkuyschheit bedrijuen mit den vrauwen. jnd gyngen durch alle lant ind dreuen vill bouerie. Doch zo lesten brach idt vyss ind wurden verdreuen vyss den landen. Die selue dentzer quamen ouch zo Coellen tusschen tzwen vnser lieuen frauwen missen Assumptionis ind Natiuitatis.

V.

В третьем томе "Эдинбургского медицинского и хирургического журнала", стр. 434, есть рассказ о "некоторых судорожных заболеваниях в некоторых частях Шотландии, который взят из статистического отчета сэра Дж. Синклера, и из которого я счел нужным сделать некоторые выдержки, иллюстрирующие тему нашего автора; первое, что было отмечено, характерно для части Форфаршира и называется прыгающей агой, которая имеет столь близкую аналогию с оригинальным танцем св. Витуса или тарантизмом, что, кажется, для полного сходства не хватает только "поганого изверга" или страшного укуса в качестве причины и шотландского рила или стратсписа в качестве средства лечения. "Те, кто страдает этим заболеванием, сначала жалуются на боль в голове или нижней части спины, которая сменяется судорожными припадками или *приступами танца* в определенные периоды. Во время пароксизма они выглядят как безумцы, искажая свое тело различными способами, прыгая и пружиня удивительным образом, откуда болезнь и получила свое вульгарное название. Иногда они бегут с поразительной скоростью, часто через опасные перевалы, к какому-то месту за дверью, которое они наметили в своем воображении или, возможно, даже упомянули в компании с ними, а затем *падают совершенно обессиленные*. В другое время, особенно когда они не выходят из дома, они поднимаются самым необычным образом. В коттеджах, например, они прыгают с пола на так называемые балки, или балки, которыми соединяются стропила, перепрыгивая с одной на другую с проворством кошки или кружась вокруг одной из них, движением, напоминающим полет валета. Самым действенным средством оказывается холодная ванна; но когда наступает приступ танцев, прыжков или бега, *ничто так не ослабляет жестокость болезни, как предоставление им возможности свободно упражняться, пока природа не истощится*. Не упоминается, что болезнь свойственна какому-либо возрасту, полу или состоянию жизни, хотя джентльмен из Бречина сообщил мне, что она наиболее распространена в период до полового созревания. В некоторых семьях она, похоже, передается по наследству; я слышал об одной, в которой всегда держали наготове оседланную лошадь, чтобы она следовала за принадлежащими к ней молодыми дамами, когда их охватывал приступ бега. Впервые это заболевание было замечено в приходе Кенмуир, и оно периодически преобладало в этом и соседних приходах в течение примерно семидесяти лет, но сейчас оно встречается не так часто, как лет тридцать назад. История этого необычного заболевания все еще крайне несовершенна, и

только от некоторых практикующих врачей в той части страны, где оно преобладает, можно ожидать полного описания".

Наш автор уже обращал внимание на судорожную болезнь, распространенную на Шетландских островах, и цитировал рассказ Хибберта о ней. Однако в уже цитированном журнале приводится следующая информация из очень ценного рукописного отчета об Оркнейских и Шетландских островах, составленного около 1774 года Джорджем Лоу, с примечаниями мистера Пеннанта, и она будет прочитана с интересом. Эти факты были сообщены мистеру Лоу преподобным Вм. Арчибальд, приходской священник Унста, самого северного из Шетландских островов.

"Существует ужасающая болезнь, которая в последние годы очень распространена, особенно среди молодых женщин, а тридцать или сорок лет назад была почти неизвестна. Примерно в тот период ей был подвержен только один человек. Жители дали ему название судорожных припадков; и действительно, по внешнему виду он чем-то напоминает эпилепсию. Вначале она начиналась с учащенного сердцебиения, на которое они жаловались в течение значительного времени; затем она приводила к обморочным припадкам, в которых люди, охваченные ею, лежали неподвижно до часа. В конце концов, по мере того как болезнь набирала силу, когда ими овладевала какая-нибудь сильная страсть или внезапное удивление, они все разом падали, бросали руки и тело, принимая множество странных форм, и все это время истошно кричали, бросая голову из стороны в сторону, с неподвижными и пристальными глазами. Вначале эта болезнь появилась у одной женщины, но, когда она заболела в церкви, болезнь передалась другим; но под влиянием *страха* или *сочувствия*, определить нелегко. Как бы то ни было, наши общественные собрания, особенно в церкви, были сильно встревожены их криками. Эта болезнь всегда сильнее всего проявляется в летнее время, и в этот сезон, на протяжении многих лет, у нас почти не бывает свободных суббот. В последние несколько лет она не так сильно распространена, и в целом, похоже, идет на спад. Примечательно в этой болезни то, что, как только приступ проходит, люди, страдающие ею, обычно становятся такими же живыми и бодрыми, как и прежде; и если это случается во время какого-либо из их общественных развлечений, как только они оживают, они смешиваются со своими товарищами и продолжают свои забавы так же энергично, как если бы ничего не произошло. Немногие мужчины страдают от этой болезни, которая, кажется, больше свойственна женщинам; но есть случаи, когда она захватывает мужчин и девочек шестилетнего возраста. Что касается природы этой болезни, то люди, наводившие о ней справки, расходятся во мнениях, но большинство считает ее истерической; однако это не совсем так, поскольку ей подвержены и мужчины, и дети; впрочем, это новая болезнь на Шетландских островах, но откуда она завезена, никто не может предположить.

"Когда был опубликован статистический отчет по этому приходу, эта ужасная и мучительная болезнь с каждым днем становилась все менее распространенной. В приходах Эйтстинг, Сандстинг и Нортмавен, где она когда-то была очень частой, она теперь полностью исчезла. В последнем из них, как говорят, излечение было достигнуто с помощью весьма необычного средства, которое, если оно верно, а в этом нет причин сомневаться, показывает влияние моральных причин как в устранении, так и в вызывании судорожных расстройств". Исцеление приписывают грубому парню, служителю кирхи, который сбросил в канаву с водой женщину в таком состоянии, с которой у него часто возникали проблемы. После этого она никогда не болела, а другие боялись подобного обращения.

"Однако она все еще распространена в некоторых северных приходах, в частности в Делтинге, хотя, согласно приведенному описанию, симптомы ее несколько изменились".

"Судорожные припадки весьма необычного вида, похоже, свойственны этой стране. Сначала пациент испытывает нечто похожее на обморок, а сразу после этого произносит дикие крики и вопли, звук которых на любом расстоянии немедленно приводит всех, кто подвержен этому расстройству, в такое же положение. Чаще всего он нападает на них, когда церковь переполнена, и нередко прерывает службу в этой и многих других церквях страны. По случаю причастия пятьдесят или шестьдесят человек иногда выносят из церкви и кладут на церковном дворе, где они борются и ревут изо всех сил в течение пяти или десяти минут, а затем встают, не помня ни одного обстоятельства, которое с ними произошло, и не испытывая ни малейшей боли или усталости от бурных потуг, которые они совершили во время припадка. В отношении этого расстройства можно сделать одно наблюдение: в последние скудные годы оно было очень редким, а в последние два года изобилия (1791) стало проявляться чаще.

"Подобные случаи эпидемических судорог уже известны; но история болезни, случившейся в Англезее, Северный Уэльс, наиболее примечательна, поскольку ее развитие, по всей вероятности, было остановлено разумными мерами предосторожности, рекомендованными доктором Хейгартом.

"В 1796 году в поместьях графа Уксбриджа и Холланда Гриффита, эсквайра, 23 женщины, от 10 до 25 лет, и один мальчик, примерно 17 лет, которые имели все сношения друг с другом, были охвачены необычным видом конвульсий, поражающих только верхние конечности. Началось все с боли в голове, а иногда в животе и боку, не очень сильной; затем начались сильные подергивания или конвульсии верхних конечностей, продолжавшиеся с небольшими перерывами и заставлявшие плечи почти сходиться от напряжения. В постели расстройство было не таким сильным: но, по крайней мере, в некоторых случаях оно продолжалось даже во время сна. Пульс был умеренным, тело - упругим, а общее состояние здоровья - не сильно нарушенным. В целом они страдали от икоты, а когда конвульсии были наиболее сильными, наступало головокружение с потерей слуха и памяти. Во время выздоровления, а выздоровели они все, малейший испуг или внезапная тревога вызывали легкий пароксизм.

"Доктор Хейгарт, к которому обратились за консультацией по поводу средств облегчения состояния этих несчастных, успешно рекомендовал использовать спазмолитики; предотвратить общение всех девушек и молодых женщин с людьми, страдающими этими конвульсиями; и держать больных как можно больше отдельно".

В той же статье, из которой взяты приведенные выше выдержки, приводится замечательный случай, когда религиозный энтузиазм стал возбуждающей причиной конвульсивного заболевания, аналогичного уже отмеченным. Об этом подробно рассказывает преподобный доктор Мейк. Оказывается, в январе 1742 года около 90 человек в приходе Камбусланг в Ланаркшире подписали петицию к священнику, призывая его читать еженедельные лекции, на что он с готовностью согласился. На первых двух лекциях ничего особенного не произошло, но на третьей, которую слушатели слушали очень внимательно, когда служитель в своей последней молитве выразился так: "Господи, кто поверил нашему сообщению; и кому явлена рука Господня? Где плоды моих бедных трудов среди этого народа?", несколько человек в общине публично закричали, и около пятидесяти мужчин и женщин пришли в дом служителя, выражая твердые убеждения в грехе и тревожные опасения наказания. После этого в Камбусланг стало приезжать так много людей из окрестностей, что служитель счел себя обязанным ежедневно читать им проповеди и увещевания, и действительно делал это в течение семи или восьми месяцев. Способ, которым новообращенные были затронуты, - а похоже, что они были затронуты во многом одинаково, хотя и в очень разной степени, -

описывается следующим образом. "Они были охвачены, все сразу, обычно под влиянием чего-то сказанного в проповедях или молитвах, самыми ужасными опасениями относительно состояния их душ, так что многие из них не могли удержаться от того, чтобы не воскликнуть самым публичным и страшным образом, "оплакивая свое потерянное и неполноценное состояние по природе; называя себя врагами Бога и презирателями драгоценного Христа; заявляя, что они недостойны жить на лице земли; что они видят, что уста ада открыты, чтобы принять их, и что они слышат вопли проклятых"; но всеобщий крик был: "Что нам делать, чтобы спастись?' Агония, в которой они мучились, выражалась не только словами, но и сильными движениями тела: хлопаньем в ладоши и битьем в грудь, дрожью и трепетом, обмороками и конвульсиями, а иногда и обильным кровотечением из носа. Пока они находились в таком бедственном положении, священник часто взывал к ним, но не для того, чтобы подавить или заглушить их убеждения, а чтобы ободрить их; а после окончания проповеди он удалялся с ними в усадьбу и часто проводил с ними большую часть ночи в увещеваниях и молитвах. На следующий день, перед началом проповеди, их вывели и, повязав им на головы салфетки, усадили всех вместе на сиденья перед палатками, где они оставались, рыдая, и часто плача вслух, до окончания службы. Некоторые из тех, кто попал под осуждение, так и не были обращены; но большинство из тех, кто попал под него, были обращены в течение нескольких дней, а иногда за несколько часов. В большинстве случаев их обращение было таким же внезапным и неожиданным, как и убеждение. Они сразу же поднимались из самой глубины печали и бедствия на самый верх радости и счастья, с триумфом и ликованием восклицая, "что они победили лукавого; что они ухватились за Христа и никогда не отпустят Его; что черная туча, которая до сих пор скрывала Его от их глаз, теперь рассеялась; и что они видели Его с пером в руке, изглаживающим их грехи". Под этим восхитительным впечатлением некоторые начали молиться и публично увещевать, а другие просили общину присоединиться к ним в пении определенного псалма, который, по их словам, Бог повелел им петь. С момента убеждения и до обращения у многих не было ни аппетита к еде, ни желания спать, и все они жаловались на свои страдания в этот промежуток времени".

Следующий рассказ, завершающий статью, из которой были взяты приведенные выше цитаты, взят из "Вступительного очерка о Chorea Sancti Viti" Феликса Робертсона из Теннесси, 8vo. Philadelph. 1805.

"Хорея, которая является предметом данной диссертации, появилась летом 1803 года в окрестностях Мэривилла (штат Теннесси) в виде эпидемии. Прежде чем перейти к истории болезни, я считаю необходимым сделать несколько беглых замечаний об образе жизни тех, среди кого она возникла, за некоторое время до ее появления.

"Я полагаю, что в Соединенных Штатах найдется немного людей, которые хотя бы не слышали о беспрецедентном порыве энтузиазма, вспыхнувшем в западной части страны в 1800 году; но, пожалуй, невозможно составить компетентное представление о его последствиях без личного наблюдения. Этот религиозный энтузиазм распространялся, как электричество, с поразительной быстротой и *почти мгновенно* ощущался во всех частях штатов Теннесси и Кентукки. Часто он оказывался настолько мощным стимулом, что все остальные полностью теряли свой эффект или ощущались лишь слабо. Отсюда и всеобщее пренебрежение к земным вещам, и почти постоянное посещение мест общественного поклонения. Их церкви, как правило, небольшие и во всех отношениях неудобные; скопление людей в дни богослужений, особенно чрезвычайных собраний, было очень многочисленным, и сотни людей, которые жили на слишком большом расстоянии, чтобы возвращаться домой каждый вечер, приходили с провизией, палатками и т. д. для своего

пропитания и проживания в течение всего собрания, которое обычно длилось от трех до пяти дней. Они, как и многие другие, оставались на месте днем и ночью, всю или большую часть этого времени, поклоняясь своему Создателю почти непрерывно. Внешние проявления их поклонения заключались главным образом в попеременном плаче, смехе, пении и криках, и в то же время в разнообразной жестикуляции, которую способна производить мускульная система. Именно в этих обстоятельствах некоторые из них оказались не в состоянии волевыми усилиями подавить сокращение своих мышц; и, к собственному удивлению и развлечению многих зрителей, они продолжали действовать по необходимости, любопытный характер которой они начали по собственному желанию.

"Болезнь не успевала появиться, как она быстро распространялась через посредство принципа подражания; таким образом, нередко пораженный человек передавал ее большей части толпы, которая из любопытства или по другим мотивам собиралась вокруг него. В настоящее время эта болезнь распространена почти во всех штатах Теннесси и Кентукки, а также в различных частях Вирджинии, но, как говорят, она не так заразна (или легко передается), как в начале своего развития. Она поражает людей обоих полов и любого телосложения, но, очевидно, с большей готовностью тех, кто увлечен религией, как те, о ком говорилось выше, и женщин; известно, что ею болеют дети шести лет и взрослые шестидесяти лет, но подавляющее большинство заболевших - люди от пятнадцати до двадцати пяти лет. Обычно поражаются мышцы туловища, особенно шеи, иногда верхних конечностей, но очень редко, если вообще когда-либо, нижних. Сокращения внезапные и сильные, такие, которые называются судорожными, иногда настолько сильные, когда в мышцах спины, что пациента бросает на землю, где в течение некоторого времени его движения больше напоминают движения живой рыбы, выброшенной на сушу, чем что-либо другое, с чем я могу их сравнить.

"Это, однако, происходит нечасто, и никогда, я полагаю, кроме как в начале болезни. Пациенты в целом способны стоять и ходить, а многие, после того как болезнь продлится некоторое время, могут заниматься своими делами, если они не требуют большой устойчивости тела. Они не в состоянии разговаривать с какой-либо степенью удовлетворения для себя или компании, постоянно прерываясь этими нерегулярными сокращениями мышц, каждое из которых вызывает хрюканье или насильственное выдыхание; но органы речи, похоже, не затронуты, и это не оказывает ни малейшего влияния на разум. Они не контролируют свои действия никакими волевыми усилиями, не препятствуют им и лежа в постели, но всегда прекращаются во время сна. Эта болезнь имеет ремиссии и обострения, которые, однако, не отличаются регулярностью в своем возникновении и продолжительности. Во время перерыва пароксизм часто вызывается видом больного, но чаще обычным приветствием - рукопожатием. Ощущения пациентов во время пароксизма обычно приятные, которые энтузиасты часто пытаются выразить смехом, криками, *танцами* и т. д.

"После сильных пароксизмов почти всегда жалуются на усталость, иногда ощущается общая болезненность. Сердце и артерии, кажется, не страдают от болезни больше, чем от упражнений тела; не происходит никаких изменений в любом секреции или выделений. Она не оказалась смертельной ни в одном известном мне случае, но становится все легче и легче и, наконец, исчезает. В некоторых случаях, однако, при длительном течении болезни, она сопровождается некоторой степенью меланхолии, которая, кажется, возникает исключительно из-за размышлений пациента, а не непосредственно из-за болезни.

"Состояние атмосферы не оказывает на него никакого влияния, так как он бушует с одинаковой силой летом и зимой, во влажном и в сухом воздухе."

В приведенных выше примерах показано, что нервные расстройства, имеющие сильное сходство со средневековыми, существуют в *эпидемической* форме как в Европе, так и в Америке в настоящее время; но в этих случаях для их распространения, по-видимому, требовалась какая-то общая причина психического возбуждения - и ни одна из них не была более сильной, чем религиозный энтузиазм. Однако их появление в *единичных* случаях иногда не зависит от такого происхождения, что приводит к убеждению, не лишенному поддержки в экспериментах современных физиологов, что иногда они происходят от физических причин, и что поэтому не следует рассматривать их во всех случаях как порождение расстроенного воображения.

Хорошо заметный случай заболевания, приближающегося к первоначальной "Танцевальной мании", описывает мистер Киндер Вуд в 7-м томе "Медико-хирургических операций", стр. 237. Пациентка, молодая замужняя женщина, по описанию, страдала от головной боли и недомогания, вместе с непроизвольными движениями век и самыми необычными искривлениями туловища и конечностей, в течение нескольких дней, когда начали проявляться более примечательные симптомы, которые записаны так: - "26 февраля.

"26 февраля. Легкие движения конечностей появились в постели. Она встала в девять часов, после чего они усилились и стали необычайно сильными. Она металась из стороны в сторону на диване-кресле, на котором сидела, в течение значительного времени без перерыва; иногда ее мгновенно и с силой бросало на ноги, когда она прыгала и яростно стучала. У нее болела голова, часто болели веки, и она часто испытывала внезапную склонность пружинить или подпрыгивать вверх. Приступ прекратился около одиннадцати часов дня, пациентка была очень утомлена; но он возобновился около полудня, и в третий раз после полудня, когда она забилась в каждый угол комнаты и стала яростно ударять рукой по мебели и дверям , когда проходила рядом с ними, звук которых доставлял ей большое удовольствие. Четвертый приступ случился ночью; он был очень сильным и закончился тошнотой и рвотой. Она легла в постель в половине одиннадцатого. Ночи были неизменно хорошими. Последние три приступа были более сильными, чем предыдущие, но продолжались всего полчаса каждый.

"27 февраля. Приступ начался в постели, был сильным, но непродолжительным. Когда она встала около десяти, у нее случился второй приступ, продолжавшийся час, за исключением интервала в пять минут. Теперь она ударяла мебель с большей силой и неоднократно. Стоя на одном колене, положив руки на спину, она часто внезапно вскакивала и ударяла ладонью по верху комнаты. Для этого она поднималась на пятнадцать дюймов от пола, так что семье приходилось вытаскивать все гвозди и крючки с потолка. Она часто танцевала на одной ноге, придерживая другую рукой, и время от времени меняла ноги. Вечером семья заметила, что удары по мебели стали более непрерывными и приобрели регулярный ритм музыкального воздуха. Когда напряжение или серия ударов завершались, она заканчивала их более сильным ударом или более сильным пружинением или прыжком. Несколько ее друзей в это время также обратили внимание на регулярность ударов и на то, что болезнь приобрела более регулярный характер; очевидно, на движения влияли или в какой-то степени изменяли их удары по окружающим телам. В основном она ударялась о небольшую тонкую дверь, верхнюю часть комода, часы, стол или деревянную ширму, расположенную рядом с дверью. Приступы прекратились около девяти часов, когда пациентка легла в постель.

"28 февраля. Она встала очень хорошо в восемь. В половине девятого движения возобновились; теперь они носили более приятный характер; непроизвольные действия, вместо прежней нерегулярности и жестокости, сменились размеренным шагом по комнате, соединенным с воздушными или сериями ударов, причем она била по соседним телам, когда проходила мимо них. В начале приступа губы двигались, как будто произносили слова, но в этот период нельзя было различить ни одного звука. Любопытно было наблюдать, как пациентка в это время двигалась по комнате со всей живостью деревенского танца или более серьезным шагом менуэта, руки часто неслись не просто легко, а с изяществом. Иногда все шаги были направлены таким образом, что нога постоянно оказывалась в том месте, где каменные флажки соединялись, образуя пол, особенно когда она смотрела вниз. Когда она смотрела вверх, у нее возникало непреодолимое желание потрогать маленькие пятнышки или отверстия в верхней части потолка; когда она смотрела вокруг, у нее была такая же склонность запустить указательный палец в маленькие отверстия в мебели и т. д. Одно отверстие в деревянной ширме много сотен раз принимало острие указательного пальца, который внезапно и непроизвольно просовывался в него с удивительной быстротой и точностью. Была одна часть стены, к которой она часто пританцовывала, и там, расположившись спиной к ней, стояла две-три минуты. В семье это место называли "*местом измерения*".

"Во второй половине дня движения возобновились и продолжались так же, как и утром. В это время один из присутствующих, удивленный тем, как она бьет в двери и т.д., и думая, что узнает воздух, без дальнейших церемоний начал напевать мелодию; как только это дошло до ее ушей, она внезапно повернулась к мужчине и, танцуя прямо перед ним, продолжала делать это, пока он не запыхался. Мужчина ненадолго замолчал, а потом снова начал, и так продолжалось до тех пор, пока приступ не прекратился. Накануне вечером ее отец упомянул о своем желании приобрести барабан, связывая этот танец дочери с некоторыми представлениями о музыке. Жадность, с которой она танцевала под мелодию, исполняемую, как говорилось выше, подтвердила это желание, и вечером были приобретены барабан и фифа. После двух часов отдыха движения снова появились, когда барабан и фифа начали играть мелодию, под которую она танцевала раньше, а именно "Протестантские мальчики", любимую народную мелодию в этом районе. В какой бы части комнаты она ни находилась, она тут же поворачивалась и танцевала под барабан, причем как можно ближе к нему, и танцевала до тех пор, пока не пропускала шаг, после чего непроизвольные движения мгновенно прекращались. В первый раз она пропустила шаг через пять минут; но снова встала и протанцевала под барабан две минуты с половиной по отцовским часам, когда, пропустив шаг, движения мгновенно прекратились. Она поднялась в третий раз, и, пропустив шаг за полминуты, движения тут же прекратились. После этого барабан и фифа начинали играть в тот момент, когда непроизвольные действия начинались, и до того, как она поднималась с места; и четыре раза они полностью останавливали развитие приступа, так что она не поднималась на пол, чтобы танцевать. В этот период приступ прекратился на весь вечер.

"1 марта. Она встала очень хорошо в половине седьмого. Когда я посетил ее сегодня утром и изложил обстоятельства предыдущего дня, мне стало ясно, что приступы сократились. Поскольку я видел, как действуют лекарства при сравнительно незначительной болезни молодых женщин, я был очень рад, что семья должна продолжить эксперимент, пока продолжаются медицинские средства.

"Так как я хотел увидеть, как действует прибор на болезнь, меня послали за ней в полдень, когда я застал ее танцующей под барабан, что она продолжала делать в течение получаса,

не пропуская ни одного шага, из-за медлительности движений. Когда я сидел и считал пульс, который, как я выяснил, составлял 120 ударов в короткие промежутки приступа, я заметил движения губ, предшествующие началу танца, и, приложив ухо ко рту, различил мелодию. После приступа, началом которого это было, она сообщила мне в ответ на мой вопрос, что в ее голове всегда звучала какая-то мелодия, которая временами становилась все более настойчивой и побуждала ее начать непроизвольные движения. Движения прекратились в четыре часа.

"В половине седьмого снова начались движения, когда меня послали за ними. Присутствовали два барабанщика, и в один барабан били до тех пор, пока не забили в другой. Она регулярно танцевала под барабан без скобы, но как только начинал бить другой, тут же прекращала. Поскольку пропуск времени останавливал ласки, я пожелал, чтобы во время танца менялась мера, что прекращало приступ. Она также прекращалась при увеличении скорости ударов, пока она больше не могла успевать; и было поистине удивительно наблюдать, как быстро и сильно напрягались мышцы, чтобы успеть за нарастающим движением инструмента. Пять раз за вечер я видел, как она садилась в тот момент, когда была не в состоянии соблюдать меру; в связи с этим я попросил барабанщиков отбивать одну непрерывную дробь вместо регулярных движений. Она встала и танцевала пять минут, когда оба барабана отбили непрерывную дробь: движения мгновенно прекратились, и пациентка села. Через несколько минут движения начались снова, ей дали потанцевать еще пять минут, когда барабаны снова начали катиться, эффект от чего был мгновенным; движения прекратились, и пациентка села. Через несколько минут то же самое было повторено с тем же эффектом. Казалось, что приступы теперь могут быть остановлены в одно мгновение, и я желал полностью остановить их и разорвать цепь нерегулярных ассоциаций, которые составляли болезнь. Поскольку в этот период приступы всегда начинались в пальцах и распространялись по верхним конечностям до туловища, я попросил барабанщиков, когда пациентка вставала танцевать, следить за началом приступа и крутить барабаны до того, как она поднимется со стула. Шесть раз подряд пациентке мешали подняться, наблюдая за началом приступа; и прежде чем покинуть дом, я просил членов семьи следить за началом приступа и использовать барабан раньше".

"2 марта. Она встала в семь часов, а приступы начались в десять; она танцевала дважды, прежде чем барабанщик был готов, после чего пыталась танцевать еще четыре раза; но один удар хорошо укрепленного барабана помешал больной покинуть свое место, после чего приступы не повторялись. Она осталась слабой и утомленной болезнью, но с хорошим аппетитом. Вечером этого дня появилось высыпание, особенно на локтях, в виде рассеянных пятен ярко-красного цвета, которое прошло на третий день".

Можно было бы привести и другие случаи (см. 23-й том "Эдинбургского медицинского и хирургического журнала", с. 261; 31-й том "Дитто", с. 299; 5-й том "Медико-хирургических операций", с. 1-23, и т. д.), но поскольку нет ни одного более поразительного, чем этот, они излишне раздули бы этот номер "Приложения", которое и так уже и так чрезмерно растянулось.

VI.

МУЗЫКА ДЛЯ ТАНЦА ТАРАНТАТИ,

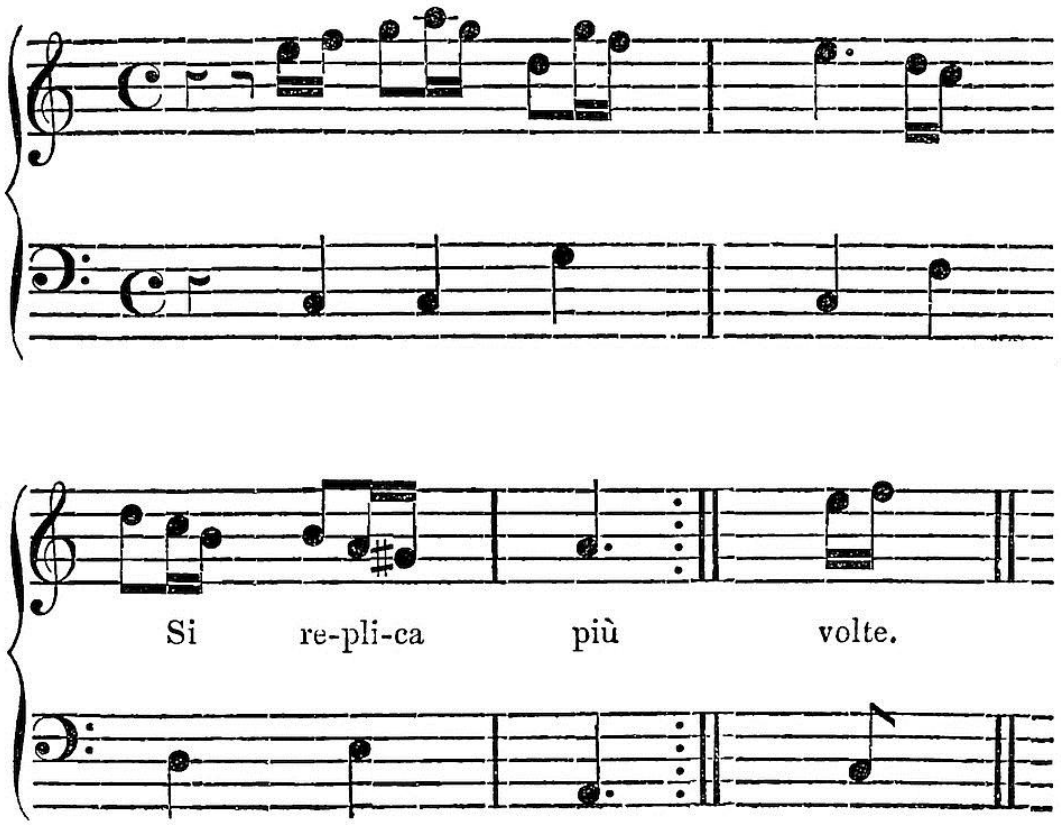
С САЙТА

АТХАН. КИРХЕР.

Magness. de Arte magnetica. Rom. 1654. fol. p. 591.- Повторено в Sam. Hafenreffer, Nosodochium, in quo cutis affectus traduntur. Ulm. 1660. 8vo. p. 485.

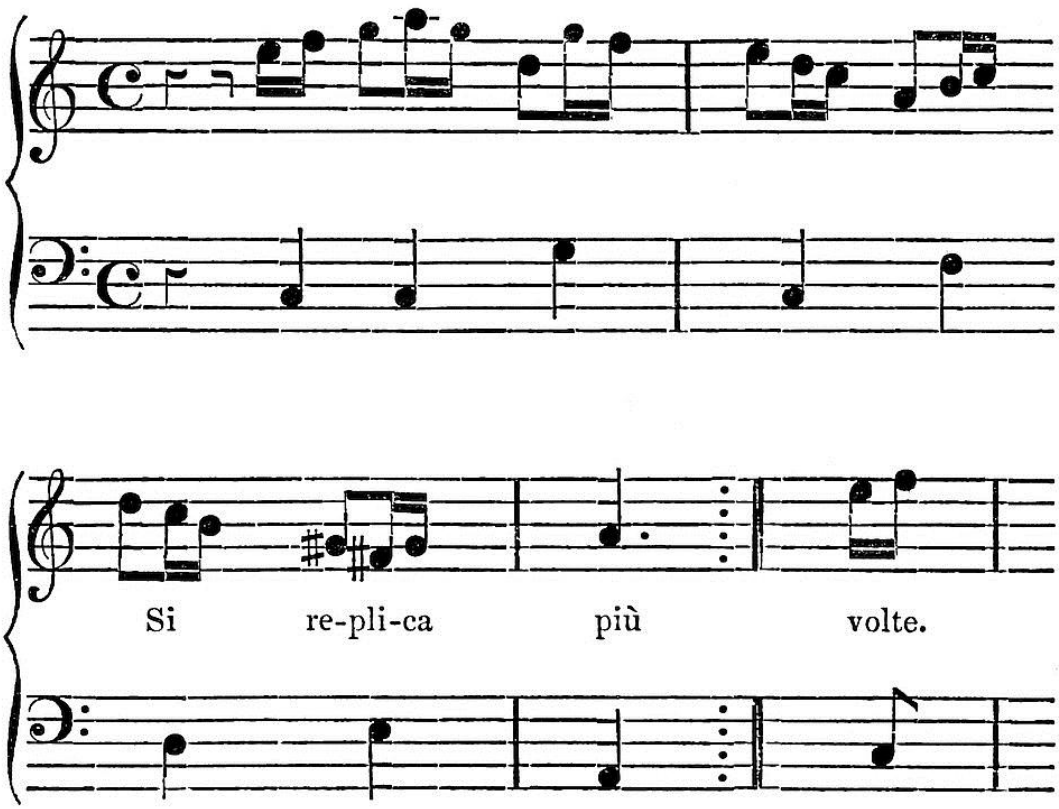
I. *Primus modus Tarantella.*

[Слушать].



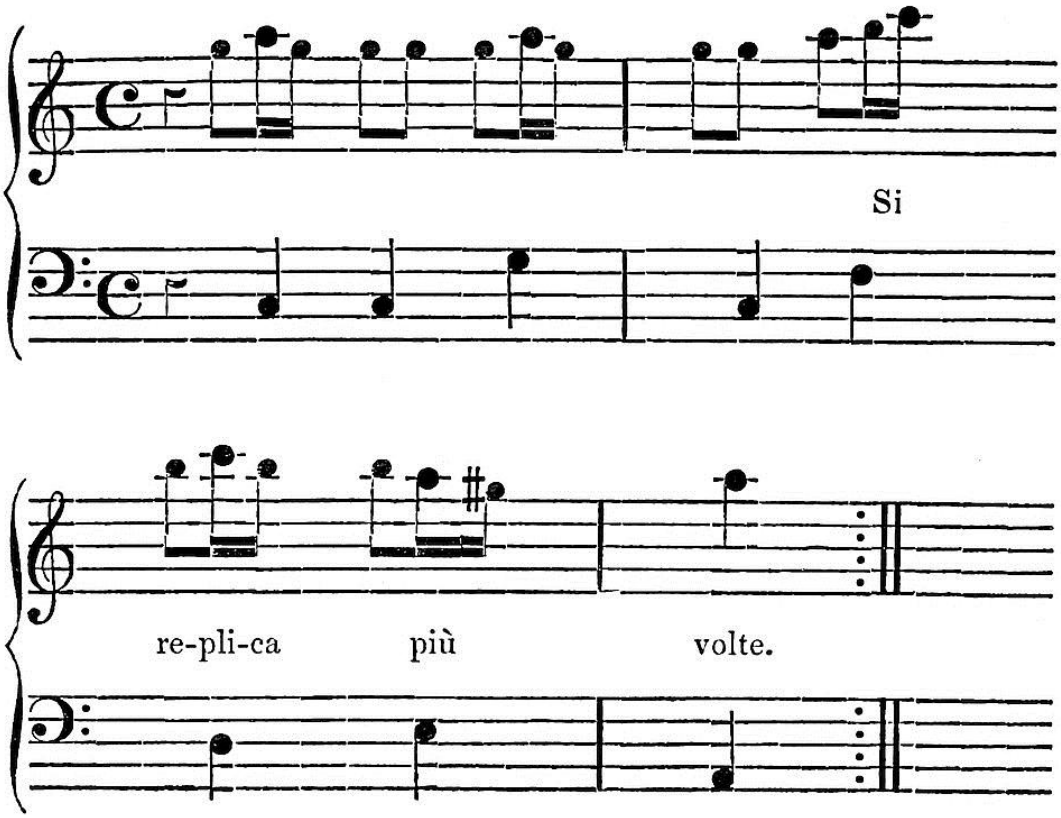
II. *Secundus modus.*

[Слушать].



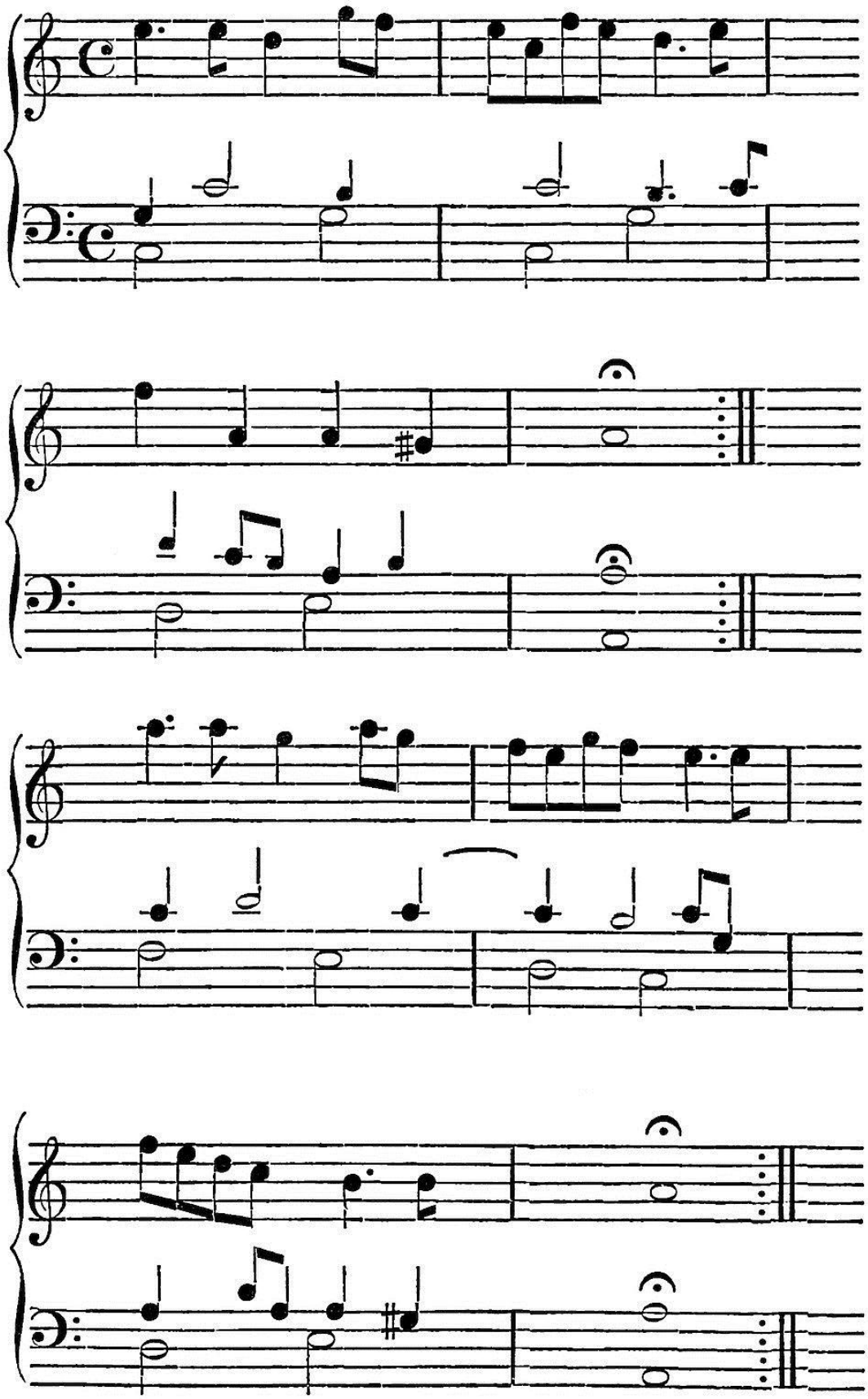
III. *Tertius modus*.

[Слушать].



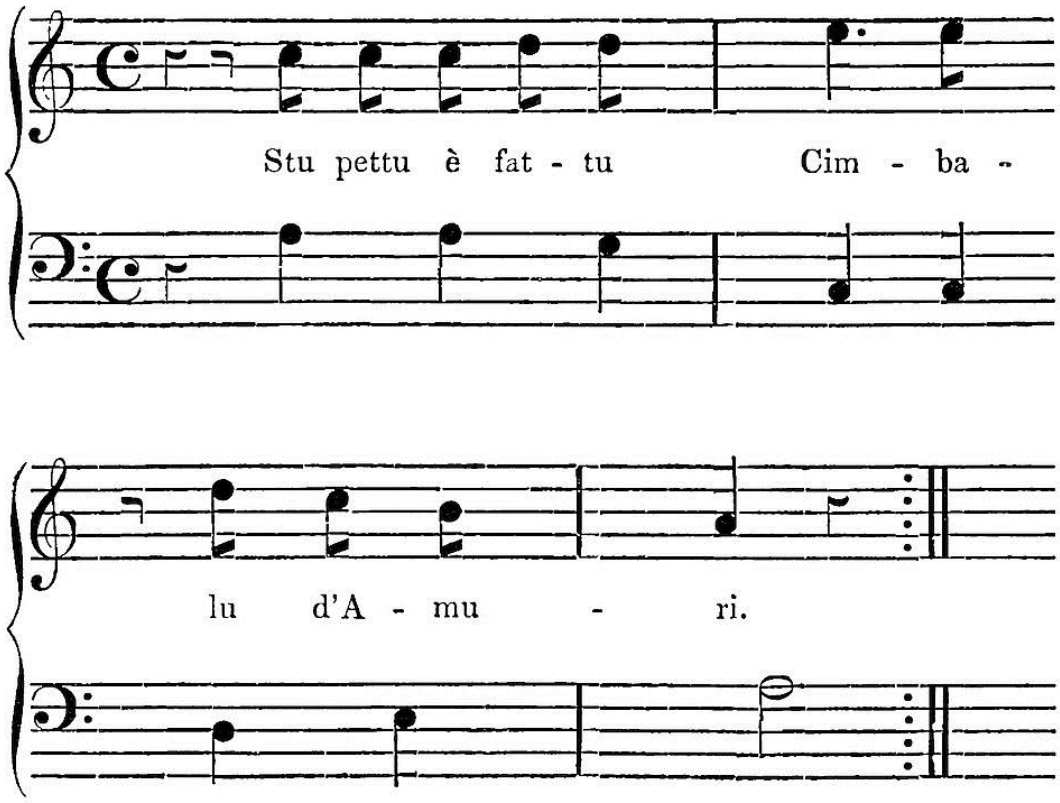
IV. *Antidotum Tarantulæ*.

[Слушать].



V.

[Слушать]



Stu pettu è fattu Cimbalu d'Amuri:

Tasti li sensi mobili, e accorti:

Cordi li chianti, sospiri, e duluri:

Rosa è lu Cori miu feritu à morti:

Strali è lu ferru, chiai so li miei arduri:

Marteddu è lu pensieri, e la mia sorti:

Mastra è la Donna mia, ch'à tutti l'huri

Cantando canta leta la mia morti.

Некоторые строфы, которые больше не сохранились, обычно пелись между этими и следующими строками:.

Allu mari mi portati,

Se voleti che mi sanati.

Allu mari, alla via:

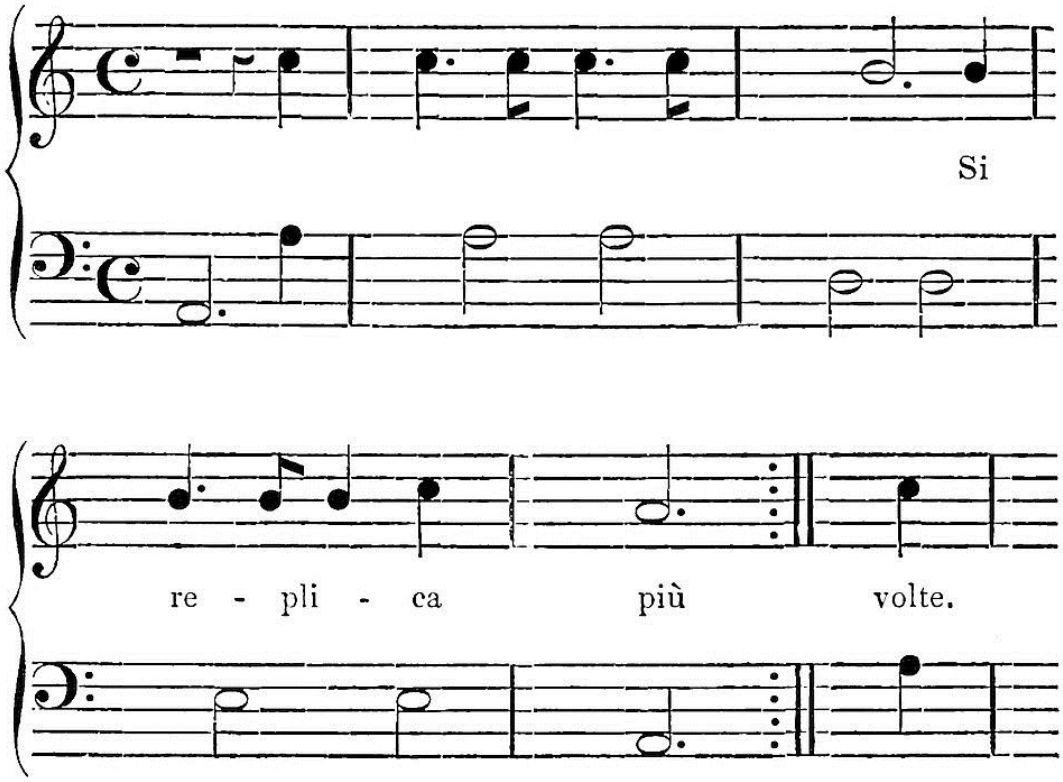
Cosi m'ama la Donna mia.

Allu mari, allu mari:

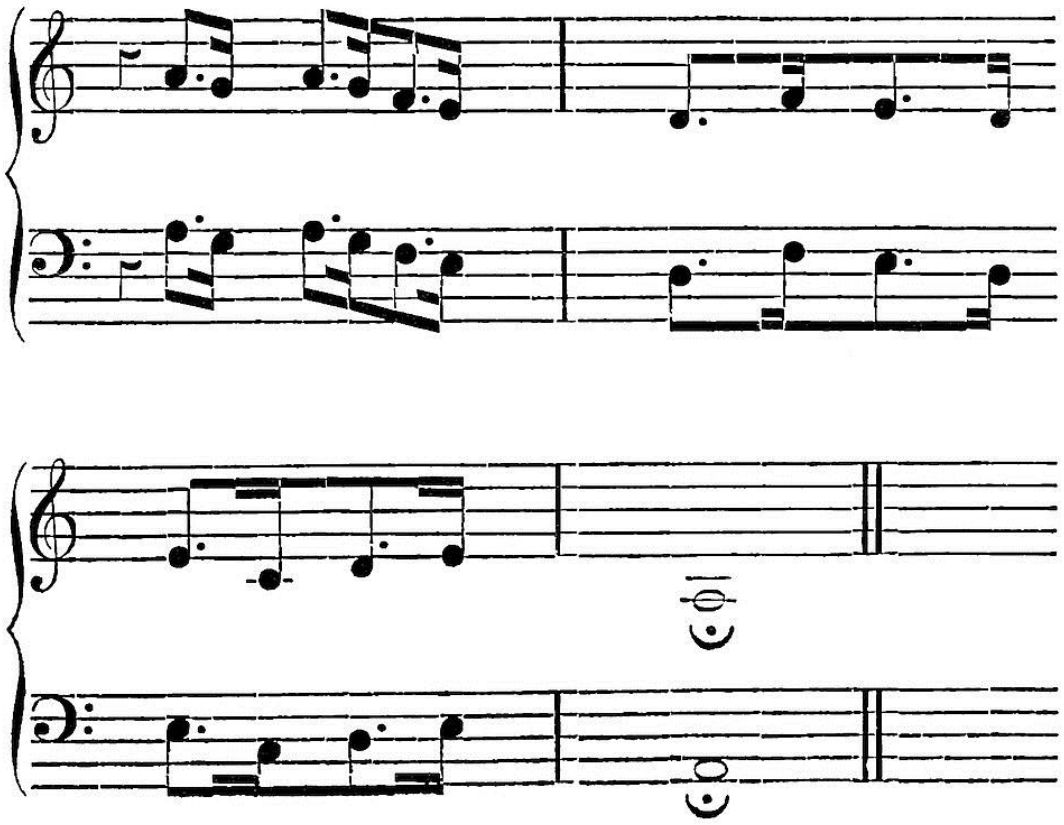
Mentre campo, t'aggio amari.

VI. *Тарантелла*.

(Слушать).

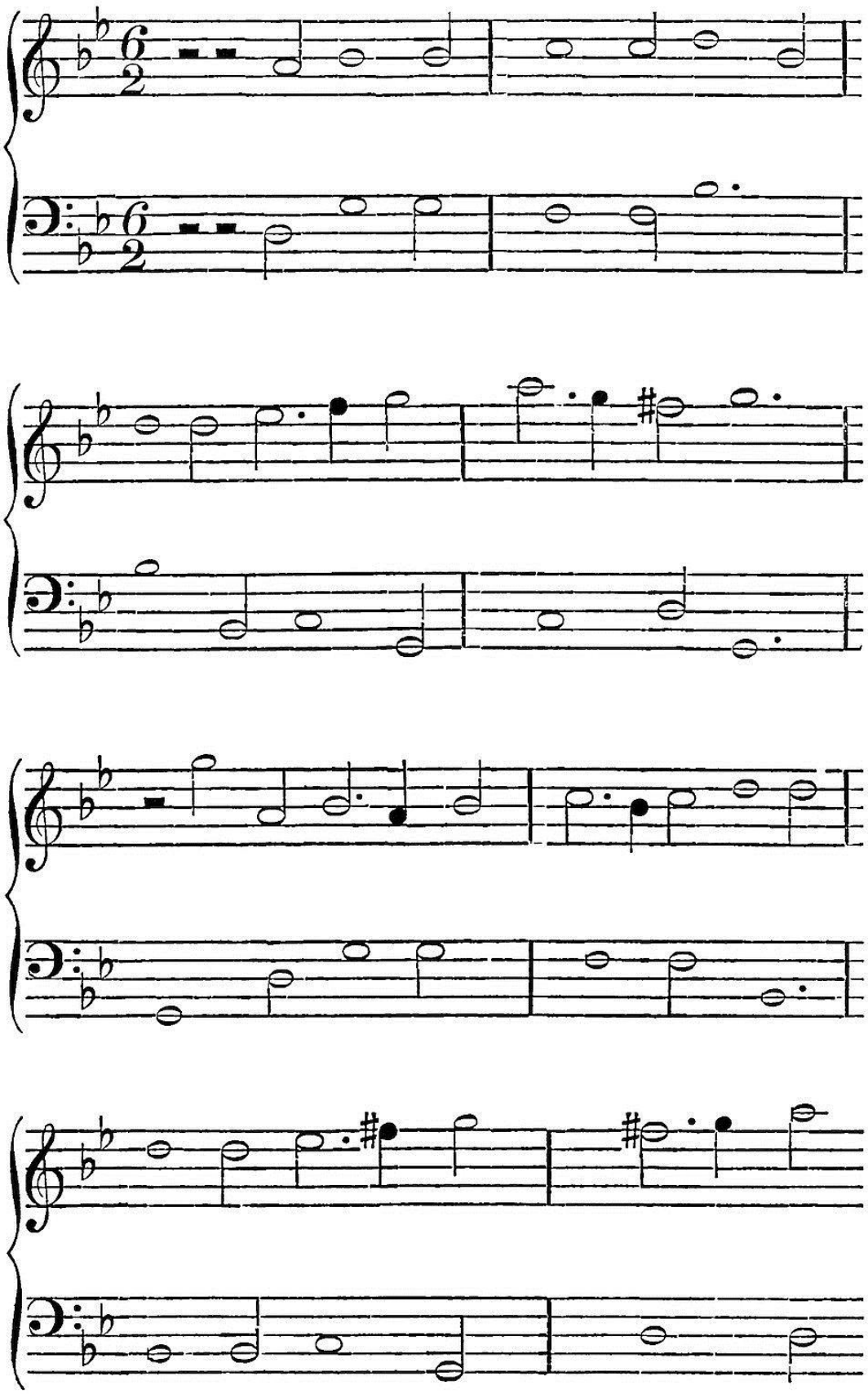


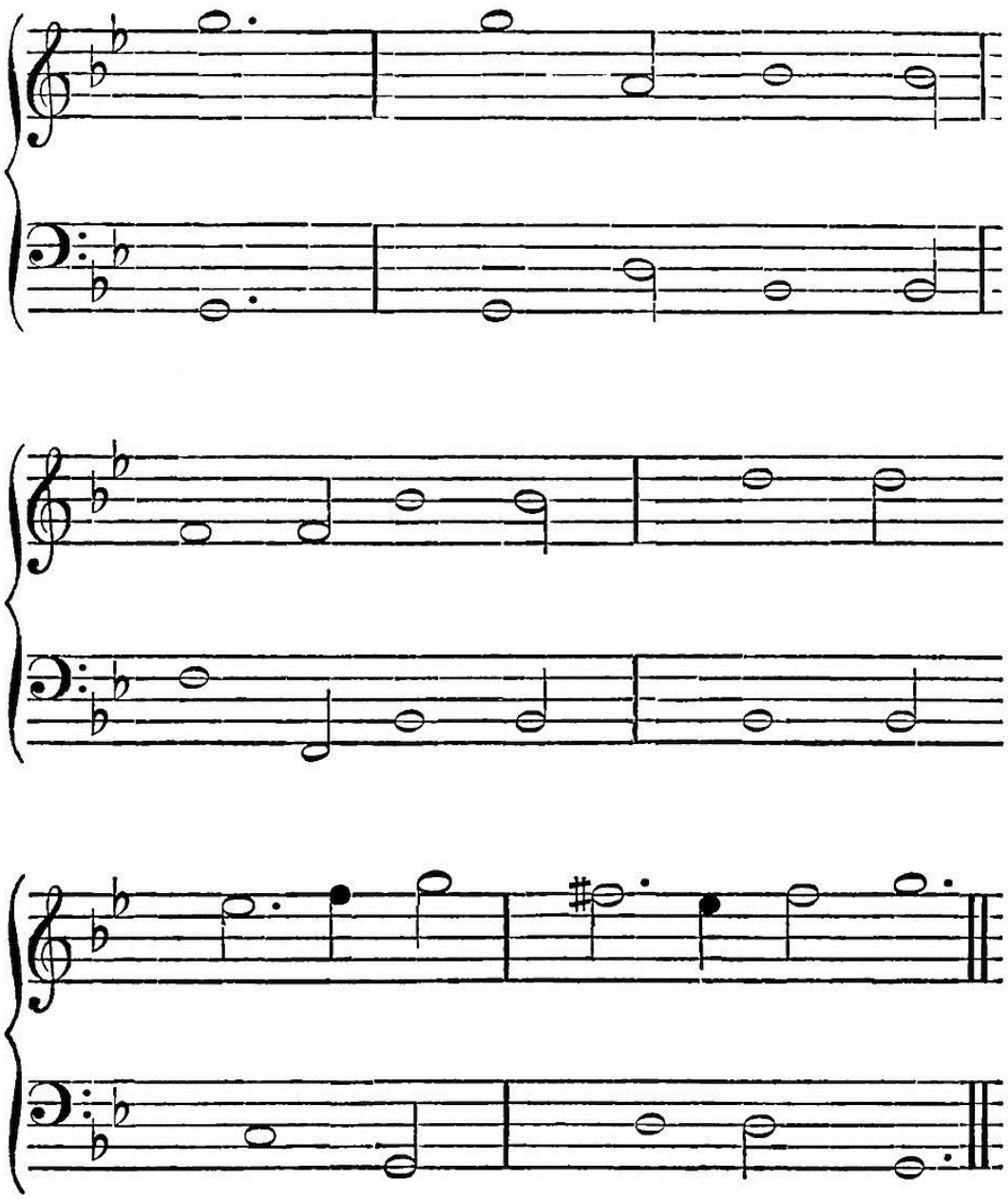
Риторнелло.



VII. *Tono hypodorio*.

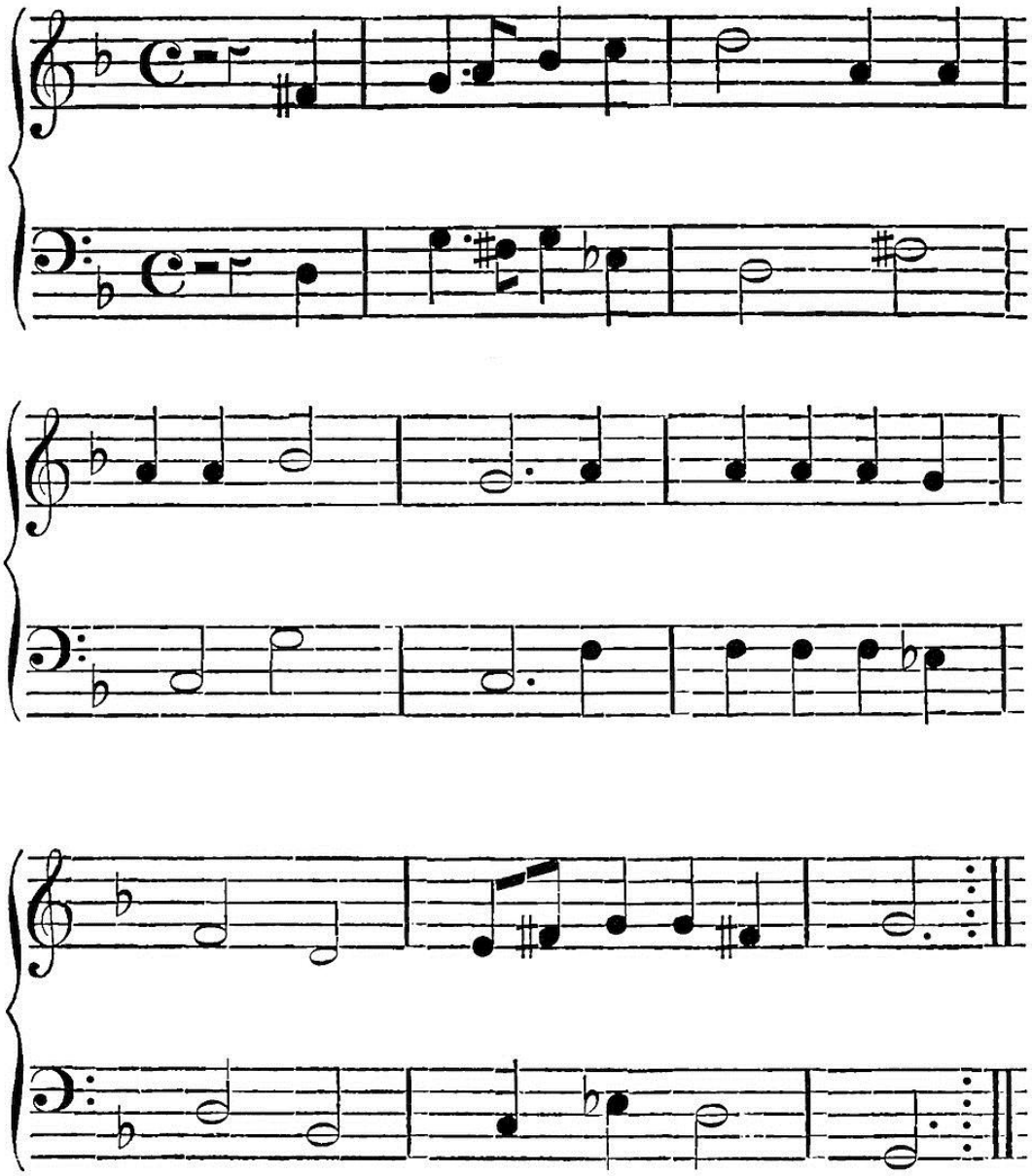
[Слушать].





VIII. *Alia clausula*.

[Слушать].



ФУТБОЛЬНЫЕ ССЫЛКИ:

[1] Под этим термином читатель теперь должен понимать "Эпидемии Средневековья". Эта работа не была опубликована целиком в оригинале, поэтому в ней нет общего предисловия автора. Поэтому в качестве подходящей замены приводится его "Обращение к врачам Германии".

[2] Odor. Raynald. Анналы. Ecclesiastic. A. 1374. Lucæ, 1752. fol. Tom. VII. p. 252.

[3] Joh. В обширном "Каталоге духов" Виера нет никаких сведений на этот счет. Pseudomonarchia dæmonum. Opera omnia, Amstelod. 1660. 4to. p. 649.- Рейнальд упоминает слово Frisckes как название духа; но эта ошибка легко объясняется его незнанием языка; ведь, согласно Кельнской хронике, во время пароксизма танцоры Святого Иоанна пели: "Здесь послан Йохан. Так, так, так, *вриш* инд вро, здесь послан Йохан". Святой Иоанн такой,

такой, бодрый и веселый, святой Иоанн. Die Cronica van der hilliger Stat van Coellen, fol. 277. Coellen, 1499. fol.

[4] Cyr. Spangenberg, Adels-Spiegel - Зеркало благородства, подробное историческое изложение того, что такое благородство и т. д. Schmalkalden, 1591. fol. Fol. 403. b.

[5] Petr. de Herentals, Appendix, No. I.

[6] Jo. Trithem. Chronic. Sponheimense, A. 1374. Опера историческая. Francof. 1601. fol. p. 332. Также: Abrah. Bzovii Annal. Ecclesiastic. Том. XIV. Колон. Агрипп. 1625. fol. Ann. 1374. (Maniaca passio. S. Johannis chorea.)

[7] Jo. Pistorii Rerum Familiarumque Belgicarum Chronicon magnum. Francof. 1654. fol. p. 319. Здесь больные называются *dansatores*, *chorisantes*. См. весь отрывок в Приложении, № II. Сравните Incerti auctoris vetus chronicon Belgicum, Matthæi veteris ævi Analecta. Hag. com. 1738. 4to. Том. I. p. 51. "Anno MCCCLXXIV. явились *данмеры*. Gens impacata cadit, dudum cruciata salvat". Должно быть salivat; цитата из латинской поэмы, ныне не сохранившейся.

[8] Лимбургская хроника, изданная К. Д. Фогелем, Марбург, 1828. 8vo. p. 27. Это необычное явление не может не напомнить нам о "Демоне моды" средних веков. Как бы ни была экстравагантна любовь к одежде после середины XIV века, противодействие врагов моды было столь же велико, и они не упускали случая обрушиться на каждое изменение или нововведение как на дело рук дьявола. Поэтому очень вероятно, что фанатичные покаянные проповеди ревностных священников вызвали такое необычное неприятие танцовщиц Святого Вита. В более поздние времена также происходили знамения и чудеса из-за столь же незначительных вещей, и ярость одержимых была направлена против моды. Сравните "Историю наук в Бранденбургской марке" Мёхсена, p. 498. f.

[9] Petr. de Herentals. Appendix, No. I.

[10] Об используемых экзорцизмах см. Э. Г. Фёрстеманн, Христианские общества флагеллантов. Галле, 1828. 8vo. p. 232.

[11] Limburg Chronicle, p. 71. Кельнская хроника, loc. cit. См. Приложение, №№ III и IV.

[12] Dans la ville y eut des dansans, tant grands que petits, onze cents. Journal de Paris, 1785.

[13] Schenk. v. Grafenberg. loc. cit.

[14] "Chorus Sancti Viti, или танец святого Вита; развратный танец, Парацельс называет его, потому что те, кто им увлекся, не могут ничего делать, кроме как танцевать, пока не умрут или не вылечатся. Называется он так потому, что люди, попавшие в беду, обычно шли за помощью к святому Витусу, и, протанцевав там некоторое время, непременно освобождались. Странно слышать, как долго они танцуют и в какой манере, над табуретами, формами, столами; даже огромные брюхатые женщины иногда (и при этом никогда не причиняют вреда своим детям) танцуют так долго, что не могут шевелить ни руками, ни ногами, а кажутся совсем мертвыми. Они не выносят никого в красных одеждах. Больше всего на свете они любят музыку, и поэтому магистраты в Германии нанимают музыкантов, чтобы те играли им, и несколько похотливых, крепких спутниц, чтобы те танцевали с ними. Эта болезнь была очень распространена в Германии, как видно из тех отношений Шенкиуса и Парацельса в его книге о безумии, который хвастается, сколько нескольких человек он вылечил от нее. Феликс Платер (Felix Platerus, de Mentis Alienat. cap. 3.) сообщает о женщине в Базеле, которую он видел, танцевавшей целый месяц вместе. Аравийцы называют это

разновидностью *палси*. Бодин в своей пятой книге de Repub. cap. 1. говорит об этом недуге; Монавий - в последнем послании к Скольтицию и в другом к Дудиту, где вы можете прочитать об этом подробнее" - Burton's Anatomy of Melancholy, Vol. I. p. 15.-Transl. *note*.

[15]

J. of Köningshoven, самая старая из существующих немецких хроник. Содержание общее, но посвящено исключительно Эльзасу и Страсбургу, издано Шильтерном, Страсбург, 1698. 4to. Observat. 21, о танце святого Вита, p. 1085. f.

"*Viel hundert* fingen zu Strassburg an

Zu tanzen und springen Frau und Mann,

Am offnen Markt, Gassen und Strassen

Tag und Nacht ihrer viel nicht assen.

Bis ihn das Wüthen wieder gelag.

St. Vits Tanz ward genannt die Plag".

"Многие сотни мужчин и женщин начали танцевать и прыгать на общественной рыночной площади, в переулках и на улицах Страсбурга. Многие из них ничего не ели в течение нескольких дней и ночей, пока их мания снова не утихла. Чума была названа "пляской святого Витта"".

[16] Cæs. Baron. Annales ecclesiastic. Том. II. p. 819. Colon. Agripp. 1609. fol. См. более обширный Acta Sanctorum Junii (15 июня - день святого Вита) Tom. II. p. 1013. Антверпен. 1698. fol. От себя добавим лишь, что местом рождения нашего святого предположительно была Мазара в Сицилии, а его отца звали *Хилас*; что оттуда он вместе с *Кресцентием* (вероятно, его кормилицей) и *Модестом* отправился в Луканию, где вместе с обоими принял мученическую смерть при Диоклетиане. Все они, как говорят, были похоронены во Флоренции, и вскоре чудесные силы святого Вита, проявившиеся еще при его жизни, были признаны во всей Италии. Самые известные из его часовен находились на Сицилийском мысе (названном его именем), в Риме и в Полиньяно, куда совершали паломничество многие больные. Люди, укушенные бешеными собаками, верили, что найдут непогрешимое исцеление у его алтарей, хотя сила святого в исцелении ран такого рода впоследствии оспаривалась последователями святого Губертуса, святого Погонщика. В 672 году его тело с большой помпой перевезли в Апулию, но вскоре после этого священники многих церквей и часовен в Италии выдали, что у них в руках находятся части тела святого, которые творят чудеса. В VIII веке почитание юноши-мученика распространилось на Францию, и честь обладания его телом была возложена на церковь Святого Дениса. По повелению папы римского оно было торжественно передано 19 марта 836 года аббатом Хильдувинусом из Сен-Дени аббату Варинусу из Корви (основан в 822 году). Во время пути, который занял три месяца (до 13 июня), было совершено множество чудес, и последующие аббаты Корвея смогли на века сохранить народную веру в чудодейственную исцеляющую силу их мощей, которые оказывали безразличное влияние на все болезни, особенно на демонические. См. Monachi anonymi Historia translationis S. Viti. In G. H. Pertz, Monumenta Germaniæ Historica. Tom. II. Hannov. 1828. fol. p. 576. В качестве доказательства большого почитания святого Вита в XIV веке можно упомянуть, что Карл IV посвятил ему Пражский собор, фундамент которого он заложил, и провозгласил его покровителем Чехии, а именное тело святого мученика было привезено для этой цели из Пармы. Акт. Sanctor. loc. cit.

[17] Вероятно, искажение слова Apotropæi. Это выражение встречается постоянно; например, у Агриколы, Притчи, № 497. Это θεοὶ ἀλεξικάκοι, dii averrunci древних. Четырнадцать святых, к церквям которых (между Бамбергом и Кобургом) до сих пор ежегодно совершают паломничество тысячи людей, следующие: 1. Георгий. 2. Блазиус. 3. Эразм. 4. Витус. 5. Панталеон. 6. Христофор. 7. Дионисий. 8. Кириак. 9. Ахатий. 10. Евстахий. 11. Эгидий. 12. Маргарита. 13. Катарина. 14. Барбара.

[18] J. Agricola. Sybenhundert und fünffzig Teutscher Sprichwörter. No. 497. Семьсот пятьдесят немецких пословиц. Хагенау, 1537. 8vo. fol. 248.

[19] Святой Августин уже предостерегал народ от излишеств и пения скверных песен на празднике святого Иоанна: "Nec permittamus solemnitatem sanctam cantica luxuriosa proferendo polluere."-St. Augusti Denkwürdigkeiten aus der Christlichen Archäologie. Vol. III. p. 166. Leipzig. 1820. 8vo. Воспоминания о христианской археологии.

[20] Wirthwein. Серия хронологическая. Epistolarum S. Bonifacii ab ann. 716-755. LVII. Concil. Liptinens. p. 131. XV. De igne fricato de ligno, id est, Nodfyr. См. Joh. Reiskii. Untersuchung des bei den Alten Teutschen gebräuchlichen heidnischen Nodfyrs, imgleichen des Oster-und Johannis-Feuers. Справка о языческих нодфирах, принятых у древних германцев, а также о пасхальных и иоанновских кострах. Франкфорт, 1696. 8vo.

[21] Епископ Феодорит Кирский в Сирии утверждает, что в праздник святого Иоанна в нескольких городах ежегодно разжигались большие костры, через которые перепрыгивали мужчины, женщины и дети, а маленьких детей несли на руках их матери. Он считал этот обычай древней азиатской церемонией очищения, подобной той, что была описана у Ахаза во 2 Царств, xvi. 3. (Quæstiones in IV. Libr. Regum. Interrogat. 47, p. 352. Beati Theodoreti, Episcop. Cyri Opera omnia, Ed. Jac. Sirmondi, Lùt. Paris. 1642. fol. T. I.). Зонарас, Бальзамон и Фотий говорят о кострах святого Иоанна в Константинополе, причем первый считает их остатками старого греческого обычая. См. Reiske, loc. cit. p. 81. То, что у столь разных народов должна была возникнуть одна и та же идея назначить очищение огнем на день святого Иоанна, является удивительным совпадением, которое, возможно, можно объяснить только аналогией с крещением".

[22] Жизнь и приключения Натаниэля Пирса, написанные им самим во время пребывания в Абиссинии с 1810 по 1819 год. Edited by J. J. Halls. 2 Vols. 8vo. London, 1831. chap. ix. p. 290.

[23] Joann. Trithem. Annal. Hirsaugiens. Oper. Tom. II. Hirsaug. 1690. fol. p. 263. A. 1374. См. вышеупомянутую Хронику Кельна, лист 276. b., где говорится, что люди переправлялись на лодках и плотах через городские стены.

[24] О том, что происходило на кострах Св. Иоанна в средние века (около 1280 г.), мы узнаем из сообщения епископа Гиль. Кости, рога и прочий хлам были свалены в кучу, чтобы быть поглощенными дымом, а люди всех возрастов танцевали вокруг пламени, словно одержимые, подобно тому, как в Палилии, древнеримской люстрации огнем, когда те, кто принимал в ней участие, прыгали через огонь, сделанный из соломы. (Овидий. Мет. XIV. 774. Фасты. IV. 721.) Другие брали горящие факелы и совершали обход полей, полагая, что таким образом они ограждают их от опасности, а третьи, опять же, вращали колесо телеги, изображая ретроградное движение солнца.

[25] J. Chr. Beckmann, Historia des Fürstenthums Anhalt. Zerbst. История княжества Анхальт. Цербст. 1710. fol. Part III. book 4. chap. 4. § 3. p. 467.

[26] Martini Minoritæ Flores temporum, in Jo. Georg. Eccard, Corpus historiæ medii ævi. Lips. 1723. fol. Tom. I. p. 1632.

[27] Beckmann, loc. cit. § 1. f. p. 465, где приводится множество других замечаний по этому хорошо известному обстоятельству. Названный священник - тот самый, который до сих пор известен в детских сказках как Кнехт Рупрехт.

[28] "Das dich Sanct Veitstanz ankomme." Пусть вас охватит танец святого Витта. Joh. Агрикола, сибенхундерт и другие немецкие писатели. Хагенау, 1537, 8. No. 497. p. 268.

[29] Шпангенберг (Adels-Spiegel. Зеркало благородства, loc. cit.) в своей собственной убедительной манере так выражается по этому поводу: "Впоследствии некоторые указывали, что эти люди не могли быть крещены должным образом, или, во всяком случае, что их крещение было недейственным, поскольку они приняли его от священников, которые бесстыдно жили в открытом сожительстве с непорочными блудницами. В ответ на это низшие классы восставали и убивали всех священников". Сравните Приложение, № I.

[30] Bzovii Annal. ecclesiastic. loc. cit. 1468.

[31] См. Приложение, №№ III и IV.

[32] Theophrasti Bombast von Hohenheym, 7 Buch in der Artzney. От болезней, которые вызывают вернунфты. 7-я книга по медицине. О болезнях, порождающих безумие. Трактат I. гл. 3, p. 491. Трактат II. гл. 3, p. 501. Опера. Страссбург, 1616. fol. Tom. I.

[33] Chorea procursiva современников. Bernt, Monographia Choreæ Sti. Viti. Prag. 1810. p. 25.

[34]

Однако этот способ не был его изобретением, а имитацией обычного способа околдовывания с помощью восковых фигур (peri cunculas). Ведьмы делали восковое изображение человека, которого хотели околдовать, и, чтобы мучить его, втыкали в него булавки или расплавляли перед огнем. Книги по магии средних веков полны подобными вещами, хотя читателю, который захочет получить информацию по этому вопросу, не нужно заглядывать так далеко в прошлое. Всего восемьдесят лет назад ученый и знаменитый Шторх из школы Шталя опубликовал трактат о колдовстве, достойный четырнадцатого века. "Abhandlung von Kinderkrankheiten". Трактат о детских болезнях. Том IV. стр. 228. Айзенах, 1751-8.

Древние имели обыкновение использовать воск в заклинаниях.

Так, Симоэта у Феокрита:

Ὡς τοῦτον τὸν καρὸν ἐγὼσὺν δαίμονι τάκω,

Ὡς τάκοιθ' ὑπ' ἔρωτος ὁ Μύνδιος αὐτίκα Δέλφις.

См. Potter's Antiquities, Vol. II. p. 251.

и Гораций.

"Lanea et effigies erat, altera cerea".

Lib. 1. *Sat.* 8. *l.* 30.

Прим. перев.

[35] См. Agricola, loc. cit. p. 269. No. 498.

[36] Иоганн Шенк фон Граффенберг, родился в 1530 году, получил степень в Тюбингене в 1554 году. Большую часть своей жизни он проработал врачом в корпорации Фрайбурга в Брейсгау и умер в 1598 году.

[37] J. Schenkii a Graffenberg Observationum medicarum, rariarum, &c. Libri VII. Lugdun. 1643. fol. L. I. Obs. VIII. p. 136.

[38] Феликс Платер (родился в 1536 г., умер в 1614 г.) рассказывает, что в юности он помнил, как власти Базеля поручили нескольким влиятельным людям танцевать с девушкой, страдавшей манией танца, пока она не оправится от своего расстройства. Они сменяли друг друга, и этот необычный способ лечения продолжался более четырех недель, когда пациентка упала без сил и, будучи совершенно не в состоянии стоять, была перенесена в больницу, где и выздоровела. Все это время она оставалась в своей одежде и, совершенно не обращая внимания на боль в разорванных ногах, лишь изредка садилась, чтобы поесть или поспать, во время чего прыгающие движения ее тела продолжались. Фелик. Plateri Praxeos medicæ opus. L. I. ch. 3. p. 88. Том. I. Basil. 1656. 4to. Ejusd. Наблюдение. Basil. 1641. 8. p. 92.

[39] 15 июня. Поэтому здесь не стали дожидаться праздника св. Иоанна.

[40] Gregor. Horstii Observationum medicinalium singularium Libri IV. priores. His accessit Epistolarum et Consultationum medicar. Lib. I. Ulm. 1628. 4to. Epistol. p. 374.

[41] Jo. Боден. Метод. ист. Амстелод. 1650. 12mo, Ch. V. p. 99.-Idem, de Republica. Франкофурт. 1591. 8vo. Lib. V. Ch. I. p. 789.

[42]

О весьма примечательном случае, отчасти иллюстрирующем это наблюдение, когда, однако, наказан был не тот, кто, как предполагалось, был объектом демонического недуга, а его предполагаемые авторы, сообщает д-р Уотт из Глазго: "Это произошло в Баргарране, в Ренфрушире, в 1696 году. Пациентку звали Кристиана Шоу, девочка одиннадцати лет. Описывается, что у нее были сильные приступы прыжков, танцев, бега, плача, обмороков и т. д., но все повествование смешано с таким количеством легковерия и суеверий, что невозможно отделить правду от вымысла. Эти странные припадки продолжались с августа 1696 года до конца марта следующего года, когда пациент выздоровел". В 1698 году в Эдинбурге был опубликован отчет о случившемся под названием "Правдивое повествование о страданиях молодой девушки, которую странным образом домогались злые духи и их инструменты на Западе, собранное из достоверных свидетельств".

Поскольку все это приписывалось колдовству, духовенство проявило большую активность в этом деле. Помимо периодических дней унижения, по всей территории пресвитерии соблюдались два торжественных поста, а несколько священнослужителей и пресвитеров были назначены поочередно, чтобы постоянно находиться на месте. Пока все шло хорошо. Но суеверия того времени были настолько сильны, что был подан меморандум в достопочтенный Тайный совет Его Величества, и 19 января 1697 года был издан ордер, в котором говорилось, что "есть серьезные основания подозревать колдовство в Ренфрушире, особенно в связи с болезненным и необычным состоянием Кристианы Шоу, дочери Джона Шоу из Баргаррана". Поэтому было дано поручение Александру лорду Блантайру, сэру Джону Максвеллу, сэру Джону Шоу и пяти другим лицам, а также шерифу графства, провести

расследование и представить отчет. Эту комиссию подписали одиннадцать тайных советников, состоящих из одних из первых дворян и джентльменов королевства.

Отчет уполномоченных полностью подтвердил подозрения в существовании колдовства, и 5 апреля 1697 года был выдан другой ордер лорду Халлкрейгу, сэру Джону Хьюстону и четырем другим лицам "для суда над лицами, обвиненными в колдовстве, и вынесения приговора о сожжении виновных или иной казни до смерти, в зависимости от того, к чему склонится комиссия".

Наделенные такими полномочиями, члены комиссии не преминули исполнить свой долг. После двадцати часов допроса свидетелей и заслушивания адвокатов с обеих сторон адвокат обвинения "увещевал присяжных остерегаться осуждения невиновных; в то же время, если они оправдают заключенных вопреки законным доказательствам, они станут соучастниками всех богохульств, отступничества, убийств, пыток и совращений, в которых эти враги неба и земли будут впоследствии виновны". После шестичасового совещания присяжных семь несчастных, трое мужчин и четыре женщины, были приговорены к сожжению, и приговор был неукоснительно исполнен в Пейсли 10 июня 1697 г. -Medico-Chirurg. Trans. Vol. V. p. 20, et seq.-Transl. *note*.

[43] Сравните Olaus Magnus, de gentibus septentrionalibus. Lib. XVIII. Ch. 45-47. p. 642, seq. Rom. 1555. fol.

[44]

Бертон в своей "Анатомии меланхолии" приводит следующие наблюдения, которые, вместе с обширными ссылками, которыми они сопровождаются, могут послужить материалом для такой истории.

"Ликантропия, которую Авиценна называет *cucubuth*, другие *lupinam insaniam*, или волчье помешательство, когда люди бегают ночью с воем по могилам и полям, и их нельзя убедить, что они волки или другие подобные звери". Аэций (Lib. 6. cap. 11.) и Паулюс (Lib. 3. cap. 16.) называют его разновидностью *меланхолии*; но я, как и большинство, скорее отношу его к *безумию*. Некоторые сомневаются, существует ли такая болезнь. Донат. аб Альтомари (гл. 9. Art. Med.) говорит, что в свое время видел двух таких людей: Виерус (De Præstig. Demonum, 1. 3. cap. 21.) рассказывает о таком человеке в Падуе в 1541 году, который не верил в обратное, но утверждал, что это волк. Он приводит еще один случай с испанцем, который считал себя медведем. Форестус (Observat. lib. 10. de Morbis Cerebri, c. 15.) подтверждает это многими примерами; один, среди прочих, свидетелем которого он был, в Алькмаере в Голландии: бедный крестьянин, который все еще охотился у могил и держался в церковных дворах, бледный, черный, уродливый и страшный на вид. Такими же, или чуть лучше, были дочери царя Прита (Hippocrates lib. de insaniâ), возомнившие себя коровами: и Навуходоносор в Данииле, как считают некоторые толкователи, был болен только этим видом безумия. Эта болезнь, возможно, дала повод к смелому утверждению Плиния (Lib. 8. cap. 22. homines interdum lupos fieri; et contra), что *в его время некоторые люди превращались в волков, а из волков снова становились людьми*; а также к басне Павсания о человеке, который десять лет был волком, а после превратился в прежнюю форму; к рассказу Овидия (Met. lib. 1.) о Ликаоне и т. д. Кто желает услышать об этой болезни или другие примеры, пусть прочтет Остина в его восемнадцатой книге, de Civitate Dei, cap. 5; Mizaldus, cent. 5. 77; Schenkius, lib. 1. Хильдесхайм, Spicil. 2. de maniâ; Forestus, lib. 10. *de morbis cerebri; Olaus Magnus; Vicentius Bellavicensis, spec. met.* lib. 31. c. 122; Pierius, Bodine, Zuinger, Zeilgur, Peucer, Wierus, Spranger, &c. Этот недуг, говорит Авиценна, больше всего беспокоит мужчин в феврале, и в наши дни он часто встречается в Богемии и Венгрии, по словам Хурния. (По Шерницю, она

распространена в Ливонии. Они лежат в укрытии, большей частью весь день, и выходят ночью, лая, воя, на могилы и пустыни; *у них обычно впалые глаза, покрытые струпьями ноги и бедра, очень сухие и бледные*, (Ulcerata crura; sitis ipsis adest immodica; pallidi; lingua sicca,) говорит Альтомарус: он дает там причину всех симптомов и излагает краткое лечение от них."- Burton's Anatomy of Melancholy. Tenth Edit.: 8vo. 1804. Том 1. Страница 13 и далее.

Удивительно, что такой ученый писатель, как Бертон, не сослался на Орибасия, который процветал за 140 лет до Аэция, и о котором Фрейнд говорит: "In auctore hoc miri cujusdam morbi prima mentio est; is Λυκάνθρωπος sive Λυκανθρωπία dicitur, estque melancholiæ, aut insaniæ, species quænam ita ab illo descripta: "Quos hoc malum infestos habet, nocturno tempore domo egressi, Lupos in omnibus rebus imitantur, et ad diem usque circa tumulos vagantur mortuorum. Hos ita cognosce: pallidi sunt, oculos hebetes et siccos, non illachrymantes, eosque concavos habent: lingua siccissima est, nulla penitus in ore saliva conspicitur, siti enecti; crura vero, quia noctu sæpe offendunt, sine remedio exulcerata.'-'Quod ad morbum ipsum attinet, si peregrinantibus fides adhibenda est, fuit olim in quibusdam regionibus, ut in Livonia, Hibernia, et aliis locis visi non infrequens,' &c.-J. Freind. Opera omnia Med. fol. London. 1733.

De hujus morbi antiquitatibus vide elegantem Böttigeri disputationem in Sprengelii Beitr. z. Gesch. d. Med. 11. p. 1-45. Blancard. Lexic. Med. Edit. noviss. 8vo. Lipsiæ, 1822.-*Примечание* переводчика.

[45] Родился в 1430 г., умер в 1480 г. Cornucopiæ latinæ linguæ. Basil. 1536. fol. Comment. in primum Martialis Epigramma, p. 51, 52. "Est et alius stellio ex araneorum genere, qui, simili modo, ascalabotes a Græcis dicitur, et colotes et galeotes, lentiginosus in cavernulis dehiscentibus, per æstum terræ habitans. Hic majorum nostrorum temporibus in Italia visus non fuit, nunc frequens in Apulia visitur. Aliquando etiam in Tarquinensi et Corniculano agro, et vulgo similiter *tarantula* vocatur. Morsus ejus perraro interemit hominem, semistupidum tamen facit, et varie afficit, *tarantulam* vulgo appellant. *Quidam cantu audito, aut sono, ita excitantur, ut pleni lætitia et semper ridentes saltent, nec nisi defatigati et semineces desistant.* Alii semper flentes, quasi desiderio suorum miserabilem vitam agant. Alii visa muliere, libidinis statim ardore incensi, veluti furentes in eam prosiliant. Quidam ridendo, quidam flendo moriantur."

[46] Lycosa Tarantula.

[47]

Тарантул Aranea Линнея, который, после технического описания, говорит: "Habitat in Europa australi, potissimum Apulia, in Barbaria, in Tauria, Russiæque, australis desertis, in Astracania ad montes Sibiriæ Altaicos usque, in Persia et reliquo Oriente, in solo præsertim argillaceo in antris, morsu quamvis interdum dolente, olimque famosum tarantismum musica sanandum excitare credito, vix unquam periculoso, cinerascens, oculis duobus prioribus rubris, thorace in areas nigras diviso in centrum concurrentes, abdomine supra fasciis maxillisque nigris."-Systema Naturæ. Tom. I. pars v. p. 2956.

О повадках Lycosæ см. перевод Гриффита из "Царства животных" Кювье. Vol. XIII. p. 427 и p. 480. et seq. Автор сообщает, что М. Шабрие опубликовал (Soc. Acad. de Lille 4ᵉcahier) несколько любопытных наблюдений *над птицеедом Lycosa* на юге Франции.-*Примечание* переводчика.

[48] Matthiol. Commentar. in Dioscorid. L. II. ch. 59. p. 363. Ed. Venet. 1565. fol.

[49] Perotti, loc. cit.

[50] Вероятно, Lacerto Gecko, как и цитируемые им синонимы, κωλώτης и γαλεώτης.

[51] Lacerta Stellio. Нет нужды замечать, что ядовитая природа этого безобидного существа была чистой выдумкой римского суеверия.

[52] См. Athan. Kircher. loc. cit.

[53] В 1451-1458 гг. Tiraboschi. VI. 11. p. 356.

[54] См. с. 12. и далее.

[55] Аэций, писавший в конце VI века, упоминает шесть, встречающихся в более древних произведениях. 1. ῥάγιον, 2. λύκος, 3. μυρμήκειον 4. κρανοκολάπτης, по другим, κεφαλοκρούστης, 5. σκληροκέφαλον, и 6. σκωλήκιον. Tetrabl. IV. Serm. I. гл. 18. in Hen. Steph. Сравните Диоскорид. Lib. VI. гл. 42. Matthiol. Commentar. in Dioscorid. p. 1447. Никанд. Theriac. V. 8. 715. 755. 654.

[56] Aranearum multæ species sunt. Quæ ubi mordent, faciunt multum dolorem, ruborem, frigidum sudorem, et citrinum colorem. Aliquando quasi stranguriæ in urina duritiem, et virgæ extensionem, intra inguina, et genua, tetinositatem in stomacho. Linguæ extensionem, ut eorum sermo non possit discerni. *Vomunt humiditatem quasi araneæ telam*, et ventris emollitionem similiter, &c. De communibus medico cognitu necessariis locis. Lib. VIII. cap. 22. p. 235. Basil. 1539. fol.

[57] Он жил в середине одиннадцатого века и был младшим современником Константина Африканского. J. Chr. Gottl. Ackermann, Regimen sanitatis Salerni sive Scholæ Salernitanæ de conservanda bona valetudine præcepta. Stendal. 1790. 8vo. p. 38.

[58] Отрывок следующий: "Anteneasmon est species maniæ periculosa nimium. Раздражает человека и наносит ему повреждения. Hi subito arripiuntur, *cum saltatione manuum et pedum, quia intra aurium cavernas quasi voces diversas sonare falso audiunt, ut sunt diversorum instrumentorum musicæ soni; quibus delectantur, ut statim saltent*, aut cursum velocem arripiant; subito arripientes gladium percutiunt se aut alios: morsibus se et alios attrectare non dubitant. Hos Latini percussores, alii dicunt dæmonis legiones esse, ut dum eos arripiunt, vexent et vulnerent. Diligentia eis imponenda est, quando istos sonos audierint, includantur, et post accessionis horas phlebotomentur, et venter eis moveatur. Cibos leves accipiant cum calida aqua, ut omnis ventositas, quæ in cerebro sonum facit, egeratur. In ipsa accessione silentium habeant. Quod si spumam per os ejecerint, *vel ex canis rabidi morsu causa fuerit*, intra septem dies moriuntur." Garioponti, medici vetustissimi, de morborum causis, accidentibus et curationibus. Libri VIII. Basil. 1536. 8vo. L. I. ch. 2. p. 27.

[59] J. P. Papon. De la peste, ou les époques mémorables de ce fléau. Paris, an 8. 8vo. Том II. стр. 270. (1119. 1126. 1135. 1193. 1225. 1227. 1231. 1234. 1243. 1254. 1288. 1301. 1311. 1316. 1335. 1340.)

[60] 1347 - 1350 гг.

[61] Афанасий Кирхер дает полный отчет об использовавшихся тогда инструментах, которые мало чем отличались от тех, что существуют в наши дни. Musurgia universalis, sive Ars magna consoni et dissoni. Romæ, 1650, fol. Tom. I. p. 477.

[62] Genialium dierum Libri VI. Lugdun. Bat. 1673. 8vo. Lib. II. ch. 17. p. 398. Алекс. аб Александро, выдающийся неаполитанский юрист, жил с 1461 по 1523 год. Историк Гауденций Мерула, прославившийся около 1536 года, лишь вскользь упоминает о

тарантизме. Memorabilium Gaud. Merulæ Novariensis opus, &c. Лугдун. 1656. 8vo. L. III. ch. 69. p. 251.

[63] Petr. And. Matthioli Commentarii in Dioscorid. Venet. 1565. fol. Lib. II ch. 57. p. 362.

[64] Athanas. Kircher. Magnes sive de Arte magnetica Opus. Rom. 1654. fol. p. 589.

[65] Joann. Juvenis de antiquitate et varia Tarentinorum fortuna Lib. VIII. Neapol. 1589. fol. Lib. II. ch. 17. p. 107. За исключением процитированного высказывания, Ювенис почти все заимствовал у Маттиоли.

[66] Simon. Сплавы. Тудециус, врач королевы Кристины, видел подобный случай в июле 1656 года. Bonet. Medicina septentrionalis collatit. Genev. 1684. fol.

[67] Epiphan. Ferdinand. Centum historiæ seu observationes et casus medici. Venet. 1621. fol. Hist. LXXXI. p. 259. Фердинандо, врач в Мессапии в начале семнадцатого века, с большим усердием собрал различные высказывания о тарантизме своего времени. Он "*сам был свидетелем этого*" (стр. 265) и, несомненно, является самым подробным из всех старых авторов по этому вопросу.

[68] Kircher, loc. cit. pp. 588, 589.

[69] Ferdinand. p. 259.

[70]

Например.

"Allu mari mi portati

Se voleti che mi sanati.

Allu mari, alla via:

Cosi m'ama la donna mia.

Allu mari allu mari:

Mentre campo, t'aggio amari".

Kircher, loc. cit. p. 592.-Appendix, No. V.

[71] Ferdinand. loc. cit. p. 257.

[72] Kircher, p. 589.

[73] Plin. Hist. Nat. Lib. XXVIII. ch. 2. p. 447. Ed. Hard.

[74] Cael. Aurelian. Chron. Lib. I. ch. 5. p. 335. Прим. ред. Амман.

[75] Демокрит и Теофраст упоминали об этом. См. Gell. Noct. Attic. Lib. IV. ch. 13.

[76] Ferdinand. p. 260.

[77] Bagliv. loc. cit. p. 618. Из более решительных заявлений, однако, мы узнаем, что из тех, кто был укушен, умерли только один или два человека из тысячи. Ferdinand. p. 255.

[78] Il carnevaletto delle donne. Bagliv. p. 617.

[79] Ferdinand. pp. 254. 260.

[80] Ferdinand. p. 259. Медленная музыка заставляла танцовщиц Тарантела чувствовать себя так, словно их раздавили: spezzati, minuzzati, p. 260.

[81] A. Kircher, loc. cit.

[82] См. Приложение, № V.

[83] Bagliv. loc. cit. p. 623.

[84] A. Kircher, loc. cit.

[85] Ferdinand. p. 262.

[86] Это сказано о старике из Аветрано, которому было девяносто четыре года. стр. 254. 257.

[87] Idem, p. 261.

[88] Фердинандо видел, как слабослышащий человек с большим усердием слушал танец и старался как можно ближе подойти к барабанам и фифам. p. 258.

[89] Idem, p. 260.

[90] Idem, p. 256.

[91] Idem, p. 260.

[92] Idem, p. 261.

[93] Ferdinand. p. 256.

[94] Idem, p. 258.

[95] Idem, p. 257.

[96] Idem, p. 256.

[97] De Contag. Lib. III. ch. 2. p. 212. Opera Lugdun. 1591. 8vo.

[98] De Contag. p. 254.

[99] Idem, ibid.

[100] Idem, p. 262.

[101] Idem, p. 261.

[102]

"Воображение женщин всегда более возбудимо, чем у мужчин, и поэтому они подвержены любым глупостям, когда ведут жизнь в строгом уединении и их мысли постоянно обращены внутрь себя. Поэтому в сиротских приютах, больницах и монастырях нервное расстройство одной женщины так легко и быстро становится расстройством всех. Я читал в одном хорошем медицинском труде, что одна монахиня в очень большом монастыре во Франции начала мяукать, как кошка; вскоре после этого другие монахини тоже начали мяукать. Наконец все монахини вместе стали мяукать каждый день в определенное время по

нескольку часов подряд. Все окрестные христианские кварталы с одинаковой досадой и изумлением слушали этот ежедневный кошачий концерт, который не прекращался до тех пор, пока всем монахиням не сообщили, что перед входом в монастырь полиция поставила роту солдат, которые снабжены розгами и будут пороть их до тех пор, пока они не пообещают больше не мяукать.

"Но из всех эпидемий женских болезней, которые я сам видел в Германии или о которых мне известна история, самой замечательной является знаменитая эпидемия монастыря XV века, описанная Карданом, которая особенно ярко доказывает то, что я хотел бы здесь привести в качестве доказательства. Одна монахиня в немецком женском монастыре стала кусать всех своих спутниц. В течение короткого времени все монахини этого монастыря начали кусать друг друга. Весть об этом увлечении монахинь вскоре распространилась, и теперь оно переходило из монастыря в монастырь по всей Германии, главным образом в Саксонии и Бранденбурге. Затем она посетила женские монастыри Голландии, и в конце концов монахини заразились манией кусания вплоть до Рима" - Циммерманн об одиночестве, т. II. Leipsig. 1784.-*Примечание* переводчика.

[103] Georg. Baglivi, Diss. de Anatome, morsu et effectibus Tarantulæ. pp. 616, 617. Опп. Лугдун. 1710. 4to.

[104] Ferdinando, p. 257.

[105] Idem, pp. 256, 257, 258.

[106] Ferdinando, p. 258.

[107] Adam Olearius. Vermehrte Moscowitische und Persianische Reisebeschreibung. Путешествия по Московии и Персии. Schleswig, 1663. fol. Book IV. p. 496.

[108] Geor. Baglivi, Dissertatio VI. de Anatome, morsu et effectibus Tarantulæ. (написано в 1595 г.) Opera omnia, Lugdun. 1710. 4to. p. 599.

[109] Этот врач однажды видел трех пациентов, которые явно страдали от злокачественной лихорадки, и чья болезнь была приписана прохожими укусу тарантула, которого заставили танцевать, включив для них музыку. Один из них умер на месте, а двое других очень скоро после этого. Гл. 7. с. 616.

[110]

Среди случаев, когда самозванство успешно использует народное легковерие, в наши дни, пожалуй, нет более примечательного, чем тот, что был представлен Псилли в Египте, стране, которая служит еще одной иллюстрацией к замечанию нашего автора, приведенному в начале следующей главы. Эта секта, согласно свидетельствам современных авторов , продолжает демонстрировать те же странные зрелища, что и древние змееящеры Киринеи, описанные Страбоном, 17 Dio. 51. с. 14. Лукан, 9. v. 894. 937. Геродот. 4. с. 173. Paus. 9. с. 28. Савари утверждает, что он был свидетелем процессии в Розетте, где группа этих казавшихся безумцами людей с голыми руками и диким поведением держала в руках огромных змей, которые извивались вокруг их тел и пытались вырваться. Псилли, схватив их за шею, разрывали их зубами и съедали живьем, кровь струилась из их оскверненных ртов. Другие псилли пытались вырвать у них добычу, так что казалось, что между ними идет борьба за то, кто пожрет змею. Население с изумлением следило за ними и считало их действия чудесными. Соответственно, их выдают за людей вдохновенных, одержимых духом, который уничтожает действие змеи.

Соннини, хотя и не был настолько удачлив, чтобы стать свидетелем публичного показа подобных представлений, тем не менее приводит следующий интересный рассказ о том, что он справедливо называет замечательным образцом экстравагантности человека. Упомянув о суеверном происхождении секты, он рассказывает, что к нему в квартиру пришел саади, или пожиратель змей, в сопровождении священника своей секты. Жрец носил в груди большую змею сумрачно-зеленого и медного цвета, с которой постоянно обращался; прочитав молитву, он передал ее саади. Далее повествование продолжается так: "Саади энергичной рукой схватил змею, которая обвилась вокруг его обнаженной руки. Он начал волноваться; его лицо было расстроено, глаза закатились; он издавал ужасные крики, укусил животное за голову и оторвал кусок, который, как мы видели, он прожевал и проглотил. После этого его возбуждение перешло в конвульсии; его вой удвоился, конечности извивались, лицо приняло черты безумия, а рот, расширенный ужасной гримасой, был весь в пене. То и дело он пожирал свежие куски рептилии. Трое мужчин пытались удержать его, но он тащил их всех троих по камере. Его руки с силой разбрасывались во все стороны и ударяли все, что попадалось под руку. Стремясь избежать его, мы с месье Форнети были вынуждены иногда прижиматься к стене, чтобы пропустить его и избежать ударов. Мы могли бы пожелать этому безумцу уйти куда подальше. Наконец священник забрал у него змею, но его безумие и конвульсии не сразу прекратились; он кусал себе руки, и его ярость продолжалась. Тогда священник обнял его, провел рукой по спине, поднял с земли и прочитал несколько молитв. Постепенно его возбуждение уменьшилось и перешло в состояние полной заторможенности, в котором он оставался несколько минут.

"Турки, присутствовавшие при этой нелепой и отвратительной церемонии, были твердо убеждены в реальности этого религиозного безумия; и совершенно точно, что, будь то реальность или самозванство, невозможно увидеть более яркие проявления ярости и безумия, или иметь перед глазами человека, более способного внушить ужас." -Hunter's Translation of Sonnini's Travels, 8vo. 1799.-*Примечание* переводчика.

[111] Franc. Serao, della Tarantola o vero Falangio di Puglia. Napol. 1742.- См. Thom. Fasani, De vita, muniis et scriptis Franc. Serai, &c. Commentarius. Neapol. 1784. 8vo. p. 76. et seq.

[112] Thom. Fasani, De vita, muniis et scriptis Franc. Serai, &c. Commentarius, p. 88.

[113] Idem, p. 89.

[114] H. Mercurialis, de Venenis et Morbis Venenosis, (Venet. 1601. 4to. Lib. II. ch. 6. p. 39.) повторяет глупую байку, что укушенные продолжают во время пароксизма заниматься тем, чем они были заняты в момент укуса, и доказывает на основании сообщенного ему факта, что уже в XVI веке умели отличать самозванцев от тех, кто был действительно укушен. H. Cardani, de Subtilitate Libri XXI. Basil. 1560. 8vo. Lib. IX. p. 635. Вредное действие яда тарантула устранялось не столько музыкой, сколько большими усилиями, которые тратились на танцы. Сравните J. Cæs. Скалигер. Экзотерика. Exercitt. Libri XV. de Subtilitate, Francof. 1612. 8vo. Экз. 185. с. 610.- J. M. Fehr, Anchora sacra vel Scorzonera. Jen. 1666. 8vo. p. 127. От Александра ab Alexandro и нескольких более поздних авторов.-Stalpart van der Wiel, Observatt. rarior. Lugdun. Bat. 1687. 8vo. Cent. 1. Obs. C. p. 424. По Кирхеру.- Род. a Castro, Medicus politicus. Гамбург, 1614. 4to. Lib. IV. ch. 16. p. 275. Согласно Matthioli.-D. Cirillo, Some account of the Tarantula, Philosoph. Trans. Vol. LX. 1770, описывает тарантизм как обычное самозванство. Так же поступает и Ж. А. Юнцер, "Врач", т. II. стр. 473. 640, том III. стр. 466, 526, 528, 529, 530, 533, 553; также A. F. Büsching, Eigene Gedanken und gesammelte Nachrichten von der Tarantel, welche zur gänzlichen Vertilgung des Vorurtheils von der Schädlichkeit ihres Bisses, und der Heilung desselben durch Musik, dienlich und hinlänglich sind. Наблюдения и утверждения

относительно тарантула, которых достаточно, чтобы полностью отбросить предрассудки относительно яда его укуса, а также его лечения музыкой. Берлин, 1772. 8vo. Очень поверхностная критика. Forest. Observatt. et Curatt. medicinal. Libri 30, 31 et 32. Francof. 1509. fol. Ob. XII. p. 41. старательно собранные из его предшественников.- Phil. Camerar. Operæ horarum subcisivarum. Francof. 1658. 4to. Cent. II. cap. 81. p. 317.- R. Мид, механическое изложение ядов: London, 1747. 8vo. p. 99. отстаивает реальность тарантизма вместе с P. Бойлем. Очерк о великих эффектах даже вялого и неслышного движения и т.д. London, 1685. ch. VI.- Также J. F. Cartheuser, Fundamenta pathologiæ et therapiæ. Francof. a. V. 1758. 8vo. Том. I. p. 334. Th. Willis de morbis convulsivis. cap. VII. p. 492. Opp. Lugdun. 1681. 4to. Согласно Гассенди, Фердинанду, Кирхеру и другим.-L. Valetta, de Phalangio Apulo opusculum. Neapol. 1706.- Том. Корнелио (профессор в Неаполе в середине XVII века). Письмо Дж. Додингтону о некоторых наблюдениях за людьми, притворяющимися ужаленными тарантулами. Phil. Transactions, No. 83. p. 4066. 1672. считает тарантизм танцем святого Витта - Jos. Lanzoni, de Venenis, cap. 57. p. 140. Опп. Lausann. 1738. 4to. Том. I. в основном из Baglivi.-J. Schenk, a Grafenberg. Observatt. Medicar. Lib. VII. Obs. 122. p. 792. Том. II. Ed. Francof. 1600. 8vo. был сам очевидцем.- Вольфг. Sengueгd, Tractatus physicus de Tarantula. Ludg. Bat. 1668. 12mo.-Herm. Grube, De ictu Tarantulæ et vi musices in eius curatione conjecturæ physico-medicæ. Francof. 1679. 8vo-Athan. Kircher, Musurgia universalis. Rom. 1650. fol. Tom. II. IX. ch. 4. p. 218.-M. Köhler, in den Svenska Vetenskaps Academiens Handlingar. 1758. p. 29. Сводки Шведской академии наук - Берлинский сборник для содействия развитию медицинской науки. Vol. V. Pt. I. p. 53. 1772.- Burserii Institutiones medic. pract. tom. III. p. 1. cap. 7. § 219. p. 159. ed. Hecker.-J. S. Halle, Gifthistorie. История ядов, Берлин, 1786. 8vo.-Blumenbach, Naturgeschichte, Natural History, p. 412.-E. Ф. Леонгардт, Дисс. по тарантизму, Бероль. 1827. 8vo. и многие другие.

[115] Это, однако, можно рассматривать лишь как предположение, основанное на следующем отрывке из "Лексикона Эфиопского языка" Лудольфа. Ed. 2da. Francof. 1699. fol. p. 142. Astarāgaza, de vexatione quadam diabolica accipitur. Marc. i. 26. ix. 18. Luc. ix. 39. Græcus habet σπαράττειν, vellicare, discerpere. *Sed Æthiopes, teste Gregorio, pro morbo quodam accipiunt, quo quis perpetuo pedes agitare et quasi calcitrare cogitur.* Fortassis est Saltatio S. Viti, vulgo St. Veitstanz.

[116] Жизнь и приключения Натаниэля Пирса, написанные им самим во время пребывания в Абиссинии с 1810 по 1819 год. Лондон, 1831. 8vo. Vol. I. ch. ix. p. 290.

[117] Евангелиста и Иоанна Крестителя во все времена и у всех народов путали друг с другом, так что связь последнего с одним и тем же явлением в столь разные эпохи и в разных климатических условиях весьма вероятна.

[118] Она была коренной гречанкой.

[119] Pearce, p. 289. Сравните с p. 34.-E. G. Förstemann, Die christlichen Geisslergesellschaften. Христианские общества флагеллантов. Halle, 1828. 8vo.

[120] Idem, loc. cit.

[121] У древних греков - βασκήσις. Это суеверие в большей или меньшей степени развито у всех народов земли и еще не совсем исчезло из Европы.

[122] Парацельс.

[123] Gentleman's Magazine, 1787, March, p. 268.-F. B. Osiander, Ueber die Entwickelungskrankheiten in den Blüthenjahren des weiblichen Geschlechts. О расстройствах молодых женщин и т. д. Tübingen, 1820, Vol. I. p. 10.

[124] Этот рассказ приводится Фриче. Hufeland's Journal der practischen Heilkunde, Vol. XII. 1801. Часть I. p. 110. Hufeland's Journal of Practical Medicine.

[125] Сравните J. G. Zimmermann, Ueber die Einsamkeit. Leipsig, 1784. 8vo. Vol. II. ch. 6. p. 77. Об одиночестве - J. P. Falret, De l'hypochondrie et du suicide. Париж, 1822. 8vo. и др.

[126] Это утверждение принадлежит Дж. Корнишу. См. Fothergill and Want's Medical and Physical Journal, vol. xxxi. 1814. pp. 373-379.

[127] Сэмюэл Хибберт, Описание Шетландских островов, включающее рассказ об их геологии, пейзажах, древностях и суевериях. Edinburgh, 1822. 4to. p. 399.

[128]

Примерно в это время было распространено следующее двустишие:.

"De par le Roi, défense à Dieu

De faire miracle dans ce lieu."

[129] Этот вид помощи назывался "Grands Secours". Boursier, Mémoire Théologique sur ce qu'on appelle les Secours violens dans les Convulsions. Париж, 1788. 12mo. Многие конвульсионеры были охвачены болезнью в результате этого необычайно ошибочного способа лечения. Один доминиканский монах умер от его последствий - хотя подобные случаи тщательно скрывались. См. Рено (приходской священник в Во, близ Осера; постригся в 1796 г.), Le Secourisme détruit dans ses fondemens, 1759. 12mo. и Le Mystère d'Iniquité, 1788. 8vo.

[Аруэ, отец Вольтера, посетил в Нанте знаменитую конвульсионистку Габриэль Молле, которую он застал занятой тем, что срывала колокольчики с детского коралла, чтобы обозначить отвержение неверующих. Иногда она прыгала в воду и лаяла, как собака. Она умерла в 1748 году.

[131] J. Phil. Hecquet (obiit 1737). La Naturalisme des Convulsions. Soleure, 1733. 8vo.

[132] De Melancholia et Morbis Melancholicis. Paris, 1765. 2 тома. 8vo.

[133] Особенно с 1784 по 1788 гг.

[134] См. Grégoire, Histoire des Sectes Religieuses, tome ii. ch. 13. p. 127. Paris, 1828. 8vo. Следующие слова этого заслуженного автора об умственном состоянии его соотечественников заслуживают самого пристального внимания. "L'esprit public est dans un état de fluctuation persévérante: *des âmes flétries par l'égoïsme n'ont que le caractère de la servitude*; l'education viciée ne forme guère que des êtres dégradés; la religion est méconnue ou mal enseignée; *la nation présente des symptômes alarmans de sa décrépitude*, et présage des malheurs dont on peut not peut calculateer l'étendue ni la durée." P. 161.

[135]

"Мне довелось наблюдать в Каире еще один вид религиозного фанатизма. Однажды на небольшом расстоянии от моего дома я услышал в течение нескольких часов пение или, правильнее сказать, плач, столь равномерный и утомительный, что я поинтересовался причиной этого необычного явления. Мне ответили, что это был какой-то дервиш или монах, который повторял, *пританцовывая* на пятках, имя Аллаха, пока, совершенно обессилев, не падал без чувств. Эти несчастные прорицатели, на самом деле, часто умирают в конце этого

священного *танца*; и крики того, кого я слышала, начались после полудня и продолжались всю ночь и часть следующего утра, я не сомневаюсь, что его благочестивый энтузиазм стоил ему жизни" - Воспоминания о Египте баронессы фон Минутоли. Лондон, 1827.

В Аравии существует такое же фанатичное рвение, как мы видим из следующего отрывка анонимной истории вахабитов, опубликованной в Париже в 1810 году: "La prière la plus méritoire consiste à crier le nom de Dieu, pendant des heures entières, et le plus saint est celui qui répète ce nom le plus long temps et le plus vite. Не менее любопытно и зрелище шехидов, которые во время общественных праздников пытаются задобрить людей и бросаются именем Аллаха. Большая часть окруженных вынуждена остановиться и бросает пальму святой сильной пуатрине, которая, желая одержать победу, разрывается и бросает еще несколько крисов в сторону своих риволистов в тишине. Изнемогая от усталости, сгорбившись, он в конце концов оказывается в окружении народа, который стремится освободить его и перевести в триумф. В главных мечетях, в каждом из них, в Венредисе, раздаются крисы, продиктованные этой уникальной эмулацией. Шекх, освященный своими домашними животными, сохраняет свою святость с помощью экстазов и переносов, которые часто представляют опасность для христиан, так как опасность делает их смиренными, несмотря на все их достоинства" - *прим.* перев.

[136] Примеры см. в Osiander, Entwickelungskrankheiten. Loc. cit. p. 45.

[137] Среди 108 случаев сумасшествия Перфект упоминает одиннадцать случаев мании и методического энтузиазма, *в девяти из которых было совершено самоубийство*. Анналы безумия. Лондон, 1808. 8vo.

[138] Harris Rowland и William Williams.

[139] Джон Эванс, Очерк деноминаций христианского мира. 13-е издание. Лондон, 1814. 12mo. p. 236.- См. Grégoire, loc. cit. tome iv. chap. xiii. p. 483.

[140] Mrs. Trollope's Domestic Manners of the Americans. Возрождение", стр. 108-112. Трясущиеся квакеры, с. 195-196. Camp Meeting, p. 233. London, 2 vols. 1832.-Transl. *note*.

[141] В Кентукки часто проходили собрания численностью от десяти до двенадцати тысяч человек. Вирджиния, Северная Каролина, Теннесси и Нью-Йорк также являются театрами этих собраний.- Grégoire, tome iv. p. 496.

[142] На одном из таких собраний путешественник видел, как более восьмисот человек упали в обморок. Idem. Он нигде не встречал более частых случаев самоубийства вследствие демономании, чем в Северной Америке.

[143] Idem. p. 498. Это Баркеры. В Северной Америке существует множество других судорожных методистских сект. Шейкеры, враждебно относящиеся к браку, также должны были бы быть упомянуты, если бы их конвульсии не были гораздо менее жестокими, чем у джамперов. См. Grégoire, tome v. p. 195. Evans, p. 267.

[144] См. Perrin du Lac, Voyage dans les deux Louisianes. Paris, 1805. 8vo. chap. ix. pp. 64, 65. chap. xvii. pp. 128, 129.-Michaud, Voyage à l'ouest des Monts Alleghanys. Париж, 1804. 8vo. p. 212.- John Melish, Travels in the United States of America. Филадельфия, 1812. 8vo. vol. i. p. 26.- Lambert, Travels through Canada and the United States. Лондон, 1810. 8vo. vol. iii. p. 44.-John Howison, Sketches of Upper Canada. Эдинбург, 1822. 8vo. p. 150.- Edward Allen Talbot, Cinq Années de Résidence au Canada. Paris, 1825. 8vo. tome ii. p. 147.

[145] Содержание №№ III. и IV. было воплощено в тексте, поэтому представляется необходимым вставить сюда оригинал на старонемецком языке, который написан слишком грубым языком, чтобы его можно было перевести - *прим.* перев.

ПОТЛИВАЯ БОЛЕЗНЬ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая работа является продолжением моих трактатов на смежные темы и, как и они, придерживается мнения, что великие эпидемии - это эпохи развития, когда психические силы человечества напрягаются во всех направлениях. История мира неопровержимо свидетельствует об этом факте. Наклонности ума, ход мысли целых эпох часто зависели от преобладающих болезней; ведь ничто не оказывает на человека более сильного влияния, располагая его к спокойствию и покорности или разжигая в нем самые бурные страсти, чем близость неизбежной и всеобщей опасности. Нередко увлеченность и фанатизм, ненависть и месть, порожденные всепоглощающим страхом смерти, распространяли огонь и пламя по всему миру. Голод и болезни, среди которых можно упомянуть огненную чуму святого Антония, были не менее мощным стимулом для рыцарского духа крестовых походов, чем восторженное красноречие Петра Отшельника, Черная смерть привела тысячи людей на костер и вызвала страшные покаяния флагеллантов, а восточная проказа бросала мрачную тень на общество на протяжении всего средневековья.

Со всеми этими волнениями самые яркие события мира находятся в тесной связи, и, несомненно, среди меняющихся форм существования человеческой расы всегда больше зависело от преобладающего тона мысли, чем от грубых сил, которыми эти события были порождены. Поэтому историк, желающий исследовать скрытое влияние разума, не может обойтись без медицинских исследований. Сами факты убеждают его в органическом единстве телесного и духовного во всех человеческих делах, а следовательно, и во врожденной жизненной связи всех человеческих знаний. Итак, с медицинской точки зрения, насколько обширное поле для наблюдений представляет история народных болезней. Нынешние телесные страдания[1], в совокупности, являются лишь ступенью в развитии, лишь одной фазой болезненной жизни среди длинного ряда явлений, и поэтому не могут быть полностью поняты без предварительного знания прошлого и исторических исследований. Как мы можем распознать кольцо Сатурна как таковое, пока наша ось зрения находится в его плоскости, и мы видим его только как линию. Великие моры исчезли или были рассеяны; из причин, по-видимому, самых незначительных, вытекали самые важные последствия, и во всех превратностях опасностей и опустошений действие могущественных законов природы повсюду проявлялось в социальных тенденциях целых веков.

Это не аэриальное царство преходящих догадок - факты сами говорят тысячами воспоминаний. Если мы изучим прошлое с беспристрастной тщательностью, если мы рассмотрим даже те немногие успешные исследования, которые до сих пор были сделаны в исторической патологии (возможно, те, кто настроен благожелательно, признают даже мои), мы не сможем не прийти к центру реальности, до которого искусство лечения, к своему огромному ущербу, до сих пор было далеко, в то время как оно иногда проникало в менее плодородную почву или даже обременяло себя накопленным мусором педантичных догм школ.

Государство, которое основывает свое законодательство на знании реальности, которое ожидает от физических наук сведений о человеческой жизни в целом, рассматриваемой во всех ее отношениях, вправе требовать от своих врачей общего представления о природе и причинах народных болезней. Однако такое понимание, достойное науки, не может быть получено путем наблюдения за отдельными эпидемиями, потому что природа ни в одной из них не проявляет себя во всей полноте и не приводит в действие за один раз более чем несколько законов общей болезни. Одно поколение, каким бы богатым оно ни было в плане накопления важных знаний, никогда не может быть достаточным для того, чтобы на основе реально наблюдаемых явлений создать учение о народных болезнях, достойное этого названия. Опыт всех веков - вот источник, из которого мы должны черпать в этом случае, а медицинское исследование - единственная дорога, ведущая к этому источнику, если, конечно, мы не будем готовы встретить новые эпидемии и будем поддерживать необоснованное мнение, что медицинская наука, как она существует сейчас, является полным результатом всех предшествующих усилий.

Понимание не только общих проявлений болезней, которые в течение веков проявлялись в различных формах, но и каждой отдельной болезни, независимо от того, возникает она в тесной связи с другими или нет, становится более отчетливым благодаря знанию современных обстоятельств, которые сопутствуют ее развитию. Поэтому я хотел бы надеяться, что будущие исследования и усердие врачей, посвятивших себя поискам истины и науки, будут в большей степени направлены на историческое исследование; и что университеты и академии будут отводить ему то видное место, которого, в силу его высокой важности, как обширной отрасли естественной философии, он справедливо требует.

Соответствует ли этим взглядам нижеследующее исследование одной из самых замечательных болезней в истории, я должен предоставить судить моим читателям. Историк увидит, какие социальные чувства вызывают у народов великие события, а перед врачом откроется картина страданий, с которыми болезни нынешнего времени не имеют аналогов. Я все время помнил о духе и достоинстве шестнадцатого века, который был столь же примечателен военными триумфами, сколь и трагическими событиями; и я с уверенностью рассчитываю на такое же снисхождение и благосклонность сейчас, которыми, благодаря доброте друзей, я уже пользовался как дома, так и за границей, в большей степени, чем моя искренняя благодарность может найти слова для выражения.

ПОТЛИВАЯ БОЛЕЗНЬ.

ГЛАВА I.
ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ БОЛЕЗНИ-1485.

"Звучат барабаны и трубы, смело и радостно,

Бог и Святой Георгий! Ричмонд и победа!" - Шекспир.

Раздел 1. Начало.

После того как судьба Англии была решена в битве при Босворте 22 августа 1485 года[2], радость нации была омрачена смертельной болезнью, которая поредела в рядах воинов и, следуя в тылу победоносной армии Генриха, за несколько недель распространилась от далеких гор Уэльса до метрополии империи. Это была жестокая воспалительная лихорадка, которая после короткого окоченения повергала силы в прах, как от удара, и среди болезненного угнетения в желудке, головной боли и вялого оцепенения, пропитывала все тело едким потом. Все это происходило в течение нескольких часов, и кризис всегда проходил в течение дня и ночи[3]. Внутренний жар, от которого страдал пациент, был нестерпимым, но любое охлаждающее средство означало верную смерть. Люди были охвачены ужасом, когда увидели, что едва ли один из ста спасся[4], и их первым впечатлением было то, что правление, начавшееся с таких ужасов, несомненно, окажется самым неблагоприятным[5].

Поначалу на нового врага почти не обращали внимания; горожане и крестьяне радостными процессиями шли навстречу победоносной армии. Поход Генриха из Босворта в Лондон напоминал триумф, который повсеместно отмечался празднествами, ибо народ после долгих лет гражданской войны предвкушал более счастливые дни, чем те, которыми он наслаждался при кровожадном Ричарде.

Однако вскоре после въезда короля в столицу 28 августа[6] потливая болезнь[7], как называли это заболевание, начала распространять свои бедствия по густонаселенным улицам города. Два лорд-мэра и шесть олдерменов умерли в течение одной недели[8], едва успев сбросить свои праздничные одеяния; многие из тех, кто ночью был в полном здравии, на следующее утро оказались в числе умерших. Болезнь по большей части выбирала себе в жертвы крепких и энергичных мужчин; а поскольку многие знатные семьи лишились своих глав, обширные торговые дома - своих директоров, а подопечные - своих опекунов, празднества вскоре превратились в скорбь и траур. Коронация короля, которая, как ожидалось, должна была преодолеть сомнения многих в его праве на трон, была вынужденно отложена в связи с этим всеобщим бедствием[9], а болезнь тем временем распространилась без перерыва по всему королевству с востока на запад[10].

По общему мнению, мор начался только в самом начале августа 1485 года и был явно связан с обстоятельствами времени. Возвращение на родину давно было горячим желанием графа Ричмонда и его верных последователей. В возрасте 15 лет (1471 год), спасаясь от мести дома Йорков и убийц Эдуарда, он был застигнут бурей и попал в руки Франциска II, герцога Бретани, который долго держал его в плену, а после смерти Эдуарда, в 1483 году, предоставил ему средства для осуществления своих претензий на английский престол, как последнему потомку дома Ланкастеров. Это первое начинание не увенчалось успехом. Шторм отбросил смелого авантюриста в Дьепп и заставил его снова броситься с пятью сотнями английских последователей на гостеприимство герцога Франциска. Однако влияние

Ричарда на герцога сделало его пребывание там несколько опасным. Ричмонд уединился и попытался привлечь на свою сторону Карла VIII, который был еще несовершеннолетним. В ответ на его неоднократные просьбы он получил небольшую субсидию в виде французских войск, нескольких артиллерийских орудий и достаточного количества денег. Этот небольшой отряд был быстро увеличен до 2000 человек, все они были отправлены на корабле, и 25 июля 1485 года они бросили якорь в Гавре, а через семь дней после этого в Милфорд-Хейвене был поднят штандарт Ричмонда[11].

Они высадились в деревне Дейл, на западной стороне гавани, и вечером в день прибытия или очень рано утром следующего дня Ричмонд поспешил в Хаверфордвест, где еще ни один гонец не объявил о возобновлении гражданской войны. Судя по всему, он достиг Кардигана, северного побережья, 3 августа и впервые предоставил своей небольшой, но растущей армии отдых в лагере.

После короткого привала он уверенно двинулся вперед, переправился через Северн у Шрусбери[12], повернул оттуда к Ньюпорту и Стаффорду и разбил свой лагерь в Личфилде, вероятно, до 18 августа[13]. Расстояние до этого места от Милфорд-Хейвена составляет 170 миль, и дорога идет через лесистые горы и возделанные поля, не задевая болотистых земель. Однако Личфилд лежит в низине, и именно здесь армия расположилась лагерем в сырой местности, пока не двинулась к соседнему полю Босворт. Ричмонд, имея в своем распоряжении всего 5000 человек и прикрытый болотом правый фланг, вышел навстречу смертельному врагу, чья армия вдвое превосходила его собственную. Поначалу бой был яростным, но уже через два часа лорд Стэнли увенчал победителя диадемой Ричарда[14].

Все эти события так быстро сменяли друг друга в течение трех недель, что рыцари и солдаты Ричмонда, с каждым днем все более возбуждаемые страхом и надеждой, едва ли были способны на такие подвиги. Однако именно быстрота передвижения армии стала причиной того, что болезнь не могла так быстро распространиться и помешать окончательному решению Босворта, хотя сообщение о ней уже до этого события наводило всеобщий ужас; так что лорд Стэнли, когда Ричард властно призвал его к штандарту, пытался выиграть время и, оправдываясь, утверждал, что новая болезнь распространена[15].

После победы при Босворте король Генрих два дня оставался в Лестере, а затем без дальнейших промедлений поспешил в Лондон, которого достиг менее чем за четыре дня, без военного парада и в сопровождении лишь избранных сторонников. Остальная часть его армии, которая очень нуждалась в отдыхе после тяжелых трудов, была не в состоянии идти в поход, поэтому они остановились в соседних городах и, вероятно, были распущены, согласно обычаям того времени[16].

Считается, что потливая болезнь появилась в Лондоне только 21 сентября[17], но историки, скорее всего, подразумевали под этим днем начало ее распространения, которое продолжалось до конца следующего месяца и, таким образом, в общей сложности длилось около пяти недель.

За этот короткий период большая часть населения[18] стала жертвой новой эпидемии, и сетованиям не было предела, пока люди не знали, что эта страшная болезнь, не сумев установить свое господство, пройдет по стране лишь как вспышка молнии, а затем снова уступит место активному общению общества и радостной надежде на жизнь.

Не было никакой защиты от повторного приступа; многие, кто выздоровел, были охвачены болезнью с такой же силой во второй, а иногда и в третий раз, так что они не имели даже того

слабого утешения, которым пользовались страдальцы от чумы[19] и оспы, - полной неприкосновенности после того, как однажды преодолели опасность[20].

Таким образом, к концу года болезнь охватила всю Англию и посещала каждый уголок с той же жестокостью, что и метрополию. Ее жертвами стали многие знатные люди, как церковные, так и гражданские; и велико было смятение, когда в августе она вспыхнула в Оксфорде. Профессора и студенты бежали во все стороны, но смерть настигала многих из них, и этот прославленный университет был опустошен в течение шести недель[21]. Три месяца спустя она появилась в Кройланде, а 14 ноября унесла Ламберта Фосседика, аббата монастыря[22]. До наших дней не дошло никаких достоверных сведений из других мест, но по всеобщему горю и тревоге, царившим в городе, можно сделать вывод, что человеческие жертвы были весьма значительными.

Раздел 2. Врачи.

Врачи практически ничем не могли помочь людям, оказавшимся в таком бедственном положении[23]. О них нигде не упоминается на протяжении всей эпидемии, и даже те, кто мог бы прийти на помощь своим согражданам, впали в заблуждения Галена, и их диалектические умы поникли перед этим ужасающим явлением. Это относится даже к знаменитому Томасу Линакру, впоследствии ординарному врачу двух монархов[24] и основателю Коллегии врачей в 1518 году. В расцвете молодости он был очевидцем событий в Оксфорде и пережил даже второе и третье приступы потливой болезни; но ни в одном из его трудов мы не находим ни слова об этой болезни, имеющей такое постоянное значение. На самом деле, восстановители медицинской науки древней Греции, за которыми последовали все самые просвещенные люди Европы, за единственным исключением Линакра, занимались скорее древними терминами искусства, чем реальными наблюдениями, и в своих критических исследованиях упускали из виду важные события, происходившие на их глазах[25]. Это напоминает нам поздних греческих врачей, которые в течение четырехсот лет не обращали внимания на оспу, потому что не могли найти ее описания в бессмертных трудах Галена[26].

Поэтому напуганным жителям Англии не оставалось ничего другого, кроме собственного здравого смысла, который и привел их к принятию плана лечения, лучше которого не смог бы дать ни один врач в мире; а именно: не прибегать ни к каким сильным лекарствам, но применять умеренное тепло, воздерживаться от пищи, принимая лишь небольшое количество мягкого питья, и спокойно ждать в течение четырех-двадцати часов кризиса этого грозного недуга. Те, кто заболевал днем, во избежание простуды сразу же ложились спать в одежде, а те, кто заболевал ночью, не поднимались с постели до утра; при этом все тщательно избегали выставлять на воздух даже руку или ногу. Таким образом, они тщательно оберегались от жары или холода, чтобы не возбудить потоотделение первым и не остановить его вторым - ведь они прекрасно знали, что и то и другое означает верную смерть[27].

Весть о непогрешимости этого метода вскоре распространилась по всему королевству, и таким образом к началу 1486 года многие были спасены от смерти. Под Новый год на юго-востоке поднялась сильная буря, которая, очистив атмосферу, сняла гнет, в котором находились люди, и таким образом, к радости всего народа, эпидемия была сметена без следа[28].

Раздел. 3.- Причины.

Уже в то время считалось примечательным, что потливая болезнь не вышла за пределы Англии и, оставаясь незавидным достоянием этой нации, не распространилась даже на Шотландию, Ирландию или Кале, принадлежавшие Британии. Многое, несомненно, объяснялось особенностями климата, еще больше - атмосферными изменениями, а кое-что - привычками людей и обстоятельствами времени. В дальнейшем выяснилось, что английская потливая болезнь была духом тумана, который витал среди темных облаков. Даже в обычные годы атмосфера Англии наполнена этими облаками в течение значительного времени, а в сырое время года они тем более вредны для здоровья, что англичане тех времен не были приучены к чистоте, умеренности в питании и даже к комфортным изыскам. Обжорство было распространено как среди знати, так и среди низших сословий; все были немерено пристрастны к выпивке[29], и нравы эпохи одобряли это излишество на банкетах и праздниках. Если учесть, что болезнь в основном поражала сильных и крепких мужчин - ту часть народа, которая беззастенчиво предавалась всем застольным удовольствиям, - в то время как женщины, старики и дети почти полностью спасались от нее, становится очевидным, что грубое потакание аппетиту должно было сыграть немалую роль в возникновении этой беспримерной чумы.

К этому можно добавить влажность 1485 года, которая в большинстве хроник представляется весьма примечательной[30]. По всей Европе дожди шли ливнями, и часто случались наводнения. Сырая погода не вредит здоровью, если она временная, но если дожди идут в течение нескольких лет, так что земля полностью пропитана, а туманы притягивают вредные выделения из земли, человек неизбежно должен страдать от вредного состояния почвы и атмосферы. В таких условиях неизбежно возникают эпидемии. Пять предыдущих лет были необычайно влажными[31], 1485 год оказался таким же; последним жарким и засушливым было лето 1479 года[32]. Обширные наводнения на Тибре, По, Дунае, Рейне и большинстве других великих рек произошли в 1480 году и сопровождались обычными последствиями - ухудшением воздуха, несчастьями и болезнями[33]. Самым большим наводнением, которое когда-либо помнили в Англии, было наводнение на Северне в октябре 1483 года. Впоследствии его долгое время называли "Великой водой герцога Бекингема"[34], потому что оно сорвало восстание этого могущественного подданного против Ричарда III, которого он возвел на трон, и, следовательно, нанесло поражение и первому предприятию Генриха VII. Оно продолжалось целых десять дней, и огромные разрушения, причиненные непреодолимым потоком, надолго остались в памяти народа.

Раздел. 4.- Другие эпидемии.

В течение всего этого периода народы Европы посещали разнообразные и разрушительные чумы. В 1477 году в Италии вспыхнула бубонная чума, которая свирепствовала без перерыва до 1485 года[35]. Она сопровождалась поразительными природными явлениями, среди которых можно отметить огромный полет саранчи в 1478[36] и 1482 годах, а также удивительные интеркуррентные заболевания, такие как воспалительные боли в боку, по всей Италии в 1482 году[37]. В Швейцарии и Южной Германии злокачественные эпидемии[38] появились на фоне засухи и голода в 1480 и 1481 годах, а гнилостная лихорадка, сопровождаемая френитами[39], преобладала в Вестфалии, Гессене и Фрисландии. На памяти жителей этих областей никогда не было столько ignes fatui, как в этот период. Там также люди страдали от неурожая, так что приходилось получать припасы из Тюрингена[40]. Франция, где во времена страшного правления Людовика XI угнетение и несчастья казались насмешкой над дарами небес, в 1482 году, после двух лет скудости, стала ареной опустошительной чумы. Это была воспалительная лихорадка с бредом, сопровождавшаяся

такой сильной болью в голове, что многие выбивали себе мозги о стены или бросались в воду; другие же, после беспрестанного бега туда-сюда, умирали в состоянии сильнейшей агонии. Согласно представлениям того времени, эта болезнь была приписана астральным влияниям, поскольку она не могла быть вызвана только голодом, который не оставлял бедному крестьянству к югу от Луары ничего, кроме корней диких трав, чтобы поддержать их жалкое существование[41], поскольку высшие классы также часто подвергались нападению[42]. Эта лихорадка, несомненно, сопровождалась воспалением менингов или даже самого мозга и, возможно, была идентична той, что в тот же период опустошала северо-запад Германии вплоть до берегов Северного моря, только усиливалась большей природной живостью и жалким положением французского народа, который держали в состоянии вечного страха жестокие казни Людовика[43]. Этот мор заставил короля последовать обычному совету своего угрюмого врача[44] и держать себя в тесном заточении в городе Плесси-де-Тур. В его присутствии запрещалось под страхом сурового наказания говорить о смерти, которая уносила свои жертвы во все стороны, а сорок арбалетчиков караулили в фоссе замка, чтобы умертвить каждое живое существо, которое могло приблизиться[45]. Через два года после этого, в 1484 году, жестокие болезни [46] снова посетили Германию и Швейцарию, и казалось, что народам повсюду угрожает смерть и разрушение.

Раздел 5. Армия Ричмонда.

Из этих данных, которые можно легко расширить[47], очевидно, что потливая болезнь 1485 года появилась не без великих и общих предвестников, которые на несколько лет привили народу Англии восприимчивость к опасным и необычным болезням. Если, кроме того, принять во внимание мрачный нрав англичан и общую подавленность их духа, вызванную кровопролитными войнами красных и белых роз, ряд событий, которые, похоже, поколебали их веру в верховное Провидение, то можно легко предположить, что для возбуждения сильного волнения в таинственном механизме человеческого тела потребовался бы лишь очень слабый импульс. Этот импульс, очевидно, был дан высадкой армии Ричмонда в тот самый год, когда ожидались великие и предвещающие беды; ведь 16 марта, в тот самый день, когда скончалась королева Анна, несчастная жена Ричарда III, полное затмение солнца окутало всю Европу мраком и дало повод для мрачных прогнозов[48]. Даже при обычных обстоятельствах войны порождают моровую язву - насколько же неизбежнее они должны были возникнуть при существующем положении дел! Армия Ричмонда состояла не из храбрых людей, движимых рвением отомстить за свою обесчещенную страну или послужить благому делу. Она состояла из странствующих вольных разбойников, "мерзких ландскнехтов", как их называли в Германии, которые собрались под его знаменем в Гавре, - стрелков, сформированных при Людовике XI, которые безрассудно грабили Нормандию и которых Карл VIII с радостью передал Генриху, чтобы избавить свои мирные территории от столь великого бедствия[49]. Возможно, эта армия была не хуже других того же периода[50]; но, запертые на целую неделю в грязных кораблях, они, несомненно, привезли с собой все необходимое для прорастания семян моровой язвы, которая вскоре вспыхнула на берегах Северна и в лагере в Личфилде.

Раздел 6. Природа потливой болезни.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.

Прежде чем мы продолжим, необходимо рассказать о природе этой болезни. Это была воспалительная ревматическая лихорадка с сильным расстройством нервной системы. Это предположение подтверждается способом ее возникновения и ее особенностью

сопровождаться обильным и вредным потоотделением. Если судить о пагубных влияниях, которые преобладали в 1485 году, то можно без колебаний признать, что влажность того и предыдущих годов повлияла на функции легких и кожи и нарушила связь этой очень важной ткани с внутренними органами жизни. Это обычное начало ревматических лихорадок, которые имеют такое же отношение к потливой болезни, как легкие симптомы к тяжелым заболеваниям того же рода. Преобладание поражений мозга и нервов, однако, придало английской эпидемии особый характер. Функции восьмой пары нервов были сильно нарушены при этой болезни, о чем свидетельствовали угнетенное дыхание и крайнее беспокойство с тошнотой и рвотой - симптомы, которым современные люди придают большое значение[51]. Ступор и глубокая летаргия свидетельствуют о повреждении мозга, к которому, по всей вероятности, добавился застой черной крови в переполненных венах. Мы также должны принять во внимание предшествующее разложение и разложение крови, которые, даже если мы не склонны делать вывод об их существовании из обильного пота самой болезни, были доказаны поразительными явлениями аналогичного характера, произошедшими в Центральной Европе примерно в то же время; цинга распространилась как эпидемия, особенно в Германии, в 1486 году, и с такими тяжелыми и необычными симптомами, что люди были склонны рассматривать ее как совершенно новый недуг[52]. Такова жизненная связь различных функций, что любое затруднение дыхания, будь то в результате давления извне, или спазма и раздражения нервов изнутри, или даже болезненного состояния циркулирующей жидкости, непременно вызывает компенсаторную активность кожи, и тело наполняется облегчающим потоотделением.

Таким образом, становится ясно, что обильное потоотделение при болезни, о которой мы говорим, несмотря на его очевидную вредоносную тенденцию, было результатом волнения, вызванного легкими, которое было критическим по отношению к самой болезни; и это согласуется со всеми причинами, о которых мы до сих пор знаем. Вредные и даже зловонные туманы проникали в органы дыхания, а поскольку кровь при этом настолько страдала по своему составу и жизнеспособности, что ее испорченное состояние можно было устранить только обильным потоотделением, неизбежным следствием этого было вмешательство в обширные функции восьмой пары нервов, которое, как рассказывают более поздние авторы, во многих случаях распространялось на спинной мозг и вызывало сильные конвульсии[53]. Здесь мы имеем только одну существенную причину из многих причин этой гигантской болезни, и только одна из них объясняет ее развитие и распространение. По изложенным причинам и в соответствии со всем человеческим опытом весьма вероятно, что она впервые вспыхнула в армии Генриха VII, и, вне всякого сомнения, распространилась с запада на восток, а затем ретроградным путем с востока на запад. При совершенно одинаковом действии предрасполагающих причин, от которых болезнь, несомненно, должна была бы распространиться по всей Англии в одно и то же время, если бы состояние атмосферы было единственным ее поводом, мы должны дополнительно предположить особую причину ее распространения по городам и деревням. По всей видимости, она заключалась в воздухе, пропитанном дурманящими запахами, который окружал больных, а также в палатках и жилищах, в которых тесно сгрудились солдаты Генриха VII после различных лишений и тяжелой службы, под бурями и дождями. Современные наблюдения дают аналогичные примеры обеих причин. Перемежающиеся лихорадки легче распространяются в воздухе, загрязненном больными людьми, и группы солдат, которые сами были совершенно здоровы, нередко переносили лагерную лихорадку в отдаленные места. Очень мало значит, какими выражениями в школах обозначаются эти случаи; лучше, пожалуй, вообще воздержаться от них, поскольку все они неадекватны и вызывают неверные представления. Современники, однако, были, безусловно, правы, не принимая понятие "зараза" в том же смысле, в каком этот термин применяется к чуме, с которой они были хорошо знакомы[54]. Ведь очень часто

случаи, которые нельзя было объяснить по принципу передачи инфекции от заболевших, происходили среди людей высокого ранга и явно возникали независимо от обычных причин. В этих случаях страх смерти, который повсеместно был предвестником болезни и приводил нервы груди в спазматическое возбуждение, давал толчок болезни, к которой качество атмосферы и роскошь уже давно готовили. Если бы эта точка зрения современников была еще менее беспристрастной, чем на самом деле, она нашла бы самое яркое подтверждение во внезапном прекращении моровой язвы по всей стране. Ибо губительные духи воздуха, которые не смогли бы разглядеть даже гордые натуралисты XIX века, рассеялись и исчезли на полвека в ярости бури, разразившейся 1 января 1486 года.

ГЛАВА II.
ВТОРОЕ ПОСЕЩЕНИЕ БОЛЕЗНИ.- 1506 ГОД.

"Времена были суровые, полные мутаций и редких происшествий" - Бэкон.

Раздел 1. Наемные войска.

В начале шестнадцатого века общество было устроено совсем не так, как в тот период, когда Генрих VII развернул свое победное знамя. Тьма средневековья отступила, как при приближении солнца, все еще скрытого за тучами. Разум бессознательно расширялся в нежданном свете дня - вся земля была накануне обновления, новые силы должны были быть призваны к действию - никогда не происходило событий более грандиозных, и никогда более творческие идеи не пробуждали дух человека. Изобретение Гутенберга разорвало оковы умственного мрака и дало свободе мысли нетленные крылья; невиданные силы сменяли друг друга; и хотя в Западной Европе возникло горячее желание смело перешагнуть древние пределы человеческой деятельности, надежды более просвещенных людей далеко не соответствовали реальным результатам столь неожиданных событий. Открытие Нового Света и кругосветное плавание по Африке заложили основу для великих усовершенствований; однако события в Центральной Европе, хотя и не столь поразительные для современников, по своим последствиям были бесконечно более важными и благотворными. Установление гражданского порядка среди всех народов Запада произошло в этот период, который является столь важной границей между средневековьем и современностью. Королевская власть была поставлена на прочную основу, и когда замки пали перед артиллерией князей и имперских городов, а мелкие феодальные бароны были вынуждены присягнуть в повиновении законам, был положен конец непрекращающейся хищнической вражде, которая так долго опустошала Европу, а за установлением внутреннего мира последовала безопасность жизни и собственности - первое условие утонченности нравов и свободного развития человеческого общества.

Этот великий результат стечения обстоятельств, однако, не был достигнут без жестокой борьбы и нововведений, последствия которых ощущались на протяжении веков; но, вероятно, именно *создание постоянных армий* оказало наибольшее влияние на европейскую цивилизацию. Они действительно стали опорой гражданского порядка, но, возникнув непосредственно из пагубной системы наемничества, они долго питали семена безудержного разврата и передали последующим поколениям разврат средневековья.

Ланскнехты[55] императора и наемники королей Франции и Англии, которые во время войны присоединились к небольшим частям постоянной армии, были бездомными авантюристами из всех стран Европы, и их привлекали не военные амбиции, а исключительно перспектива добычи[56]. В какой бы стране ни бил барабан к оружию, они слетались вместе, как стаи саранчи - никто не знал, откуда, - и, пренебрегая слабыми ограничениями военной дисциплины, предавались, пока длилась война, всем разнузданным вольностям хищнической жизни.

Отсюда беспредельное варварство их способа ведения войны, которое сдерживалось лишь индивидуальными усилиями более гуманных командиров. Однако между этой системой и моральным состоянием народов Западной Европы существовало явное несоответствие: это несоответствие так и не было полностью устранено последующим введением более строгой военной дисциплины и устранено только в наше время, благодаря созданию регулярных армий по системе, более соответствующей чувствам людей. Поэтому последствия были еще более пагубными, поскольку, когда армии распускались по заключении мира, ландскнехты разбегались во все стороны, не для того, чтобы снова идти за плугом или возвращаться к прежним занятиям, а чтобы проводить время в праздности и рассеянности, если обогащались за счет добычи, а если доходили до нищеты из-за невоздержанности и азартных игр, то промышляли в стране как нищие или разбойники, пока новая война снова не вызывала их из этого бесчестного образа жизни[57]. Вероятно, лишь немногие смогли подняться из столь глубокой деградации, и многие рано пали жертвами своих пороков[58], в то время как зараза их примера приводила в легионы наемников новые пополнения из каждого города и деревни.

Раздел 2. Новые обстоятельства.

Очевидно, что при таком положении дел эффект, который чума произвела на гражданское общество, должен был отличаться от того, что было в прежние времена. Пагубные влияния, которые в средние века ставили под угрозу здоровье жителей городов и часто превращали незначительные по своей природе расстройства в злокачественные, были навсегда устранены. В частности, под этим названием можно упомянуть непродуманную конструкцию домов и улиц, которая и по сей день в больших городах разрушает комфорт жителей целых районов, причем не только самых бедных. По мере того как люди обретали уверенность в надежности мира, отпала необходимость защищать каждый провинциальный город укреплениями. Стены были снесены, застойные рвы засыпаны, а поскольку люди больше не ограничивались узким пространством, они строили более удобные дома на просторных улицах; темные переулки и сырые подземные жилища постепенно были заброшены, и более комфортный образ жизни вытеснил прежние страдания. Таким образом, смертность была значительно снижена, а сила эпидемий сдержана; не приходится сомневаться и в том, что более четкое соблюдение законов в значительной степени устранило разрыв социальных связей во время чумы, а также последствия суеверий и религиозной вражды, которые раньше были столь страшны. Однако эти неоценимые национальные улучшения происходили постепенно, и на некоторое время их замедлило новое зло - наемничество. Ибо как зародыши порока разбрасывались во все стороны странствующими ланскенцами, так и зараза пагубных болезней легче проникала в города и деревни через посредство этого беспутного и широко распространенного сословия людей. Ланскенцы XVI века, как распространители заразы, заменили прежних римских паломников и флагеллантов; они оказались даже более постоянным бичом, чем те странники средневековья, которые появлялись только в чрезвычайных случаях. Здесь стоит только вспомнить о

злокачественных и сверх меры шумных люэсах, которые в конце XV века с быстротой молнии распространились по всей Европе. Это был не завоз от невинных жителей Нового Света, не размножение от жестокого обращения с маррани[59], жертвами испанской инквизиции. Это была наемная армия Карла VIII в Неаполе (1495), чьи излишества придали уже существующему яду неведомую до тех пор злобу и подготовили для глубоко укоренившегося разврата бич, от которого весь мир содрогнулся от ужаса. Кроме того, здесь уместно заметить, что в больших армиях, которые новая военная система вывела на поле боя, обычные лагерные болезни, к которым добавилась еще одна очень смертельная[60], конечно, распространялись гораздо шире, чем в менее многочисленных войсках предыдущих веков, и, следовательно, мирные жители городов и страны в целом подвергались таким образом большой опасности.

Раздел. 3.- Потливая болезнь.

В это время Европу часто и очень жестоко посещали эпидемии средневековья, и ужасы постоянно повторяющейся чумы переносились с мрачным смирением с неизбежным злом, которым, как заслуженным наказанием, гнев Божий, согласно представлениям того времени, поражал род человеческий. Даже англичане не избежали этого страшного удара, который в 1499 году унес 30 000 человек в одном только Лондоне, так что король счел целесообразным удалиться со всем своим двором в Кале[61]. Таким образом, воспоминания о потливой болезни 1485 года постепенно стирались. Никто не думал о ее возможном возвращении, и весь мир был занят другими делами, когда летом 1506 года старый враг неожиданно снова поднял голову и сбил это комфортное состояние ложной безопасности. Возобновление эпидемии в этот раз не было связано с каким-либо важным событием, так что современники даже не назвали месяц, в котором она начала бушевать. Ближе к осени она снова исчезла, а поскольку к болезни не прибавилось никаких новых симптомов, форма которых была определена по старым описаниям, ее немедленно стали лечить теми же средствами, эффективность которых с таким основанием восхваляли те, кто был свидетелем эпидемии 1485 года[62]. Как и в те времена, избегалось любое воздействие тепла или холода, и злокачественная лихорадка была предоставлена целительным силам природы: пациента держали в умеренно теплой постели и не применяли никаких сильнодействующих лекарств. Результат превзошел все ожидания: лишь в нескольких домах наблюдались смертельные случаи. Победа над этим страшным врагом теперь, по простительной ошибке, приписывалась скорее человеческому мастерству, чем мягкости болезни, которая, даже при менее разумном обращении с больными, несомненно, не отличалась бы значительной степенью тяжести.

Болезнь вспыхнула в Лондоне, но проникла ли она на запад или нет, современные авторы, вскоре убедившись в ее легком характере, не оставили нам никаких сведений. Как бы широко она ни распространилась, она, безусловно, ограничилась Англией и нигде не вызвала большой смертности.

Раздел. 4.- Сопутствующие явления.

Поскольку эпидемия в этот раз была очень слабой, в Англии она не сопровождалась никакими примечательными явлениями, но в остальной Европе дело обстояло иначе, о чем свидетельствуют следующие подробности. После влажного лета в 1505 году наступила суровая зима[63]. Кометы наблюдались как в этом, так и в следующем году. В 1506 году также произошло извержение Везувия[64], о котором можно упомянуть, хотя хорошо известно, что вулканические извержения следует принимать во внимание только при сильных морах, а не при менее обширных эпидемиях. В Англии с 15 по 26 января 1506 года с юго-запада дул

сильный шторм, который пригнал короля Кастилии Филиппа Австрийского с его супругой Иоганной из Нидерландов в Уэймут; а поскольку за несколько дней до этого золотой орел, упавший с церкви Святого Павла в Лондоне, раздавил черного орла, украшавшего какое-то нижнее здание, в народе распространялись дурные предсказания относительно судьбы этого сына императора[65]. Это событие, однако, нельзя считать связанным с мором, который разразился в через полгода после этого. Больше внимания следует уделить мраку и тревоге, которые в то время угнетали дух английской нации. Безрассудная скупость Генриха VII, прозванного английским Соломоном[66], давала основания для сомнений в сохранности имущества; а благочестивые устои - эти привычные средства смягчения страшного гнева небес, которые король, постепенно все больше и больше разрушавшийся от болезней, создавал, - не могли изгладить воспоминаний о произволе и поборах его продажных слуг[67]. Хотя эти поборы в основном затрагивали богатых дворян, которые очень нуждались в сдерживании, тем не менее мрачное недоверие было всеобщим, и всякая жизнерадостность была изгнана из умов народа. Такое состояние могло благоприятствовать распространению возвращающейся болезни, но гений 1506 года не допустил бы, чтобы это было не более чем легким и преходящим воспоминанием о мистически скрытой опасности, значение которой не было очевидно ни для одного медицинского исследователя XVI века.

Раздел 5. Петехиальная лихорадка в Италии, 1505 год.

Таким образом, если бы мы, как обычно, обращали внимание только на ощутимые явления, происходящие на земле и под ее поверхностью, то потливая болезнь вышеупомянутого года могла бы показаться не связанной с более значительными потрясениями органической жизни. Однако силы природы в своих действиях слишком тонки, чтобы их могли постичь наши тупые чувства и грубый механизм наших органов; но именно в то время, когда ни одно, ни другое не указывает на какие-либо изменения вокруг нас, эти действия высвечивают самые необычные явления в человеческом каркасе - этом наиболее чувствительном указателе тайных влияний на жизнь. Это наблюдение полностью подтвердилось во время первого возвращения потливой лихорадки. Пока эта болезнь оставалась в Англии, в южных и центральных частях Европы появилась новая смертельная эпидемия, которая впоследствии почти постоянно посещала эти страны с сильной злобой. Это была петехиальная лихорадка, болезнь, неизвестная старым врачам, которая впервые была замечена в 1490 году в Гранаде, где она угрожала уничтожить армию Фердинанда Католика и произвела большой хаос среди сарацин[68]. Ей непосредственно предшествовала бубонная чума (1483, 1485, 1486, 1488, 1489 и 1490 годы[69]), и можно с большой долей вероятности предположить, что петехиальная лихорадка возникла на ее основе как особая разновидность, поскольку в других странах пятнадцать лет спустя бубонная чума также вырождалась различными способами, И нет недостатка в примерах, когда отдельные формы или составные части больших эпидемий таким образом ответвляются от них, точно так же, как при благоприятных обстоятельствах они соединяются вместе и, объединившись в одно разрушительное целое, умножают источники опасности.

Однако некоторые современники считали, что петехиальная лихорадка была завезена в Гранаду[70] венецианскими наемниками с Кипра, где они сражались с турками и где, как утверждалось, это заболевание было исконным. Несмотря на некоторые уже существующие хорошие работы[71], этот вопрос нуждается в более тщательном изучении, которое могло бы выявить важные и поучительные результаты в отношении возникновения и распространения петехиальной лихорадки, и особенно в отношении ее связи с другими чумами. Что бы ни говорили об истинном происхождении этой лихорадки, установлено, что вначале она была самостоятельной европейской болезнью, а затем, в самом начале, охватив южную часть

этой четверти мира, оказалась связанной, столь же необычным образом, сколь и достойным наблюдения, с потливой болезнью севера; Поскольку почти одновременное возникновение потливой лихорадки в Англии и великой эпидемии петехиальной лихорадки в 1505 году может быть справедливо приписано влиянию, общему для обеих болезней, хотя, несомненно, более сильному в последней.

Эпидемическая петехиальная лихорадка, о которой мы сейчас говорим, преобладала в основном в Италии и описана Фракасторо как первая чума такого рода, которая когда-либо появлялась в этой стране. Эта новая болезнь[72], которую этот великий врач отнес к среднему типу между бубонной чумой и непестицидной лихорадкой, с самого начала проявила себя как заразная; однако было ясно видно, что заражение происходит не так быстро, как при бубонной чуме, что оно не передается так легко через одежду и другие предметы, и что врачи и обслуживающий персонал больных были единственными людьми, подвергавшимися большой опасности заражения. Лихорадка начиналась коварно и с очень слабыми симптомами, так что больные в целом не обращались за медицинской помощью. Многие люди, в том числе и врачи, обманывали себя этим обстоятельством и, не осознавая опасности, надеялись на легкое излечение, и были несказанно удивлены внезапным развитием злокачественных явлений. Жар был незначительным, пропорциональным лихорадке, однако больные ощущали внутреннее недомогание, общее угнетение всех жизненных сил и усталость, как после больших нагрузок. Они лежали на спине с угнетенным мозгом, их чувства были притуплены, и в большинстве случаев бред и мрачное бормотание, с налитыми кровью глазами, начинались с четвертого по седьмой день. Моча вначале обычно была прозрачной и обильной, затем становилась красной и мутной или напоминала гранатовое вино (granatwein), пульс был медленным и малым, испражнения гнилостными и неприятными, а на четвертый или седьмой день на руках, спине и груди появлялись красные или фиолетовые пятна, похожие на укусы блох, или более крупные, напоминающие чечевицу (lenticulæ), которые также дали название этому расстройству. Жажда либо отсутствовала вовсе, либо была очень слабой; язык был загрублен, и во многих случаях наступало летаргическое состояние. Другие, напротив, страдали от бессонницы или от обоих этих симптомов попеременно. Болезнь достигала своего апогея на седьмой или четырнадцатый день, а в некоторых случаях и позже. У многих наблюдалась задержка мочи с очень неблагоприятным прогнозом. Женщины умирали от этой лихорадки редко, пожилые люди - еще реже, а евреи - почти никогда. Молодые люди и дети умирали в огромном количестве, особенно из высших сословий, в то время как чума, напротив, обычно совершала свои опустошительные действия только среди бедных слоев населения. Неумеренная потеря сил в начале болезни предвещала смерть, как и слишком бурный эффект от мягких аперитивных средств, и неспособность облегчить состояние после полного кризиса. Умирали пациенты, у которых из носа вытекало до трех фунтов крови. Также очень плохим признаком было, если пятна исчезали или появлялись с опозданием, или имели черно-синий цвет. Явления противоположного характера, напротив, давали надежду на выздоровление.

Лучшие врачи сходились во мнении о важности питекантропов как показателя природы кризиса; те случаи, когда они были обильными и качественными, излечивались гораздо легче, чем те, в которых высыпания были подавлены. Обильное потоотделение также особенно способствовало выздоровлению, в то время как все другие эвакуации, особенно потоки из кишечника, оказывались вредными и даже смертельными.

Если иметь в виду эти явления и учитывать, кроме того, что при широко распространенной в те времена lues venerea кожные высыпания преобладали над другими симптомами, то английская потливая болезнь на севере Европы покажется в связи с этим обстоятельством

очень важной; и предположение, что болезненная активность системы в течение всей этой эпохи поддерживала решительное воздействие на кожу, может быть справедливо рассмотрено как нечто большее, чем просто предположение.

Этот факт говорит сам за себя, но причины этого измененного темперамента тела обнаружить не так-то просто. Фракасторо, который гораздо лучше своих современных последователей знал, как управлять своей прозорливой доктриной заражения, искал эти причины в качестве воздуха, которое проявилось гораздо более очевидными явлениями в эпидемической петехиальной лихорадке 1528 года, чем в 1505 году, и он проследил активную связь между этим качеством, которое он назвал "инфекцией атмосферы"[73], и состоянием крови; таким образом он обозначил неизвестные влияния с помощью неясного понятия. Он рассматривал измененное качество крови в соответствии с устоявшимися взглядами того времени, которые петехиальная пятнистая лихорадка, казалось, ясно подтверждала, как гниение; и он даже предположил, что в неэпидемических петехиальных лихорадках, которые, начиная с 1505 года, часто случались, отдельные причины должны были вызвать изменения в крови, а также то качество воздуха, которому этот великий врач приписывал общие и продолжительные изменения, происходящие в природе болезней.

Петехиальная лихорадка произвела на итальянских врачей такое же впечатление, какое когда-либо производили новые заболевания; хотя они были лучшими в Европе, их взгляд был ограничен горизонтом Галена, в пределах которого нельзя было обнаружить новое явление. Поэтому вскоре они оказались в недоумении и, пытаясь задобрить страшного врага схоластическими доктринами о сытости, язвительности и оккультных свойствах, прибегая то к одному средству, то к другому, подвергали себя насмешкам народа, который вскоре понял их несогласие и нерешительность и, как обычно, возложил на всю медицинскую профессию заслуженную вину отдельных людей[74].

Раздел 6. Другие болезни.

Примерно в тот же период, в октябре 1505 года, в Лиссабоне разразилась очень смертельная болезнь, дальнейшее развитие которой было отмечено ужасом, бегством и смятением жителей[75]. Какого рода она была, петехиальная лихорадка или бубонная чума, и как она была связана с чумой в Испании, которая незадолго до нее разразилась, сейчас, пожалуй, трудно установить. Этот мор распространился из Севильи после землетрясения и сильных штормов с ветром и дождем в 1504 году и, вполне вероятно, был чумой бубонов. Аналогичные сообщения о моровой язве встречаются в этой стране в 1506 году, в год английской потливой болезни, в 1507 и 1508 годах, в эти годы упоминаются стаи саранчи в окрестностях Севильи, и, наконец, в 1510 году, в год большого гриппа[76], и в 1515 году. Точные описания этих заболеваний, однако, полностью отсутствуют[77].

Со всеми вышеперечисленными явлениями эпидемии, имевшие место в Германии и Франции в начале XVI века, очевидно, образуют единое целое. Различные по интенсивности и масштабам, они продолжались без перерыва в течение целых пяти лет и, кроме того, сопровождались необычными обстоятельствами, какие бывают только во время сильных моров. Век начался с появления кометы[78], которая, казалось, подтвердила давно лелеемую веру в то, что появление этих небесных тел предвещает зло. Ведь люди привыкли считать, что явления, происходящие одновременно, должны иметь какую-то внутреннюю связь, и приводили множество примеров, когда великие моры, поражавшие весь мир, либо предшествовали, либо сопровождались появлением комет[79]. Сразу же после этого случился сильный мор среди скота, который, возможно, был вызван каким-то вредным

качеством пищи. Сразу же возникло мнение, что пастбища отравлены, и в этом была такая твердая уверенность, что против предполагаемых отравителей вспыхнуло жесточайшее негодование, как в старину во времена Черной смерти, а в окрестностях Мейсена некоторые "böse Buben" (злые рыцари), попавшие под подозрение, были действительно казнены[80].

Очень сильное заболевание гусениц, которое на севере Германии лишило листву садов и лесов, заслуживает упоминания как явление, относящееся к низшим классам животного царства[81]. Естественная история показала, что подобные явления ни в коем случае не вызваны новыми и удивительными влияниями, а скорее необычными сочетаниями обстоятельств, которые, как кажется, почти случайно складываются в определенное время; особенно это касается одновременного соединения тепла и влажности в атмосфере, благодаря чему то один, то другой низший класс животных становится необычайно развитым. Именно по этой причине необычные явления в мире насекомых, будь то появление или исчезновение отдельных видов, происходят гораздо чаще, когда порядок смены сезонов и состояние атмосферы в большей степени, чем обычно, и более постоянно нарушены; и поэтому эти явления с большим основанием всегда считались предвестниками моровой язвы, когда человеческий организм по атмосферным причинам становился в целом восприимчивым к болезням. Стаи саранчи появлялись до и во время большинства больших моров, и действительно, для обильного размножения этого насекомого, по крайней мере в Европе, требуется самое необычное сочетание причин.

Раздел 7. Кровавые пятна.

Реже встречаются, но не менее важны с точки зрения общих тенденций жизни *роскошные разрастания мельчайших криптогамных растений в воде и на влажных предметах всех видов*, которые своими пятнами различных форм и цветов вызывали величайший ужас как до, так и во время сильных моров, и возбуждали суеверный страх, представляясь чем-то чудесным. Эти пятна (signacula), и особенно *пятна крови*, были замечены в очень ранний период, как, например, во время великой всеобщей чумы в шестом веке[82], а также во время чумы 786[83] и 959 годов, когда, как говорят, было замечено, что те, на чьей одежде они часто появлялись и, казалось, придавали ей особый запах, были более других подвержены нападению проказы, в связи с чем это пятно неосмотрительно назвали проказой одежды[84], (Lepra vestium;), не говоря уже о других примерах[85], когда чума, поражающая человеческий род, не проходила. Те же знамения в 1500-1503 годах приводили верующих в большое смятение, поскольку, как и в прежние времена, им чудилось, что они узнают в них форму креста[86]. Явление по этому случаю распространилось по всей Германии и Франции, а по своим масштабам и продолжительности может быть отнесено к числу наиболее примечательных в этом роде. Пятна были разных цветов, в основном красные, а также белые, желтые, серые и черные, и появлялись, часто за очень короткое время, на крышах домов, на одежде, на вуалях и шейных платках женщин, на различной домашней утвари, на мясе в кладовках и т. д. Один историк, который также говорит о кровавом дожде[87], рассказывает, что от него нельзя было избавиться менее чем за десять или двенадцать дней, и что он часто появлялся в закрытых сундуках, на белье и одежде[88]. От исследований натуралистов того времени не стоит ожидать много информации, но нет сомнений, что описанное было одним или несколькими видами плесени[89], поскольку все явление явно соответствует современным наблюдениям[90]. Ученые врачи XVI века, среди которых особенно следует отметить натуралиста Джорджа Агриколу, родившегося в 1494 году и умершего в 1555-м, уже тогда признавали эти пятна лишайниками и, не пытаясь объяснить их сверхъестественными силами и не придавая значения народному суеверию, давали им справедливое толкование как признакам обширного заболевания[91]. Следует ли

считать слишком смелым представление Nees v. Esenbeck, что грибки самых мельчайших форм берут свое начало в высших областях неба и, спускаясь на поверхность земли, производят пятна и разводы, подтвердится, чего пока не происходит, эти "signacula" будут иметь гораздо более важную связь с эпидемиями, чем можно допустить в противном случае; Ибо, хотя и весьма вероятно, что их происхождение связано лишь с распространением микробов в нижних слоях атмосферы, все же следует признать, что если они появляются на значительном пространстве и в течение долгого времени, как в начале XVI века, то причины, способствующие их возникновению и распространению, должны быть причислены к числу чрезвычайных, и именно поэтому они могут оказывать влияние на человеческий организм, как это было очевидно в то время.

Уже в плодотворном 1503 году чума, которая уже частично появилась, сильно прогрессировала, а Францию, в частности, посетил такой смертельный мор, что жители городов и деревень, чтобы спастись от заразы, бежали в леса, и даже домашние собаки стали дикими, чего никогда не случается, если страна не обезлюдела[92]. Они были вынуждены устраивать большие охоты, чтобы освободить страну от этих новых хищных зверей, а также от волков, которые появлялись в огромных количествах[93]. Сухая и продолжительная жара следующего, 1504 года, вызвала еще большее количество болезней и неурожай, а чума бубона свирепствовала в Германии с такой силой, что в некоторых местах погибла третья часть, а в других - до половины жителей. Различные виды лихорадок сопровождали эту всепоглощающую болезнь, среди которых была одна, отличавшаяся головной болью и хрипотой, похожая на ту, что появилась во Франции в 1482 году[94]. Различные гнилостные лихорадки и гнилостные воспаления легких с кровянистыми выделениями также не менее отчетливо видны из рассказов[95]. Эта разнообразная и всеобщая болезнь, охватившая всю Германию, закончилась холодной зимой 1504-5 годов и следующим летом, в течение которого продолжался мор среди скота. Несомненно, что в это время петехиальная лихорадка в Италии еще не перевалила за Альпы.

На основании всех этих фактов можно предположить, что потливая болезнь, посетившая Англию в 1506 году, хотя и не сопровождалась в этой стране никакими выдающимися обстоятельствами, была не без связи с болезненной суматохой людей и животных на юге и в центре Европы и, возможно, рассматривается как последнее слабое усилие таинственных агентств в области организованного бытия.

ГЛАВА III.
ТРЕТЬЕ ПОСЕЩЕНИЕ БОЛЕЗНИ.- 1517 ГОД.

"Этот ученый лорд, этот лорд остроумия и искусства,

Этот метафизический лорд, держит Гласис,

сквозь который мы можем видеть во всех частях

Этот буйный принц" - Хауэлл[96].

Раздел 1. Бедность.

Постановления Генриха VII, которые, хотя и соответствовали времени, были тяжелы для народа, вскоре принесли свои плоды. Великие люди сократили число своих слуг, а поскольку, кроме того, многие крестьяне были лишены работы из-за превращения больших участков пахотной земли в пастбища[97], население городов увеличилось даже до избытка, и последующая активность торговли постепенно сделала города процветающими. Но эти изменения происходили слишком быстро. Богатство и роскошь порождали, правда, многочисленные потребности, которые служили источником наживы, так что англичане в это время считались роскошными и женоподобными[98], но в целом ощущалась нехватка рабочих и художников, и поэтому случилось так, что из Генуи, Ломбардии, Франции, Германии и Голландии иммигрировало бесчисленное количество иностранцев, которые заняли самые прибыльные отрасли занятости. Это особенно тяготило туземцев, которые из-за своего несовершенного знания искусств не могли конкурировать с более искусными иностранцами и, кроме того, относились к ним с наглостью и презрением. Бедствия бедняков, таким образом, увеличивались с каждым годом, и в конце концов их возмущение вырвалось наружу. По всему Лондону вспыхнуло большое восстание английских ремесленников, которое могло бы оказаться губительным для иностранцев, если бы дела шли менее организованно. Однако народное волнение было подавлено без особых жертв, и Генрих VIII в торжественный день, назначенный в Вестминстере для вынесения приговора заключенным, помиловал их; он понял причины их недовольства и очень скоро после этого издал ограничительные законы об иностранцах[99].

Раздел 2. Болезнь потения.

Все это происходило в апреле и мае памятного 1517 года, и Лондон снова предавался надеждам на лучшие времена, когда в июле потливая болезнь вновь вспыхнула совершенно неожиданно и, несмотря на весь прежний опыт и самое пристальное внимание, неумолимо требовала своих жертв. В этот раз она была настолько сильной и стремительной, что уносила тех, кто подвергался нападению, за два-три часа, так что первый приступ дрожи считался предвестием верной смерти. При этом не было никаких предвестников. Многие, кто в полдень был в добром здравии, к вечеру оказывались в числе умерших, и, таким образом, эта новая опасность вызывала такой сильный страх, какой никогда не испытывали во время самых внезапных разрушительных эпидемий: ведь мысль о том, что тебя лишат возможности наслаждаться жизнью без всякой подготовки, без надежды на выздоровление, ужасает даже самых смелых и вызывает тайный трепет и страдание. Среди низших слоев населения число погибших было бесчисленным[100]. Кроме того, город был переполнен бедняками; но даже ряды высших классов поредели, и никакие меры предосторожности не предотвращали смерти в их дворцах. Аммоний из Лукки, ученый, пользовавшийся известностью, и в этом качестве личный секретарь короля, был прерван в расцвете лет, после того как за несколько часов до смерти похвастался сэру Томасу Мору, что благодаря умеренности и правильному управлению он уберег от болезни и себя, и свою семью[101]. Также из тех, кто находился непосредственно рядом с королем, были унесены лорды Грей и Клинтон, а также многие рыцари, офицеры и придворные. Скорбь вытеснила веселье и блеск праздников, и король, пребывая в жалком одиночестве, в которое он удалился с немногими приближенными, получал из разных городов и деревень сообщение за сообщением, что в одних треть, в других даже половина жителей уничтожены мором. Никогда прежде она не свирепствовала с такой смертоносностью. Никогда еще умы людей не были так страшно потрясены. Праздник Михельмаса (29 сентября), который в Англии всегда отмечался с большой религиозной пышностью, был отложен; не соблюдалась и торжественность Рождества, поскольку из-за

заразы опасались собирать большие собрания людей[102]; И как раз в это время, когда потливая болезнь отступила, началась чума, по рассказам некоторых историков, которая, хотя, вероятно, и не была очень сильной, продержалась всю зиму в большинстве английских городов и продолжала поддерживать бедственное положение народа. Король по этому случаю также покинул свою столицу и в сопровождении нескольких приближенных отступил перед заразой, часто переставляя свой двор с места на место. Именно в этот период (11 февраля 1518 года) родилась принцесса Мария, впоследствии королева[103].

Таким образом, потливая болезнь продолжалась целых шесть месяцев, достигла наибольшего размаха[104] примерно через шесть недель после своего появления и, вероятно, распространилась из Лондона по всей Англии. В Оксфорде и Кембридже она бушевала с не меньшей силой, чем в столице. Большинство жителей этих мест в течение нескольких дней были прикованы к постели, а науки, которые тогда процветали, ибо никогда не культивировались в Англии так ревностно, как в то время, понесли тяжелые потери из-за смерти многих способных и выдающихся ученых[105]. Шотландия, Ирландия и все другие страны за морем были пощажены по этому случаю. Только соседний город Кале был охвачен мором[106]; и, согласно более поздним наблюдениям, можно считать несомненным, что пострадали только англичане, проживавшие там, а не французские жители, поскольку также установлено, что остальная Франция оставалась свободной от этой болезни. Если бы это было не так, современные авторы, несомненно, не преминули бы упомянуть о столь важном событии.

Раздел. 3.- Причины.

Влияния, которые привели к третьему приступу беспорядка среди английской нации, неясны и не совсем соответствуют тем, что были в 1485 и 1506 годах. Так, особенно примечательно, что по этому случаю нет никаких прямых упоминаний о влажности, которая сыграла столь решающую роль в возникновении двух предыдущих визитов потливой болезни, а 1517 год был в большинстве своем обычным. Английские хроники не сообщают ничего примечательного на этот счет, а из немецких мы узнаем лишь, что зима 1516 года была очень мягкой, а за ней последовало плодотворное лето с обильным урожаем винограда[107] и холодная зима. Лето 1517 года было неурожайным, хотя и не из-за влажной погоды, так что в некоторых частях, особенно в Швабии, были сделаны запасы на случай нехватки[108]. В 1516 году появилась большая комета[109], а в 1517 году в Тюбингене, Нёрдлингене и Кальве во время сильной бури произошло землетрясение, после чего "Haupt Krankheit"[110] (энцефалит), сопровождаемый лихорадкой, стал более распространенным, хотя и не очень смертельным[111]. Это явление (землетрясение) было отнюдь не маловажным[112] по своим последствиям, и есть основания предполагать, что за ним последовали подземные толчки еще большего масштаба, поскольку землетрясения происходили и в Испании[113]. Поскольку дата этого события указана как 16 июня, а землетрясения, происходящие в необычных местах, то есть не в вулканических районах, часто упоминаются как предсказания больших болезней, хотя в вулканических районах они, очевидно, не предвещают ничего подобного, мы можем, следовательно, с некоторым основанием предположить теллурическое влияние, которое, возможно, достигло места эпидемии, вспыхнувшей в начале июля, если не раньше. Кроме того, мы не можем найти более значительного явления, которое, по человеческим представлениям, могло бы иметь более непосредственную связь с английской потливой болезнью; и в этом случае самое осторожное расследование не проникает сквозь плотную завесу, окутывающую непостижимые причины эпидемий.

Раздел. 4.- Привычки англичан.

В том, что помимо особенностей конституции, которую Англия прививает своим жителям, предрасполагающие причины потливой болезни кроются в привычках англичан того времени, никто не может сомневаться. Ограничение распространения моровой язвы Англией ясно указывает на это. Ни один корабль не занес ее к французам или голландцам, которые дышали гораздо более влажной атмосферой; и все же сношения между английскими морскими портами и этими соседними народами были очень частыми. В невоздержанности, которая чаще всего закладывает основу для беспорядков, в это время обвиняли как высших, так и низших чиновников. Этот порок англичан был широко известен в других странах[114]. Плотское мясо, сильно приправленное специями, употреблялось в избытке; шумные ночные пирушки стали обычным делом; кроме того, было принято пить крепкое вино[115] сразу после подъема утром. Сидр, который в некоторых районах, например в Девоншире, является обычным напитком[116], даже в те времена считался медиками вредным, поскольку было замечено, что его употребление вызывает слабость с бледностью и лишает молодости обоих полов[117]. Можно было бы привести и другие подобные факты, касающиеся образа жизни того времени, из которых следует, что из-за полного отсутствия утонченности в питании в английской кулинарии использовалось много неподходящего, и это нанесло большой вред конституции. Садоводство, которое французы уже довели до состояния значительного улучшения[118], в Англии все еще находилось в зачаточном состоянии. Говорят даже, что королева Екатерина привезла из Голландии горшечные травы для приготовления салатов, поскольку в Англии их было не достать[119]. Допустим, что этот рассказ не совсем верен, поскольку допускает и другие объяснения, но все же он сам по себе доказывает то, что мы хотим здесь утверждать, и оставляет нам возможность делать из него выводы, выходящие за рамки простого факта нехватки кулинарных овощей. Гораздо более важным, однако, с точки зрения нашей темы, был обычай носить неумеренно теплую одежду, о котором у нас есть свидетельства, заслуживающие доверия. С юных лет голову покрывали толстыми шапками, чтобы защитить ее от любого холода и от малейшего сквозняка воздуха; а поскольку в результате этой вредной практики мозг подвергался постоянному приливу крови и вызывалась нежность кожи, среди англичан в этом веке не было более частого заболевания, чем катар[120], который постоянно воспроизводился расслабляющим дыханием и согревающими лекарствами. Если этот недуг сочетается со скорбутическими привычками, или если он постигает людей развратного образа жизни, чьи сосуды содержат неправильно приготовленную пищу, сохраняющая жизненная сила ищет выхода через расслабленную кожу, и то, что само по себе является необходимым и облегчающим возбуждением этой ткани, превращается в болезнь; Полезное выделение превращается в колликвационный дренаж, который насильно уносит с собой необычные животные вещества, которые не должны уходить через такой выход, и тело поддается атаке, к которой оно было так долго предрасположено. Если рассматривать это ослабленное состояние кожи как общую жалобу в Англии, принимая во внимание пагубное влияние горячих ванн[121], которые были очень распространены, и потогонных лекарств, применяемых при большинстве расстройств; Если принять во внимание редкое использование мыла в то время и высокую цену льна, а также крайнюю нищету низших классов, которая почти всегда порождает мор, совершенно жалкое состояние и поистине скифскую грязь английских жилищ[122], и, наконец, многолюдность Лондона в 1517 году, мы, насколько может проникнуть человеческое исследование, найдем происхождение потливой болезни именно в этом году объяснимым из причин, которые, как давно известно, способны производить подобные эффекты. Кое-что остается за кадром, о чем речь пойдет далее.

Раздел 5. Контагиозность.

Быстрое распространение потливой болезни по всей Англии вплоть до границ Шотландии и до Кале требует теперь более специального рассмотрения. Большинство лихорадок, вызванных общими причинами, как преходящими (эпидемическими), так и постоянными, свойственными данной стране (эндемическими), или сочетанием тех и других, что почти всегда имеет место, а в данном случае, очевидно, имело место, распространяются в течение некоторого времени спонтанно. Выделения пораженных становятся зародышами аналогичного разложения в тех телах, которые их принимают, и производят в них аналогичное поражение внутренних органов; таким образом, просто болезненное явление жизни показывает, что оно обладает фундаментальным свойством всего живого - размножаться в соответствующей почве. В этом нет никаких сомнений - явления, доказывающие это, наблюдались с незапамятных времен, в бесконечном разнообразии обстоятельств, но всегда с неизменным проявлением основного закона. Все народы, начиная с древнейших времен, изобретательно обозначали эти явления, которые, однако, редко отражают общее представление, а обычно лишь своеобразное распространение отдельных болезней. Безусловно, одним из лучших и наиболее изобретательных является то, что передается немецким словом "Ansteckung", "поджигание", которое сравнивает возбуждение болезни в соответствующем организме с воспламенением горючего вещества при помощи огня или с разжиганием пороха искрой. Но как разнообразны эти "Ansteckungen!", от чисто психических, с одной стороны, которые при одном только виде неприятного нервного заболевания - через возбуждение чувств, которое потрясает разум, проникают в нервы, эти каналы его воли и его чувств, и производят такое же расстройство у смотрящего, до тех, с другой стороны, которые распространяют болезни, действующие в основном только на материю, и мало отличимые, если вообще отличимые, от животных ядов. Читатель не должен ожидать здесь всех особенностей доктрины, которая распространяется на всю неизмеримую область жизни. Они четко вытекают из подтвержденного и хорошо применяемого опыта *прошлого* и были изложены людьми[123], которые не забывали, подобно своим современным преемникам, всесторонне рассматривать эпидемические заболевания. Однако позвольте мне напомнить о разнице между инфекционными заболеваниями, которые являются *постоянными* и веками *неизменными*, и теми, которые являются *временными* и *преходящими*. Заражающее вещество первых можно с полным основанием назвать совершенным или неизменным в отличие от несовершенного или изменчивого характера вторых. Первые, образовавшись однажды, будь то в больных людях или в неодушевленных веществах (фомитах), существуют всегда и вызываются к деятельности только теми причинами общей болезни (эпидемическими конституциями), которые благоприятствуют их распространению; и следует заметить, что при всех обстоятельствах и во все времена они возбуждают одни и те же неизменные болезни и, изменяясь только в отдельных разветвлениях или дегенерациях и мягких формах, никогда не теряют своей сущности. Примерами могут служить оспа, чума, корь, а также, если мы можем отнести к ним не лихорадочные заболевания, проказа, чесотка и венерические болезни. Последние, с другой стороны, существуют не всегда, они вызываются из небытия причинами общих болезней или эпидемических конституций и исчезают после исчезновения эпидемических болезней, которыми они были порождены; они также различаются по своему развитию и течению в каждой конкретной эпидемии. Примерами могут служить желтая лихорадка, катар или грипп, нервная и гнилостная лихорадки, а также, среди многих других заболеваний, милиарная лихорадка, болезнь, которая впервые превратилась в национальный мор в XVII веке и которая по виду и способу заражения ближе всего подходит к потливой лихорадке. К этой же категории относится и английская потливая болезнь - заболевание временного характера, которое после своего прекращения не оставляло после

себя никакого инфекционного материала и, следовательно, не могло распространяться подобно тем болезням, которые являются полностью заразными. Животные вещества, которые выделялись вместе с обильным потом и распространяли вокруг больного столь ужасное зловоние, содержали среди своих щелочных солей (вероятно, аммиак в различных сочетаниях) и избытка кислоты фермент болезни; он проникал в легкие прохожих при дыхании и, если они были предрасположены к его получению, как уже говорилось выше, непрерывно его вызывал. Можно считать несомненным, что простого контакта рук было недостаточно для передачи инфекции, и что она распространялась либо в пестицидной атмосфере, окружавшей постели больных, либо выдохами, возникавшими в нечистотах, где не было отдушины для их выхода. Именно поэтому пребывание в общих трактирах и публичных домах считалось опасным[124].

Я не хочу, однако, утверждать, что во время трех эпидемий, с которыми мы познакомились до настоящего момента, распространение потливой лихорадки было вызвано только инфекцией; ведь если общие эпидемические причины были достаточно сильны, чтобы вызвать болезнь без какого-либо ранее существовавшего яда, почему бы им не производить тот же эффект еще более независимо в течение всего периода чумы, поскольку, как это бывает во всех эпидемиях, эти причины, по всей вероятности, продолжали увеличиваться в интенсивности? То, что чума усиливалась при больших скоплениях народа, было известно уже в то время, и понятие о заразности возникало вполне естественно. Однако здесь следует учитывать, что даже без этого представления, а просто при скоплении большого количества людей, в которых прорастала подобная болезнь и уже проявлялись признаки ее приближения, это приближение могло легко ускориться, а болезнь усилиться среди тех, кто был лишь слегка нездоров, за счет взаимного распространения болезненных выделений. Ибо как предрасположенность к какому-либо недугу, являющаяся промежуточным состоянием между этим недугом и предыдущим состоянием хорошего здоровья[125], ясно показывает свойства болезни в тех, на кого она *грозит* напасть, Так что эти выдохи (или эпидемические причины, которые приводят к потливой болезни в первом случае), конечно, отличаются от тех, которые происходят при уже вспыхнувшей потливой болезни, только в несущественных отношениях, и, следовательно, могут стимулировать простое предрасположение к болезни все больше и больше, даже до фактического извержения самой болезни. Однако в то же самое время действовала зараза, которая была губительна даже для людей умеренных и внешне здоровых, более того, даже для иностранцев, которые жили в английской атмосфере и питались английской пищей, что наглядно доказывает пример итальянца Аммония[126].

Во всех эпидемиях, которые усиливаются до такой степени, что становятся заразными, важно различать, какие из этих причин являются более сильными: предрасполагающие или эпидемические причины, которые порождают предрасположенность к болезни, или ближайшие причины, среди которых, в большинстве случаев, заражение играет наиболее важную роль. Предрасполагающие причины были здесь, очевидно, более действенными; зараза не добавлялась, пока болезнь не достигла своего апогея, и хотя она не в малой степени способствовала ее распространению, но всегда оставалась подчиненной другим источникам болезни, и вся материя заразы бесследно исчезала при прекращении расстройства, так что последующие вспышки ее всегда производились возобновлением тех общих причин, которые действуют на земле и под ней. Однако человеческое знание не в состоянии обнаружить существенную основу этого обновления, как и непосредственные причины появления пятен плесени в начале шестнадцатого века или любого другого процесса, который подготавливается и приводится в действие скрытыми силами природы.

Раздел 6. Гриппы.

В XVI веке возникло несколько эпидемий, вызванных причинами, не поддающимися человеческому пониманию. Среди наиболее примечательных - сильная и обширная катаральная лихорадка в 1510 году, которую итальянцы называют инфлюэнцей, признавая таким образом непостижимое влияние, поражающее одновременно множество людей. Она преобладала в основном во Франции, но, вероятно, и в остальной Европе, о чем, однако, не сообщается в отчетах, так как в те времена не особо старались фиксировать особенности эпидемий, которые не имели характера, влияющего на жизнь. Согласно недавнему опыту, мы можем с уверенностью предположить, что эта болезнь зародилась в самых отдаленных уголках Востока. В течение всей зимы , которая была очень холодной, преобладали сильные штормовые ветры, а север и середина Италии сотрясались от частых землетрясений; после этого во Франции последовала такая всеобщая болезнь, что, по заверениям историков, мало кто из жителей избежал ее. Катаральные симптомы, с которых обычно начинаются подобные расстройства, были, по-видимому, отброшены на задний план жестоким ревматизмом и воспалением. Сначала пациентку охватило головокружение и сильная головная боль; затем появилась стреляющая боль в плечах и бедрах. Поясница также была поражена нестерпимо болезненными дротиками, во время которых начиналась воспалительная лихорадка с бредом и сильным возбуждением. У некоторых воспалялись околоушные железы, и даже органы пищеварения участвовали в глубоком недуге, так как у больных, наряду с постоянным угнетением желудка, наблюдалось отвращение ко всей животной пище и нелюбовь даже к вину. Как среди бедных, так и среди богатых многие умирали, и некоторые совершенно внезапно, от этой странной болезни, при лечении которой врачи ненамного укорачивали жизнь своим пургативным лечением и флеботомией, ища оправдание своему невежеству во влиянии созвездий и утверждая, что астральные болезни недоступны человеческому искусству[127].

Из этого пагубного влияния нашего главного антифлогистического средства, кровопускания, а также опорожнения кишечника, можно заключить, что болезнь, хотя и была в своем начале ревматической, все же имела существенную тенденцию производить расслабление и ослабление нервов, и в этом отношении, а также в своем распространении на все классы, соответствовала современным влияниям, в которых те же явления проявлялись только гораздо менее ярко и отчетливо. Французы, которые, в силу легкомыслия своего характера, всегда называли серьезные вещи шутливыми именами, обозначают эту болезнь "Coqueluche" (монашеский капюшон), поскольку из-за крайней чувствительности кожи к холоду и потокам воздуха этот вид капюшона был, как правило, необходим и служил защитой как от приступа болезни, так и от ее усиления. Примечательно, что в описаниях, которые, несомненно, очень неполны, нет ни одного прямого упоминания о каком-либо поражении дыхательных путей, поскольку оно не могло не существовать, хотя, возможно, и было слабо выражено. Почти за столетие до этого (1414 г.) эта болезнь проявилась гораздо заметнее при возникновении не менее общего расстройства того же рода; так что все, у кого была эта жалоба, страдали от значительной охриплости, и все общественные дела в Париже были прерваны по этой причине[128]. Именно по этому случаю впервые было использовано название "коклюш", которое, как известно, было перенесено на коклюш, поэтому в отношении гриппа 1510 года, который был назван аналогичным образом, легче предположить упущение в счете, чем реальное отсутствие симптома, столь широко распространенного; ведь в подобных сравнениях и обозначениях здравый смысл людей ошибается гораздо меньше, чем ученые умы политических историков.

Нельзя не отметить, что за три года до этого (1411) и через тринадцать лет после этого во Франции появились две совершенно одинаковые и одинаково распространенные болезни, о которых до сих пор не сохранилось никаких сведений. Первая называлась *Tac*, вторая - *Ladendo*, эти названия с тех пор полностью вышли из употребления. Оба сопровождались очень сильным кашлем, так что при первом нередко случались разрывы, и беременные женщины в результате преждевременно рожали, а при втором, из-за его повсеместного распространения, нарушалось общественное богослужение. При ладендо, по-видимому, имело место поражение почек воспалительного характера, причем гораздо более тяжелое, чем при коклюше 1510 года, памятном примере эпидемического влияния, не имеющем аналогов в современности. За болью в почках, которая была такой же сильной, как при приступе камня, последовала лихорадка с потерей аппетита и непрекращающимся кашлем, который заканчивался неприятными высыпаниями вокруг рта и носа. Это расстройство продолжалось около пятнадцати дней и в целом было распространено в течение октября, не представляя опасности, несмотря на тяжесть симптомов. Можно было бы почти склониться к тому, чтобы считать так 1411 года коклюшем 1414 года, о котором лишь слегка упоминает Мезерей и о котором автор, которого мы сейчас цитируем, ничего не сказал; ведь здесь легко может возникнуть ложная дата. Однако этот вопрос должен оставаться нерешенным до тех пор, пока мы не получим более полную информацию, поскольку даже в самое последнее время мы имеем пример того, как гриппы (1831 и 1833 гг.) следовали друг за другом в быстрой последовательности. Желудочные симптомы и чрезмерная раздражительность сопровождали спазматический кашель, а заканчивались жалобы выделением крови. Однако болезнь не сопровождалась опасностью и длилась в целом всего три недели[129].

В шестнадцатом веке возникли еще четыре эпидемии, подобные той, что случилась в 1510 году, две из них были весьма распространены в 1557 и 1580 годах, а две - менее широко - в 1551 и 1564 годах[130]. Мы располагаем точными описаниями двух первых; поэтому нам будет легче составить правильное суждение о гриппе 1510 года, если мы рассмотрим и их, поскольку наиболее опытные современники относили все эти заболевания к одному типу. Во время сухого неблагоприятного лета 1557 года инвалиды внезапно заболевали хрипотой и угнетением в груди, сопровождавшимися давлением на голову, а затем дрожью и таким сильным кашлем, что им казалось, что они задыхаются, особенно по ночам. Сначала кашель был сухим, но примерно на седьмой день или даже позже началось обильное выделение либо густой слизи, либо тонкой пенистой жидкости. После этого кашель несколько ослабевал, а дыхание становилось более свободным. Однако на протяжении всего заболевания пациенты жаловались на невыносимую вялость, упадок сил, отсутствие аппетита и даже тошноту при виде пищи, беспокойство и желание спать. В большинстве случаев болезнь заканчивалась обильным потоотделением, но иногда и диареей. Богатые и бедные, люди всех профессий и возрастов заболевали этой болезнью целыми толпами одновременно, и она легко переходила от одного больного к целой семье. Смерть в этом случае наступала редко, разве что у детей, которые не могли выдержать тяжести кашля, а медицина была малоэффективна как для облегчения расстройства, так и для остановки его разрушительного течения. Во Франции сразу же вспомнили уже устоявшееся название этой болезни. Однако она не ограничивалась только этим королевством, а была распространена в Италии, Германии, Голландии и, несомненно, в еще более широком диапазоне стран[131] с некоторыми значительными разновидностями форм. То же самое было и с гриппом 1580 года, который распространился по всей Европе и, похоже, был менее тяжелым; таким образом, он имел более близкое сходство[132] с гриппом 1831 и 1833 годов, о котором большинство наших читателей помнят по собственному опыту. Более подробное исследование этого очень важного вопроса далеко превзошло бы рамки данного трактата,

поскольку здесь рассматриваются явления, глубоко затрагивающие всю систему коллективной жизни человека, которые могут стать очевидными только при восприятии их как единого целого, но мы должны, по крайней мере, указать на связь, которую инфлюэнцы имеют с большими эпидемиями. Это совершенно очевидно; ведь как катары нередко являются предвестниками, сопровождением или продолжением важных заболеваний в отдельных случаях[133], а возбуждение слизистой оболочки часто является лишь внешним признаком более глубоких нарушений, так и инфлюэнцы обычно являются лишь *первыми проявлениями, а иногда и последними остатками обширных эпидемий*. Самый недавний пример еще свеж в нашей памяти. За гриппом 1831 года сразу же последовала индийская холера, и едва она, возродившись в Восточной и Центральной Европе, исчезла, как появился грипп 1833 года, как бы возвестивший о всеобщем мире. После гриппа 1510 года на севере Европы последовала чума, которая в Дании унесла сына короля Иоанна[134]; 1551 год стал годом пятой эпидемии потливой болезни. В 1557 году за гриппом в Голландии последовала бубонная чума, которая продолжалась весь следующий год и унесла 5000 жителей Делфта[135]. В 1564 году в Испании свирепствовала очень разрушительная чума, от которой в Барселоне умерло 10 000 человек, и, наконец, в 1580 году, последнем году гриппа в этом веке, чума, от которой в Париже умерло 40 000 человек, появилась в большей части Европы и в Египте[136].

Раздел 7. Эпидемии 1517 года.

Теперь мы вернемся в 1517 год и рассмотрим эпидемии, сопровождавшие английскую потогонную болезнь. Прежде всего, по всей Германии широко распространилась *гауптканхайт*, мозговая лихорадка, которая так часто повторялась в центральных районах Европы. Многие умирали от этой опасной болезни, и современники уверяют, что другие воспалительные лихорадки, протекавшие параллельно, также были очень смертельными[137]. Таков был случай в Германии, сердце Европы. Однако другая болезнь, гораздо более важная и до того времени совершенно неизвестная медикам, появилась в Голландии, вспыхнула в январе 1517 года и своими опасными и совершенно необъяснимыми симптомами наводила страх и ужас на окружающих. Это было злокачественное и, по заверениям весьма уважаемого очевидца-медика, инфекционное воспаление горла, настолько быстрое в своем течении, что, если помощь не была оказана в течение первых восьми часов, пациент терял всякую надежду на выздоровление до конца дня. Внезапные боли в горле и сильное сдавливание грудной клетки, особенно в области сердца, угрожали удушьем и в конце концов фактически его вызвали. Во время пароксизмов мышцы горла и груди были охвачены сильным спазмом, и были лишь короткие промежутки облегчения, прежде чем повторение таких приступов заканчивалось смертью. Не сопровождаемая никакими предвестниками, болезнь начиналась с тяжелого катарального поражения груди, которое быстро переходило в воспаление дыхательных путей, а там, где смерть не наступала в день приступа, переходило в опасное воспаление легких, которое шло обычным путем, но сопровождалось очень высокой температурой. Иногда наблюдался менее опасный переход в перемежающуюся лихорадку, но ни в одном случае не происходило внезапного выздоровления; ведь даже когда лихорадка спадала, пациент продолжал страдать, по крайней мере, месяц, от боли в желудке и сильной слабости, симптомы которых легко объясняются современным медиком, из трещин и небольших язв на языке, которые появлялись, когда лихорадка была на пике, и упорно сопротивлялись обычному лечению.

Применяемые средства свидетельствуют об осмотрительности и умении голландских врачей. Они прибегали к венесекции как можно скорее, самое позднее в течение шести часов, и сразу же следовали за ней с помощью чистящих средств, которые, однако,

некоторые выдающиеся люди не одобряли, и это было очень вредно для их пациентов, поскольку без совместного действия обоих этих средств внезапное удушье невозможно было предотвратить. Более того, использование моющих полосканий, предотвращающих распространение болезни на легкие, а также смягчающих грудных средств, было безусловно полезным, и утверждается, что все, кого лечили таким образом, легко восстанавливались[138].

Как ни необычна и своеобразна была эта болезнь, для которой современники не нашли названия, ее быстрое начало и внезапное исчезновение были еще более значительными. Большинство заболевших заболели одновременно, и не прошло и одиннадцати дней страданий и несчастий, как не было больше ни одного случая; все жертвы были похоронены; И если бы не дневник достойного Тенгиуса[139], не было бы никаких отчетливых записей об этой замечательной эпидемии, которая, однако, несомненно, распространилась дальше, чем просто по туманной территории Голландии, и, очевидно, с еще большей злобой; поскольку в том же году мы находим ее в Базеле, где в течение восьми месяцев она уничтожила около 2000 человек, и ее симптомы, похоже, были еще более выраженными. Что касается промежуточных стран, через которые, по всей вероятности, болезнь прошла из Голландии, прежде чем достигла Базеля, то, к сожалению, у нас нет никакой информации. Язык и пищевод были белыми, словно покрытыми плесенью, пациент испытывал отвращение к еде и питью и страдал от злокачественной лихорадки, сопровождавшейся непрекращающейся головной болью и бредом. Здесь, в дополнение к внутреннему методу лечения, который не был особенно подробно описан, очищение рта считалось важной частью лечения: вязкий белый налет удалялся каждые два часа, а язык и слизистые оболочки после этого смазывались розовым медом[140], после чего пациенты восстанавливались легче, чем если бы эта мера предосторожности была пропущена[141].

Согласно современному опыту, не подлежит сомнению, что эта болезнь состояла в воспалении слизистой оболочки, которое, сопровождаемое выделением лимфы, распространялось из пищевода в желудок, а также через дыхательные пути в легкие, будучи, таким образом, идентичным с фарингеальным крупом, который несколько лет назад был представлен как новая болезнь, и в результате был обозначен специальным названием[142]. Дополнительный вес этому предположению придает его последующее появление в памятном 1557 году, о котором у нас есть еще более полный отчет. В том году болезнь вспыхнула в октябре и была замечена Форестом, который сам был ее жертвой, в Алкмаре, где она нападала на целые семьи и в течение нескольких недель уничтожила более 200 человек. Однако болезнь протекала не так стремительно, как в 1517 году, а начиналась с легкой лихорадки, похожей на обычный катар, и проявляла свою огромную вредоносность лишь постепенно. Затем наступали внезапные приступы удушья, а боль в груди была настолько ужасной, что страдальцам казалось, что они должны умереть в пароксизме. Жалобы еще больше усиливались из-за сильного судорожного кашля, и пока он не облегчался выделением слизи, был опасен, особенно для беременных женщин, шестнадцать из которых умерли в течение восьми дней, а те, кто выжил, были преждевременно уложены в постель. Лихорадка, сопровождавшая воспаление, была очень разнообразной по своему течению. Редко наблюдалось, чтобы она продолжалась без перерывов, но в тех случаях, когда это происходило, она была сопряжена с наибольшей опасностью. Однако смерть наступила только на девятый или четырнадцатый день, тогда как в 1517 году для летального исхода хватило бы и нескольких часов. После этого срока опасность уменьшалась, и те пациенты были наиболее защищены от удушья, при условии хорошего медицинского обслуживания,

чьи жалобы сопровождались лихорадкой лишь периодического характера. Влияние голландской почвы было настолько заметным, что пока эта периодическая лихорадка не переходила в постоянную лихорадку разных градаций, она казалась самой чистой и несмешанной. В этих случаях воспаление формировалось менее полно, так что даже кровопускание, средство, без которого в иных случаях не обойтись, иногда оказывалось ненужным. Все больные больше всего страдали ночью и утром, причем последнее обычно сопровождалось воспалением гортани и трахеи, которое, однако, в то время они не имели достаточного опыта, чтобы признать таковым, воспринимая лишь легкое покраснение слизистых оболочек. Болезненное поражение желудка также было в этой эпидемии очень отчетливо выражено, так что чувство давления на пракордию, сопровождаемое непрерывными кислотными извержениями, сохранялось даже после шести или семи приступов лихорадки; выздоравливающих долгое время беспокоили диспепсия, слабость и ипохондрия. Воспаление слизистой оболочки, несомненно, повлияло на нервные сплетения брюшной полости, как это обычно бывает, и полностью изменило секрецию. Это было доказано лечением, так как при приеме необходимых чистительных средств было выведено огромное количество неприятной слизи, смешанной с желчью.

Наш замечательный очевидец уверяет, что люди заболели так внезапно, как будто вдохнули ядовитый взрыв, так что более тысячи человек в Алкмаре легли в постель в один день, а густой зловонный туман до этого в течение нескольких дней распространялся над землей. Этот мор закончился не так быстро, как в 1517 году; Напротив, она затянулась до зимы и, похоже, стала завершением целого ряда болезненных явлений, в частности уже упомянутого гриппа по всей Европе и бубонной чумы в Голландии, случившихся в середине лета, - явлений, сопровождавшихся обычными сопутствующими эпидемиям явлениями, а именно большой скудостью и необычными явлениями в атмосфере, такими, например, как электрическое освещение видных объектов и т. д.[143].

Тесная связь между этим воспалением дыхательных путей и пищевода и эпидемическим катаром совершенно очевидна; ведь это лишь градации и постепенные переходы в поражении слизистой оболочки, а также в силе атмосферных причин, которые особенно влияют на органы дыхания. Поэтому мы считаем, что вполне обоснованно относим описанную эпидемию, имевшую место в Голландии и Германии в 1517 году, к инфлюэнцам и объявляем болезненную суматоху в коллективной жизни людей, проявившуюся таким образом, предвестником английского мора, который был одновременно подготовлен измененным состоянием атмосферы и разразился несколькими месяцами позже.

Нельзя не упомянуть, что в том же 1517 году оспа, а вместе с ней, как полевой мак среди кукурузы, корь, была завезена европейцами на Испаньолу и совершила ужасные опустошения как в то время, так и впоследствии среди несчастных жителей. Способствовало ли возникновению этих инфекционных заболеваний в Новом Свете эпидемическое влияние или нет, теперь уже невозможно установить; однако утвердительный ответ кажется вероятным на основании того факта, что оспа совершила свои величайшие опустошения на Испаньоле[144] только в следующем году, и, согласно недавнему опыту, эпидемическим влияниям, которые распространяются из Европы на запад, всегда требуется некоторое время, чтобы достичь восточных берегов Америки.

Но даже без учета этого явления в Новом Свете, которое теперь впервые попало в поле зрения эпидемических наблюдений, мы имеем под рукой факты, достаточно многочисленные и заслуживающие доверия, чтобы доказать, что *английская потливая болезнь 1517 года появилась не одна, а в окружении целой группы эпидемий, и что они были вызваны общими болезнетворными влияниями неизвестной природы*.

ГЛАВА IV.
ЧЕТВЕРТОЕ ПОСЕЩЕНИЕ БОЛЕЗНИ.- 1528, 1529 ГГ.

"Und wenn die Welt voll Teufel wär',

Und wollten uns verschlingen;

So fürchten wir uns nicht so sehr,

Es soll uns doch gelingen!" - Лютер.

Раздел 1. Уничтожение французской армии перед Неаполем, 1528 год.

События, о которых мы сейчас расскажем, своим удивительным ходом демонстрируют, что судьба наций порой гораздо больше зависит от законов физической жизни, чем от воли правителей или коллективных усилий людей, и что они оказываются совершенно бессильными в противостоянии с неограниченными силами природы. Эти силы, непостижимые в своем господстве, разрушительные в своих последствиях, останавливают ход событий, срывают самые грандиозные планы, парализуют самые смелые полеты разума, и , когда победа казалась им близкой, часто уничтожали сраженные войска пламенным мечом ангела смерти.

Чтобы смыть позор Павии[145], Франциск I в союзе с Англией, Швейцарией, Римом, Генуей и Венецией против слишком могущественного императора Германии направил в Италию прекрасную армию. Войска императора сдавались везде, где появлялись французские плюмажи, и победа казалась верной только знаменам Франции и военному опыту испытанного полководца[146]. Все обещало славный исход; один только Неаполь, слабо защищаемый немецкими ланскенетами и испанцами[147], оставался еще не побежденным. Осада была открыта 1 мая 1528 года, и генерал с уверенностью пообещал свою честь в покорении этого сильного города, который когда-то был так разрушителен для французов[148]. С армией в 30 000 воинов-ветеранов[149] было легко одолеть империалистов, а небольшое количество англичан[150], похоже, прибыло лишь для того, чтобы принять участие в празднествах после ожидаемой победы. Город тоже страдал от нехватки продовольствия, поскольку его блокировал Дориа со своими генуэзскими галерами, а воды, пригодной для питья, не стало после того, как Лотрек отключил акведуки Поджио Реале, так что чума, которая никогда полностью не прекращалась среди германцев со времен разграбления Рима[151], начала распространяться.

Но на фоне этой уверенности в успехе французского оружия средства для его обеспечения постепенно игнорировались. Доблесть бесстрашного и благоразумного полководца, несомненно, была равна мелким превратностям войны, но в то время как длительность задержки парализовала его активность, сама природа внезапно оказалась роковой для этой доселе победоносной армии: среди войск начались моры, и человеческое мужество уже не могло противостоять "далеко летящим стрелам бога дня". В результате в течение семи недель от всего войска, которое до этого момента рвалось в бой, осталась лишь горстка, состоящая из нескольких тысяч трупных фигур, почти не способных носить оружие и

выполнять приказы своих больных вождей. 29 августа была снята осада , через пятнадцать дней после того, как героический Лотрек, сгорбленный болезнью, испустил дух; остатки армии отступили под громом и проливным дождем[152] и вскоре были взяты в плен империалистами, так что лишь немногие из них когда-либо снова увидели свою родину.

Эта осада принесла Франции еще больше несчастий, чем даже роковая битва при Павии, ибо около 5000 французских дворян, некоторые из самых знатных семей, погибли под стенами Неаполя; ее отдаленные последствия также были унизительны для короля и народа, поскольку из-за ее провала были разрушены все те доселе осуществимые планы, целью которых было установление французского владычества за Альпами. Поэтому нам следует обратить более пристальное внимание на те основные причины этого события, которые входят в компетенцию медицинских исследований.

Смертность в лагере началась, вероятно, уже в июне, после обычных бедствий, которые окружают армию во вражеской стране. Французы и швейцарцы ненасытно лакомились фруктами, которые сады и поля поставляли им в изобилии, в то время как хлеба и другой нормальной пищи не хватало[153]. Поэтому вскоре начались лихорадки, которые становились все злее, чем дольше они продолжались, сопровождаемые, несомненно, изнурительными поносами, которые никогда не перестают появляться при подобных обстоятельствах и сами по себе являются одними из самых пагубных болезней лагеря, поскольку они не только разрушают в отдельном случае из-за истощения, но и, заражая воздух, подготавливают почву для самых страшных моров.

Однако на эти болезни мало кто обращал внимание, и, соответственно, не предпринималось никаких попыток уменьшить их причины. С каждым днем становилось все очевиднее, что отсечение источников у Поджио Реале, которое приказал сделать Лотрек, чтобы принудить осажденных к скорейшей сдаче, в высшей степени вредно для самих осаждающих; ведь вода, не имея теперь выхода, распространилась по равнине, где располагался лагерь, которую она превратила в болото, откуда утром и вечером поднимались густые туманы. По этой причине, а также из-за южного ветра, который продолжал преобладать, болезнь вскоре стала всеобщей. Те солдаты, которые еще не были прикованы к постели в своих палатках, были замечены с бледными лицами, опухшими ногами и вздутыми животами, едва способными ползать; так что, утомленные ночными бдениями, они часто подвергались грабежу со стороны мародерствующих неаполитанцев. Большая смертность началась только 15 июля, но она была столь ужасна, что хватило около трех недель, чтобы почти полностью уничтожить армию[154]. Вокруг и внутри палаток, освободившихся после смерти их обитателей, выросли ядовитые сорняки. Тысячи людей погибли без посторонней помощи, либо в состоянии оцепенения, либо в бреду лихорадки[155]. В окопах, в палатках и везде, где смерть настигала своих жертв, лежали непогребенные трупы, а погребенные мертвецы, разбухшие от гниения, разрывали свои неглубокие могилы и распространяли ядовитое зловоние по всему лагерю. О порядке и военной дисциплине больше не было и речи, а многие командиры и капитаны либо сами были больны, либо бежали в соседние города, чтобы избежать заразы[156].

Слава французского оружия угасла, и ее гордые знамена поникли под бесславным призраком. Тем временем мор охватил венецианские галеры под командованием Пьетро Ландо. Дориа уже перешел на сторону императора[157], и таким образом эта экспедиция, начатая при самых благоприятных обстоятельствах, была со всех сторон разрушена зловредным влиянием сезона.

Никто из современников-медиков не описал природу этой жестокой болезни, а историки сохранили лишь общие сведения, которые не дают достаточных материалов для исследования. Несомненно, что в 1528 году очень злокачественная *петехиальная лихорадка* распространилась по всей Италии и в собственном смысле слова преобладала настолько решительно, что даже преследовала итальянцев за границей так же, как потливая болезнь - англичан, о чем свидетельствует случай ученого венецианца Науджерио, который, будучи отправленным с посольством к Франциску 1-му, умер в Блуа на Луаре от этой самой болезни, с которой французы еще не были знакомы[158]. Современники уверяют, что эта эпидемия произвела большие опустошения в стране, и без того растерянной войнами и междоусобицами, и поэтому вряд ли стоит сомневаться, что, случившись в те же годы, она была той самой болезнью, о которой мы рассказываем, и злокачественность которой усиливалась в чрезвычайных случаях. Чума, которая незадолго до осады Неаполя уничтожила треть жителей Кремоны, по всей вероятности, была петехиальной лихорадкой[159]. Однако то тут, то там появлялась старая чума бубон. Именно она в 1524 году унесла 50 000 человек в Милане[160], и именно эта болезнь после разграбления Рима вспыхнула среди немецких ланскенетов и за короткое время уничтожила две трети этих войск. Современники видели в этом справедливое наказание Божье за осквернение Святого престола, поскольку в последующие годы все остальные участники штурма Вечного города также встретили конец, достойный их преступлений[161]. Они, однако, не приняли во внимание звериную невоздержанность и излишества солдат, чье рвение к грабежу привело к тому, что они встретили яд чумы в самых потайных норах и углах; они также не учли, что чума проникла в сам замок Сант-Анджело и уничтожила некоторых придворных почти на глазах у Папы[162]. Из этих ланскенетов многие отправились в Неаполь в следующем году под командованием принца Оранского, и можно с полным основанием предположить, что они взяли с собой в этот город свежие зародыши чумы; к этому можно добавить отнюдь не невероятную историю о том, что осажденные посылали зараженных и больных солдат к французам, чтобы вызвать среди них ядовитую чуму[163]. Именно это обстоятельство говорит в пользу бубонной чумы, так как решительная уверенность в ее заразном характере была известна и казалась вне всякого сравнения большей, чем более условная заразность новой болезни[164]. Кроме того, такая же попытка заражения уже часто предпринималась в более ранние времена.

Однако, с другой стороны, следует учитывать, что французская армия была более подвержена эпидемическому влиянию воздуха, воды и общих сил природы, чем любое другое скопление людей, и что это влияние, вероятно, было более сильным в 1529 году, чем в любое другое время в течение шестнадцатого века. Образование тумана в летний зной - во все времена необычное явление[165], которое явно указывает на диспропорцию во взаимном действии компонентов и сил нижних слоев атмосферы. Это не зависело только от местных особенностей Неаполя, так как летом 1528 года по всей Италии наблюдались серые туманы, которые делали нездоровое качество воздуха видимым для глаз[166]. Это усиливалось преобладанием южных ветров, которые в Италии всегда пагубно влияют на здоровье, а также тысячей лишений лагеря, так что болезнь, которая уже была распространена по всей Италии, - мы имеем в виду *петехиальную лихорадку*, - вполне могла вспыхнуть на влажной почве Поджо Реале. В истории национальных болезней мы находим нравственное доказательство преобладания эпидемического влияния, которое ясно и четко проявляется при самых разных обстоятельствах. Это вера в то, что вода и даже воздух отравлены[167]. Не обошлось без этого доказательства и в плачевной истории французской армии перед Неаполем, поскольку было принято считать, что несколько испанцев мавританского происхождения, которым приписывали особое мастерство в обращении с ядом, и несколько евреев из Германии, которые ради наживы последовали за ланскенетами,

чтобы поторговать добычей, под покровом ночи выкрались из города, чтобы отравить воду в окрестностях лагеря[168]. Предполагалось также, что итальянский аптекарь подсыпал французским рыцарям яд в их лекарства[169]. Мы не будем в данном случае предвосхищать исследования натуралистов, чьи опыты с воздухом и водой во время сильных эпидемий пока не привели ни к каким результатам; однако не исключено, что вода из прудов и родников при таких обстоятельствах, как описано здесь , могла пропитаться не присущим ей вредным качеством, что, естественно, породило бы мнение, что в нее был брошен яд. В целом, это обвинение, безусловно, может быть оценено в соответствии с теми же взглядами, которые были изложены в нашем трактате о Черной смерти.

Исходя из всех этих обстоятельств, можно с большой долей вероятности предположить, что это была петехиальная лихорадка, свирепствовавшая во французском лагере; и если мы можем придать какое-то значение случайным рассказам историков, то, возможно, будет уместно указать, что Пруденсио де Сандоваль, писавший на основе подлинных материалов, называет эту болезнь "las bubas"."[170] Это название, правда, предполагает довольно странную путаницу петехиальной лихорадки с lues; и действительно, болезни среди французских войск с 1495 по 1528 год Сандоваль странным образом объединил. Однако это свидетельствует о том, что все еще существовало воспоминание о распространенных вспышках, которые происходили во время моровой язвы 1528 года; и поэтому весь этот рассказ, возможно, более справедливо применить к петехиальной лихорадке, поскольку тот же историк утверждает, что французы называли эту болезнь в честь деревни Поджио Реале "les Poches",[171] под этим названием вряд ли бы обозначили хорошо известную чуму бубон. Если же мы предположим, что в одно и то же время во французской армии преобладали *разные болезни*, то это предположение будет подкреплено не только прямым свидетельством современника[172], но и многими наблюдениями, древними и современными[173], сделанными в случаях, когда обстоятельства были схожи с теми, которые преобладали в то время. Остается только сожалеть, что в лагере перед Неаполем не нашлось умного Махаона; такой человек, несомненно, оставил бы нам несколько остроумных наблюдений о сочетании и родстве петехиальной лихорадки и бубонной чумы.

Раздел 2. Трусс-Галант во Франции.- 1528 год и последующие годы.

Как ни глубоко ощущали французы невосполнимую потерю такой армии, им суждено было испытать еще большие несчастья дома. Темная сила, угрожавшая всей Европе, не знала ни расстояний, ни границ. Она настигла французский народ в его собственной стране, в то время как его военная молодежь была уничтожена перед Неаполем. Холодная весна и сырое лето 1528 года уничтожили растущую кукурузу[174], и по всей Франции разразился голод, еще более тяжкий по своей продолжительности, чем период скудости во времена Людовика XI[175], ибо неурожай продолжался пять лет подряд, в течение которых, казалось, прекратился всякий порядок времен года. Осенью и зимой преобладала влажная летняя жара, лишь изредка наступали однодневные морозы. Лето, напротив, было пасмурным, сырым и неблагоприятным. Только длина дней отличала один месяц от другого. Из отрывочных рассказов ясно видно, насколько сильно был нарушен обычный ход растительности. Едва фруктовые деревья осенью сбросили листву, как снова начали бутониться и бесплодно цвести. Труды земледельцев не вознаграждались, а долгожданный урожай вновь и вновь обманывал надежды людей. Так, еще в первый из этих бедственных годов бедствие стало всеобщим, и растущую нищету уже нельзя было остановить человеческой помощью. Группы нищих бродили по стране плачевными процессиями. Узы гражданского порядка все больше и больше ослабевали, и вскоре людям пришлось

опасаться не только грабежей и разбоя со стороны этих несчастных, но и заразы, порожденной их бедствием, которая следовала за ними по пятам.

Эта болезнь была новым порождением французской земли, и когда она распространилась по всей стране, то ощущалась тем сильнее, что особенно сильно поражала молодых и крепких мужчин; по этой причине она получила весьма многозначительное название Trousse-Galant[176]. Она представляла собой воспалительную лихорадку, которая уничтожала своих жертв в очень короткое время, даже в течение нескольких часов; или, если они спасались жизни, лишала их волос и ногтей, а из-за долгого отвращения к любой животной пище оставляла после себя, как продолжениеæ, длительную слабость и болезни, которые ставили под угрозу выздоровление больных, чьи конституции были уже так сильно расшатаны. Отсюда следует, что эта лихорадка сочеталась с сильным разложением жидкостей и очень болезненным состоянием функций кишечника, не говоря уже о последствиях, вызванных постоянным голодом, который современники рисуют в самых ужасных красках.

Уже в первый год запасы провизии были настолько израсходованы, что люди делали хлеб из желудей и с жадностью искали всевозможные безвредные коренья, лишь бы утолить голод. Эти жалкие страдальцы скитались без жилья, больше похожие на трупы, чем на живые существа, и в конце концов, не сумев вызвать даже сочувствия, погибли на мусорных свалках или в ночлежках. Большие города закрывали перед ними свои ворота, а различных благотворительных учреждений было недостаточно, чтобы оказать помощь в этой страшной ситуации! Лишь немногим удалось получить нежную заботу и уход сестер милосердия. У большинства пострадавших синюшные лица и каплевидные отеки конечностей свидетельствовали о болезненном состоянии, в котором они влачили свое томительное существование. Все бежали от этих ядовитых призраков, ибо они были пропитаны ядом этой смертельной болезни, и, несомненно, тысячу раз было сделано замечание, что этот яд может передаваться здоровым людям без ущерба для носителя, поскольку нужда и плохое здоровье иногда служат жалкой защитой от болезней такого рода[177].

Необходимых данных для составления полного отчета о Trousse-galant 1528 года не существует, поскольку врачи отнеслись к этой эпидемии с тем же хладнокровием и равнодушием, которые, к сожалению, можно справедливо обвинить в том, что они проявляли в отношении других важных явлений. Но в 1545-46 годах она снова вернулась, появившись в Савойе и на большей части территории Франции; и мы располагаем описанием симптомов этой болезни у Паре[178] и у Сандера, фламандского врача[179], хотя и неполным, но более удовлетворительным. Течение болезни, как и прежде, было очень быстрым, так что она уничтожала пациента за два-три дня; снова она нападала на сильных, а не на слабых, как бы оправдывая свое старое название, а выздоровевшие долгое время отличались выпадением волос и жалким видом. В самом начале пациенты ощущали невыносимую тяжесть в теле, чрезвычайно сильную головную боль, которая вскоре лишала их всякого сознания и переходила в глубокий ступор, даже мышцы сфинктера теряли свою силу. В других случаях за длительным состоянием бессонницы следовал лихорадочный бред, настолько бурный, что приходилось прибегать к сдерживающим средствам. Такие противоположные состояния характерны для всех тифозных лихорадок. Сандер прямо упоминает, что у большинства больных появились высыпания. Однако он не указывает их природу и не описывает течение и кризис болезни иначе, чем то, что она закончилась примерно на четвертый или одиннадцатый день. Даже те высыпания, которые все же появлялись, а это, скорее всего, были питехии, а возможно, и (Ротер Фризель) красные милиарные пузырьки, появлялись в неопределенное время; либо в самом начале, когда они

давали неблагоприятный прогноз, либо позже, когда они предвещали благоприятный кризис. Нитевидные черви, в огромном количестве, выводились живыми с большими мучениями и, как правило, усиливали страдания пациента. Болезнь была едва ли менее заразной, чем чума, а что касается ее лечения, то кровопускание, обильное и даже ad deliquium, было решительно успешным, что в сочетании с только что описанными приступами на голове[180], приводит к выводу, что существовала полнота крови и воспалительное состояние кровообращения, вместе, возможно, с воспалением мозга. Нельзя не отметить, что во время моровой язвы 1546 года бубонная чума появлялась то тут, то там, особенно в Нидерландах[181]; а в следующем году она вспыхнула и распространилась в большей степени во Франции[182], откуда следует, что в отношении болезни, которую мы сейчас рассматриваем, ее природа напоминала петехиальную лихорадку, поскольку эта болезнь обычно предшествует появлению моровой язвы[183].

Утверждение историков, что в 1528 году и в последующие годы Франция потеряла четвертую часть своих жителей от голода и моровой язвы, кажется, согласно нашему представлению, ничуть не преувеличенным. Последствия, касающиеся дальнейшей судьбы этой страны, были также очень важными. Франциск 1-й видел, что его народ, и без того страдающий от тяжелых бедствий, не сможет вынести новых жертв, и поэтому отказался от своих замыслов о величии и внешней власти, согласившись 5 августа 1529 года на невыгодный договор в Камбрее.

Раздел. 3.- Потопная болезнь в Англии, 1528 год.

Тот, кто, следуя вышеизложенным фактам, представит себе состояние Европы в 1528 году, с готовностью поверит, что ядовитая атмосфера окутывала эту четверть земного шара и постоянно несла разрушение и смерть над ее народами. Разрушение настигало их в тысяче форм, уничтожая их тела и омрачая их умы, а если к этому добавить раздоры и смертельную партийную ненависть, которые в то время преобладали в мире, то кажется, что все обстоятельства, которые могли повлиять на человечество, были вовлечены в этот гигантский конфликт, который в своем роковом результате грозил уничтожить все следы прошедших времен.

Англию ожидало более тяжелое несчастье, чем то, которое еще не было описано: в конце мая в самой густонаселенной части столицы вспыхнула потогонная лихорадка, которая быстро распространилась по всему королевству; и четырнадцать месяцев спустя на все народы Северной Европы обрушился ужас, равного которому не было ни при одной другой эпидемии. Она проявилась сразу с той же интенсивностью, что и за одиннадцать лет до этого, не сопровождалась никакими предварительными признаками, и между здоровьем и смертью лежал лишь короткий срок в пять или шесть часов. Государственные дела были отложены, суды закрыты, а через четыре недели после начала моровой язвы был прекращен праздник святого Иоанна[184], к великому огорчению народа, который, конечно, не отказался бы от его празднования , если бы оправился от оцепенения, вызванного большой смертностью. Двор короля снова опустел, и к различным страстям и душевным волнениям, которые боролись там с 1517 года, как, например, страсти, вызванные теологическим рвением, которое было возбуждено защитой веры Генрихом VIII, снова добавилась старая тревога и бедствие, которые, казалось, были оправданы смертью некоторых любимых придворных, особенно двух камергеров[185] и сэра Френсиса Пойнса, который только что вернулся из посольства в Испанию. Король немедленно покинул Лондон и старался избежать эпидемии, постоянно путешествуя, пока наконец не устал от такой неустроенной жизни и не решил ждать своей судьбы в Тайтинхангаре. Здесь, со своей первой женой и несколькими конфидентами, он тихо жил вдали от мира, окруженный кострами для

очищения воздуха и охраняемый мерами предосторожности своего врача, который с удовлетворением обнаружил, что чума обходит стороной эту одинокую резиденцию[186].

Сколько жизней унесла эта болезнь, которую некоторые историки называют *великой смертностью*, можно оценить только по приведенным фактам, свидетельствующим о необычайно сильном волнении в умах людей. Точные данные отсутствуют, однако совершенно очевидно, что весь английский народ, от монарха до самого захудалого крестьянина, был охвачен чувством тревоги из-за неопределенности жизни, к которому не притупили чувствительности ни грубое состояние общества, ни постоянное знакомство с действием законов, написанных кровью[187]. Такое состояние не может существовать без многочисленных случаев смертности, которые доносят опасность до каждого человека, так что можно предположить, что церковные дворы были повсеместно заполнены в изобилии. Эта разрушительная эпидемия не пришла одна. Провизия была скудной и дорогой, и в то время как сотни тысяч лежали на смертном одре, многие погибли от голода[188], и те же самые сцены были бы пережиты, как во Франции, если бы торговля кукурузой не принесла некоторого облегчения[189].

Как только удалось более внимательно изучить события этого злополучного года, сразу же возникло убеждение, что *это одна и та же общая причина болезни, которая вызвала ядовитый мор во французском лагере перед Неаполем, гнилостную лихорадку среди молодежи во Франции и потливую болезнь в Англии, и что различный характер этих болезней зависит только от условий почвы и качества атмосферы в странах, которые были посещены*[190]. Если, в противовес этим представлениям, узкий взгляд на человеческую жизнь в совокупности должен вызвать сомнение, то оно будет разительно опровергнуто удивительным совпадением во времени всех этих явлений, происходивших в столь разных частях Европы; Ведь в то время как французская армия, после четырехнедельного пребывания в лагере перед Неаполем, подвергаясь страданиям и ядовитым испарениям, ощущала первые предчувствия своей гибели, по ту сторону Альп полным ходом шел великий голод с Трусс-Галантом в придачу, и почти в тот же день на Темзе вспыхнула потливая болезнь.

Раздел. 4.- Естественные явления.- Прогностика.

Летописи всех народов Европы полны примечательных заметок о волнениях природы в эти годы, которые были столь совершенно враждебны для животного и растительного царств. В Англии период бедствий уже приближался; к концу 1527 года. В течение всей зимы (ноябрь и декабрь 1527 года и январь 1528 года) страну заливали проливные дожди, реки вышли из берегов, и озимые семена сгнили. Затем до апреля стояла сухая погода; но едва успели посеять летние семена, как снова начались дожди, которые шли день и ночь целых восемь недель, так что последняя надежда на урожай была уничтожена[191], а на промокшей земле, в густом тумане, поднимавшемся с ее поверхности, вылупился хорошо известный демон потливости Disease. Теперь уже было бесполезно прекращать ливни, поскольку размягченная почва давала моровой язве постоянную подпитку, а сырое тепло, которое, чередуясь с несезонными холодами, сохранялось в течение последующих лет по всей Европе, делало человеческие тела все более восприимчивыми к тяжелым заболеваниям.

Историки того времени были слишком заняты запутанными делами двора и церкви, чтобы уделять внимание природе, и поэтому они не оставили нам удовлетворительных сведений о состоянии погоды и течении сезонов тех лет в Англии, однако нет оснований полагать, что они существенно отличались от погоды в остальной Европе. Это можно доказать следующей

подборкой важных природных явлений, если рассматривать их в совокупности с обстоятельствами, уже изложенными в отношении Франции и Италии.

В Верхней Италии в 1527 году во всех речных округах произошли такие сильные наводнения, что астрологи объявили о новом потопе. В следующем году они повторились в таком же объеме и с таким же ущербом, так что не без оснований можно было заключить, что на самых высоких горных хребтах Европы скопился снег. 3 июля 1529 года последовало сильное землетрясение в Верхней Италии, а сразу после него - кровавый дождь, как его называли, в Кремоне[192].

В октябре 1530 года Тибр настолько вышел из берегов, что в Риме и его окрестностях утонуло около 12 000 человек. Месяц спустя в Нидерландах море прорвало дамбы, и Голландия, Зеландия и Брабант очень сильно пострадали от разлива вод, который вновь произошел через два года[193].

В 1528 году в марте в Бранденбурге, во время господства юго-восточного ветра и сильной засухи[194], (дожди начались в Германии только в 1529 году) появились *стаи саранчи*[195], как будто это предвестие великих эпидемий не должно было остаться без внимания. Об огненных метеорах, которые также часто появлялись в последующие годы и в совокупности явно указывали на необычное состояние атмосферы, время от времени делается много замечаний, в соответствии с манерой того времени[196]. Особое внимание привлек длинный огненный шлейф, который видели 7 января 1529 года в семь часов утра по всей территории Мекленбурга и Померании[197]. Другой огненный знак (хазма) был замечен в марте 9 января, в десять часов вечера[198], как и подобные атмосферные явления в других местах.

Кометы появлялись в течение этого года в необычном количестве[199]. Первая - 11 августа 1527 года, перед рассветом; ее видели по всей Европе, и более поздние авторы часто путали ее с атмосферным явлением, напоминающим комету, которое появилось 11 октября[200]. Вторая была замечена в июле и августе 1529 года в Германии, Франции и Италии. Говорят, что в этом году в то же время появились еще четыре кометы; но вероятно, что это были лишь огненные метеоры неизвестного вида[201]. Третья комета появилась в 1531 году и была видна в Европе с 1 августа по 3 сентября. Это была великая комета Галлея, которая вернулась в 1835 году[202]. Четвертая была в 1532 году и видна со 2 октября по 8 ноября; она снова появилась в 1661 году[203]. И наконец, пятое - в 1533 году, наблюдалось с середины июня по август[204].

Современники удивительно сходятся в своих рассказах о невыносимой погоде в богатом событиями 1529 году. Зима была особенно мягкой, а вегетация наступила слишком рано, так что весь мир радовался мягкости и красоте весны. В Эрфурте в день святого Матфея (24 февраля) люди носили фиалки, не ожидая , что это дружеское предзнаменование должно предшествовать столь суровому бедствию[205]. Всю весну и лето стояла дождливая погода. Непрерывные потоки дождя заливали поля, реки вышли из берегов; все надежды на возделывание земли были полностью разрушены[206], а несчастья и голод распространились во всех направлениях. Сильный дождь, продолжавшийся четыре дня, который прошел на юге Германии в середине июня и был назван потоком Святого Вита, и в наши дни вспоминается как неслыханное событие. Целые районы страны полностью ушли под воду, и погибло множество людей, не успевших спасти свои жизни[207]. Подобная, очень обширная и, возможно, всеобщая буря вновь разразилась 10 августа и вызвала большие наводнения, особенно в Тюрингии и Саксонии[208]. В целом солнце редко пробивалось сквозь тяжелые темные тучи. Последняя часть лета и вся осень, за

исключением серии жарких дней, начавшихся 24 августа[209], оставались мрачными, холодными и сырыми. Людям казалось, что они дышат туманным воздухом Британии[210].

Нельзя не отметить, что на севере Германии, особенно в марте Бранденбурга, употребление в пищу рыбы, которую ловили в большом количестве, считалось вредным. Злокачественные и заразные болезни, как говорят, были связаны с этой причиной, и было удивительно, что единственная пища, которой щедро одарила природа, была так решительно вредна[211]. Возможно, сейчас трудно установить причину этого явления, о котором мы располагаем лишь отдельными сведениями, но, отбросив все другие предположения, можно предположить, что был разработан настоящий рыбный яд[212], или, если отвергнуть эту идею, что неупорядоченный образ жизни, который, надо полагать, существовал во время сильного голода, делал рыбу вредной для здоровья, подобно тому, как это иногда происходит после затяжных перемежающихся лихорадок, когда функции кишечника нарушаются в свойственной этому заболеванию манере.

Но не только водные обитатели страдали от скрытых причин возбуждения коллективной органической жизни; болели и воздушные птицы, которые своими нежными и раздражительными органами дыхания ощущали вредное влияние атмосферы гораздо раньше и чувствительнее, чем любое из неоперенных племен, и часто были предвестниками большой опасности, еще до того, как человек осознавал ее приближение. В окрестностях Фрайбурга в Брейсгау под деревьями были найдены мертвые птицы с нарывами размером с горошину под крыльями, что свидетельствовало о болезни, которая, по всей вероятности, распространялась далеко за пределы южных районов Рейна[213].

Голод в Германии в этом году описывается уважаемыми авторитетами в тоне глубокого сочувствия. Особенно пострадали Швабия, Лотарингия, Эльзас и другие южные страны, граничащие с Рейном, так что несчастье там достигло такой же страшной высоты, как и во Франции. Бедняки эмигрировали и скитались по стране, чтобы только продлить свое жалкое существование. В Страсбург из Швабии пришло более тысячи этих полуголодных нищих. Они нашли приют в монастыре, и были предприняты попытки оживить их, но многие из них не могли вынести предложенной им пищи. Внимание и питание только ускоряли их смерть. Осенью из Лотарингии прибыло еще одно тело в количестве более восьмисот человек. Этих несчастных держали в городе и кормили всю зиму[214], но легко представить, что эта благосклонность, которая, несомненно, проявлялась и в других городах[215] - ибо когда еще в Германии не хватало гуманности? - могла лишь изредка облегчить это глубоко укоренившееся бедствие. В венецианских владениях, как говорят, многие сотни людей погибли от голода, и такое же бедствие, вероятно, царило по всей Верхней Италии.

На севере Германии, включая обширные песчаные равнины , на которых влажная погода не так пагубно влияет, как на тяжелой глинистой почве, состояние страны было в целом более терпимым[216]; И все же, независимо от бесчисленных бед, которые порождает нехватка, *самоубийства случались чаще*[217], что, конечно, было редкостью в XVI веке и объяснимо только предположением, что силы разума истощились под влиянием многочисленных и разнообразных страстей, которые в каждой отдельной местности возбуждали дух ненависти и партийных чувств. Следствием такого состояния беспорядка является холодное отвращение к жизни, которое находит в первом же неблагоприятном событии, которое может произойти, предлог для самоуничтожения, к которому редко приводит одна лишь нужда: ведь человек, если его дух не сломлен, рискует умереть от голода во время голода и доверяет слабым проблескам надежды, вместо того чтобы по собственной воле отказаться от наслаждения жизнью.

Не менее уместно здесь отметить некую слабую вялость, которая, к великому изумлению людей, ощущалась, особенно в Померании, в июне и июле[218], вплоть до того самого периода, когда началась потливая болезнь. В разгар работы, без всякой мыслимой причины, у людей начинался паралич рук и ног, так что даже если бы от этого зависела их жизнь, они были не в состоянии сделать ни малейшего усилия[219]. Лечение, которое было признано успешным, заключалось в теплом укрывании пациентов и снабжении их сытной пищей, которую они обильно ели и таким образом снова выздоравливали через три-четыре дня. Подобные явления, которые в данном случае явно зависели от атмосферного влияния, являются лишь крайними градациями общего болезненного отупения жизненных чувств, которое легко может перейти в настоящее отвращение к жизни, такое, что может привести к самоубийству.

Последующие годы далеко не все были отмечены полным провалом в производстве. Напротив, 1530 год был обильным, с некоторыми частичными неудачами, как, например, та, что возникла из-за большого наводнения в районе Зааля, , случившегося в разгар сбора урожая[220]. В 1531 году последовали очень холодная весна и сырое холодное лето, лишь изредка наступали хорошие дни; однако земля не была совсем непродуктивной, и большое бедствие, которое в противном случае могло бы произойти в Тюрингии и Саксонии, было предотвращено созданием зернохранилищ, так что люди не были вынуждены, как это часто случалось в Швабии, косить зеленую кукурузу, чтобы сушить колосья в печах, и поддерживать жизнь на еще не созревших зернах.

Годы 1532 и 1533 снова были очень бесплодными, как и 1534, из-за сильной жары и сухости лета. Наконец, в 1535 году регулярная смена времен года, а вместе с ней и благополучное состояние земледелия, казалось, восстановились, и нехватка прекратилась[221]. Сообщения из разных местностей Германии сильно разнятся, но нехватка продолжалась целых семь лет[222] (с 1528 по 1534 год), и поскольку ее причины невозможно было обнаружить, так как каждый наблюдатель видел ее только в своем узком кругу, часто вспоминалась старая немецкая пословица: "Если будет нехватка, то даже если все горы будут сделаны из муки, это не поможет"[223].

Раздел 5. Потогонная болезнь в Германии, 1529 год.

Этих фактов достаточно для предварительного наброска фона, на котором двигался призрак Англии, к которому мы сейчас вернемся. Как долго потливая болезнь могла бушевать там после того, как Генрих VIII покинул свое уединенное убежище, чтобы вернуться в столицу, никто не оставил никаких письменных свидетельств. То, что она очень быстро распространилась по всему королевству, можно предположить, и, вероятно, это еще можно легко установить по письменным источникам из разных мест. То, что она не бушевала ни в одном городе дольше нескольких недель, подтверждается соответствующими явлениями более позднего времени, но, несомненно, она продолжала существовать среди людей, хотя и в ослабленной степени, до наступления мягкого зимнего сезона. Но нет ни малейших данных , на основании которых можно было бы утверждать, что летом 1529 года она все еще была в Англии. Как эпидемия она, конечно, уже не существовала, но, если учесть состояние воздуха в тот год, нельзя отрицать, что отдельные случаи потогонной лихорадки могли появиться; ведь при подобных моровой язве, если сохраняются ее первоначальные причины, всегда возникают единичные случаи[224]. Потогонная болезнь не продвинулась на запад, в Ирландию, и не пересекла шотландскую границу; историки, которые, несомненно, зафиксировали бы столь катастрофическое событие, хранят полное молчание относительно такого случая. Однако трагедии было суждено разыграться в другом месте; другие народы должны были сыграть в ней свою роль.

Гамбург стал первым местом на континенте, где вспыхнула потливая болезнь. Умы людей там все еще были в сильном волнении из-за событий нескольких предшествующих месяцев. Протестанты после долгих и бурных споров одержали победу над папистами. Под мудрым руководством Бугенхагена великое дело Реформации было только что завершено. Монастыри были упразднены, монахи уволены, школы созданы, и мир снова вернулся вместе с церковной свободой. Как раз в этот момент[225] неожиданно объявилась страшная моровая язва, о которой так долго и так часто слышали удивительные рассказы. Она сразу же вызвала, как это всегда бывало в Англии, всеобщий ужас, и, прежде чем удалось получить какие-либо указания относительно лечения, как от англичан, так и от немцев, бывших в Англии, она уничтожала ежедневно от сорока до шестидесяти, а всего в течение двадцати двух дней[226] около 1100 жителей, ибо таково было количество гробов, которые в это время изготавливались гробовщиками. Однако продолжительность *великой смертности*, ибо так мы обозначим более бурное течение этой болезни, была гораздо короче и, по приблизительным подсчетам, составила около девяти дней, ибо из фрагмента письма, полученного из Гамбурга и отправленного в Виттенберг 8 августа человеком, который в то время был бургомистром, следует, что уже несколько дней никто не умирал от потливой лихорадки, за исключением одного или двух пьяниц, и что тогда горожане снова начинали дышать. Таким образом, на основании приведенного здесь неподтвержденного рассказа мы можем судить, что болезнь продолжалась еще около двух недель, а число погибших составило 2000 человек. В любом случае, однако, мор проявился на континенте с той же злобой, которая была свойственна ему с самого начала, и если утверждение, сделанное на расстоянии относительно смертности в Гамбурге, было завышенным[227], то, несомненно, существовало достаточно оснований для преувеличений такого рода, которые никогда не бывают лишними во времена столь большой опасности. Историки этого, даже в то время могущественного и цивилизованного торгового города, в целом мало что рассказали об этом важном событии - обстоятельство, легко объяснимое постоянной занятостью умов людей религиозными делами и хорошо известной краткостью эпидемии, которая, подобно скоротечному метеору, требовала быстрого и осторожного наблюдения, чтобы передать потомкам хоть какую-то ценную информацию об этом явлении. Однако некоторые сведения о ее первом происхождении сохранились среди массы общих утверждений, не несущих никакой информации. Так, оказывается, что потливая болезнь не проявлялась в городе до тех пор, пока капитан Герман Эверс, как раз в указанное время (25 июля), не вернулся из Англии, взяв с собой на борт несколько молодых людей (вероятно, путешественников, а также моряков), из которых по меньшей мере двенадцать умерли от этой болезни в течение двух дней[228]. Согласно другому рассказу, умершие заболели не в Англии, а во время плавания, и мор начался после того, как остальные члены экипажа сошли на берег. На этот счет у нас есть еще одно достойное уважения свидетельство, что в ночь после высадки Германа Эверса в Гамбурге от потливой болезни умерли четыре человека[229].

Если мы немного внимательнее рассмотрим эти весьма ценные свидетельства, в достоверности которых нет причин сомневаться, то особенно следует принять во внимание, что в это время потливая болезнь уже не менее полугода как перестала существовать в Англии в качестве эпидемии, что ее появление в единичных случаях хотя и не противоречит общим взглядам, тем не менее ни в коей мере не подтверждается историческими свидетельствами, и что, таким образом, возвращение экипажа Германа Эверса было связано с какой-либо потливой болезнью в Англии - предположение необоснованное и бездоказательное. С другой стороны, если мы примем во внимание, что Северное море даже в обычные годы бывает очень туманным, так что из-за преобладания северо-западных ветров оно осаждает над Германией очень тяжелые дождевые облака; И если мы будем иметь в виду, что в 1529 году туманы были гораздо сильнее, чем обычно, то увидим в его водах

главную причину, по которой английская потливая болезнь развилась тогда с наибольшей силой, и тогда мы сможем предположить, с большей долей вероятности, что эта болезнь вспыхнула среди экипажа Германа Эверса спонтанно и без всякой связи с Англией, так же, возможно, как это произошло ранее на борту флота Генриха VII-го. Это предположение подкрепляется тем обстоятельством, что корабли тех времен были чрезмерно грязными, а образ жизни на них, независимо от убогой провизии, был в высшей степени неудобным, более того, почти невыносимым, так что даже в коротких плаваниях цинга, которая была ужасом моряков в те времена, была очень частым явлением. Наконец, до нас дошли самые отчетливые свидетельства о том, что в северных морях происходили необычные явления. Так, во время Великого поста в Штеттине с изумлением наблюдали, как морские свиньи в большом количестве поднимались по Фрише-Хаффу до самого моста, а Балтика выбрасывала на свои берега множество мертвых животных такого рода[230], так что мы с полным основанием можем заключить, что в то время в морской атмосфере существовало более интенсивное развитие болезнетворных влияний, чем обычно.

Что же касается влияния, которое спутники Германа Эверса, пропитанные запахом потогонной болезни, оказывали на жителей Гамбурга, то нельзя отрицать, что их общение с этими жителями в грязных и узких переулках этого торгового города могло дать толчок к извержению моровой язвы, настолько, что сделало уже существующее топливо более горючим или дало первые искры для его возгорания: Однако столь же неоспоримо, что при существующих обстоятельствах эпидемическая потливая болезнь вспыхнула бы в Германии и без присутствия капитана Эверса, хотя, возможно, и несколькими неделями позже, и не появилась бы в Гамбурге, жители которого, благодаря постоянному распространению тумана на Северном море, были, судя по всему, уже готовы к первому приему этой смертельной болезни.

Определить день, когда разразилась эпидемия, которая долго готовилась, даже для присутствующего наблюдателя очень трудно, а иногда, при самых благоприятных обстоятельствах, невозможно; ведь во время этих визитов происходит переход в эпидемическую форму болезней, которые ей родственны, а также постепенное превращение в нее болезненных явлений, которые обычно начинались за некоторое время до этого. Если мы не сильно ошибаемся, так было и в случае с моровой язвой, о которой мы сейчас говорим; хотя следует признать, что мы не можем получить точной информации по этому вопросу от врачей того времени. Поэтому следующие утверждения, за абсолютную точность которых мы не можем ручаться по прошествии 300 лет, следует оценивать в соответствии с этим общим опытом; и хотя по отдельности они мало что доказывают, но в совокупности они способны продемонстрировать особый и почти удивительный способ распространения потливой лихорадки в Германии.

В Любеке, следующем городе на Балтике, потогонная болезнь появилась примерно в то же время; так как еще в пятницу перед святым Петром *в Винкулисе* (30 июля) стало известно, что в предыдущую ночь от нее умерла женщина[231]. В последующие дни случаи смерти страшно участились, и вскоре беспорядок разразился с такой силой, что людям вновь напомнили о Черной смерти 1349 года. Жители умирали без числа, как в городе, так и в его окрестностях, и суматоха не уступала той, что царила в Гамбурге[232]. В целом, как и везде, пострадали крепкие молодые люди из лучших классов, а вот дети и бедняки, живущие в подвалах и чердаках, почти все спаслись[233].

Теперь можно было бы, исходя из предположения о прогрессирующем изменении атмосферы, как это бывает при гриппе, или о передаче болезни от человека к человеку, что, однако, нельзя считать основной причиной этой эпидемии, ожидать постепенного

распространения потливой болезни из Гамбурга и Любека на окружающие страны. Однако на деле этого не произошло; болезнь вспыхнула в Твиккау, у подножия Эрцгебирге, на расстоянии пятидесяти немецких миль от Гамбурга и без предварительного посещения богатого торгового города Лейпцига. К 14 августа в Твиккау было похоронено девятнадцать человек, умерших от этой болезни, а в одну из следующих ночей заболело более ста человек, из чего можно сделать вывод, что мор в этом месте был сильным.

Возможно, сильный шторм 10 августа послужил толчком к развитию этой весьма примечательной эпидемии; ведь электрическое состояние атмосферы повышает восприимчивость к болезням. Не следует также упускать из виду, что 24 августа, когда небо было пасмурным, наступила невыносимая жара[235], которая, должно быть, ослабила организм после столь долгой холодной влажной погоды. Во всяком случае, в начале сентября мы видим, что потливая лихорадка вспыхнула одновременно в *Штеттине*, *Данциге* и других прусских городах; в *Аугсбурге*, расположенном далеко на юге другой стороне Дуная, в *Кельне* на Рейне, в *Страсбурге*, во *Франкфорте* на Мэне, *в Марбурге*[236], в *Геттингене* и в *Ганновере*[237]. Расположение этих городов дает впечатляющее представление о масштабах страны, которой английская потливая болезнь овладела, как по мановению волшебной палочки. Она была похожа на жестокий пожар, который распространялся во всех направлениях; пламя, однако, не выходило из одного очага, а поднималось повсюду, как бы самовозгораясь; и в то время как все это происходило в Германии и Пруссии, жители других северных стран, Дании, Норвегии и Швеции, возможно, также Литвы, Польши и России, также были охвачены этой жестокой болезнью.

В Штеттине болезнь появилась 31 августа среди слуг герцога[238]. 1 сентября заболела сама герцогиня, а также многие люди при дворе и городские бюргеры. Через несколько дней после этого болезнь поразила несколько тысяч человек, так что не было ни одной улицы, с которой бы ежедневно не выносили трупы. Однако этот страшный период ужаса продолжался не более недели, так как около 8 сентября мор ослабел в своей силе, чтобы больше не вызывать ужаса; и после этого произошло лишь несколько отдельных случаев[239].

В тот же день, а именно 1 сентября, болезнь появилась в Данциге, на пятьдесят немецких миль дальше к востоку, и была здесь также настолько разрушительной, что за короткое время унесла 3000 жителей[240], некоторые говорят даже 6000 - но это, конечно, слишком высокая оценка для Данцига, который, вероятно, включает большую часть Пруссии. Если верить анонимному репортеру[241], чума утихла *через пять дней* и избавила жителей от смертельной тревоги, которая, пока они не пришли в себя, заставляла их повсюду совершать акты несправедливости и причинения вреда, чтобы предотвратить опасность.

В Аугсбурге потливая болезнь появилась 6 сентября. Она продолжалась там также всего *шесть дней*, поразила около 1500 жителей и уничтожила более половины этого числа, или, как говорят, около 800[242].

В Кельне она появилась точно в то же время, как мы узнаем из высказываний графа фон Ньюенара, прелата этого места, который закончил свой рассказ об этом беспорядке 7 сентября[243]. В Страсбурге болезнь вспыхнула на десять или двенадцать дней раньше, а именно 24 августа. В этом месте за неделю заболело около 3000 человек, но умерло очень мало[244]. Во Франкфорте на Майне проводили осеннюю ярмарку (которая началась 7 сентября) как раз в то время, когда преобладала потливая болезнь[245], откуда возникло

мнение, которое вновь стало высказываться в более современные времена[246], что торговцы по возвращении разносили болезнь по всей Германии, и что в общении посредством этой ярмарки была найдена главная причина распространения эпидемии. После приведенных фактов такой узкий взгляд не нуждается в опровержении. Потливая болезнь была быстрее, чем транспорты с товарами и людьми, которые в то время пробирались по безлюдным и непроторенным дорогам; ведь "не успевал слух о приближении болезни дойти до какого-нибудь места, как болезнь сама сопровождала его"[247].

Между указанными границами уцелело лишь несколько отдельных городов и деревень, и, вероятно, мало найдется хроник той эпохи, столь богатой великими событиями, в которых не упоминался бы ужасный бич 1529 года; однако потогонная лихорадка, как и другие великие эпидемии, распространялась, несомненно, очень неравномерно, и установлено, что чем дальше на юг, тем в целом она была более мягкой; Кроме того, все те места, где она вспыхнула поздно, пострадали несравненно меньше, чем те, которые были посещены в начале сентября и во второй половине августа; ибо если не придавать особого значения знойной жаре с 24 августа, которая, вероятно, продержалась недолго, главной причиной ее огромной вредоносности вначале был жестокий метод лечения больных, неприменимость которого, к счастью, была вскоре осознана. Только один горожанин был поражен потливой болезнью в Марбурге, и даже он выздоровел[248], в то время как в Лейпциге мор либо вообще не начался, либо начался очень поздно, возможно, в октябре или ноябре; ибо тамошние врачи в своих памфлетах ясно дали понять, что ничего не знают об этой болезни из собственных наблюдений[249], и не успело распространиться сообщение о том, что страшный враг не проник в стены этого торгового города, толпы беглецов устремились туда из дальних и ближних мест в поисках защиты и безопасности, хотя само по себе это место ни в коем случае не было пригодно для убежища, ибо болотная атмосфера, поднимавшаяся из городских канав, порождала даже в те дни на узких и темных улицах множество затяжных болезней[250].

Раздел 6. Нидерланды.

Примечательно, что Нидерланды посетила потогонная лихорадка[251] спустя целых четыре недели, хотя торговые связи с Англией, если придавать этому обстоятельству особое значение, были гораздо более значительными, чем у немецких городов в Северном море. Впервые он появился в Амстердаме 27 сентября в первой половине дня, когда город был окутан густым туманом[252], и в то же время, возможно, днем раньше, в Антверпене, где 29 сентября совершили торжественную процессию, чтобы молитвой отвратить от города еще больший вред; ведь в последние дни сентября от английской потливой болезни там умерло от 400 до 500 человек[253]. Можно было бы предположить, что сырая почва Голландии и ее непроницаемые туманы примут мор гораздо раньше, чем высокая и безмятежная страна между Альпами и Дунаем или далекая Пруссия, но развитие эпидемий не подчиняется ни человеческим расчетам, ни медицинским взглядам! В городах вокруг Амстердама потогонная лихорадка, по-видимому, не вспыхивала до тех пор, пока в этом городе не прекратилась смертность , то есть через пять дней после 27 сентября, так что мы не можем сильно ошибиться, предполагая, что во второй половине этого месяца и в начале октября она распространилась по всей территории Нидерландов, включая Бельгию[254]. Алкмаар и Ватерланд оставались свободными[255], как, несомненно, и некоторые другие места как в Англии, так и в Германии.

Очень короткое время, в течение которого потливая болезнь продолжалась в разных местах, которые она посещала, было столь же удивительным, как и ее первоначальное

появление. Поскольку в Амстердаме она бушевала всего пять дней, а в Антверпене и многих немецких городах, как мы уже показали, не намного дольше, то в других местах она вряд ли могла продолжаться более пятнадцати дней; таким образом, в этом случае она проявила ту же особенность, которая уже была отмечена в предыдущих посещениях. Однако этот короткий период не следует понимать как спорадическое проявление болезни, иначе, поскольку современник уверяет нас, что потливая лихорадка поражала некоторых людей дважды, а других - три или даже четыре раза[256], мы могли бы заключить, что, хотя, возможно, в некоторых местах мор, бушевавший в течение определенного количества дней, внезапно прекратился, так что после этого не было отдельных случаев, общая продолжительность его распространения была больше, чем указано.

Раздел 7. Дания, Швеция и Норвегия.

Вспышка потогонной лихорадки в Дании[257] пришлась *на конец сентября*, так как 29 числа этого месяца в Копенгагене от нее умерло четыреста жителей[258]. Эльсинор также был серьезно поражен[259], и, вероятно, примерно в то же время большинство городов и деревень этого королевства. Но рассказы об этом в датских хрониках крайне неполноценны[260], поскольку из-за необычайной быстроты распространения этого смертельного недуга современные авторы забыли записать для сведения потомков подробности явления, которое там, как и в других странах, несомненно, должно было поражать своей всеобщей распространенностью. Однако даже из тех несовершенных сообщений, которые были сделаны по этому поводу, ясно видно, что это была та же самая известная болезнь, что и в других странах, которая, как теперь было замечено, прошла через Данию. Доказательством тому служит тот факт, что болели в основном молодые и сильные люди, как это было в Англии, а старики и немощные страдали меньше, и в течение четырех и двадцати часов или, самое большее, в течение двух дней (?) решалась жизнь или смерть пациента.

В тот же период, что и в Дании, потливая болезнь распространилась по *Скандинавскому полуострову* и вызывала те же бурные симптомы у больных, тот же ужас и те же смертельные муки у тех, кто был ею поражен, не только в столице Швеции, где от нее умер *Магнус Эриксон*, брат короля *Густава Вазы*, но и по всему королевству, и в Норвегии. Северные историки давали наглядные рассказы о ней, которые при внимательном изучении рукописных документов , возможно, приобрели бы еще больше красок и духа[261]. О том, что потогонная болезнь проникла также в Литву, Польшу и Ливонию, если не в часть России, мы знаем лишь в общих чертах[262], но, несомненно, в этих странах до сих пор сохранились письменные документы , и нужен лишь внимательный исследователь, чтобы извлечь их на свет. Между тем, судя по раннему появлению беспорядка в Пруссии, можно предположить, что он преобладал в этих странах в то же время, что и в Германии, Дании и на Скандинавском полуострове. Нигде нельзя обнаружить никаких следов того, что потливая болезнь появилась в декабре 1529 года или в январе следующего года, так что, продержавшись в целом четверть года, она исчезла повсеместно, не оставив после себя никаких следов своего существования и не вызвав развития каких-либо других заболеваний. Среди них она, как комета среди планет, прошла свой путь, не помешав ни французской голодной лихорадке, ни итальянской петехиальной лихорадке, став для всех последующих эпох ярким примером тех общих потрясений, которым подвержена жизнь человеческой расы, и страшным бичом для поколения, которое она посетила.

Раздел 8. Террор.

Тревога, царившая в Германии, превосходит все описания и граничит с маниакальным отчаянием. Как только мор появился на континенте, ужасающие рассказы о неслыханных страданиях заболевших и уверенности в их смерти передавались из уст в уста, как дикий огонь. Умы людей были парализованы ужасом, а воображение преувеличивало бедствие, которое, казалось, обрушилось на них как последний приговор. Английская потливая болезнь стала темой для разговоров повсюду, и если кому-то случалось заболеть лихорадкой, неважно какого рода, его тут же превращали в этого демона, чей призрачный облик постоянно преследовал угнетенный дух. В то же время существовало прискорбное заблуждение, что тот, кто желает избежать смерти, будучи охваченным английским мором, *должен потеть в течение двадцати четырех часов без перерыва*[263]. Поэтому больных, независимо от того, была у них потливая болезнь или нет (ибо у кого хватит спокойствия отличить ее?), немедленно укладывали в постель, укрывали пуховыми перинами и мехами и, пока печь топилась до предела, закрывали двери и окна с величайшей осторожностью, чтобы предотвратить доступ холодного воздуха. Кроме того, чтобы помешать страдальцу, если он проявит некоторое нетерпение, сбросить с себя горячий груз, некоторые здоровые люди также ложились на него, и таким образом угнетали его до такой степени, что он не мог шевелить ни руками, ни ногами, и, наконец, в этой репетиции ада, купаясь в мучительном поту, испустил дух, когда, возможно, если бы его слишком официозные родственники проявили немного благоразумия, он мог бы быть спасен без труда[264].

В Цвиккау жил врач - мы уже не знаем имени этого уважаемого человека, - который, преисполненный рвения к благу человечества, противостоял этому губительному безрассудству. Он ходил из дома в дом и, где бы ни находил больного, зарытого в горячую постель, вытаскивал его собственными руками, повсеместно запрещая мучить больных жаром, и спас своим решительным поведением многих, кто, если бы не он, должен был бы задохнуться, как все остальные[265]. В те времена нередко случалось, что в кругу друзей, если о потливой болезни вспоминали лишь одним словом, сначала одного, а потом другого охватывала мучительная боль, кровь сворачивалась, и, уверенные в своей гибели, они тихонько уходили домой и там становились жертвой смерти[266]. Этот смертельный страх - тяжелое дополнение к бичу стремительных смертельных эпидемий, и, правильно говоря, это воспалительное заболевание ума, которое по своему непосредственному воздействию на дух имеет некоторое сходство с кошмаром. Она запутывает понимание, делая его неспособным оценивать внешние обстоятельства в соответствии с их истинными отношениями друг к другу; она превращает мошку в чудовище, отдаленную невероятную опасность в ужасный призрак, который прочно овладевает воображением; Все действия извращаются, и если во время этого состояния рассеянности вспыхивает какая-нибудь другая болезнь, пациент воображает себя преданной жертвой страшной эпидемии, подобно тем несчастным, которые, будучи укушены безобидным животным, тем не менее становятся объектами воображаемой гидрофобии. Так, во время бедственной осени 1529 года многие, возможно, были охвачены лишь мнимой потливой болезнью и под вздымающимся ворохом одежды на своих нагруженных постелях сошлись в могилу[267]. Другие из этих больных мозгом, которым посчастливилось остаться свободными от телесных недугов, многие из которых даже могли похвастаться своей стойкостью, из-за сильных нервных потрясений впали в состояние хронического ипохондризма, который при подобных обстоятельствах характеризуется вздрагиванием, чувством тревоги и страха при одном только упоминании о первоначальной причине ужаса, даже когда от ее существования уже не осталось и следа[268]. Недавно был замечен человек с таким расстройством ума, который покончил с собой[269], получив ложные сведения о возвращении последней эпидемии; таким образом,

он проявил поведение еще более подлое, чем те трусливые солдаты, которые, когда начинают грохотать пушки, наносят себе легкие раны, чтобы не участвовать в опасностях сражения.

Чтобы получить полное представление о том, как заранее были подготовлены умы людей к такому состоянию, достаточно вспомнить о чудовищных событиях, произошедших в Германии. За двенадцать лет до этого величайший немец той эпохи начал гигантскую работу по реформации и, опираясь на Божественную силу Евангелия, триумфально довел ее до конца. Волнение было беспредельным. Новое учение пустило корни в городах и деревнях, но, несмотря на это, со всех сторон бушевала самая смертельная партийная ненависть, и, как обычно бывает во времена таких страстных волнений, эгоизм был тем духом, который властвовал с обеих сторон и овладел факелом веры, чтобы в своих нечестивых целях охватить мир огнем и пламенем.

Уже в 1521 году, во время сокрытия Лютера в стенах Вартбурга, появились лжепророки[270], желавшие без помощи своего великого учителя, который был душой той эпохи, завершить дело, духом которого они не были проникнуты. Они привели в действие самые необузданные страсти, но, лишенные врожденной твердости и неспособные обуздать себя, стали поджигателями и иконоборцами. Сразу же после этого разразилась несчастная крестьянская война - следствие произвола и притеснений, практиковавшихся с давних времен, за которые пособники настроений доктора Эка обвиняли в ответственности самого Лютера, не понимая, что именно волнение времени и лжепророки дали повод к восстанию. Произошли события, от воспоминаний о которых человеческое чувство до сих пор отшатывается. Никогда еще не была прекрасная земля Германии ареной более зверских жестокостей; и после того как месть без сопротивления сыграла свою безумную роль, печальным результатом стало то, что сотни тысяч некогда мирных и по большей части введенных в заблуждение крестьян пали от меча ланскенцев и палача, а их многочисленные выжившие стали жертвой голода, который посетил страну в последующие годы. Битва при Франкенхаузене 15 мая 1525 года и последующая казнь Мюнцера завершили эту кровавую сцену. Однако последствия подобных беспорядков продолжали ощущаться еще долго, и, если не считать их крайне пагубного влияния на благосостояние народа, в немалой степени способствовали слому духа человечества, на что ясно указывали мудрые люди тех времен[271].

Раздел 9. Моральные последствия.

Уныние усиливал повсеместный дух гонений, с помощью которого все еще надеялись искоренить новую доктрину. Пока свирепствовал английский мор, в Кельне были сожжены два протестанта[272]. В том же году в Меклине, Вердене и Париже пылали костры, пламя которых должно было защитить древнюю веру от язвы свободомыслия. В протестантских странах анабаптистам также часто выносились смертные приговоры. Лейпцигский университет вынес осуждение такого рода в 1529 году, а во Фрайштадте одиннадцать женщин были утоплены после номинального суда и приговора, поскольку они признали, что принадлежат к этой секте[273]. На фоне этих раздоров, когда империя находилась в таком беспомощном состоянии, возник страх перед южными варварами, которые уже завоевали Венгрию под предводительством своего султана Солимана и, пока в странах Дуная бушевала английская потасовка, грозили нанести удар по Германии. Это было время бедствий и сетований, в которое даже самые неустрашимые едва ли могли сохранить мужество[274]; но к вечной чести германцев следует признать, что они выдержали этот очистительный огонь с

незапятнанной честью и достойно себя. Ибо их благородный дух был пробужден к неслыханным порывам энергии, и в то время как слабонервные предавались отчаянию, они наложили на гигантское дело своего века печать нетленной истины.

Осада Вены началась 22 сентября, после того как в столице Австрии разразилась английская чума, но никто не обратил внимания на эту внутреннюю опасность. Неоднократные попытки турок взять город штурмом были отбиты с большим мужеством, и 15 октября Солиман снял осаду, после того как потливая болезнь свирепствовала с такой же жестокостью среди его войск, как и среди осажденных[275]. По этому поводу не сохранилось никаких точных сведений, поскольку моровой язве здесь уделялось меньше внимания, чем в других местах, в связи с большим бедствием страны по другим причинам, однако смертность в Австрии при таких неблагоприятных обстоятельствах, несомненно, была более значительной, чем в соседних государствах[276].

На севере Германии должна была решиться другая борьба. Евангелическая партия желала заявить о своей вере перед империей и ее правителем, раскрыть цель своих усилий и защитить чистоту своего вероучения от опасности и нападок. К этой цели они готовились с мудрой осмотрительностью, и в мерах, принятых реформаторами для укрепления великого дела, не было заметно ни малейших следов беспокойства, которое в то время волновало народ. Посреди страны, жители которой трепетали перед новой болезнью и, возможно, уже сильно страдали от нее, Лютер, находясь в Марбурге[277], набросал первые контуры исповедания веры, которое, дополненное Меланктоном, стало фундаментом евангелической церкви; а следующей весной, во время пребывания в Кобурге, он сочинил свой возвышенный гимн "Eine feste burg ist unser Gott", сильная крепость - наш Бог.

Не могло не случиться так, что в религиозной борьбе, происходившей в эти годы, особое значение придавалось английскому мору. Эпидемии легко представляются человеку, в узком кругу его представлений, как бичи Божьи; и, действительно, такое представление о них всегда было преобладающим во всех религиях. Ибо легче оценить вечные грехи человечества, чем грандиозные потрясения земного организма, охватывающие и разум, и тело, которые можно постичь, лишь обладая высшим пониманием вещей; а подлый эгоизм людей и их заблуждения относительно собственных качеств побуждают их легче принять частичный взгляд, согласно которому Высшее Существо допускает существование моров только для того, чтобы уничтожать своих врагов другой веры. Поэтому не только большинство современных писателей говорят о справедливом гневе Божьем и о наказании, уготованном за грехи мира[278], но и папская партия приложила все возможные усилия, чтобы представить английский мор как наказание за ересь и явное предупреждение против торжествующих доктрин Лютера. Случаи в Гамбурге, где вспышка потогонной болезни почти сразу же последовала за отменой монастырей, несомненно, заслужили доверие подобных представлений среди колеблющихся и недальновидных людей, и в сотне других городов паписты также могли воспользоваться подобным стечением обстоятельств, поскольку 1529 год был годом, когда решались большие и важные вопросы. В Любеке монахи проповедовали, что английская потогонная лихорадка - всего лишь наказание, которое небеса обрушили на мартинианцев, ибо так они называли последователей Лютера, и народ не был обманут, пока с изумлением не увидел, что католики тоже заболевают и умирают[279]. Однако они пошли гораздо дальше и без колебаний прибегли даже к лжи и жестокой мести, чтобы добиться своей цели. Так, утверждалось, что собрание реформаторов в Марбурге 2 октября не привело к объединению, потому что еретиков охватила паника из-за новой болезни[280]. Никогда подлый страх смерти не проникал в сердце Лютера, который, когда в 1527 году в Виттенбурге разразилась чума, бодро и мужественно оставался на своем посту, в

то время как все вокруг бежали, а высшая школа была переведена в Йену. Кроме того, как мы уже видели, потогонная болезнь ни разу не подступила к Марбургу, а объединение двух евангелических церквей потерпело неудачу по совершенно разным причинам.

В Кельне фанатики считали, что им следует попытаться умиротворить видимый гнев Божий наказанием еретиков, и именно это кровожадное заблуждение, достойное диких варваров, ускорило сожжение Флиштедта и Кларенбаха[281]. Для завершения этой картины времени можно добавить множество других мелких штрихов, примером которых может служить следующий. В марте Бранденбурга евангельская вера, несмотря на огромные препятствия, распространялась с каждым днем все больше и больше, и католические священники вскоре оказались безлюдными. Как раз в то время, когда потливая болезнь вспыхнула в Фридеберге, в Ньюмарке, один из тамошних викариев произнес проповедь, полную энтузиазма и страсти, и попытался убедить свою отступническую паству, что Бог изобрел новую чуму, чтобы покарать новую ересь. На следующий день должна была состояться торжественная процессия, согласно древнему обычаю и ортодоксальному предписанию, и таким образом прихожане должны были вернуться в лоно единственной истинной церкви. Но вот, в течение ночи, ревностный викарий умер от какой-то внезапной болезни; и поскольку люди всегда готовы истолковать даже громы Вечного в соответствии со своими желаниями и узкими представлениями, протестанты, похоже, не преминули представить это событие как чудо[282].

Раздел 10. Врачи.

В этих обстоятельствах перед преподавателями встала очень сложная проблема, за несовершенное решение которой их нельзя справедливо упрекнуть. Ученый и деятельный врач - это, безусловно, одна из самых благородных форм человечества; ведь он соединяет в себе силу, проистекающую из понимания творений природы, и чистую филантропию, неотъемлемую от его должности. Однако в те времена жило мало людей такого идеального совершенства, и их смягчающее влияние на жестокость эпидемии, которая обычно проходила прежде, чем они успевали внимательно изучить своего нового врага и дать какой-либо обдуманный совет, было, несомненно, весьма незначительным. Тем более, что невежественные и жадные люди, которые с незапамятных времен, будучи более многочисленным представителем профессии, всегда наносили ей урон в ее моральном достоинстве. Они нападали на болезнь с дерзкими утверждениями, тревожили людей неосмотрительными представлениями, превозносили непогрешимость своих средств и были распространителями пагубных предрассудков. В Нидерландах, как уверяет нас Тингиус, врач, которого мы причисляем к ученым и доброжелательным людям, огромное количество пациентов умерло от последствий распространения пагубных брошюр, с помощью которых эти невежественные интервенты должны были бороться с потливой болезнью , которые многие из них выдавали себя за бывалых в Англии, хвастались перед жителями своим опытом и мастерством и со своими пилюлями и "адскими элексирами" переезжали с места на место[283], особенно там, где можно было найти богатых купцов, от которых, в случае их восстановления, они получали обещание золотых приисков[284]. Подобное происходило и в Германии, где в самом начале здравый смысл людей был побежден этой официозностью, и насильственные средства рекомендовались как несомненные способы лечения в огромном количестве памфлетов, некоторые из которых были написаны людьми, не имеющими отношения к профессии.

Из этого нечистого источника был взят рецепт обязательного[285] потения в течение двадцати четырех часов, который в районах Рейна назывался "голландским режимом"[286]; и непростительно, что врачи либо со слепой гордостью игнорировали, либо были

совершенно не знакомы с предыдущим опытом англичан, который выступал за благоразумие и наиболее подходящую линию лечения. Это пренебрежение, которое не было компенсировано до тех пор, пока не пали тысячи людей, возможно, возникло из-за порицаемого молчания английских врачей, среди которых, как будто Англия еще не была просвещена рассветом науки, с 1485 года не было ни одного человека, который бы написал о потливой болезни или предложил разумную линию лечения. Между Англией и Германией, тем не менее, существовал постоянный контакт; и невероятно, чтобы этот способ лечения, который возник не благодаря формальной медицинской школе, а благодаря здравому смыслу народа, не стал известен раньше по эту сторону Северного моря.

Мы не должны забывать о привычках и бытовых нравах немцев, ведь они в немалой степени способствовали пагубному предрассудку в отношении жары, ответственность за который мы бы не стали возлагать на врачей. Даже в те времена домохозяйки слишком дорожили высокими кроватями, на которых ежегодно лежали перья гусей, съеденных за столом. Удобства теплой перины высоко ценились, и меньше всего они были склонны отказывать в них больным. Таким образом, все воспалительные заболевания стимулировались с гораздо большей силой, поскольку такая постель вызывала либо сухой жар, вплоть до жгучей лихорадки, либо бесполезное изнуряющее потоотделение. Этому способствовало очень широкое злоупотребление горячими ваннами, а также обычай одеваться слишком тепло. В целом в народе и среди медиков было распространено мнение, что с болезнями нужно бороться с помощью тепла и потогонных средств. Однако при новых эпидемиях всегда применяются преобладающие представления и обычаи, ибо большая часть человечества, к которой можно отнести и медиков, полностью ими руководствуется, так что в данном случае потливая болезнь обрушилась на страну, в которой она должна была проявить себя с максимальной злобой.

Однако после первых нескольких дней, в течение которых произошло множество несчастных случаев, люди осознали, какую ошибку они совершили. Сторонник двадцатичетырехчасового поения, который, не будучи медиком, восхвалял эту практику в брошюре на эту тему[287], умер в Цвиккау 5 сентября, став жертвой собственного безрассудства. Через несколько дней после него умер аптекарь, также лечившийся с помощью нагретой кровати. После этого врачи немедленно отказались от этой практики, предписав своим пациентам потеть только в течение пяти или шести часов и в более умеренной степени: и уважаемый анонимный писатель, на которого мы уже ссылались, таким образом, похоже, встретил новообращенных в свою веру. В Гамбурге люди также убедились в пагубности пуховых перин и отдали предпочтение одеялам[288]; ибо английский план лечения был вскоре известен, и умные филантропы, видевшие его целебные свойства, обнародовали его[289] во всех кварталах посредством своей переписки. В Любеке во время потливой лихорадки жил ученый англичанин-протестант доктор Энтони Барнс, который, проявляя большую доброту, повсеместно распространял английский метод лечения этой болезни. Однако после прекращения эпидемии он был изгнан из города, поскольку ходатайствовал перед фанатичным католическим сенатом о терпимости к своим протестантским братьям. Многие были спасены благодаря ему; ведь в этом городе также было принято *тушить до смерти*[290] тех, кто был поражен болезнью. В Штеттине английское лечение было распространено своевременно, и два странствующих ремесленника, прибывшие туда из Гамбурга, оказали жителям этого города величайшую помощь, посоветовав им вынуть перья из верхних кроватей; они также рассказали, как успешно лечили эту болезнь. Они сами видели случаи заболевания и поэтому могли

отличить по запаху тех, кто страдал от настоящей эпидемии потницы, от тех, кто был охвачен лихорадкой, вызванной паникой. Их постоянно осаждали люди, задававшие вопросы и просившие помощи; а когда болезнь достигала своего апогея, улицы по ночам освещались огнями родственников больных[291], которые в растерянности бегали во все стороны. Отвращение к пуховым перинам и горячему плану так быстро сменилось слепой рекомендацией двадцатичетырехчасового потения, что к середине сентября, а во многих местах и раньше, были приняты более правильные взгляды, и некоторые разумные люди, после полученного печального опыта, воспользовались возможностью сделать больше добра для общества, чем их шумные предшественники, которые к этому времени так обильно снабжали церковные дворы телами. К числу этих в буквальном смысле слова *благодетельных* врачей можно отнести Питера Вилда из Вормса[292], который предостерегал своих соотечественников от нидерландской практики[293]; а также неизвестного человека (имена лучших часто остаются неизвестными в смутные времена), который, выражаясь народным языком, настойчиво отговаривал людей от использования перин[294]. Там же вскоре появилась поговорка: "Потливая болезнь не терпит лекарств"[295].

Нет оснований полагать, что в стране, где зародилась потливая болезнь, влияние этого факультета было гораздо сильнее, чем в Германии, поскольку число ученых врачей там было еще меньше, а знания в области медицины не столь обширны, как в Италии, Германии и Франции. Ученый Линакр умер уже в 1524 году. Джон Шамбре[296], Эдвард Уоттон[297] и Джордж Оуэн[298] были телесными врачами короля во время четвертой эпидемии потливой болезни. Уильям Баттс[299], о котором с почтением упоминает Шекспир[300], по всей вероятности, также занимал подобную должность. Это были, безусловно, выдающиеся и достойные люди[301], но потомки ничего не почерпнули от них по теме английской потливой болезни. Все эти врачи были хорошо информированными, ревностными и, несомненно, осторожными последователями древнегреческой школы медицины, но их заслуги не принесли пользы людям, которые, отступив от велений собственного разума и не довольствуясь домашними средствами, к которым они привыкли, попали в руки хирургов, настолько грубых и невежественных, что они могли существовать только в том состоянии общества, которое тогда преобладало[302].

Раздел 11. Памфлеты.

Каким бы необъяснимым ни казалось на первый взгляд молчание ученых врачей Англии по поводу потливой болезни (ибо где же польза от учености, если она не способна пролить свет на бурные явления жизни?), мы все же можем найти, возможно, его причину в совершенно простом внешнем обстоятельстве. Реформация еще не началась в Англии, католическая церковь все еще стояла на своих древних основаниях, и интеллектуальное общение между учеными и народом отнюдь не входило в число признанных желаний. Поэтому преподаватели могли излагать суть нового расстройства только в громоздких латинских трудах, поскольку на своем родном языке они писали неохотно, а тема не могла показаться им подходящей для этой цели, поскольку они считали ее незамеченной и не исследованной их высокочтимыми мастерами - греками. Они не знали, что потливая лихорадка когда-либо появлялась у древних, что в противном случае могло бы побудить их к собственным исследованиям на эту тему; ведь Аврелиан, который описывает ее в житиях, был либо неизвестен им, либо, что в то время было веским основанием, презираем ими из-за своего плохого (неклассического) языка.

В Германии, напротив, интеллектуальные потребности народа и образованных классов уже проявлялись совершенно по-разному. За двенадцать лет до этого там начался век памфлетов. Мысли Лютера и его учеников, а также его противников окрылялись быстрой прессой, и народ принимал горячее участие в попытках ученых повлиять на их убеждения, и с помощью этого совершенно нового и авторитетного способа религиозного обучения постепенно становился образованным и направляемым. Поэтому не стоит удивляться, что люди начали исследовать в памфлетах и другие важные темы, и таким образом мы видим, что эта весомая отрасль интеллектуальной коммерции, со всеми ее достоинствами и недостатками, также обратилась к обсуждению народных болезней и впервые развернула свои многочисленные листки на тему английской эпидемии. В приморских городах ничего подобного не происходило, поскольку эпидемия заставала их врасплох, а поскольку она проходила снова в течение нескольких недель, то не было смысла наставлять людей на этот счет.

Это удивление очень наглядно проявилось в ответе врачей и лиценциатов, собравшихся у постели герцогини в Штеттине: "Болезнь была для них новой и неизвестной: они были в растерянности, что посоветовать, кроме укрепляющих лекарств"."[303] Напротив, в центральных районах Германии, где уже в августе сообщение о новой чуме вызвало крайнюю тревогу, а вспышка чумы в Цвиккау привела к всеобщему бегству, публикации о потливости распространялись во всех направлениях даже в течение этого месяца, а в сентябре - еще более массово. Как научные труды, они почти все бесполезны. Многие из них, действительно, приносили вред, и лишь немногие пропагандировали правильные взгляды. Большинство из них теперь утрачено, как, например, та, что была издана печатником Францем в Цвиккау 3 сентября: но то, в каком огромном количестве они были опубликованы, видно из того обстоятельства, что доктор Байер в Лейпциге, который выпустил свою собственную книгу 4 сентября, заявляет, что он прочитал многие из них, и выражает свое негодование против этих "новых необоснованных маленьких книжек", которыми люди были введены в заблуждение к их собственному горю и страданиям[304]. Этот же доктор Байер пишет в стиле умного практического врача, смело обличает предрассудки человечества, невежество *подмастерьев-медиков* и их бессмысленные кровопускания при виде тазика цирюльника и его шеста. Некоторые из его советов тоже неплохи, особенно когда он говорит об использовании арабами безвредных сиропов. Однако он религиозно хранит весь мусор своей эпохи и имеет большое мнение о профилактических кровотечениях, чистках и сильных лекарствах, которых он прописывает так много, что его читатель поневоле путается в их множестве. Его наставления относительно пота очень уместны, поскольку он предостерегает от принудительного потоотделения, назначает его в зависимости от обстоятельств и даже начинает лечение со слабительного, если состояние желудка, кажется, указывает на необходимость его применения. Чтобы уберечься от заразы, он рекомендует на приближающейся осенней ярмарке *размещать* иностранцев из "*умирающих стран*" *в отдельных трактирах*, тщательно проводить дезинфекцию и разводить огонь перед каждой будкой на ярмарке.

Другой памфлет Каспара Кегелера из Лейпцига является печальным памятником легковерия, которое, начиная с Герофила и до наших дней, пропитало все медицинское искусство. Это обычная фармакопея для потливой болезни, составленная на скорую руку, без какого-либо понимания природы заболевания. Мина чудесных пилюль и электроприборов, состоящих из бесчисленных ингредиентов, с помощью которых этот "таинственный достойный" берется вызывать суматоху в телах своих пациентов. Если бы он видел хоть один случай этой болезни, то, по крайней мере, знал бы, как невозможно в течение четырех-двадцати часов принять сотую часть его пилюль и шашек. О том, с каким одобрением эта маленькая фармакопея

была принята врачами, столь же проницательными и понимающими, как и он сам, свидетельствуют восемь изданий, через которые она прошла[305], и поэтому мы вынуждены с грустью думать, что, возможно, тысячи больных были подвергнуты жестокому обращению и стали жертвами применения лекарств Кегелера.

Третий врач из Лейпцига, доктор Джон Хеллветтер, в своей брошюре сообщает, что он познакомился с потливой лихорадкой в зарубежных странах, и по поводу потоотделения дает несколько очень хороших советов, очевидно, являющихся результатом его собственного опыта, которые напоминают нам о первоначальном английском способе лечения. Его мнение о вреде рыбы, по-видимому, возникло из того факта, что постоянное употребление рыбы в пищу вызывает обильное потоотделение, а его наставление своим собратьям-медикам не бежать от больных, а посещать их с осторожностью и давать им утешение, дает основания предполагать, что некоторые из них были достаточно пассионарны и бесчестны, чтобы удалиться или отказать в помощи бедным.

Почти все медики того времени владели арканами, которые они применяли либо при всех, либо, по крайней мере, при большинстве болезней, причем весьма непрофессионально, и эффективность которых сладкие иллюзии корысти не позволяли им поставить под сомнение. Суровые металлические средства спагирической школы, которая тогда находилась в зачаточном состоянии, еще не были введены, но не было недостатка в сильных согревающих лекарствах из древних запасов эмпириков, которые почти повсеместно получали предпочтение перед мягкими настойками и сиропами аравийцев. Гельветтер продавал порошок неизвестного состава и несколько дистиллированных вод, о которых доктор Магнус Хундт из Лейпцига отзывается с большим одобрением. Памфлет этого врача во всех отношениях самый обычный; он не дает никаких доказательств того, что автор имел хоть какое-то представление о болезни, и принадлежит к тому классу низких медицинских сочинений, которые во время опасности так легко высмеиваются публикой и так сильно снижают оценку профессии, нанося материальный ущерб общему благосостоянию.

Не следует, однако, думать, что народ, который в такие смутные времена часто смешивает хорошее и плохое, с такой готовностью прислушивался к этим памфлетистам. Сочинение некоего доктора Кламп из Уэберлингена, который с началом болезни атаковал своих пациентов териаком и всевозможными согревающими порошками от чумы, вызвало большие насмешки[306], и нельзя отрицать, что на стороне народа, по крайней мере иногда, было преимущество здравого смысла в противовес бесконечным предписаниям врачей, и отрадно наблюдать, как этот здравый смысл, которым, несомненно, руководствовались уважаемые медики, действовал во многих городах в пользу заболевших.

Это доказывает брошюра, написанная на популярном языке врачом из Виттенберга[307], которая содержит такие правильные медицинские взгляды, что мы даже сейчас справедливо одобряем ее неизвестного автора, поскольку на протяжении всего времени он демонстрирует большую рассудительность и очень компетентное знание потливой лихорадки. Его лечение в целом мягкое и осторожное; он запрещает использовать перины, но настоятельно прививает необходимость избегать любого вида холода, и поэтому рекомендует практику, используемую в то время, под названием "*шитье больных*", то есть прикрепление края постельного белья к кровати с помощью иголки и нитки. Он дает своим пациентам умеренное количество теплого, но не согревающего напитка[308], освежает их сиропом из роз и внушает своим читателям, что большинство больных выздоравливают без лекарств. Чтобы уберечься от оцепенения, которое было так смертельно опасно, в дополнение к постоянным разговорам перед носом пациента держали освежающие запахи розовой воды и ароматического уксуса в умеренно влажной ткани или осторожно омывали

ими виски. За выздоравливающими следили с особой тщательностью, и не последним достоинством этого замечательного памфлета является то, что он также борется с робостью больных, прививая им мягкие, но мужественные религиозные принципы, соответствующие духу той эпохи. Изложенные здесь правила - это, по сути, оригинальные английские предписания, которые уже в 1485 году сломили силу эпидемии потливой болезни, и автор не скрывает, что получил информацию по этому вопросу из Гамбурга еще 7 августа. В то, что при таком способе лечения были спасены не только отдельные пациенты, но и целые города, защищенные от очень большой смертности, мы готовы поверить вместе с автором, и оттого не можем не сожалеть еще больше, что медицинская наука строгих школ тех дней так полностью ошиблась в своей должности хранителя жизни и что своими опасными средствами она принесла больше жертв, чем могла бы принести чума.

О том, как скоро английское лечение получило заслуженное признание, можно судить по латинскому сочинению почти того же содержания, что и вышеприведенное, которое, по-видимому, является выдержкой из некоторых немецких памфлетов[310]. Помимо ароматических пахучих вод, очень безвредными и единственными средствами , которые там рекомендуются, являются жемчуг и кораллы, принимаемые внутрь по столовой ложке в теплой розовой воде. В качестве профилактического средства патоку, которая была очень распространена, рекомендовалось принимать в соке жареного лука, но только в очень малых дозах. Подобные справедливые взгляды на возбуждение потоотделения поддерживались и другими врачами[311], и, наконец, большой совет в Берне 18 декабря опубликовал увещевание к терпению и непоколебимому мужеству, в котором использование перин и всех лекарств, кроме воды с корицей, во время болезни категорически отрицалось[312]. Голландский двор также рекомендовал метод лечения[313], по-видимому, английский, и эти два документа - единственные следы отеческой заботы о своих подданных со стороны каких-либо правительств.

Ученый и опытный Эвриций Кордус[314] из Марбурга не имел, когда писал[315], никаких сведений об успешном английском способе лечения и, при всей своей известности, следовал лишь в рядах обычных советчиков. Он не мог освободиться от медицинских предписаний, которые привез из Италии и дал единственному пациенту в Марбурге, страдавшему потливой болезнью, очень неприятное, хотя и часто используемое снадобье "Бенедетто"."Его профилактические предписания были очень обременительны, хотя в отношении частого использования чистящих средств, которые в то время рекомендовали почти все врачи, следует учесть, что невоздержанность, столь распространенная в те времена, делала их в целом более необходимыми, возможно, чем в настоящее время. Епископ Дитмар Мерзебургский донес до потомков, что этот знаменитый человек испытывал большой страх перед новым расстройством и не скрывал своего беспокойства[317].

Сохранился очень сложный рецепт Ахилла Гассера[318], ученого врача из Аугсбурга, который он использовал с детской самоуверенностью[319] во время распространения потливой моровой язвы. Мы могли бы отнести этот случай к тысяче других подобных, если бы не было очевидно, насколько мало медицинское искусство в его древнегреческом одеянии соответствовало требованиям эпохи, будучи скучным, неэффективным и давно лишенным своего первоначального духа; ведь только так его преподавали в университетах.

В обширном послании Симона Риквинуса графу Ньюенару в Кельне[320] действительно заметны следы лучших принципов, которые вскоре распространились из Гамбурга по всей Германии, однако рекомендуемые профилактические меры не намного лучше тех, что использовались во времена императора Антонина, когда териаки Андромаха были в числе предметов первой необходимости при римском дворе. Риквинус рассказывает историю о

крестьянине из окрестностей Клива, который, заболев английской потливой болезнью, прокрался как можно быстрее в печь пекаря, которая была еще горячей, и через некоторое время снова появился в изможденном состоянии[321]. Это обстоятельство доказывает, что человек страдал лишь мнимой, а не реальной потливой лихорадкой, а убеждение в том, что хлеб, который потом испекли в этой печи, был заражен ядом, можно отнести только на счет легковерия ученого врача.

Граф Ньюенар[322] высказывается по поводу потливой лихорадки, как человек хорошо информированный и небезынтересный в медицинских вопросах, и пытается доказать критическую природу пота частой практикой эмпириков повергать больных чумой в самом начале приступа в обильное потоотделение[323]. Пользуясь случаем, он рассказывает о беспринципном враче, что тот избавил себя таким образом от чумы в общественной бане, в то время как все, кто пришел после него, заболели и умерли. Согласно его рассказу, английская потливая болезнь ни в коем случае не была смертельной в Кельне и его окрестностях[324], однако мы находим ее со всей ее первоначальной злобой на берегах Шельды и в приморских городах Нидерландов.

Это явствует из брошюры врача, имеющего большую практику в Генте, Терция Дамиана из Виссенекена, близ Тирлемонта[325], чья собственная жена заболела потливой лихорадкой и, к счастью, снова выздоровела[326]. Случаи, о которых рассказывает Дамиан, являются одними из самых ярких, о которых упоминается, и, кроме того, похоже, что болезнь, вопреки мнению многих, возникала только от страха и проявляла в Нидерландах гораздо большую силу заражения, чем в Германии, чему, возможно, способствовало горячее лечение[327]. Заслуживает внимания способ, с помощью которого Дамианус удерживал своих пациентов от потворства их склонности ко сну. Когда обычные средства не помогали, он приказывал вырывать им волосы, связывать конечности в болезненных позах и капать в глаза уксус[328]: опасность оправдывала эти средства, но насилие нелегко достигает цели. В остальном взгляды этого врача не отличаются от общепринятых, и если он жалуется[329] на большие поборы аптекарей, то это было естественным следствием обычных рецептов, среди которых он сам рекомендует много весьма предосудительных.

Все, что медицинская наука XVI века могла противопоставить столь страшному врагу, изложено в превосходном трактате Иоахима Шиллера[330] из Фрайбурга, который, однако, появился лишь два года спустя и, к сожалению, не дает желанной информации о развитии моровой язвы в Бризгау. Шиллер умерен в своих взглядах и на протяжении всего времени показывает, что он очень хорошо осведомленный врач и прекрасно разбирается в греческой литературе: и хотя он не может избежать мусора неуклюжих средств, все же вину следует возложить не на него, а на эпоху, в которой он жил. Она, как и любая другая, имела свои недостатки и окутала тучами и мраком гений медицины, который, свободный, великий и возвышающийся над человеческой близорукостью, пользуется уважением только у интеллектуальных слуг природы.

Раздел 12. Форма болезни.

Представления современных авторов о явлениях и течении эпидемии потливости, правда, по отдельности неудовлетворительны и несовершенны[331], но в совокупности мы можем составить из них живую и полную картину ее воздействия на человеческий организм; особенно это касается немецких наблюдателей, которые правдиво и честно сообщили о своем собственном, а также общем опыте своей эпохи; ведь англичане до этого времени описывали лишь внешние проявления этой эпидемии, которая уже в четвертый раз напала на них.

Установлено, что *потливая лихорадка в целом была очень воспалительной* и, если не принимать во внимание ее продолжение, *достигала кризиса максимум через четыре и двадцать часов*; однако в этих узких пределах времени проявлялись самые разнообразные симптомы[332], так что при более точном наблюдении, чем можно было ожидать от врачей тех дней, можно было бы отличить друг от друга несколько градаций ее развития и силы. Так, появилась одна форма этой болезни, в которой отсутствовал именно тот симптом, который был наиболее существенным, а именно колликвативное потоотделение[333], (так как при самой опасной форме холеры не происходит ни рвоты, ни очищения), и которая своим мощным приступом либо уничтожала жизнь в течение нескольких часов, либо, возможно, принимала какой-то другой оборот неизвестной нам природы.

Предвестники отсутствовали полностью, если не считать таковыми, во-первых, страдание в сочетании с сердцебиением, которое, возможно, не имело телесного происхождения, но могло проистекать из общей тревоги; во-вторых, непреодолимое падение сил, напоминающее обморок, которое, возможно, предшествовало расстройству, подобно тому, как оно предшествовало всеобщей вспышке чумы в Северной Германии[334]: или, в-третьих, ревматические боли разного рода, которые часто ощущались летом 1529 года[335]; или, наконец, неприятный привкус во рту и запах изо рта, на которые очень часто жаловались в то время[336].

В большинстве случаев болезнь начиналась, как и все лихорадки, с *короткого приступа дрожи*[337] и трепета, который в очень злокачественных случаях переходил даже в судороги конечностей[338]; у многих она начиналась с умеренного и постоянно усиливающегося жара[339] либо без всякого видимого повода, даже во время сна, так что пациенты по пробуждении лежали в состоянии пота, либо от состояния опьянения, а также во время тяжелой работы[340], особенно утром на восходе солнца[341]. Многие пациенты в начале заболевания испытывали неприятное *ощущение ползания* или *образования на руках и ногах*[342], которое переходило в колющие боли и крайне *болезненные ощущения под ногтями*. Временами это также сочеталось с ревматическими судорогами и такой усталостью в верхней части тела, что больные были совершенно не в состоянии поднять руки[343]. Некоторые, особенно женщины и ослабленные люди, во время этих приступов были замечены с распухшими руками и ногами[344].

Быстро наступали серьезные поражения мозга; многие впадали в состояние жестокого лихорадочного бреда[345], и, как правило, умирали[346]. Все жаловались на непонятную *боль в голове*[347]; и не долгое время наступала тревожная *летаргия*[348], которая, если ей не противостоять, приводила к неизбежной смерти от апоплексии. Таким образом, потерявшие сознание страдальцы были, по крайней мере, избавлены от боли разлуки с друзьями, которая была бы для них гораздо более мучительной при этой, чем при любой другой жалобе, поскольку они лежали, как в зловонном болоте, терзаемые страданиями.

Эта смертельная мука сопровождала их до тех пор, пока они были в здравом уме, на протяжении всей болезни[349]. *Лицо у многих было вздутым и синюшным*, или, по крайней мере, губы и впадины глаз имели свинцовый оттенок; отсюда, очевидно, следует, что прохождение крови через легкие было затруднено так же, как при сильной астме[350]; *Поэтому они дышали с большим трудом*, как будто их легкие были охвачены сильным спазмом или начинающимся параличом; в то же время *сердце* постоянно *дрожало и колотилось* под гнетущим ощущением внутреннего жжения, которое в самых злокачественных случаях доходило до головы и вызывало смертельный бред[351]. В течение короткого времени, а во многих случаях и в самом начале болезни, *зловонный пот* струился по всему телу, оказываясь либо полезным, когда жизнь одерживала верх над болезнью, либо

вредным, когда она покорялась ей - как это бывает во всех безрезультатных попытках природы произвести лечение. И в этом отношении, как и в болезнях меньшей важности, наблюдались большие различия в зависимости от конституции пациента; так, одни потели очень легко, другие, напротив, с большим трудом, особенно флегматики, которым, как следствие, угрожала наибольшая опасность[352].

В этой тяжелой борьбе *спинной мозг* иногда, в более поздней стадии, был так сильно затронут, что даже наступали *судороги*; и нередко случалось, что вследствие сдавливания грудной клетки желудок указывал на свое возбужденное состояние *тошнотой* и *рвотой*[353]. Эти симптомы, однако, проявлялись в основном у тех, кто подвергался нападению болезни на полный желудок.

Таковы свидетельства современных авторов 1529 года, к которым мало что добавляет Кайе, английский очевидец эпидемии потливой болезни 1551 года. Наблюдения этого заслуживающего полного доверия врача, насколько они касаются формы заболевания, могут быть приведены здесь, поскольку существенных различий между этими двумя случаями обнаружить невозможно. При первом приступе болезнь у одних поражала шею или плечи, у других - одну ногу или одну руку, сопровождаясь тянущими болями[354]; другие одновременно ощущали теплое свечение, распространявшееся по конечностям, сразу после чего без видимых причин появлялся пот, сопровождавшийся постоянным и усиливающимся жаром внутренних частей, постепенно распространявшимся к поверхности. Пациенты страдали от очень *быстрого и раздражительного пульса*[355], сильной жажды и метались в крайнем беспокойстве. Под сильной головной болью они часто впадали в болтливое состояние блуждания, однако это происходило не раньше девятого часа, причем в очень разных градациях умственной аберрации[356], после чего наступала сонливость. У других пот задерживался дольше, пока сохранялось легкое окоченение конечностей: затем он обильно выделялся, но не всегда струился по коже в одинаковом количестве, а попеременно, то больше, то меньше. Она была густой и разного цвета, но во всех случаях имела очень неприятный запах[357], который, когда она снова появлялась, после любого прекращения ее течения, был еще более пронзительным[358].

К тому, что мы уже знаем об угнетении грудной клетки, Кайе добавляет очень важное утверждение, что у больных наблюдался *ноющий, вздыхающий голос*, из чего мы имеем все основания заключить, что имело место серьезное поражение восьмой пары нервов. Кроме того, он описывает очень легкую форму заболевания, такую, которая была распространена на юге Германии в 1529 году. При надлежащем уходе она прошла без всякой опасности за очень короткий период в *пятнадцать часов* и была доведена до конца умеренным теплом через посредство очень легкого потоотделения[359].

Примечательно, что во время этого бурного расстройства ни *деятельность почек, ни эвакуация кала* не *были полностью прерваны*, поскольку постоянно выделялась мутная и темная моча, хотя, как можно предположить, в небольшом количестве и с большой неопределенностью в отношении прогноза; поэтому те врачи, которые судили по моче, были не в малом недоумении[360]. Также было замечено, что иногда в более легко излечимых случаях *пациенты в тот момент, когда на них проступал пот, выделяли большое количество мочи*[361], в связи с чем французский врач предложил отводить воду у тех, кто страдает от этой болезни[362]; однако эта практика имеет не более высокую терапевтическую ценность, чем возбуждение пота при диабете или холере, и, кроме того, гораздо менее практична. О том, что иногда диарея усиливалась, и даже до такой степени,

что ее нельзя было сдерживать, можно судить по частым медицинским указаниям о том, как ее следует останавливать, которые повторяет и Кайе[363]. У некоторых пациентов природа, похоже, одновременно воздействовала на кожу, почки и кишечник.

Гораздо важнее, однако, наблюдение уважаемого голландского врача, что *после окончания потоотделения* на конечностях появлялись *маленькие пузырьки*[364], которые не сливались, , но делали кожу неровной; их не заметил ни один другой медицинский наблюдатель, но о них говорит автор старой гамбургской хроники, с добавлением, что их видели на мертвых[365]. Под ними, скорее всего, следует понимать *милиарные высыпания*, а возможно, и пятна; однако все говорит против предположения, что это явление было постоянным или что потливая лихорадка была эруптивным расстройством[366]. Ведь в таком случае о нем упоминалось бы в многочисленных рассказах историков, многие из которых, несомненно, сами видели эту болезнь, а высыпания были бы более явными и отчетливыми в многочисленных рецидивах у выздоровевших. Они, конечно, указывают на связь с милиарной лихорадкой, но только в той мере, в какой оба заболевания имеют ревматическое происхождение, и это небольшое участие в природе эруптивного заболевания, по-видимому, наблюдалось в английской потливой болезни только в совершенно единичных случаях. Что произошло бы при таких признаках, если бы потливая болезнь протекала дольше, не перешла ли бы она в обычную милиарную лихорадку, - вопрос, не решенный прошлым, поскольку даже более поздние переходы такого рода никогда не наблюдались. Эти две болезни, как по своему течению, так и по своей природе, совершенно отличны друг от друга, и милиарная лихорадка развилась как самостоятельная эпидемия только в следующем столетии, при совершенно других обстоятельствах, а ее более явные предшественники были обнаружены только в период, предшествующий пяти вспышкам потливой болезни.

Болезнь потливости сильно пошатнула силы организма, так что быстрое выздоровление наблюдалось только при самой легкой форме этого заболевания. Те же, на кого она нападала сильнее, оставались очень слабыми и бессильными в течение как минимум недели, и их восстановление было постепенным, и достигалось только благодаря большой осторожности и укрепляющей диете. После того как пот проходил, пациента осторожно поднимали с постели, тщательно высушивали в теплой комнате, ставили у камина и, в качестве первого восстанавливающего средства, обычно кормили яичным супом, однако большинство людей еще долгое время не могли полностью избавиться от последствий лихорадки. Те, кто выздоравливал, редко могли выйти на улицу уже на второй или третий день[367].

Еще большей опасности подвергались те пациенты, *у которых пот был хоть как-то подавлен*: большинство из них обрекалось на неизбежную смерть (народный голос с 1485 года подтверждает это).) У тех же, в ком жизненные силы пробуждались к новым усилиям, через короткое время появлялся новый пот, гораздо более противный, чем первый; так что с тела капала мерзкая жидкость, и казалось, будто внутренние части хотят сразу же избавиться от гнилостных выделений путем неумеренных усилий[368]. Очевидно, что повторение приступа было губительным для многих, кто, если бы не обструкция кризиса, был бы спасен; ведь ничто так не опасно при воспалительных заболеваниях, как прерывание выделений, которые природа определила как единственное средство облегчения.

Рецидивы были частыми, потому что выздоровевшие, после того как болезнь была усмирена, долгое время оставались очень возбудимыми. Их наблюдали *в третий и четвертый раз, когда они заболевали потливой болезнью*[369], более того, поздние авторы отмечают *повторение болезни даже в двенадцатый раз*[370], когда, по крайней мере, здоровье было

полностью подорвано, поскольку наступала водянка или другие разрушительные последствия, пока смерть не ставила точку в неизлечимых страданиях, и важно отметить, что даже кишечник участвовал в большой возбудимости системы, поскольку *слишком раннее воздействие воздуха легко вызывало диарею*[371].

Насколько сильным было разложение органических веществ, убедительно доказывают все приведенные до сих пор свидетельства , но об этом можно было догадаться по очень быстрому гниению тела, что повсеместно заставляло проявлять величайшую осторожность при погребении[372]; к счастью, это избавляло от страха быть погребенным заживо. О посмертных исследованиях у нас нет никаких сведений, а если бы они и были проведены, то, судя по тому, как проводились исследования в те времена, вряд ли пролили бы важный свет на болезнь. Вряд ли кто-либо из врачей, кроме тех, кто учился в Италии, знал внутреннее строение тела из собственных наблюдений, пусть и поверхностных; остальные изучали его только по галеновым руководствам; как они могли с такими скудными знаниями отличить здоровые части от больных? Кроме того, потливая болезнь не могла за столь короткий срок вызвать столь ощутимое и существенное разрушение внутренностей, к которому только они стремились. Было бы очень желательно получить подробные сведения о состоянии крови в мертвом теле, которая после такой огромной потери водянистой жидкости, такого сильного угнетения грудной клетки и такого сильного препятствия функции дыхания, по всей вероятности, сгустилась бы и потемнела, а также о состоянии легких и сердца; но они также полностью отсутствуют, и после столь длительного периода времени остается только строить догадки.

В Германии было повторено наблюдение, которое так часто делалось с 1485 года, что средний период жизни особенно подвержен потливой лихорадке. Дети, напротив, оставались почти полностью свободными от этой болезни, а когда ею страдали пожилые люди, то это были отдельные исключения из общего правила[373], и то, как видно, только в разгар эпидемии; как, например, в Цвиккау, где ею была унесена женщина 112 лет[374]. Мы уже частично обнаружили причину этого совершенно постоянного явления в роскошном образе жизни крепких молодых мужчин, и если мы обратимся к моральному состоянию немцев в XVI веке, то обнаружим среди них ту же неумеренную роскошь, что и среди англичан, то же пьянство, ту же невоздержанность на их частых банкетах, где кубки с вином и пивом опустошались слишком охотно; наконец, то же расслабление кожи, связанное с использованием теплых ванн и теплой одежды. Все современные писатели упоминают эти обстоятельства[375], и наши смелые предки в отношении этих вопросов были не в лучшей репутации у своих южных соседей.

Но, кроме того, мы должны рассмотреть болезнь с другой точки зрения, а именно в связи с ее особым характером. В самом начале мы обозначили *болезнь потливости как ревматическую лихорадку*, и если мы примем понятие ревматического заболевания, как и положено, в самом широком его понимании, то в ходе всего нашего исследования были приведены весомые и убедительные основания в подтверждение этой точки зрения. Когда мы замечаем, что именно те народы, которых посетила потливая лихорадка, характеризуются светлой кожей, голубыми глазами и светлыми волосами - признаками германской расы, можно с полным основанием предположить, что даже эта особенность в строении тела сделала их восприимчивыми к этой необычной болезни. Именно она обусловливает склонность к различного рода флюсам и делает эти болезни эндемичными на севере Европы, в то время как темноволосые южные народы и негры в тропическом климате остаются, при сходных обстоятельствах[376], более свободными от них. Если вспомнить,

насколько перенасыщенными водой были нижние слои атмосферы, в которых существовали язвенные потливые лихорадки, какие густые и даже отвратительные туманы готовили почву для болезни и указывали на ее приближение, какие быстрые чередования ледяного холода и чрезмерной жары происходили летом 1529 года; и, кроме того, насколько частыми были все виды флюсов в этом же году, то полная форма ревматической конституции будет узнаваема в каждой отдельной черте.

Если бы мы обладали в показных системах современности более зрелыми знаниями об электричестве живых тел, то, конечно, много света было бы брошено на великий объект нашего исследования. Тогда мы не должны были бы довольствоваться тем, что облачная атмосфера отнимает электричество у тела, лишает кожу и легкие их электрической атмосферы, нарушает их взаимные электрические отношения с внешним миром и этим нарушением подготавливает тело к ревматическому недомоганию, со всем тем своеобразным разложением жидкостей, раздражительным напряжением нервов, лихорадкой и болезненным поражением отдельных частей, которыми оно сопровождается. Если это нарушение будет представлено в соответствии с некоторыми новыми и привлекательными гипотезами, подкрепленными некоторыми важными фактами[377], как, возможно, накопление электричества во внутренних частях тела, вследствие болезненной, изолирующей активности кожи, мы можем ожидать более совершенного знания природы ревматизма через посредство будущих тщательных исследований; а пока они не будут сделаны, некоторые очевидные признаки связи между ревматическими заболеваниями и английской потливой болезнью, возможно, будут достаточными для демонстрации ревматической природы этой последней болезни.

Во-первых, очень большая *восприимчивость больных потливой лихорадкой к любому изменению температуры* - определенно большая опасность озноба. Ни в одном известном заболевании эта раздражительность кожи не проявляется в столь заметной степени, как при ревматических лихорадках и при тех нефебрильных потоках, при которых даже существует очень явная чувствительность к *металлическому* воздействию.

Во-вторых*, тенденция ревматического диатеза доходить до кризиса через обильное, кислое и обильное потоотделение* без какой-либо помощи со стороны искусства[378]. Английская потливая болезнь демонстрирует это потрясение организма в самой изысканной форме, известной до сих пор; ибо не допускает никаких сомнений, что пот при этой болезни был сам по себе и сам по себе критическим, в самом полном понимании этого термина.

В-третьих*, своеобразное изменение основного состава органических веществ* при ревматических заболеваниях, в результате которого в поте, моче и выделениях животных преобладают летучие кислоты со странным запахом. Английская потливая болезнь также демонстрирует этот результат болезненной активности в большей степени и более ярким образом, чем любая другая болезнь. Мы также не можем рассматривать тенденцию к гниению, которая была замечена, как нечто иное, как повышенную степень этого состояния.

В-четвертых, *стреляющие боли в конечностях*, являющиеся наиболее явным признаком ревматизма, отсутствовали при английской потливой болезни; более того, они доходили до степени зарождающегося паралича, и даже конвульсии больных этой болезнью можно небезосновательно отнести к тому же источнику.

В-пятых*, склонность ревматизма при неблагоприятном течении переходить в обычную водянку*, которая является следствием своеобразного разложения, проявлялась в Потливой лихорадке настолько заметно, что сама водянка постепенно разрушала пациента.

Если скептику понадобится еще одно звено для сравнения, мы можем привести в пример милиарную лихорадку, болезнь явно ревматического характера. Однако мы должны брать за эталон не дегенеративные формы милиарной лихорадки, существующие в наше время, а те грандиозные и полностью развитые формы болезни, которые имели место в XVII и XVIII веках и в которых мы находим похожий запах пота, то же угнетение и те же невыразимые страдания, с сердцебиением и беспокойством. Руки ослабевали, словно охваченные параличом, возникали сильные боли в конечностях, неприятные колющие ощущения в пальцах рук и ног, что во всех этих отношениях напоминало потливую болезнь, только протекавшую более длительно и нерегулярно и развивавшуюся совершенно иным образом".

Согласно этому представлению, английская потливая болезнь выглядит как ревматическая лихорадка в самой изысканной форме, которая когда-либо встречалась в мире, жестоко поражая жизненную силу мозга и спинного мозга с их нервами, не причиняя, однако, никакого вреда сплетениям брюшной полости. *Неумеренное выделение водянистой жидкости*, которое в легких случаях происходило только благодаря спонтанной лечебной силе, а в злокачественных формах свидетельствовало о параличе сосудов и фактической колликвации, обращает наше внимание на *последующее состояние истощения*, которое, вероятно, перешло в *застой кровообращения*, так же, как это происходит после любой другой внезапной потери жидкости, будь то при кровохарканье или эвакуации рвотой и стулом. Отсюда необычайно быстрое течение болезни и, отчасти, смертельный ступор[379]; отсюда же и весьма простительное заблуждение относительно природы потогонной лихорадки, существующее даже в более современные времена. Это последствие было более важным и более фатальным, чем само первоначальное ревматическое заболевание, которое в своих незначительных формах было мягким и легко поддавалось лечению.

И таким образом объясняется удивительно удачный результат старого английского лечения, которое предотвратило это последствие и позволило избежать увеличения и без того слишком мощных усилий природы, направленных на излечение. Поэтому нам нечего добавить к этой разумной и подлинно научной практике, кроме нашего безоговорочного одобрения; *ведь задача врача при заболеваниях, которые обладают спонтанной способностью к самоизлечению, - оставить этой способности свободный простор для действий и лишь путем поощрительной заботы устранить все препятствия на пути ее осуществления*. Если судьбе человечества будет угодно, чтобы его вновь посетила болезнь XVI века (а отнюдь не исключено, что в то или иное время подобные события могут повториться), мы бы рекомендовали нашим потомкам помнить об этой вечной истине и бережно хранить золотые слова виттенбергского памфлета, а именно: охранять врачебное искусство от странных и противоестественных фарраго*, ибо только тогда, когда оно подчинено природе, на нем лежит печать разума - хозяйки всех земных вещей*.

ГЛАВА V.
ПЯТОЕ ПОСЕЩЕНИЕ БОЛЕЗНИ.- 1551 ГОД.

"Ubique lugubris erat lamentatio, fletus mœrens, acerbus luctus".

Кайе.

Раздел 1. Извержение.

Прошло уже целых три двадцать лет; за этот долгий промежуток времени нигде не появилось и следа Потливой болезни, и Англия в своем стремительном развитии приобрела совершенно иной облик[380], когда старый враг этого народа вновь, и уже в последний раз, вспыхнул в Шрусбери, столице Шропшира[381]. Здесь весной с берегов Северна поднимались непроницаемые туманы, которые, благодаря своему необычайно неприятному запаху, наводили страх на вредные последствия[382]. Прошло совсем немного времени, и 15 апреля внезапно вспыхнула потливая болезнь. Для многих она была совершенно неизвестна или лишь смутно вспоминалась; ведь среди суматохи царствования Генриха старое заболевание было давно забыто.

В Шрусбери и соседних с ним местах болезнь была настолько распространена, что каждый, должно быть, считал атмосферу отравленной, ибо никакие предосторожности не помогали, двери и окна не закрывались, каждое отдельное жилище превратилось в госпиталь, и только пожилые и молодые люди, которые не могли ничего сделать для ухода за своими родственниками, оставались незатронутыми мором[383]. Болезнь пришла так же неожиданно и без всякого предупреждения, как и в прежние времена; за столом, во время сна, во время путешествий, в разгар развлечений и в любое время дня; и она так мало утратила свою прежнюю злобность, что за несколько часов вызвала некоторых своих жертв из рядов живых, а других уничтожила менее чем за один[384]. *Четыре и двадцать часов*, ни больше, ни меньше, *были решающими для события*; болезнь, таким образом, не претерпела никаких изменений.

По мере того как мор усиливался, состояние людей становилось все более жалким и тоскливым; горожане бежали в деревню, крестьяне - в города; одни искали уединенные места, другие закрывались в своих домах. Ирландия и Шотландия принимали толпы беглецов. Другие отправлялись во Францию или Нидерланды, но безопасности нигде не было, и люди наконец смирились с судьбой, которая так долго и тяжело угнетала страну. Женщины бегали небрежно одетые, словно потеряв рассудок, и наполняли улицы причитаниями и громкими молитвами; все дела замирали; никто не думал о своих повседневных занятиях, и похоронные колокола звонили день и ночь, словно всем живым следовало напомнить об их близком и неизбежном конце[385]. В течение нескольких дней умерло девятьсот шестьдесят жителей Шрусбери, большая часть из них - крепкие мужчины и главы семейств; по этому обстоятельству можно судить о глубокой скорби, которую испытывали в городе.

Раздел 2. Распространение и продолжительность.

Эпидемия быстро распространилась по всей Англии, вплоть до границ Шотландии, и со всех сторон до морских побережий, сопровождаясь более необычными и запоминающимися

явлениями, чем это наблюдалось почти во время любой другой эпидемии. Казалось, что *берега Северна были средоточием болезни*, и отсюда во все стороны распространялось настоящее заражение атмосферы. Куда бы ветер ни гнал зловонный туман, жители заражались потливой болезнью, и в большей или меньшей степени повторялись те же сцены ужаса и страданий, что и в Шрусбери. Эти ядовитые облака тумана переходили с места на место, неся за собой болезнь, поражая один город за другим, и утром и вечером распространяли свой тошнотворный невыносимый смрад[386]. На больших расстояниях эти облака, разгоняемые ветром, постепенно ослабевали, но их рассеивание не ставило пределов моровой язве, и они как будто передавали нижним слоям атмосферы некий фермент, который продолжал размножаться даже без присутствия густого туманного пара и, попадая в легкие людей, повсеместно вызывал страшную болезнь[387]. Вредные выделения из навозных ям, застойные воды, болота, нечистые каналы, запах поганого камыша, который обычно использовался в домах в Англии, а также всевозможный неприятный мусор, казалось, не в малой степени способствовали этому; и повсеместно отмечалось, что там, где преобладали такие неприятные запахи, потливая болезнь была более злокачественной[388]. Известно, что при определенном состоянии атмосферы, которое, возможно, в основном зависит от электрических условий и степени нагрева, мефитические запахи выдыхаются легче и мощнее. Эта особенность, безусловно, может быть отнесена к качеству воздуха, преобладавшему в то время в Англии, хотя следует признать, что по этому вопросу нет точных данных.

Болезнь продолжалась в целом почти полгода, а именно *с 15 апреля по 30 сентября*[389]; таким образом, она постепенно переходила с места на место, и мы не замечаем, чтобы она распространялась с той быстротой, которая осенью 1529 года вызвала такое большое удивление в Германии. К большому сожалению, современные авторы либо не сообщали сведений о том, как протекала эпидемия потливой болезни в отдельных городах, либо, если и сообщали, то последующие авторы этим не воспользовались. Несомненно, в данном случае имело место значительное разнообразие обстоятельств, и весьма своеобразная манера распространения коррупции в атмосфере , возможно, могла бы быть оценена на основании определенных фактов, а не просто предположений. Так, единственный дошедший до нас факт весьма примечателен, а именно то, что потливой болезни потребовалась целая четверть года, чтобы преодолеть короткое расстояние от Шрусбери до Лондона; ведь она вспыхнула там только 9 июля, а через несколько дней, в соответствии со своим прежним образом, достигла своего апогея, так что стремительное увеличение числа смертей вызвало ужас во всем городе[390]. Однако смертность была значительно меньше, чем в Шрусбери, ибо там за всю первую неделю умерло всего восемьсот жителей[391], и мы можем считать решенным, хотя все современники молчат по этому весьма существенному вопросу, что мор нигде не продолжался дольше пятнадцати дней, а возможно, в большинстве мест, как и раньше, всего пять или шесть.

Смерть по всему королевству была очень многочисленной, так что один историк фактически называет ее депопуляцией[392]. Ни одно сословие не оставалось в стороне, но потливая болезнь свирепствовала с одинаковой жестокостью и в убогих хижинах бедняков, и во дворцах знати[393]. Благочестие, которое в условиях всеобщего уныния проявлял весь народ, порождая бесчисленные дела христианской благотворительности и филантропии, благодаря чему, несомненно, были осушены многие слезы, многие сироты и вдовы защищены от бед и нужды, объяснимо: ведь это явление, в высшей степени восхитительное само по себе, происходит только при сильных бедствиях и всеобщем страхе смерти, как нас учит всеобщая история эпидемий. К чести англичан, мы готовы поверить, что религиозный импульс, который они черпали из своей церковной реформации, возможно, сыграл не

последнюю роль в его возникновении; но, к сожалению, такова природа человеческого общества, что не успевает беда закончиться, как добродетель расслабляется. Едва успели совершиться похоронные обряды, как все возвращается к обычному распорядку дня[394]; подобным образом византийцы однажды, во время сильного землетрясения, были охвачены страхом Божиим, какого никогда прежде не испытывали; день и ночь они стекались в церкви ; ничего нельзя было увидеть, кроме христианской добродетели, самоотречения и дел благотворения, но это продолжалось лишь до тех пор, пока земля снова не стала твердой[395].

В этом году было сделано весьма примечательное наблюдение*: потогонная болезнь равномерно щадила иностранцев в Англии и, с другой стороны, следовала за англичанами в чужие страны*, так что те, кто был в Нидерландах и Франции, и даже в Испании, были унесены в немалом количестве их местной моровой язвой, которая нигде не была подхвачена туземцами.

Ни один французский житель соседнего города Кале не пострадал, и ни шотландцев, живущих на том же острове, ни ирландцев не посетила потливая болезнь, так что мы не можем избавиться от мысли, что во всем телосложении англичан была какая-то особенность, которая делала их исключительно восприимчивыми к этой болезни. Точно установить это было бы тем труднее, что в первоначальный год появления потливой болезни иностранцы были теми самыми людьми, среди которых вспыхнула английская болезнь; и еще потому, что англичане, прожившие год во Франции, по возвращении домой летом 1551 года стали жертвами потливой болезни[397]. Современники, правда, находят причину в обжорстве и грубом образе жизни англичан. Короче говоря, во всех тех отдаленных причинах, с которыми мы уже познакомились и которые, несомненно, также сыграли свою роль в подготовке того же бедствия для немцев и фламандцев в 1529 году. Кайе, самый эффективный очевидец, даже приводит в доказательство этого мнения, что умеренные люди в Англии оставались свободными от потливой болезни, и, напротив, некоторые французы в Кале, которые были слишком преданы английским нравам, были охвачены ею[398]. Однако только этому нельзя приписать такую восприимчивость, если только мы не будем довольствоваться устаревшей системой придания слишком большого значения отдаленным причинам, против которой говорит тот поразительный факт, что немцы и нидерландцы, которые едва ли сильно улучшили свои нравы с 1529 года, не были вновь посещены своим старым врагом.

Sect. 3.-Причины.-Природные явления.

Легко понять, или, скорее, у нас нет другого выхода, кроме как предположить, что в английской атмосфере было что-то неизвестное, что передало жителям ревматический диатез, или, если угодно, так проникло в их тела, переполненные грубыми соками[399], что их конституции получили так называемую *возможность*, то есть изменились таким образом, что стали пригодны для принятия Потливой Болезни. При таких условиях общие и более специфические причины этой болезни не были абсолютно необходимы, чтобы вызвать ее приступ в конституции, давно подготовленной к ней, но общие причины болезни были достаточны сами по себе, чтобы дать ей последний толчок, хотя это должно быть в совершенно другом климате, как в данном случае было с англичанами, жившими в Испании, и с венецианским послом *Науджерио*, который в 1528 году заболел петехиальной лихорадкой, находясь далеко от Италии и живя во Франции[400].

Читателю, несомненно, бросилось в глаза, что каждое из пяти извержений в Англии длилось гораздо дольше, чем одно, случившееся в Германии и на севере Европы. Это тоже вполне может зависеть от особенностей английской почвы. Но давайте теперь попытаемся с

помощью реально наблюдаемых явлений показать то неизвестное нечто в атмосфере 1551 года, θεῖ ov великого Гиппократа, которое возвещает о своем присутствии недомоганием людей; ибо дальше этого человеческим исследованиям проникнуть не дано. Зима 1550-51 года в Англии была сухой и теплой, весна - сухой и холодной, лето и осень - жаркими и влажными[401]. Погода всего года была необычной во многих отношениях, не влияя, однако, жизнь растений и животных так сильно или в таком большом диапазоне, как во время четвертой эпидемии потливой болезни. В некоторых местах его даже хвалили как плодотворный[402]. 10 января разразилась сильная буря, которая в Германии оставила не мало следов[403] своего воздействия на дома и башни. Тот же день принес значительные наводнения в районе реки Лан, что следует отметить ввиду необычного времени года[404]. 13 января, опять же в необычное время года, последовала сильная буря с ливнями[405], которая пронеслась по северу Германии; а 28 января произошло сильное землетрясение в Лиссабоне, в результате которого было опрокинуто около двухсот домов и уничтожено около тысячи человек; в то же время появился огненный метеор, который, по неудовлетворительным описаниям того времени, больше всего напоминал северное сияние, а значит, по всей вероятности, был электрического происхождения[406]. За этим в Германии последовали сильные морозы в феврале[407]. 21 марта в семь часов утра в Магдебурге и его окрестностях были замечены два шутовских солнца с тремя радугами, а вечером - две шутовские луны[408]. Такие же шуточные солнца наблюдались и в Виттенберге, но без радуг. Подобное явление с двумя радугами вновь наблюдалось 27 марта[409]; а в Антверпене насмешливые солнца наблюдались еще 28 февраля[410]. Примерно в то же время (21 марта) Одер вышел из берегов[411], а после продолжительных дождей в мае в Тюрингии и Франконии последовали наводнения[412]. Не обошлось и без сильных бурь[413], а 26 июня, после сильной жары, в районах Эльбы наступил густой летний туман, который лишил осаждавших Магдебург возможности видеть этот город. Поэтому можно предположить, что это явление происходило на большей территории страны[414]. 22 сентября снова был замечен метеор, похожий на северное сияние, а 29 того же месяца, после ясной погоды, выпал обильный снег, за которым последовал продолжительный холод[415].

Этих фактов достаточно, чтобы доказать, что течение 1551 года было необычным, что атмосфера была перенасыщена водой и что электрические условия в ней были значительно нарушены; также нельзя не отметить, что впервые с 1547 года в Германии снова появились пятна плесени на одежде и красное обесцвечивание воды, а также изобилие самых низких криптогамных видов растительности[416].

Раздел. 4.- Болезни.

В годы скудости, с 1528 по 1534 год, всеобщее удивление вызвало то, что злокачественные лихорадки, особенно чума, петехиальная лихорадка и энцефалит, которые в отдельных случаях мы редко можем отличить друг от друга, постоянно повторялись и, медленно переползая с места на место, не успевали закончить свои блуждания по целым районам страны, как снова появлялись там, где вспыхивали в прежние годы[417]. Это был *век гнилостных злокачественных заболеваний*, в котором постоянно преобладали тифозные болезни, - век, изобиловавший грандиозными явлениями, влиявшими на жизнь человека в целом и продолжавшимися еще долго после того периода, к которому относятся наши исследования.

Существовал также эпидемический поток, который во время холодного лета[418] 1538 года охватил большую часть Европы, и особенно Францию, так что, по заверению одного

выдающегося врача, едва ли нашелся город, свободный от него[419]. Об этом потоке мы располагаем, к сожалению, лишь весьма скудными сообщениями, среди которых мы находим не лишенное важности утверждение, что для возникновения этой эпидемии не было никаких экстраординарных предвестников, подобных тем, что наблюдаются при явлениях такого рода[420]. Однако двумя годами ранее (12 июля 1536 года) Эразм умер от флюса[421]. Эта болезнь редко возникает спорадически, но обычно в виде эпидемии, и поэтому можно предположить, что более мелкие приступы этого ревматического недуга предшествовали более крупной эпидемии, случившейся в 1538 году.

Период, примечательный чумой, последовал в 1540 году и закончился около 1543 года. Лето первого из названных годов особенно упоминается в хрониках как *жаркое*, и на протяжении всего столетия оно продолжало пользоваться большой популярностью из-за превосходного вина, которое производили[422]. Часто случались самовозгорания в лесах, а 14 декабря в Германии произошло землетрясение[423]. Вслед за этим, в 1541 году, в Константинополе разразилась великая чума[424], которая в 1542 году распространилась посредством турецкого вторжения в Венгрию; на ее огромное значение указывало наличие сопутствующих явлений, среди которых особенно следует отметить стаи саранчи, появившиеся в этом году. Они пришли из внутренних районов Азии и плотными массами пронеслись над Европой, пройдя на север через Эльбу[425] и на юг до Испании[426]. Кайе видел облако саранчи подобного описания в Падуе; их пролет длился целых два часа, и они распространялись дальше, чем мог охватить глаз[427]. Чума быстро распространилась в Венгрии и причинила имперской армии, сражавшейся против турок под командованием Иоахима Второго, курфюрста Бранденбургского, такие же разрушения, как в свое время французам перед Неаполем[428]. Был ли этот мор первоначальной восточной железистой чумой, или мы можем предположить, что он уже переродился в *венгерскую петехиальную лихорадку*, подобную той, что вспыхнула в 1566 году в лагере под Коморном во время кампании 1600 года Максимилиана Второго, а затем, посредством распущенных ланскенетов, распространилась во всех направлениях[429], сейчас невозможно определить за отсутствием достоверных фактов. В следующем 1543 году, однако, эта чума вспыхнула в Германии, а именно в округах Гарца в провинциях Заале[430], и еще более злобно в Меце[431], но в целом она не вызвала значительных потерь среди населения.

В 1545 и 1546 годах мы снова встречаем *Trousse-galant* во Франции[432]. Она оказалась смертельной для герцога Орлеанского, второго сына Франциска Первого, в окрестностях Булони и, по свидетельствам французских историков, для десяти тысяч англичан в этом форте, так что гарнизон был вынужден разбить лагерь за городом, а неохотно прибывшие подкрепления почувствовали, что их ждет верная смерть[433]. Болезнь распространилась и среди французских войск, и мы уже видели, что она вышла за пределы Савойских Альп[434].

Таким образом, получается, что до периода, о котором мы говорим, только 1544 год был свободен от сильных визитов болезней, но с тех пор будет трудно удовлетворительно определить отдельные группы эпидемий, если с ними можно связать эпидемическую потливую болезнь 1551 года; Ибо в течение всего этого периода существовала, по выражению школы, постоянная *тифозная конституция*, проявлявшаяся по малейшим поводам в виде злокачественных заболеваний; так что приступы болезни, которые мы до сих пор описывали, выглядели лишь как их обострение, с преобладанием то одного, то другого симптома.

Лагерная лихорадка, которая весной 1547 года преобладала среди императорских войск, имеет все основания считаться петехиальной. Ею заболело множество солдат, и она была тем более зловредной, что императорская армия состояла из самых разных солдат -

испанцев, немцев, венгров и богемцев. Заболевшие жаловались, как при энцефалите, на невыносимый жар в голове, глаза опухали и начинали блестеть из глазниц, их мерзкое дыхание отравляло атмосферу вокруг, языки покрывались коричневой коркой, их рвало желчью, кожа приобретала свинцовый оттенок, а на ней появлялись темно-фиолетовые высыпания. Болезнь, свежие семена которой императорские гусары привезли с собой из Венгрии, оказалась смертельной уже на второй или третий день, и можно считать само собой разумеющимся, что как до, так и после битвы при Мюльберге (24 апреля) она произвела немалые опустошения в Саксонии[435]; однако она не стала всеобщей.

После короткого перерыва необычные явления 1549 года вновь усилились; хроники центральной Германии фиксируют в этом году моры и дожди. Они также рассказывают о северном сиянии, которое видели 21 сентября, и о злокачественной болезни, которая до наступления зимы уносила молодых людей в немалом количестве[436]. По всей видимости, эта болезнь была петехиальной лихорадкой, которая в следующем, 1550 году, также посетила март Бранденбурга, Тюрингии и Саксонии[437]. Особенно велика была смертность в Эйслебене, где менее чем за четыре недели с 14 сентября жертвами болезни стали 257 человек, а после этого часто случалось, что за один день хоронили от двадцати до двадцати четырех тел, так что потери в этом маленьком городке можно считать по меньшей мере 500[438]. Из этого небольшого примера становится понятна огромная опасность чумы XVI века, и она была бы еще более очевидной, если бы врачи того времени вели более тщательные наблюдения, а историки более точно фиксировали подобные факты.

В 1551 году в Швабии разразилась болезнь, похожая на чуму, которая заставила герцога Кристофа Вюртембургского удалиться из Штутгарда. Болезнь не распространилась и, похоже, осталась неизвестной для остальной Германии[439]. В Испании также проявилась чума[440], и если к этому добавить грипп того же года[441], а также многочисленные случаи злокачественных лихорадок в Германии и Швейцарии, о которых говорили как о все еще существующих в два последующих года[442], то снова станет совершенно очевидно, что *появилась пятая эпидемическая потогонная болезнь , сопровождаемая группой различных эпидемических заболеваний, которые можно рассматривать как результат общих влияний*. Таким образом, болезнь, являющаяся предметом нашего исследования, покинула Европу в таком же сопровождении, как и в момент своего возникновения, а в промежутке трижды повторила свои смертоносные атаки.

Раздел 5. Джон Кей.

Посвятим несколько минут наблюдателю пятой потной язвы, чья жизнь представляет собой живое изображение особенностей и тенденций его эпохи. Он родился в Норвиче 6 октября 1510 года и получил образование в Гонвилл-Холле в Кембридже. Уже в раннем возрасте он продемонстрировал прекрасное знание греческого языка и рвение к богословским изысканиям. В зрелом возрасте он отправился в Италию, которая в то время была центром научного образования, где *Баптиста Монтанус* и *Везалий* в Падуе посвятили его в искусство врачевания. Он получил степень доктора в Болонье, а в 1542 году прочитал лекции по Аристотелю совместно с Реальдусом Колумбом, получив большое одобрение. В следующем году он путешествовал по Италии, с большим усердием собирал рукописи для исправления Галена и Цельса, присутствовал на лекциях Матфея Курция в Пизе, а затем вернулся через Францию и Германию в свою страну.

Получив звание доктора медицины в Кембридже, он с большим успехом практиковал в Шрусбери и Норвиче, но вскоре был вызван Генрихом Восьмым для чтения анатомических лекций хирургам в Лондоне. Он был очень почитаем при дворе Эдуарда Шестого, а

назначение телесного врача, которым его наградил этот монарх, он сохранил и при королеве Марии и Елизавете. В 1547 году он стал членом Коллегии врачей, которой позже руководил в течение семи лет. Он постоянно поддерживал честь этого органа с большим рвением, составил его Анналы с момента его основания Линакром до конца своего президентства и основал учреждение, первое в своем роде в Англии[443], для ежегодного проведения двух публичных вскрытий человеческих тел.

То, что он был основан в Лондоне до 1551 года, не вызывает сомнений, однако он присутствовал в Шрусбери во время потогонной болезни . Его памфлет[444] об этой болезни, первый и последний, опубликованный в Англии, появился не ранее 1552 года, после того как все было кончено. Он написан сильным языком, в популярном стиле и с похвальной откровенностью; ведь в нем Кайе без обиняков порицает грубый образ жизни своих соотечественников и не утомляет читателя излишней книжной ученостью, от которой ни он, ни его современники не могли воздержаться в других случаях. Он оставил это для латинской версии своего памфлета, который был опубликован четыре года спустя[445], и хотя, если судить по современным стандартам, он далеко не удовлетворителен, но содержит множество ценных материалов и доказывает, что его автор был хорошим наблюдателем; и в этом мы нигде не можем ошибиться, что он англичанин шестнадцатого века, какие бы многочисленные термины он ни заимствовал у Цельса. Его доктрины принадлежат к старой греческой школе, сторонниками которой были врачи тех времен; Отсюда термин *ephemera[446] pestilens*, его сравнение болезни с аналогичными лихорадками древних[447], его точная оценка важной доктрины о духах æthereal, к которой он относит ее основные причины и, согласно которой, испорченная атмосфера (spiritus corrupti) смешивается в легких с духами крови, (spiritus sanguinis), откуда ему сразу же представляется объяснимым, почему многие люди могут быть поражены потливой болезнью в одно и то же время и даже в разных местах, и почему те части тела, в которых, согласно древнегреческим представлениям, развивались бесплотные духи, наиболее сильно страдают от этой болезни[448]. Из связи зараженного воздуха с эфирными духами в теле, загрязненном невоздержанностью, ему также кажется объяснимым, почему иностранцы в Англии, у которых это загрязнение происходило в меньшей степени, только в отдельных исключительных случаях подвергались нападению потливой болезни[449], не говоря уже о других теоретических представлениях.

В отношении малярии в целом, поскольку он был наблюдательным натуралистом, ему удалось хорошо использовать свой опыт в Италии и знания древних, а его оценка подчиненных причин , в отношении которых он занимает ту же позицию, что и Агрикола, который также был хорошим натуралистом, в целом заслуживает одобрения[450]. Неумеренное употребление пива среди англичан многие считают главной причиной того, что потливая болезнь присуща только этому народу. В этом вопросе он доходит до многословия, отмечая явное пристрастие англичан к этому напитку, которое явно способствовало болезненному истощению народа; и он сам признавал это главной причиной потливой болезни. Вредное свойство соленой рыбы, как утверждали Эразм и немецкий врач Гельветтер[451], он не решился бы полностью отвергнуть[452], поскольку она вызывала постоянное и обильное фекальное потоотделение и, таким образом, могла способствовать возникновению потливой болезни. Аналогичный источник можно было найти в грязных камышовых полах в английских домах[453], а также в других второстепенных причинах болезни, о которых уже упоминалось в ходе этого трактата.

Как ревностный поборник умеренности, он заслуживает большего внимания; но слова хорошего врача пускают по ветру, когда они направлены против пороков и привычек

чувственного потворства; люди требуют от него безошибочного консерванта, а не лекций о морали. Его наставления о еде и напитках косвенны, как у древних, и он рекомендует такое разнообразие, что трудно сделать выбор; в то время как ничто, кроме величайшей простоты, не может принести пользы. *Очистительные костры*, которые повсеместно разжигались во время чумы, также очень восхваляются им, и здесь мы узнаем, что кузнецы и повара оставались свободными[454] от потливой болезни. В домах богачей повсеместно применялись фумигации с использованием всевозможных пахучих веществ, даже самых дорогих индийских специй, и никто не выходил на улицу, не имея при себе одного из тысячи ароматов, рекомендованных с незапамятных времен во время чумы. Лекарства, которые он рекомендует, - это те, что были в моде в то время; среди них Териака, армянский боул и жемчуг, встречающиеся в различных комбинациях, но большинство профилактических средств, которые он советует для устранения любого дефекта в конституции, не очень сильные.

Лечение потливости Кайе проводит по мягкому староанглийскому плану, который изложен очень разумно и доходчиво. В целом он был свободен от влияния школ в этом случае, и единственным средством, которое он одобрил в случае необходимости, был безвредный и очень любимый препарат из жемчуга и пахучих веществ, который назывался Manus Christi[455], или, в Германии, сахар из жемчуга. Он возник в XV веке и был изобретением Гуайнеруса[456], а для его приготовления существовали различные рецепты[457]. Он также иногда прописывал в начале приступа[458] bole или terra sigillata, ибо как мог врач XVI века сомневаться в противоядном действии этого переоцененного средства? Беспокойство пациента, слабость, слишком толстая кожа и густая кровь представляются ему главными препятствиями на пути к критическому поту, и, чтобы устранить их, он приступает к работе с большой и похвальной осторожностью, предписывая, в зависимости от обстоятельств, даже глинтвейн и больше тепла. Иногда он также не мог воздержаться от применения Териака и Митридата, но не использовал эти средства в значительной степени. Для больных водянкой и ревматизмом, ставших объектами "потливой болезни", он назначал напиток гваякум; в качестве потогонного средства он также рекомендовал китайский корень, который в то время был очень распространен. Когда пот начинал выделяться, он категорически запрещал его сдерживать; после этого все лекарства отменялись, и он доверял только ароматическому уксусу и мягкому сосанию для борьбы с вялостью, не считая, как Дамиан, что необходимы более суровые меры[459].

Как эрудированный покровитель наук, Кайе входит в число самых выдающихся людей своей страны. Благодаря его интересам Гонвилл-Холл при *королеве Марии* был возведен в ранг колледжа, лучше устроен и богато одарен. До конца жизни он продолжал руководить этим своим любимым заведением и провел там старость[461], не в монашеском созерцании, как Линакр, а ревностно предаваясь учебе, о чем свидетельствует огромное количество его трудов. Его обвиняли в том, что он менял свою веру в зависимости от обстоятельств. Эта уступчивость, правда, служила для того, чтобы сохранить его расположение к государям с совершенно противоположными взглядами: однако она не является признаком возвышенности ума и может быть объяснена лишь отчасти духом английской Реформации. На самом деле Кайе был реформатором в той мере, в какой он способствовал распространению образования и, возможно, не придавал особого значения внешней профессии. Его разносторонность как ученого необычайна и была бы достойна самого высокого восхищения, если бы он полностью избежал упреков в легковерии, если бы не был слишком многословен в второстепенных вопросах и если бы проявлял более явные признаки

гениальности. В одно время он переводил и иллюстрировал труды Галена; в другое - писал по филологии или врачебному искусству - надо признать, без особой оригинальности, ибо за образец он взял Галена и Монтана[462]. Но где в то время можно было найти врачей, которые не следовали бы устоявшимся доктринам? Среди его трудов можно найти несколько эссе по истории и английской археологии[463]; а его работы по естественной истории[464], посвященные Конраду Геснеру, являются одними из лучших в его эпоху, поскольку в них он излагал свои наблюдения совершенно просто и естественно, свободный от пут какой-либо школы. Он умер в Кембридже 29 июля 1573 года и заказал для себя следующую эпитафию: "Fui Caius".

ГЛАВА VI.
ПОТЛИВЫЕ БОЛЕЗНИ.

Ἔστι γὰρ τὸ πάθος λύσις τῶν δεσμῶν τῆς εἰ ς ζωὴν δυνάμιος.

Аретеус.

Раздел 1. Сердечная болезнь древних.

(Morbus Cardiacus.)

Таким образом, к осени 1551 года потливая болезнь исчезла с лица земли: с тех пор она никогда не появлялась так, как тогда и в более ранние периоды; и не следует думать, что она когда-нибудь снова разразится большой эпидемией в той же форме и ограничится четырех-двадцатичасовым течением; ведь очевидно, что образ жизни людей сыграл большую роль в ее возникновении; и это уже никогда не будет таким, как в те дни. Однако природа не обделена подобными явлениями, которые возникали в древние и современные времена; И если мы примем во внимание большую частоту сходных ревматических заболеваний, то возможно, что иногда происходили отдельные случаи, когда избыток нечистых жидкостей и жестокое воспалительное лечение усиливали ревматическую лихорадку, вплоть до разрушения нервной жизнеспособности, посредством обильного потоотделения - только, возможно, они протекали дольше (что не составляет существенной разницы) и под совершенно другими названиями, что вводит внимание в заблуждение. Из всех когда-либо существовавших болезней, которые можно хоть как-то сравнить с английской потливостью, нам следует обратить внимание на три: *сердечную болезнь* древних, *потливость Пикардии* и *потливую лихорадку Ретингена*. Первая была, по причинам, которые уже упоминались[465], почти неизвестна ученым шестнадцатого века; и вызывает удивление, что сам Кайе, выбравший в качестве своего фаворита лучшего римского врача, мы имеем в виду Цельса, мог так полностью пропустить его отнюдь не маловажные высказывания относительно этой болезни. Улье - единственный автор, рискнувший сравнить английскую потливость с древней сердечной болезнью; его немногочисленные и почти потерянные

слова[466] остались, однако, не услышанными; да и различия между этими двумя болезнями невелики: но вернемся к ним.

Болезнь, о которой мы говорим, появилась в течение 500 лет (с 300 г. до н. э. по 200 г. после Рождества Христова) и была обычным, почти ежедневным явлением, о котором часто упоминают даже немедицинские писатели. Она была чрезвычайно опасна и даже считалась смертельной; а поскольку она была гораздо выше уровня греческой физиологии, не было недостатка в необычных мнениях относительно ее природы, а также в смелых и необычных способах лечения, которым подвергались те, на кого нападали. Название *"сердечная болезнь"* (morbus cardiacus, νόσος καρδιακὴ и, вероятно, также νόσος καρδίτις) было дано не медиками, а народом; который в четвертом веке до Рождества Христова, поскольку это название столь же древнее, как и тот период, не мог знать, что ученые будут спорить на эту тему. Одни утверждали, и среди них такие авторитетные люди, как Эрасистрат, Асклепиад и Аретей, что народ был прав, называя эту болезнь так; что сердце действительно было той частью, которая была поражена, и что их знания о функциях сердца были отнюдь не малы[467]. Другие, напротив, признавали в этом названии лишь выражение, указывающее не на конкретный очаг болезни, а лишь на ее важность, поскольку сердце, как центр и источник жизни, хорошо приспособлено для того, чтобы указывать на это[468]. Другие же, пытавшиеся строить более изысканные догадки, хотели представить перикард в качестве очага болезни, поскольку иногда ощущались колющие боли[469] в области сердца, или диафрагмы, или легких, или даже печени. Мнений было много, а фактических знаний - мало[470].

Сердечная болезнь начиналась с судорог и онемения конечностей[471], а иногда и всего тела. Пульс тогда принимал наихудшее состояние, был малым, слабым, частым, пустым и как бы рассасывающимся; в более продвинутой стадии - неравномерным и трепещущим, пока полностью не угасал. Пациенты страдали галлюцинациями[472]; они были бессонны, отчаивались в своем выздоровлении и обычно внезапно покрывались неприятным запахом пота по всему телу, отчего расстройство также называлось *диафорезом*. Иногда, однако, на лице и шее появлялся обильный пот. Затем он распространялся по всему телу, приобретал очень неприятный запах, становился липким и напоминал воду, в которой мацерировали плоть, и стекал по постельному белью ручьями, так что пациенту казалось, что он тает[473]. Дыхание было коротким и одышливым, почти до изнеможения (insustentabilis). Больные находились в постоянном страхе задохнуться[474]; они метались туда-сюда в величайших мучениях и *очень тонким и дрожащим голосом* произносили лишь отрывистые слова. Они постоянно ощущали невыносимое угнетение в *левой стороне* или даже во всей груди[475]; а в пароксизмах, которые сопровождались *обмороком* или следовали за ним, *сердце бурно билось и пульсировало*, без каких-либо изменений в малом пульсе[476]. Лицо *было бледным как смерть*, глаза запали в глазницы, а когда болезнь принимала роковой оборот, все вокруг погружалось во мрак. *Руки и ноги посинели*; и хотя сердце, несмотря на всеобщий холод тела, все еще билось неистово, они по большей части сохраняли рассудок. Некоторые из них блуждали лишь некоторое время перед смертью, а другие даже были охвачены конвульсиями и наделены силой пророчества[477]. *Наконец, ногти на их холодных руках становились кривыми*, кожа морщилась, и таким образом страдальцы смиряли свой дух без какого-либо смягчения своего жалкого состояния[478].

Из этого описания ясно видно поразительное сходство между древней сердечной болезнью и английской потливой болезнью в самых изысканных случаях каждой из них. В обоих случаях одинаковое сердцебиение, одинаковое изменение голоса, одинаковое

беспокойство, одинаковое затруднение дыхания и отсюда одинаковое поражение нервов грудной клетки, одинаковый пот с неприятным запахом и, посредством этого пота, одинаковое смертельное опорожнение; короче говоря, все основные симптомы, вытекающие из одного и того же круга функций. Ибо при потливых язвах древних[479], как и современных, нервы живота оставались незатронутыми; печень, кишечник и почки не принимали участия в первичном поражении; диафрагма, как при английской потливой болезни, образовывала перегородку. Поэтому остроумный Аретей без колебаний назвал сердечную болезнь *обмороком* (syncope), несомненно, необычно расширив понятие, подразумеваемое этим термином, который в обычном понимании исключает бурные сокращения сердца. В поражении мозга наблюдаются некоторые различия, поскольку, хотя галлюцинации дают неблагоприятный прогноз при обоих заболеваниях, смертельное оцепенение было свойственно английской потливой болезни, и ни один наблюдатель не упоминал о нем при сердечной болезни.

Более значительные и совершенно существенные различия между этим заболеванием и английской потливостью проявляются в другом отношении. Есть все основания полагать, что сердечная болезнь впервые появилась во времена *Александра* Македонского, то есть в конце четвертого века до Рождества Христова; ибо врачи Гиппократа не были знакомы с ней; первым о ней упомянул Эрасистрат, который был телесным врачом Селевка Никатора, а при первом Птолемее был общеизвестным профессором в Александрии. Если хотя бы поверхностно сравнить ту эпоху с эпохой Генриха VII и Генриха VIII, а Африку, Малую Азию и юг Европы с Англией, то мы легко убедимся, что эти две болезни, несмотря на совпадение основных симптомов, не могут быть одинаковыми; более того, многое древние объединяли под названием morbus cardiacus, что при ближайшем рассмотрении оказывается не одной и той же определенной формой болезненного действия: Ибо иногда об этом заболевании говорят как о самостоятельной болезни, иногда же о нем упоминают лишь как о симптоме, добавляющемся к другим, как о некоем переходе от других, весьма разнообразных болезней, как это произошло в наше время. Соранус упоминает в качестве таких болезней постоянные лихорадки, сопровождающиеся сильным жаром[480]; он причисляет к ним "Каузус", то есть воспалительную желчную лихорадку, к которой Аретей также видел добавление сердечной болезни. Эти лихорадки на пятый или шестой день переходили в сердечную болезнь, и такой переход происходил в основном в критические дни[481]. В таком же смысле Цельс говорит даже о *френите*, под которым мы здесь понимаем все воспалительные лихорадки, сопровождающиеся бурным бредом, за исключением воспаления мозга. Таким образом, мы видим, что сердечная болезнь возникла и развивалась на совершенно иной почве, чем другие болезни, и была, если привести древний пример, столь же далека от самостоятельности в этих обстоятельствах, как *летаргия* в аналогичных случаях.

Но, несомненно, существовала независимая идиопатическая форма сердечного заболевания. Была ли это лихорадка или нет, самые знаменитые врачи древности не пришли к единому мнению. Да и как они могли расходиться во мнениях, если сердечная болезнь всегда проявлялась только как последствие на пятый или шестой день воспалительных лихорадок? Аполлофан, ученик Ерасистрата и врач *Антиоха Первого*, вместе со своим учителем считал, что болезнь постоянно лихорадит, и его мнение преобладало долгое время: возможно, он был прав, ведь вполне вероятно, что в первой половине третьего века расстройство было гораздо более сильным, чем в последующие периоды. Его знаменитый современник, Деметрий Апамейский, ученик Герофила, утверждал, что распознавал лихорадку только в начале болезни, а в дальнейшем она исчезала. Очень скоро большинство врачей решили, что это не лихорадка, но Асклепиад различал лихорадочную и

нелихорадочную формы сердечной болезни, и несомненно, что этот врач был очень точным наблюдателем. С ним соглашались также Фемисон и Фессал. Аретей бегло описал только лихорадочную форму и, возможно, не был знаком ни с какой другой. Соран в основных моментах следовал Асклепиаду, основателю своей школы; а более поздние авторы вообще считали внутренний жар, горячее дыхание и жгучую жажду - симптомы, которые иногда были менее выражены, - доказательствами лихорадочной природы болезни. К ним примешивались многочисленные теоретические взгляды, принадлежащие определенным школам, о которых мы здесь не говорим, и в целом та форма, которая считалась нелихорадочной, при которой признаки лихорадочного возбуждения были менее выражены. Во всех случаях сердечная болезнь начиналась с внешней холодности и малого сжатого быстрого пульса, симптомов, которые с уверенностью указывают на лихорадку[482].

Что касается течения сердечной болезни, то мы не располагаем достаточной информацией. Несомненно, оно было очень быстрым, поскольку организм не мог долго выдерживать столь бурные симптомы, и расстройство должно было вскоре достичь кризиса; тем не менее из обширных указаний по лечению мы можем заключить, что оно продолжалось по крайней мере несколько дней. Если потоотделение было хорошо преодолено, пациенты, казалось, быстро поправлялись, и их страдания казались им, по выражению Аретея, сном, от которого они пробуждались с сознанием возросшей остроты своих чувств[483]. Но конец не всегда был таким удачным. Болезнь была очень опасной, и у многих после наступления неполного кризиса оставалась коварная лихорадка, которая заканчивалась чахоткой[484]. Все это явление было совершенно особенным, и среди существующих болезней нет ни одной, которая могла бы с ним сравниться.

Следовательно, во всем образе жизни древних должно было быть что-то, что благоприятствовало возникновению сердечной болезни. О том, что она возникала чаще летом, чем зимой, что мужчины страдали от нее чаще, чем женщины, и особенно молодые люди, полные жизни, и горячие кровью плеторические личности, которые много занимались физическими упражнениями, мы узнаем от заслуживающих доверия наблюдателей[485]. В этом отношении, таким образом, она имела сходство с английской потливой болезнью. Можно также добавить, что несварение желудка, переедание, пьянство, а также горе и страх, но особенно рвота и принятие ванны после ужина, вызывали приступы этой болезни[486]. Давайте вспомним о привычках древних. Именно во времена *Александра* впервые появилась восточная роскошь. Обжорство стало частью наслаждения жизнью, а теплые ванны - необходимой утонченностью чувственности, которая как раз в это время была философски обоснована Эпикуром; и это был не последний случай, когда философы поощряли ошибки и немощи человеческого общества.

Здесь, как и в случае с английской потливой болезнью, мы снова встречаемся *с расслабленным состоянием кожи и нечистой сытостью*, порожденной тем же потворством чувственности, которое, как мы выяснили, существовало в XVI веке. Как росло это разложение нравов и до каких ужасающих высот оно дошло у римлян, выяснять далее нет необходимости; мы можем принять за факт, что вследствие этого общая конституция древних претерпела своеобразные изменения; что это расслабление кожи и грубое переедание передавались из поколения в поколение; и что, как среди хронических заболеваний более частыми результатами были *подагрические*, так и среди воспалительных *сердечные заболевания* появились как общий эффект такого образа жизни.

Однако там, где подобная система жизни существовала среди целых общин, не требовалось первоначального и особого случая в каждом отдельном случае, чтобы довести предрасположенность к болезни, которая распространялась по наследству, до фактического извержения. Для этого часто было достаточно потрясений конституции совершенно иного рода. Так, у римлян далеко не всегда обжорство и расслабление кожи немедленно приводили к сердечной болезни; с другой стороны, обычная слабость, вызванная слишком обильным кровопусканием, переходила в бурное возбуждение сердца, сопровождавшееся колликвационным потоотделением[487]; и все чрезмерно бурное потоотделение при других болезнях было склонно принимать тот же опасный оборот[488]. Мы также должны принять во внимание практику римлян, которая была очень вредной, но при этом считалась священной по законам; а именно, посещение общественных бань поздно вечером, сразу после основной трапезы, и ожидание переваривания пищи в этих местах мягкого возлияния[489]. Как сильно, должно быть, эти средства способствовали склонности к потливости!

Только предположения, основанные на уже изложенных фактах, могут быть относительно природы древних сердечных заболеваний. Древние не дают нам никаких определенных сведений о ней; ведь их способ наблюдения не приводил к тому, на что нацелена современная медицина. *То, что сердечная болезнь не носила ревматического характера*, вытекает из нескольких обстоятельств - из качества атмосферы в южном климате, которая не столь благоприятна для ревматических заболеваний, чтобы вызвать четко выраженную форму этой жалобы в течение пятисот лет; из природы так называемой воспалительной лихорадки, которая не проявляла ревматических симптомов в своем течении; и, наконец, из лечения сердечных заболеваний, поскольку было принято охлаждать "потогонных" пациентов в разгар их потоотделения, обтирая их холодной водой, выставляя на воздух, а некоторые врачи заходили так далеко, что советовали холодные ванны и примочки[490]. Но как они могли решиться на такие средства, если сердечная болезнь имела ревматическую природу?

При потливых лихорадках XVI века любое резкое охлаждение, любое воздействие на кожу приводило к летальному исходу. Отсюда можно сделать вывод, *что английская потливая болезнь отличалась от древней сердечной болезни своим ревматическим характером*, хотя обе болезни были основаны на нечистом грубом переполнении и расслаблении кожи, и основные явления обеих протекали одинаково: не будем говорить о других различиях, которые очевидны из того, что было сказано.

Остальное лечение сердечных расстройств не должно быть полностью пропущено в этом месте, потому что оно очень ясно показывает общий стиль мышления медицинской профессии, а также некоторые метафизические возбуждения, которые являются врожденными в этой профессии, и которые поэтому повторяются во все века. Ибо в то время как одни действовали с похвальной осторожностью и осмотрительностью, а Артеус опасался[491] фатального результата от малейшей ошибки, другие, наоборот, охотно заставляли возбужденную природу повиноваться их грубым приказам с помощью самых жестоких средств. Поэтому иногда случалось, что в своей слишком поспешной деятельности они не могли отличить полезный пот от опасного "диафореза". Это они подавляли любой ценой и тем самым отправляли своих пациентов к теням их отцов. Другие сразу же прибегали к хризиппову бинтованию, прекрасному средству для подавления обильных выделений и даже сильных спазмов[492]. Другие выступали за скорейшее устранение слабости с помощью сытной диеты; они перегружали желудок, как будто восстановление сил зависело исключительно от приема пищи. Другие разрешали пить как можно больше вина в течение двадцати четырех часов, вплоть до опьянения[493]; Асклепиад выбрал для этого необычного

карусала на смертном одре греческое соленое вино[494], чтобы вызвать диарею, благодаря которой открытые поры кожи могли бы снова закрыться, а слишком подвижные атомы - унестись в кишечник. С той же целью он назначал активные клистиры[495], поскольку, если им удавалось вызвать полное опорожнение, он утверждал, что потоотделение обязательно должно быть задержано! Эндем, представитель секты методистов, рекомендовал даже клистиры с холодной водой[496] и все остальное, что по глупости придумывала неосторожность медиков; он действовал в соответствии с древним представлением, что тяжелые болезни всегда требуют сильных средств. Аретей рекомендовал кровопускание, которое, по мнению других, было не чем иным, как верной смертью[497]. Однако он считал, что в основе сердечной болезни лежит Causus, и, возможно, был прав.

Осторожное употребление вина было, по-видимому, очень полезным[498], и, что может вызвать удивление, врачи давали подробные и легкомысленные наставления по выбору и приему пищи. Если раздраженный желудок неоднократно отказывался от этого, они даже заходили, согласно римскому методу, так далеко, что заставляли пациента вызывать рвоту как до, так и после еды, чтобы орган мог таким образом выдержать повторное употребление пищи. Утверждалось также, что желудок лучше удерживает пищу и вино, если предварительно натереть его натертым луком[499]. Все это позволяет нам понять природу этой удивительной болезни, которая теперь так полно исчезла из мира. Наконец, когда вяжущие отвары оказывались бесплодными, особое доверие возлагалось на нанесение различных порошков[500] на поверхность тела, а также на использование легкого постельного белья и отказ от пуховых перин, которые уже были введены в обиход из-за женоподобности древних[501]. В качестве вяжущих средств они выбирали кору граната, листья роз, ежевики и мирта, а также фуллерову землю, гипс, квасцы, литаргу, гашеную известь[502] и, когда под рукой не было ничего другого, даже обычную дорожную пыль[503]! Эффективность некоторых из этих необычных средств невозможно отрицать. По крайней мере, в наше время было доказано, что щелочи, имеющие сходную природу, приносят большую пользу при обильном выделении кислоты на кожу, и вполне вероятно, что пот этих потогонных пациентов содержал много кислоты.

Раздел 2. Пикардийский пот.

(Suette des Picards-Suette Miliaire.)

Пикардийская потливость - это выраженная милиарная лихорадка, которая часто преобладала не только в Пикардии, но и в других провинциях Франции на протяжении более ста лет, и даже в настоящее время существует в некоторых местах как эндемическое заболевание[504]. Мы уже указывали на сходство между английской потливой болезнью и милиарной лихорадкой. Обе болезни являются ревматическими лихорадками: первая длится двадцать четыре часа, вторая - не менее семи дней. В первом случае не было высыпаний, а если в отдельных случаях высыпания и появлялись, то они, несомненно, были подчиненными, а не основными. При милиарной лихорадке, напротив, высыпания настолько существенны, что это заболевание можно рассматривать как полностью экзантематозную форму ревматической лихорадки.

История милиарной лихорадки полна важных фактов, а потливая лихорадка Пикардии является лишь ее разновидностью. Само по себе высыпание имеет очень древнее происхождение и, скорее всего, как и в настоящее время на , наблюдалось в незапамятные времена в сочетании с петехиями, возникая в качестве критического метастаза при восточной железистой чуме, возможно, даже при древней чуме, записанной Фукидидом. Она также иногда сопровождала петехиальную лихорадку, как, несомненно, и оспу, и многие

другие заболевания, так же, как мы видим сейчас; ведь милиарные высыпания - очень распространенный симптом, который легко вызывается и увеличивает опасность различных других случайных осложнений. Это, однако, отличается от *идиопатической милиарной лихорадки*, которая не существовала ни до, ни даже во времена английской потливой болезни, но возникла как эпидемия, часто упоминаемая в Саксонии, сто лет спустя[505], (1652 год).

Поэтому мы не можем считать, что эта эруптивная болезнь произошла от английской потливой болезни, подобно тому как петехиальная лихорадка, вероятно, произошла от железистой чумы, даже если допустить, что склонность потливой болезни к эруптивному характеру была бы доказана более решительно, чем это возможно на основании приведенных фактов. Прошло целое столетие, и какие огромные национальные революции произошли!

Эта же разделенность столь длительным периодом свидетельствует против предположения, что английская потливая болезнь была прерванной милиарной лихорадкой, которая истощила свои силы слишком пышной активностью кожи в первый день, до появления высыпаний. Более того, сходство и изолированность всех пяти эпидемических потливых лихорадок в отношении краткости течения болезни и отсутствие всех переходных форм любой продолжительности, которые, несомненно, существовали бы, если бы природа намеревалась постепенно сформировать милиарную лихорадку из английской потливой болезни, приводят к такому же выводу.

Но вернемся к милиарной лихорадке. Наблюдались некоторые формы этой болезни, при которых обильное потоотделение в сочетании с нервными симптомами ставило под угрозу жизнь в первый же день приступа; столь же часто высыпания полностью формировались в первый же день; и если мы должным образом рассмотрим, как и положено, регулярное течение милиарной лихорадки, когда она принимала эпидемический характер, мы всегда обнаружим, даже в этом случае, развитие симптомов, в корне отличающихся от симптомов английской потливой болезни. Если изредка случались случаи милиарной лихорадки, при которых высыпания не появлялись, как это было недавно (в 1821 году), то их следовало рассматривать в том же свете, что и другие острые высыпания, например, скарлатину, при которых природа потворствует подобной нерегулярности, не меняя, однако, сути этих заболеваний. И поскольку, наконец, во многих случаях было замечено[506], что милиарное высыпание можно предотвратить, приложив холод в самом начале, один выдающийся современный врач придал этому обстоятельству большое значение, показав, что милиарная лихорадка и английская потливая болезнь - это одна и та же болезнь[507]; Но подобная проверка, во всяком случае, невозможна при тех милиарных лихорадках, когда высыпания появляются на первый или второй день; кроме того, опыт подсказывает нам, что и многие другие болезни, такие как воспаления, ревматизм, желудочные лихорадки и даже брюшной тиф, могут быть задержаны в своем течении и ограничены более узкими рамками, чтобы не проявлять всех своих симптомов.

Поэтому мы имеем полное право считать появление милиарных потливых лихорадок совершенно новым явлением, возникшим в середине XVII века и не имеющим никакой обнаруживаемой связи с английской потливой болезнью. В Германии с 1652 года было много случаев милиарной лихорадки; но эта болезнь не увеличивалась в масштабах примерно до 1715 года, когда она распространилась во Франции и соседних странах, особенно в Пьемонте[508], в то время как Англия оставалась почти полностью свободной от нее. Французские эпидемии были в целом гораздо более тяжелыми, чем немецкие, и поэтому мы

выбираем одну из самых древних, а также самую недавнюю из них, чтобы дать общее представление о милиарной лихорадке в сравнении с английской потливой болезнью.

Впервые милиарная лихорадка появилась в Пикардии в 1718 году, в ле Виме (Vinnemacus pagus), районе на севере от Соммы и на юге от Бресле и департамента Нижней Сены. Его численность ежегодно увеличивалась; он посетил большинство мест в Пикардии, а вскоре был замечен и во Фландрии[509].

До нас дошел очень отчетливый рассказ, который мы здесь подробно изложим, об эпидемии в Аббевиле в 1733 году, где милиарная лихорадка уже существовала пятнадцать лет назад. Предвестников почти не было, но болезнь началась сразу со сжимающих болей в животе, крайнего упадка сил, тупой головной боли и затрудненного дыхания, прерываемого вздохами. Пациенты жаловались на сильный жар, обливались потом с неприятным запахом, иногда возникала тошнота. Перед глазами появлялись искры, а *лицо становилось румяным*. Пациентов мучила жгучая жажда, но язык был таким же влажным, как и у здоровых людей. Пульс был частым и волнообразным, не твердым; через *несколько часов* по всему телу начался невыносимый зуд, сопровождаемый мучительной дрожью: на нем высыпали густо усыпанные *красные круглые пустулы* размером не больше горчичного зерна, из которых пациенты выделяли крайне неприятный запах мочи, передававшийся всем, кто находился рядом с ними. Иногда у них случались опорожнения, в другое время они страдали от запоров, но все жаловались на недостаток сна; когда они чувствовали склонность к дремоте, их снова будил свежий озноб. У многих шла кровь из носа до потери сознания; у женщин часто появлялись менструальные выделения, хотя и не в положенное время. Моча иногда выделялась в недостаточном количестве, в других случаях - в изобилии и без каких-либо критических признаков; если она была бледной и обильной, это свидетельствовало о бреде; тогда веки конвульсивно подергивались, в ушах начинался гул, и пациент беспокойно метался по . Пульс стал сильным, нерегулярным и, как и дыхание, очень быстрым. Лицо становилось все краснее и краснее; вскоре после этого страдальцев, словно пораженных молнией, охватила летаргия, и они скончались, как правило, во время кашля и отхаркивания крови.

Такова была природа болезни, когда она поражала сразу многих: впрочем, было несколько разновидностей. У одних милиарные пузырьки появлялись на *второй* день, у других - не раньше *третьего*; а если все протекало благополучно, то на *седьмой день* они теряли свою красноту, и *кожа по всему телу отслаивалась, как отруби*. Лихорадка иногда была чрезвычайно сильной, а иногда, без видимых причин, очень легкой; по крайней мере, в начале приступа можно было обмануться внешне благоприятными симптомами; ведь те, у кого утром почти не было заметной степени лихорадки, кто не страдал ни от тревожных ощущений, ни от сильного жара, у кого не было заметно ни subsultus tendinum, ни отсутствия потоотделения, ни ретроцессии высыпаний, иногда к вечеру заболевали френзией и умирали в состоянии летаргии. Эвакуации, облегчающие другие болезни, усугубляли эту милиарную лихорадку. На благоприятные симптомы никогда нельзя было рассчитывать. В разгар обильного потоотделения пациент умирал либо от запора, либо от диареи. Обильное выделение мочи было плохим признаком; спокойствие сменялось бредом, бодрость - вялостью: болезнь все время была коварной и замаскированной. Особенно необходимо было беречься от ее приближения тем, кто страдал плевритом или воспалительными лихорадками. Многие пали жертвами этой эпидемии, считая себя в состоянии выздоровления; и с такими легче было предсказать, чем предотвратить последствия. В подобных случаях милиарные пузырьки были менее красными и быстрее бледнели; если же болезнь поражала здорового человека, то они были более красными и сохранялись дольше.

Из тех, кто выздоравливал, немногие страдали в течение многих месяцев, а то и целого года, от ночных потуг, без лихорадки и бессонницы, но с высыпанием маленьких милиарных пузырьков, которые исчезали[510] снова при малейшем воздействии холода. Позднейшие милиарные эпидемические лихорадки во Франции, получившие название потогонной болезни Пикардии , в целом очень хорошо описаны[511]; настолько, что в наше время мало эпидемий, ход и последовательность которых мы можем проследить так хорошо. Но эпидемия 1821 года, бушевавшая в департаментах Уазы, Сены и Уазы с марта по октябрь, наблюдалась всеми с величайшей тщательностью, включая людей выдающегося таланта[512].

Приведем описание этой болезни. Постоянных предвестников не было; часто она вспыхивала совершенно внезапно, но многие жаловались за несколько дней до этого на слабость, уныние, отсутствие аппетита, тошноту, головную боль; иногда также на головокружение и легкий озноб. Многие уходили на покой здоровыми, а ночью просыпались от болезни, покрытые испариной, которая прекращалась только со смертью или выздоровлением. У некоторых потливости предшествовали несколько часов или даже несколько мгновений едва заметного лихорадочного возбуждения, сопровождавшегося жгучим жаром или *ощущением боли, пронизывающей* все конечности, и почти всегда со спазмами в желудке. У других болезнь заявляла о себе раздирающими ревматическими болями, которые постепенно усиливались, и они становились прикованными к постели. Изо рта шел неприятный запах, вкус временами становился горьким, язык белым, реже с желтым оттенком, и так продолжалось до тех пор, пока пациент не приходил в себя. Вскоре страдалец покрылся *густым, специфически фекальным потом*, который, конечно, приносил облегчение, но становился очень невыносимым для него из-за своего неприятного запаха, который передавался даже одежде посторонних людей. Тем временем по пульсу было установлено, что лихорадка значительно ослабла, но на третий день у пациента начались судорожные *спазмы в животе*, сильное *сдавление в груди* и ощущение удушья - симптомы, которые причиняли ему невыносимые страдания. Эти приступы, сопровождавшиеся икотой и отрыжкой, продолжались в течение нескольких часов и время от времени возвращались, причем высыпания, частично папулезные, одновременно появлялись сначала на шее, затем на плечах, вплоть до рук и груди, реже на бедрах и лице. Маленькие прыщики были бледно-красного цвета, конические, с блестящими головками, а между ними появлялось бесчисленное множество мелких милиарных пустул, наполненных прозрачной серозной жидкостью, которая вскоре загустевала и приобретала белесый оттенок. Во время и до начала экзантемы пациент испытывал очень сильное *жжение и колющее ощущение в коже*, которое, тем не менее, иногда возникало на второй или четвертый день, и которое усиливалось то в одной части, то в другой, когда потоотделение уменьшалось.

К пятому дню, однако, после полного прекращения потоотделения жалобы снова усилились. Спазмы и пароксизмы удушья вернулись, и их сменили новые высыпания экзантемы; однако вскоре наступило значительное улучшение; маленькие прыщики потеряли свою красноту, милиарные пузырьки подсохли, и в период с седьмого по десятый день началось выздоровление под *общим отшелушиванием кутикулы*. Иногда высыпания не появлялись, независимо от того, находились ли пациенты под наблюдением врача или были предоставлены сами себе, но у тех немногих, у кого не было милиарных везикул, не возникало своеобразного колющего и зудящего ощущения кожи.

Между пятым и седьмым днем пациенты обычно жаловались на сильную слабость и желание есть. Несколько столовых ложек вина очень хорошо помогали им; в остальное время не наблюдалось ни жажды, ни вялости, но особенно примечательно, что моча была чистой и

обильной. До седьмого дня состояние кишечника было обычным, и, за исключением уже упомянутых приступов стеснения и угнетения, дыхание оставалось свободным, хотя и с большой бессонницей, в течение всего периода болезни. В груди не наблюдалось ничего болезненного, и пациенты лежали, вытянувшись во весь рост, так что ни разу не было повода поднять голову.

Таково было обычное течение этой милиарной лихорадки, но ее прогресс часто ускорялся очень опасными симптомами, и иногда она оказывалась смертельной в течение нескольких часов. Если в момент приступа пациенты были очень беспокойны и разговорчивы, глаза блестели, пульс, не будучи твердым, учащался, а края языка краснели, то вскоре наступал бред, а затем судороги и смерть. Очень плохим симптомом была сильная подавленность духа; кровотечения никогда не приносили пользы, но менструальные выделения не прерывали течение болезни. В целом в болезни прослеживалась большая степень злокачественности, что также стало очевидным ходе эпидемии. Если милиарная потливая лихорадка вспыхивала в новом месте, то на нее нападали всего два-три человека, и то благоприятно, что позволяло предположить, что все зло прошло, так как в течение следующих пятнадцати-двадцати дней не было слышно ни одного нового приступа. Однако внезапно эпидемия вспыхнула с новой силой. Огромное количество страдальцев вселяло ужас и страх в жителей, а случаи смерти стали частыми. После первого всплеска ярости эпидемия снова стала более мягкой, так что многие пациенты вообще не были прикованы к постели. Это смягчение милиарной лихорадки также проявилось[513] в продлении ее течения после седьмого дня.

Если мы сравним эту эпидемию с той, что наблюдалась в Аббевиле в 1773 году, то найдем между ними лишь очень незначительные различия, которые еще более отчетливо проявятся в некоторых промежуточных визитах, что соответствует тому, что наблюдалось при других эруптивных заболеваниях. Таким образом, очевидно, что милиарные лихорадки[514], появившиеся во Франции в последнее время, ни в чем существенном не отличаются от более древних. Самым надежным доказательством их идентичности является то, что они сохраняются на протяжении почти двух столетий; а судя по тому, как они проявляли себя в ходе наблюдений, их следует рассматривать как отличные от английской потливой болезни, хотя, безусловно, и родственные ей. Дальнейшее рассмотрение этого вопроса вышло бы за рамки нашей задачи, но, возможно, лучше привести следующий краткий каталог[515] наиболее важных милиарных эпидемий.

1652.	Лейпциг.
1660.	Аугсбург.
1666.	Бавария.
1672.	Венгрия.
1675.	Гамбург.
1680.	Германия в значительной степени.
1689.	Филиппсбург.
1690.	Штутгард. Дюссельдорф. Эрфурт. Йена.
1694.	Берлин.
1700.	Бреслау.

1709.	Данцик, Мариенбург.
1712.	Мюмпельгарт.
1713.	Сен-Валери. (Сомма.)
1714, 15.	Лейбах.
1715.	Бреслау. Турин.
1718.	Тюбинген. Аббевиль. (Сомма.)
1720.	Кантон де Брей. (Нижняя Сена.)
1723.	Франкфор на Мэне.
1724.	Турин. Верчелли.
1726.	Акви. Гиз. (Эсне.)
1728.	Шамбери, Анси, Сен-Жан-де-Морьенн. (Савойя.) Карманьола. Верчелли. Ивреа. Бьелла.
1729.	Вена. (Австрия.)
1730.	Пиньероль.
1731.	Фоссано.
1732.	Ницца. Риволи.
1733.	Фоссано. Асти. Ланти. Акви. Базель. Силезия.
1734.	Страсбург. (Нижний Рейн.) Акви. Ланти.
1735.	Трино. Ланти. Френуаз. (Нижняя Сена.) Vimeux. (Сена и Уаза.) Орлеан. (Луарэ.) Плювье. (Луарэ.) Мо. Вильнёв. Сен-Жорж. (Сена и Марна.) Богемия. Дания. Швеция.

	Россия.
1738.	Лузарш, Ройомон. (Сена и Уаза.) Суза. Полумесяц.
1740.	Кан. (Кальвадос.) Провинс. (Сена и Марна.) Вире. (Кальвадос.) Бертонвиль. (Эвр.) Фалез. (Кальвадос.)
1741.	Руан. (Нижняя Сена.) Тартана. Валенсия. Александрия. Лондон.
1742.	Каудебек. (Нижняя Сена.) Чева. Турин. Сорильяно. Альба. Ивреа. Чераско. Фоссано.
1743.	Виллафранка.
1744.	Акви.
1746.	Цюрих.
1747.	Париж. (Сена.) Бомон. (Сена и Уаза.) Шамбли. (Уаза.) Модена. Лоди. Мантуя. Пьяченца.
1750.	Шаффхаузен. Берн. Женева. Бове. (Уаза.)
1751.	Виллафранка.
1752.	Фернез. (Сена и Уаза.)
1753.	Суза.
1754.	Валепюизе. (Сена и Уаза.)
1755.	Новара.
1756.	Кюссе. (Алье.) Булонь. (Па-де-Кале.)
1757.	Монтэгю-ле-Комбрай. (Пюи-де-Дом.)
1758.	Амьен, окрестности. (Сомма.)

1759.	Париж. (Сена.) Гиз. (Эсна.) Кодебек. (Нижняя Сена.)
1760.	Аленсон. (Орн.)
1763.	Вире. (Кальвадос.)
1763, 64.	Байе. (Кальвадос.)
1765.	Баллеруа, басоки. (Кальвадос.) Сен-Жорж, Сен-Кантен. (Кальвадос.)
1766.	Кампаньи. (Кальвадос.)
1767.	Тинчебрей, Труттемер. (Орн.)
1768, 69.	Сен-Кантен. (Эсна.)
1770.	Лувье. (Эвр.).
1771.	Монтаржи. (Луарэ.)
1772.	Хардивилье, окрестности.
1773.	Хардивилье. (Уаза.)
1776.	Лайгль. (Орн.)
1777.	Жуи. (Сена и Уаза.)
1782.	Кастельнодары. (Ауд.) Буасси-Сен-Леже. (Сена и Уаза.)
1783.	Бомон. (Сена и Уаза.)
1791.	Меру. (Уаза.)
1810.	Нурар, Виллотран. (Уаза.)
1812.	Росхайм и многие другие места. (Нижний Рейн.)
1821.	Ла-Шапель, Сен-Пьер и шестьдесят мест вокруг. (Уаза; Сена и Уаза.)

Разд. 3.- Потливая болезнь Рёттингена.

Теперь мы переходим к феномену, который, несмотря на свою короткую продолжительность и весьма ограниченное распространение, является одним из самых запоминающихся в этом столетии. До настоящего времени его реальная важность не была признана, потому что тучи самодостаточного невежества не позволяли нам проводить исследование формирования болезней на протяжении длительных периодов времени. В течение века она была погружена в море забвения, откуда мы сейчас извлечем ее на свет дня.

В ноябре 1802 года очень жаркое и сухое лето сменилось непрекращающимися дождями. Густые туманы распространились по стране и окутали те места в центральной Германии, которые были недоступны для вентиляции. Среди них был и небольшой франконский городок Рёттинген, расположенный на реке Таубер и окруженный горами[516]. Не прошло и нескольких недель, как неожиданно, ближе к 25 ноября, в городе вспыхнула чрезвычайно смертельная болезнь, не имевшая примеров в памяти его жителей и совершенно неизвестная врачам страны.

Сильных энергичных молодых людей внезапно охватывал *невыразимый страх*; сердце *возбуждалось* и *бешено билось о* ребра, по всему телу струился *обильный, кислый, дурно*

пахнущий пот, и в то же время они испытывали *раздирающую боль* в затылке, как будто жестокая ревматическая лихорадка овладевала сухожильными тканями. Эта боль иногда очень быстро прекращалась, а если она переходила в грудь, то возобновлялось мучительное сердцебиение, начиналась спазматическая дрожь всего тела, страдальцы теряли сознание, конечности становились жесткими, и так они уходили из жизни. *В большинстве случаев все это происходило в течение четырех-двадцати часов.* Однако не все они погибали при первом приступе, но как только ускоренный пульс опускался до самого низкого уровня слабости и слабости, соответствующий эффект наблюдался и в дыхании, сильная боль в некоторых случаях возвращалась к внешним частям тела. Затем пациент чувствовал успокаивающее давление и скованность в затылке; пульс и дыхание восстанавливались, как в здоровом состоянии, но пот продолжал непрерывно литься по коже.

Однако эта кажущаяся безопасность была очень обманчивой, так как неожиданно начиналось повторное сердцебиение, сопровождавшееся слабым пульсом, и тогда смерть часто была неизбежной. Примечательно, что пациенты, хотя и обливались потом, почти не испытывали жажды, а язык не был ни сухим, ни даже грязным, но сохранял свою естественную влажность. Однако у большинства из них моча была скудной, так как кожа под воздействием нарастающей слабости позволяла слишком большому количеству жидкости выходить через поры. *Если болезнь проходила без согревающих потогонных средств, то, как правило, не появлялось никаких высыпаний.* Болезнь продолжалась до шестого дня, но только в первый день она проявляла свои злокачественные симптомы, так как ко второму потливость уменьшалась и теряла все неблагоприятные качества, так что оставалось только повышенное потоотделение кожи без каких-либо других важных симптомов, и на шестой день пациент полностью восстанавливался.

Если бы в Рёттингене с самого начала был врач, *хорошо знающий историю болезни* и применяющий старый английский метод лечения потливой болезни, эта новая лихорадка могла бы показаться лишь совершенно легким заболеванием и, несомненно, унесла бы жизни немногих жителей этого мирного городка. Однако в Любеке и Цвиккау все повторилось, и казалось, что бесчисленные жертвы горячего лечения и недобросовестной медицины Кегелера сошли в могилу напрасно. *Страдальцев, как и в XVI веке, буквально тушили до смерти,* ибо как только люди вообразили, что знают, как природа хочет спастись, они приказали навалить на потного пациента пуховые перины, так что открытыми оставались только рот и нос. Двери и окна были плотно закрыты, печь пылала жаром, а из-под широких и высоких кроватей струился нестерпимый запах пота; к этому добавлялось, что в одной комнате часто лежали двое и даже больше пациентов, более того, их укладывали вместе под одной горой перьев, а чтобы не было недостатка во внутреннем тепле, глотали горшки с териаком и непрерывно поили больного бузиной. Таким образом, вместе с потом выводились и вредные вещества; и независимо от того, задыхались ли страдальцы или преодолевали, как чудо, это злое обращение с природой, чувствовалось убеждение, что были использованы самые полезные средства, и когда, наконец, высыпали высыпания различных цветов, считалось несомненным, что яд был унесен в них. Таким образом, жители Реттингена впали в то же ошибочное мнение, которое, поддерживаемое медицинскими школами, с незапамятных времен усиливало воспалительные заболевания, особенно экзантематозные, и приводило к их озлокачествлению. Вышеупомянутые высыпания были разного рода: милиарные пузырьки любой формы и цвета, наполненные едкой жидкостью; настоящие волдыри (пемфигус) и даже питехии; и следует отметить, что пациенты в первые дни потливой лихорадки никогда не страдали от того специфического колющего ощущения

по всему телу, которое предшествует высыпанию милиарии, а жаловались только, и то не всегда, на локальный зуд, где высыпало высыпание. Столь же редко можно было наблюдать регулярное шелушение кожи , и поэтому следует предположить, что *высыпания носили лишь симптоматический характер* и ни в коем случае не были связаны с болезнью, как при явно милиарных лихорадках.

С самого начала болезнь вызывала сильнейшее беспокойство; а поскольку она усиливалась даже с первых дней своего появления благодаря потогонной системе лечения, смертность умножалась; непрерывный звон похоронных колоколов вселял смертельный ужас, как в старые времена в Шрусбери, в сердца и больных, и здоровых, и этот угнетенный городок жители окрестных районов сторонились как пестика. В начале болезни они были совершенно лишены медицинских советов, пока из окрестностей не прибыл искусный врач[517], и, поскольку *большинство жителей* уже были поражены потливой лихорадкой, он немедленно назначил им надлежащее лечение. Но сил одного человека недостаточно, чтобы в такой неразберихе бороться с глубоко укоренившимися предрассудками людей, и поэтому в большинстве домов продолжали изгонять жаром и териаками и пот, и жизнь вместе; пока, наконец, третьего декабря не прибыл доктор Синнер из Вюрцбурга, без которого память об этой замечательной болезни была бы стерта, и вместе со своим доблестным коллегой, как и анонимный врач, бывший в Цвиккау, усмирил разрушительные предрассудки людей. Он нашел восемьдесят четыре пациента[518] под пуховыми перинами, которые, когда к ним был допущен чистый воздух, снова задышали свободно, а благодаря продуманной системе охлаждения все выздоровели легко и без опасности, за исключением одного. Его метод напоминает старое английское лечение[519]. Болезнь полностью ограничилась Реттингеном, она не проявлялась нигде за воротами этого маленького городка. Однако пятого декабря установилась ясная морозная погода; с тех пор новых случаев не было, и все следы этой роеттингенской потливой лихорадки, которой никогда предшествовала или следовала милиарная лихорадка в любой части Франконии, с того времени исчезли.

Сходство этой лихорадки с английской потливой болезнью очевидно и подтверждается даже короткой (*всего десять дней*) продолжительностью визита, которая, как мы уже говорили, является наиболее существенной характеристикой английской потливой эпидемии, по крайней мере, в том виде, в каком она проявилась в Германии; милиарные эпидемии всегда длились гораздо дольше. Но если мы ограничимся только симптомами болезни, то обнаружим, что в потливой лихорадке Рёттингена нет ни одного признака, который можно было бы считать существенным, кроме *сердцебиения, сопровождающегося мучительной болью*, *обильного потоотделения* и *ревматических болей в затылке*, которые никогда не были лишними ни в одном случае; И те же самые симптомы ясно и ощутимо прослеживаются в такой же пропорции по сравнению с другими в представлении английской потливой болезни; в то время как высыпания были совершенно несущественными, как в эпидемии шестнадцатого века. Раздражительность кожи и склонность к опасным метастазам были менее выражены при лихорадке Реттингена, чем при английской потливой болезни; ведь пациенты могли без вреда для здоровья менять белье в разгар потоотделения, чего при английской потливой болезни нельзя было сделать без фатальных последствий; но это различие легко объяснить большей степенью страданий при последней болезни, чем при первой. Теперь остается только рассмотреть продолжительность болезни, и здесь мы ясно видим, что основной пароксизм прошел в эпидемии Рёттингена в течение первых четырех и двадцати часов, по крайней мере, когда он не был нарушен лечением; и единственный симптом, который продолжался до шестого дня - повышенное потоотделение, (мы говорим здесь только о совершенно чистых случаях), мог быть только обоснованно рассмотрен как

продолжение. Кризис не наступил внезапно, как при английской потливой болезни, но это не может составлять существенного различия.

Поэтому мы без колебаний считаем, *что лихорадка Реттингена была тем же заболеванием, что и английская потливая болезнь*. Дать, однако, этому явлению правильное толкование - иметь четкое представление о причинах, которые вновь привлекли из облаков в середину Германии этот рожденный в тумане призрак 1529 года и позволили ему потратить свою короткую ярость на одного места, - не под силу человеческой мудрости. Наука не настолько всеобъемлюща, чтобы обнаружить в пересечениях этих неизвестных кометных траекторий движущие причины этого визита болезни. Но как всякому проникновению в творения природы должно предшествовать строгое исследование и поиск явлений во всех странах, во все времена и при всех обстоятельствах развития, так и улучшение знаний о болезнях и всей человеческой системе не преминет последовать, когда исследования эпидемий на протяжении обширных периодов станут более многочисленными и успешными.

Современный век требует таких знаний от медиков, чье призвание - детально исследовать жизнь во всех ее аспектах. Он требует от них исторической патологии, и в эту отрасль изучения природы призвана внести свой вклад настоящая работа.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР.

Политические события.

1461-1483. Людовик XI.

1485-1509. Генрих VII.

1493-1519. Максимилиан I.
Вводятся наемные войска.

1483-1498. Карл VIII.

1483-1485. Ричард III.

1483, октябрь. Первая неудачная попытка графа Ричмонда (бежавшего во Францию в 1471 году) выступить против Ричарда III.
Герцог Бекингем казнен.

1485. Ричмонд заручается поддержкой Карла VIII.

1485, 25 июля. Отъезд Ричмонда из Гавра.

1485, 1 августа. Высадка в Милфорд-Хейвене.

1485. С 1 по 22 августа поход из Милфорд-Хейвена в Личфилд и Босворт.

1485, 22 августа. Битва при Босворте. Ричард III падает. Граф Ричмонд становится королем под именем Генриха VII.

1485, 28 августа. Въезд Генриха в Лондон.

1485 год, 30 октября. Коронация Генриха.

1481-1492. Войны Фердинанда Католика против сарацинов.

1495. Бесполезная война за престолонаследие Карла VIII против Альфонса II (умершего в 1495 году) и Фердинанда II Неаполитанского. Завоевание королевства вновь было немедленно отменено.

Первое посещение потогонной болезни.

1472-1482. Стаи саранчи на юге Европы.

1480-1485. Влажные годы.

1483. Разлив реки Северн (*большая вода* герцога Бекингема).

1480 и 1481 годы. Голод в Германии и Франции.

1477-1485. Желтушная чума в Италии.

1480, 1481. Энцефалит в Германии.

1482. Лихорадочный церебрит во Франции и эпидемический плеврит в Италии.

1483. Гландулярная чума в Испании.

1484 и 1485 годы. Злокачественная лихорадка в Германии и Швейцарии.
Чума в Испании.

1485. *В начале августа: вспышка английской потливой болезни, вероятно, среди наемных войск Ричмонда. Она распространилась с запада на восток, а затем в обратном направлении.*

1485. *Конец августа, в Оксфорде.*

1485. *21 сентября - начало октября в Лондоне.*

1485. *Середина ноября, в Кройленде.*

1486. *1 января. Окончание первой эпидемии потливой болезни.*

1486. Эпидемия цинги в Германии. Чума в Испании.

1488-1490. Чума в Испании.

1490. Первая вспышка петехиальной лихорадки в Гранаде, в армии Фердинанда Католика.

1495. Вспышка сифилитической чумы в Неаполе, в наемной армии Карла VIII.

1499. Великая чума в Лондоне.

Политические события.

1485-1509. Генрих VII.

1501. Его старший сын, Артур, женится на Екатерине Аррагонской, дочери Фердинанда Католика.

1502. Принц Артур умирает. Принц Генрих (VIII.), второй сын Генриха VII, вступает в брак с Екатериной Аррагонской.

Внутреннее состояние Англии изменено Генрихом VII. Города начинают приобретать все большее значение, а науки - распространяться. Жесткая и несправедливая финансовая система.

1498-1515. Людовик XII.

1501 г. Завоевывает Неаполь совместно с испанцами, а в 1504 г. изгоняется оттуда.

1504 г. изгнан оттуда. Он устанавливает свою власть в Верхней Италии.

1511. Папа Юлий II. (1503-1513) создает Священную лигу против Франции, в которую в 1512 году вступает и Генрих VIII. Французы теряют свою власть в Италии.

1504. Умирает Изабелла Кастильская. Ее преемником становится Филипп I Австрийский, муж ее дочери Иоганны, сын которого, Карл V, родился в 1500 году.

1506. Филипп I умирает.

1516. Умирает Фердинанд Католик.

Второе посещение.

1500-1503. Плесневые пятна (signacula) в Германии и Франции.

1500. Комета.

1500. Смертность среди крупного рогатого скота в Германии.

1502. Очень обширное уничтожение посевов в Германии гусеницами.

1503. Гландулярная чума и разрушительные эпидемии в Германии и Франции.

1504. Чума в Испании.

1504 и 1505 годы. Энцефалит, гнилостная лихорадка и злокачественная пневмония в Германии.

1505. Чума в Португалии.

1505. Первая эпидемическая петехиальная лихорадка в Италии. В течение всего этого периода болезнетворная активность организма проявлялась в отношении кожи.

1505. Влажное лето. Плачевное моральное состояние Англии.

1506. *Лето: потливая болезнь вспыхивает в Лондоне и продолжается в умеренной степени, ограничиваясь Англией, до осени. Это второе посещение - самое мягкое из всех, и старый английский метод лечения оказывается эффективным повсюду.*

1506-1508. Эпидемии моровой язвы в Испании.

1508. Стаи саранчи в Испании.

Политические события.

1509-1547. Генрих VIII.

1515-1547. Франциск I немедленно снова нападает на Милан и побеждает.

1515. швейцарцев в битве при Мариньяно. Овладевает Миланом и устанавливает французское господство в Италии до 1522 года.

1516. Кардинал Вулси меняет политику Англии в пользу Франциска I,

1520. затем Карла V.

1513-1522. Лев X., против Франции. Поощряет новой буллой об индульгенциях начало Реформации.

1517. 31 октября Лютер начинает Реформацию.

1519. 12 января умирает император Максимилиан I.

1519-1556. Карл V.

1521. Императорская диета в Вормсе.

1517. Май: Восстания рабочих в Лондоне.

1517. Осенью и зимой Генрих VIII часто меняет место жительства своего двора из-за потливой болезни и чумы.

1518. 11 февраля рождается королева Мария.

1518. Линакром основан Колледж врачей в Лондоне.

1521. Генрих VIII выступает против Лютера и получает титул "Защитника веры". (Томас Мор.)

Третье посещение.

1515. Эпидемии моровой язвы в Испании.

1516. Комета.

1517. Неурожайное, но не влажное лето.

1510. Великий грипп (Coqueluche) по всей Франции и, вероятно, в еще большей степени. Чума на севере Европы.

1517. В первые месяцы эпидемия трахеита и эзофагита (дифтерита) в Голландии, продолжавшаяся всего одиннадцать дней. Эпидемия распространяется на юг и в то же лето появляется в Басле.

1517. 16 июня землетрясение в Швабии (и Испании).

1517. Энцефалит и другие воспалительные лихорадки в Германии.

1517 *В июле в Лондоне начинается третий приступ эпидемической потливой болезни; она распространяется с большой злобой по всей Англии и среди англичан в Кале; на шестой неделе она достигает наибольшей силы и заканчивается в декабре. Аммоний из Лукки и многие уважаемые и ученые люди в Оксфорде и Кембридже скончались от этой болезни.*

1517. В декабре, сразу после потливой болезни, в Англии появляется чума, которая длится всю зиму.

1517. На Испаньоле вспыхивает оспа.

Политические события.

1524. Октябрь, Франциск I. переходит Монт-Сенис и

1525. разбит в Павии и взят в плен.

1526. 14 января. Мадридский мир.

1526. Климент VII. (1523-1534) становится главой Священной лиги против императора.

1527. 6 мая. Рим побежден императорской армией и разграблен.

1528. Французская армия под командованием Лотрека завоевывает большую часть Италии и начинает

1528. 1 мая - осада Неаполя. Лотрек умирает в августе.

1528. 29 августа снята осада Неаполя. Остатки французской армии попадают в плен.

1528. Карл V. вызывает Франциска I на единоборство.

1529. 5 августа Франциск I заключает невыгодный для себя Кембрейский мир. Прекращение французского владычества в Италии. Реформация в Англии заторможена.

1527. Угрызения совести Генриха VIII по поводу его брака с Екатериной Аррагонской. Различные переговоры по этому вопросу в последующие годы. Кардинал Вулси впадает в немилость. Канцлером становится Томас Мор.

1528. Генрих VIII удаляется в Тайтинхангар из-за потливой болезни.

1532. Разлука короля с Екатериной. Мария отстранена от управления страной.

1533. Январь, Анна Болейн становится королевой. Вводится Реформация.

1535. Томас Мор и Фишер казнены.

1536. Анна Болейн казнена. Джейн Сеймур становится королевой. Умирает в 1537 году.

1537. Анна Клевская становится королевой. Развод через шесть месяцев.

1541. Екатерина Говард, королева, казнена через год и шесть месяцев после этого.

1544. Екатерина, королева.

1547. 13 декабря умирает Генрих VIII.

1521. Заговоры иконоборцев в Цвиккау и Виттенберге.

1523-1525. Крестьянская война. 15 мая, битва при Франкенхаузене.

1529. Императорский сейм в Шпиле.

1529. 22 сентября - 16 октября турки перед Веной.

1529. 2 октября, собрание реформаторов в Марбурге.

1530. 25 июня, сдача Аугсбургского исповедания. Суровые указы против протестантов.

1531. Лига протестантских князей в Шмалькальдене. Продолжающаяся опасность со стороны турок.

1532. Имперский сейм в Нюрнберге. Протестанты получают безопасность.

1333-1535. Излишества анабаптистов в Мюнстере.

1536. Укрепление Шмалькальдской лиги.

1538. Католические государства учреждают Священную лигу в Нюрнберге.

1540. Павел III. (1534-1550) подтверждает орден иезуитов, основанный в 1534 году Игнатием Лойолой.

1519-1541. Завоевание Мексики, Перу, Чили и т. д.

Четвертое посещение.

1524. Великая чума в Милане,

1527. Наводнения в Верхней Италии.

1527. 11 августа, комета.

1527. Чума в императорской армии в Италии, после разграбления Рима; и в Виттенберге.

1528-1534. Годы голода с преобладанием влажности и жары.

1528. Неоднократные наводнения. Постоянные южные ветры и летние туманы в Италии. Вторая большая эпидемия петехиальной лихорадки.

1528. Уничтожение французской армии перед Неаполем из-за эпидемии пятнистой лихорадки.

1528. Холодная весна и влажное лето во Франции.

1528-1532. Теплая зима, влажное лето. Неоднократные неурожаи и сильный голод в этой стране.

1528. В этот и последующие годы Трусс-Галант уносит четвертую часть жителей Франции.

1528. Влажная и мягкая зима. Влажное лето с туманами. Неурожай и голод в Англии.

1528. *В конце мая в Лондоне вспыхивает четвертая эпидемия потливой болезни. Она распространяется с большой злобой и нарушает общественную жизнь по всей Англии, уносит многих выдающихся людей и заканчивается зимой. В этом году она ограничивается Англией и не возвращается в следующем году.*

1528. Непрерывные юго-восточные ветры. Сильная засуха. Стаи саранчи и огненные метеоры на севере Германии.

1529. Землетрясение в Верхней Италии. Чистый дождь в Кремоне. Комета в июле и августе.

1529. Мягкая зима в Германии. Весна начинается в феврале. Большая влажность в течение всего лета. В марте всеобщее безводье. Болезнь среди морских свиней на Балтике. Неурожайность речной рыбы на севере Германии. Болезни среди птиц. Томление,

напоминающее обморок, в Померании. Частые самоубийства в марте. В середине июня наводнение с дождем, продолжавшееся четыре дня (поток Святого Витта) на юге Германии. 10 августа вселенская буря. 24 августа и в последующие дни сильная жара.

1529. *25 июля начало эпидемии потливой болезни в Гамбурге. Прекращение 5 августа. 29 июля в Любеке. 14 августа в Цвиккау. Около 1 сентября английская потогонная болезнь распространяется по всей Германии. 31 августа в Штеттине; прекращение 8 сентября. 1 сентября в Данцике; окончание 6 сентября. 24 августа в Страсбурге. 5, 6 и 7 сентября в Кельне, Аугсбурге и Франкфорте на Майне. Около 20 сентября в Вене и среди осаждающих турок. 27 сентября в Амстердаме. Окончание 1 октября в Антверпене и остальных Нидерландах; одновременно, в конце сентября, в Дании, Швеции и Новее. В начале ноября повсеместное прекращение эпидемии потливой болезни.*

1530. В октябре разлив Тибра. Разрыв дамб и внезапные наводнения в Голландии, которые повторились в 1532 году.

1531. С 1 августа по 3 сентября, комета Галлея.

1532. Со 2 октября по 8 ноября и

1533. С середины июня по август - кометы.

1534. Окончание года скудости, во время которого по всей Европе в ограниченных районах свирепствовали злокачественные лихорадки.

Политические события.

1542. Морис, герцог Саксонии, отказывается от Шмалькальденской лиги.

1542. Имперская армия, противостоящая туркам в Венгрии под командованием Иоахима II Бранденбургского, уничтожена болезнью.

1546. 18 февраля умирает Лютер.

1546. Карл V. выступает против протестантов, провозглашает курфюрста Иоанна Фредерика и ландграфа Филиппа Гессенского вне закона. Получает

1547. 24 апреля, битва при Мюльберге. Поднимает

1548. герцога Мориса в курфюршество Саксонии и предписывает *промежуточные* меры, которые не принимаются Магдебургом.

1551. Магдебург объявлен под императорским запретом и тщетно осаждается саксонцами.

1552. Генрих II Французский (1547-1559) в союзе с протестантскими князьями берет Мец, Туль и Верден.

1552. Пассауский договор закрепляет за протестантами равные права с католиками.

1547-1553. Эдуарду VI девять лет. Герцог Сомерсет управляет королевством в качестве протектора. Реформация пользуется благосклонностью и делает успехи.

1553. Мария преследует протестантов, а в 1558 году теряет Кале.

1556. Карл V. отрекается от престола и умирает 11 сентября 1558 года в Испании.

Пятое посещение.

1538. Эпидемия дизентерии во Франции.

1540. Жаркое лето. Леса самопроизвольно загораются.

1541. Чума в Константинополе.

1542. Стаи саранчи на юге Европы и чума в Венгрии во время войны турок в этом королевстве.

1543. Чума и петехиальная лихорадка в Германии. Мец.

1545 и 1546 годы. Trousse-galant во Франции, от которого умирают 10 000 англичан при Булони.

1546. Чума в Нидерландах и Франции.

1547. Петехиальная лихорадка в императорской армии.

1547-1551. Плесневые пятна и красная вода на севере Германии.

1549. Гусеницы уничтожают траву, и среди скота в Германии наступает падеж. 21 сентября аврора бореалис.

1549 и 1550 годы. Злокачественная лихорадка (петехиальная лихорадка?) на севере Германии.

1551. Сухая и холодная весна; жаркое и влажное лето. Наводнения, землетрясения, метеоры, насмешливые солнца, сильные бури, летние туманы.

1551. Злокачественная лихорадка в Швабии: чума в Испании. Грипп.

1551. Весной смрадные туманы на берегах Северна.

1551. *15 апреля вспыхивает пятая эпидемия потогонной лихорадки в Шрусбери на Северне. Постепенно она распространяется со зловонными туманами по всей Англии и 9 июля достигает Лондона. Смертность очень велика. Иностранцы не страдают, но англичане в зарубежных странах болеют английской потливой болезнью. Эпидемия заканчивается 30 сентября.*

1552 и 1553 годы. Злокачественная лихорадка в Германии и Швейцарии.

КАТАЛОГ ПРОИЗВЕДЕНИЙ[520]

НА КОТОРЫЕ ССЫЛАЕТСЯ АВТОР.

Adelung (Wolffgang Heinrich) Kurtze historische Beschreibung der uralten u. s. w. Stadt Hamburg. Hamburg, 1696, 4to.

Agricolæ; (Georgii) De peste Libri tres. Basileæ, 1554, 8vo.

Эйкин (Джон) Биографические мемуары о медицине в Великобритании, от возрождения литературы до времени Гарвея. Лондон, 1780, 8vo.

Allionii (Caroli) Tractatio de miliarium origine, progressu, natura et curatione. Augustæ Taurinorum, 1758, 8vo.

Angelus (Andreas, Struthiomontanus) Annales Marchiæ Brandenburgicæ, das ist: Ordentliches Verzeichniss und Beschreibung der fürnemsten und gedenckwirdigsten Märckischen Jahrgeschichten u. s. w. Franckfurt a. O. 1598, fol.

Annales Berolino Marchici, ab anno 965 ad annum 1740. Deutsche Handschrift. Berliner Königl. Bibl. MS. boruss. fol. 29.

Antwerpsch Chronykje, sedert den jare 1500 tot het jaar 1574, door F. G. V. Te Leyden, 1743, 4to.

Aretæi Cappadocis Ætiologica, Simeiotica et Therapeutica morborum acutorum et diuturnorum, etc. Ed. Georg. Henisch. Augustæ Vindelicorum, 1603, fol.

Astruc (Johann.) De morbis venereis Libri novem. 2 Tomi. Lutetiæ Parisiorum, 1740, 4to.

Autenrieth (Hermann Friedrich) Ueber das Gift der Fische, mit vergleichender Berücksichtigung des Giftes von Muscheln, Käse, Gehirn, Fleisch, Fett und Würsten, so wie der sogenannten mechanischen Gifte. Tübingen, 1833, 8vo.

Baccii (Andreæ) De Thermis Libri VII. Patavii, 1711, 4to.

Бэкон, см. Верулам.

Baker (Sir Richard) A Chronicle of the Kings of England, from the time of the Romans Government to the death of King James. London, 1665, fol.

Balæi (Joannis, Sudovolcæ) Illustrium maioris Britanniæ scriptorum, hoc est Angliæ, Cambriæ et Scotiæ Summarium, ad annum d. 1548. Londini, 1548, 4to.

Bayer (Wencesslaus-von Elbogen, genannt Cubito) Richtiger rathschlag und bericht der ytzt regierenden Pestilentz, so man den Engelischen Schweyss nennet. Leyptzigk, d. 4. September, 1829, 8vo. (Im Besitz des Verf.).

Bell (George Hamilton) A Treatise on the diseases of the liver, and on bilious complaints, etc. Эдинбург и Лондон, 1833, 8vo.

Бонн (М. Герман) Любекская хроника. с. 1. 1634, 8vo.

Brown (Robert) Vermischte botanische Schriften. Ins Deutsche übersetzt und mit Anmerkungen versehen von C. G. Nees von Esenbeck. Schmalkalden, 1825, 2 Bde. 8vo.

Burserii de Kanilfeld (Joann. Baptist.) Institutionum medicinæ practicæ, quas auditoribus suis prælegebat, Voll. IV. Recudi cur. J. F. C. Hecker. Lipsiæ, 1826, 8vo.

Cælii Aureliani Siccensis, De morbis acutis et chronicis Libri VIII. Ed. Jo. Конрад. Амман. Amstelædami, 1755, 4to.

Caii (Johannis, Britanni) De Ephemera Britannica Liber. Recudi cur. J. F. C. Hecker. Berolini, 1833, 12mo.

Joannis Caii Britanni, De canibus Britannicis Liber unus; De rariorum animalium et stirpium historia Liber unus; De libris propriis Liber unus; De pronunciatione Græcæ et Latinæ linguæ, cum

scriptione nova, Libellus. Ad optimorum exemplarium fidem recogniti a S. Jebb, M.D. Londini, 1729, 8vo.

Caius (John) A Boke or Counseill against the Disease commonly called the Sweate or Sweatyng Sicknesse. Отпечатано в Лондоне, 1552 г., 12mo. (Ist in Deutschland nicht vorhanden. Einen Abdruck des grössten Theiles dieser merkwürdigen Schrift hat Babington in seiner Englischen Uebersetzung vom "schwarzen Tode" des Verf. geliefert.) См. Приложение.

Campo (Antonio) Cremona, fedelissima citta et nobilissima colonia de Romani, rappresentata in disegno col suo contato et illustrata d'una breve historia, etc. Milano, 1645, 4to.

Auli Cornelii Celsi, Medicinæ Libri octo. Ex recensione Leonardi Targæ. Patavii, 1769, 4to.

Du Chesne (André) Histoire générale d'Angleterre d'Ecosse et d'Irlande. Paris, 1614, fol.

Kurzgefasste Hamburgische Chronica, u. s. w. Hamburg, 1725, 8vo.

Chronici chronicorum politici Libri duo. Francoforti, 1614, 8vo.

Chronik von Erfurt, bis 1574. Handschrift, 4to. Ohne Seitenzahlen. Durch die Güte des Herrn Regierungs- und Medicinalraths Dr. Fischer in Erfurt im Besitz des Verfassers.

Mémoires de Messire Philippe de Comines, où l'on trouve l'histoire des Rois de France Louis XI. et Charles VIII. 4 тома. Paris, 1747, 4to.

Cordus (Euricius) Eyn Regiment, wie man sich vor der newen Plage, der Englisch schweiss genannt, bewaren, und so man damit ergriffen wird, darinn halten soll. Marburg, 1529, 4to. Die zweite Auflage ist bald nach der ersten erschienen, und dieser in dem Exemplar der Königl. Bibl. zu Berlin angebunden.

Cramer (D. Daniel) Das grosse Pomrische Kirchen-Chronicon, u. s. w. Alt-Stettin, 1676, fol.

Curicke (Reinhold) Der Stadt Dantzigk historische Beschreibung. Amsterdam und Dantzigk, 1688, fol.

Далин (Улоф) История Свеа Рикеса. 3 Delen. Стокгольм, 1747-60, 4to.

Damiani (Tertii-Vissenaci Decicopolitani) Theoricæ medicinæ, totam rem miro compendio complectentes, non modo medicis aut chirurgis, verum et omnibus, quibus sanitatis divitiæ cordi sunt, accommodæ, atque adeo necessariæ. His accessit Libellus περὶ τοῦ δρωνούσου, tempore, quo hoc malum sæviret ab eodem concinnatus. Antwerpiæ, 1541, 4to. (Bibliothek der Universität Jena.)

Ditmari (Episcopi Mersepurgii) Chronici Libri VII. nunc primum in lucem editi. Francofurti, 1580, fol.

Erasmi (Desiderii, Roterodami) Epistolarum Libri XXXI. et Melanchthonis Libri IV. etc. Londini, 1642, fol.

Erasmi (Desiderii) Roterodamensis Μωρίας ἐγκώμιον sive Stultitiæ laus. Ed. Guil. Gottl. Becker. Basil. 1780, 8vo.

Фабиан (Роберт) Новые хроники Англии и Франции, названные им самим Конкорданс Гистори. Лондон, 1811, 4to.

Fallopii (Gabrielis) Opera quæ adhuc extant omnia. Francofurti, 1584, fol.

Fell (Joannes) Rerum Anglicarum Scriptores veteres, Oxon. 1684, fol.

Fernelii (Joannis, Ambiani) Universa medicina, tribus et viginti Libris absoluta. Lutetiæ Parisiorum, 1567, fol.

Foderé (Fr. Emm.) Leçons sur les épidémies et l'hygiène publique, faites à la faculté de médecine de Strasbourg. 4 Voll. Paris, 1822-24, 8vo.

Foresti (Petri, Alcmariani) Observationum et curationum medicinalium, sive Medicinæ theoricæ et practicæ Libri XXVIII. Francofurti, a. M. 1614, fol.

Fracastorii (Hieronymi) Veronensis, Opera II. partt. Lugdun. 1591, 8vo.

Franck von Wörd, Chronica, Zeytbuch und Geschychtbibel von anbegyn biss inn diss gegenwertig 1531. jar. Страссбург, 1531, фол.

Konning Friderich den Forstis, Danmarckis, Norgis, Wendis oc Gothis Konning, etc. Histori. Kiobenhaffn, 1597, 4to.

Fuhrmann (Matthias) Alt -und neues Wien, oder dieser Kayserl. und Ertz-Lands-fürstlichen Residentz-Stadt chronologisch- und historische Beschreibung. 2 Theile. Wien, 1739, 8vo.

Gemma (Cornelius) De Naturæ divinis characterismis, seu raris et admirandis spectaculis, causis, indiciis, proprietatibus rerum in partibus singulis universi. Libri II. Antverpiæ, 1575, 8vo.

(Годвин) Rerum Anglicarum Henrico VIII. Eduardo VI. et Maria regnantibus Annales, nunc primum editi. Ex officina Nortoniana, 1616, fol.

Годвин (Франциск, епископ Херефордский) Анналы Англии, содержащие царствования Генриха VIII, Эдуарда VI, королевы Марии. Изданы, исправлены и дополнены Морганом Годвином. London, 1675, fol.

Графтонская хроника, или История Англии с 1189 по 1558 год. В двух томах. Лондон, 1809, 4to.

Le Grand d'Aussy, Histoire de la vie privée des Français, depuis l'origine de la nation jusqu'à nos jours. 3 Voll. Paris, 1782, 8vo.

Грациоло (Андреа-ди-Сало) Рассуждение о болезни, в котором содержатся полезные рассуждения о природе, болезнях, лечении болезни, а также катология всех известных болезней прошедших времен. Venezia, 1546, 4to.

Gratoroli (Guilielmi) Collectio. Полноценный титул этого замечательного сборника звучит так: Clarissimi philosophi et medici Petri de Abano de Venenis corumque remediis. Item Consilium de præservatione a venenis D. Guilielmi Gratoroli. Item generosi Hermanni a Nuenare Comitis περὶ τοῦἰ δροπυρετοῦ, id est sudatoria febri. Item Curatio sudoris Anglici in Germania experta. Item Joachimi Schilleri de Peste Britanica Commentariolus aureus. Omnia opera D. Guilielmi Gratoroli ex manu scriptis exemplaribus collata, aucta atque illustrata, 8vo. Sine loco et anno.

Gruner (Christianus Gottfridus) Itinerarium Sudoris Anglici ex actis designatum. Jenæ, 1805, 8vo.

Gruner (Christianus Gottfridus) Scriptorum de Sudore Anglico superstitum editio hactenus desiderata et adornata. Jenæ, (1805,) 8vo.

Practica celeberrimi viri Antonii Guainerii Papiensis medicinæ Doctoris, etc. Lugduni, 1517, 4to.

Guicciardini (Francesco) Della Istoria d'Italia Libri XX. Venez. 1738, fol.

Haftitz (Peter) Microchronologicum Marchicum, das ist ein kurtz Zeitbüchlein u. s. w. Handschrift. Berliner Königl. Bibl. Ms. boruss. Fol. 23.

Hall's Chronicle, containing the History of England, during the reign of Henry IV. and the succeeding monarchs, to the end of the reign of Henry VIII. London, 1809, 4to.

Haræi (Francisci) Annales ducum seu principum Brabantiæ totiusque Belgii. Tomi III. Antverpiæ, 1623, fol.

Hartmann (Petrus Immanuel) De sudore unius lateris. Diss. Halæ, 1751, 4to.

Hecker (Justus Friedrich Karl) Geschichte der Heilkunde, nach den Quellen bearbeitet. 2 Bände. Berlin, 1822-29, 8vo.

Геккер (Юст. Фред. Ч.) Черная смерть в четырнадцатом веке. Перевод Б. Г. Бабингтона. Лондон, 1833, 8vo.

Hellwetter (Johann) Vor die Engelische kranckheyt, die Schweifssucht genandt, ein Regiment. Leiptzick. (Im Besitz des Verf.).

Герберт из Чербери (лорд Эдуард) Жизнь и правление короля Генриха Восьмого. London, 1649, fol.

Hermanni Contracti Chronicon, ex inedito hucusque codice Augiensi, etc. Ed. Æmilian. Ussermann. 1790, 4to. s. 1.

Magni Hippocratis Coaca præsagia, etc. Cum interpretatione et commentariis Jacobi Hollerii Stempani, nunc primum Desiderii Jacotii Vandoperani opera in lucem editis. Lugduni, 1576, fol.

Хроники Англии, Шотландии и Ирландии Холиншеда. В шести томах. Лондон, 1808, 4to.

Hollerii (Jacobi, Stempani) medici Parisiensis cel. De Morbis internis Libri II. Lugduni, 1578, 8vo.

Хосак (Дэвид) Очерки по различным предметам медицинской науки. 3 Voll. Нью-Йорк, 1824-30, 8vo.

Huitfeld (Arrild) Danmarckis Rigis Kronicke, fra Kong Dan den forste oc indtil Kong Knud den 6. Kiobenhaffn, T. I. 1650, T. II. 1652, fol.

V. Humboldt (Friedrich Alexander) Versuche über die gereizte Muskel- und Nervenfaser, nebst Vermuthungen über den chemischen Process des Lebens in der Thier- und Pflanzenwelt, 2 Bde. Berlin, 1797, 8vo.

Хьюм (Дэвид) История Англии от нашествия Юлия Цезаря до революции 1688 года. In 8 Voll. London, 1782, 8vo.

Hundt (Magnus, von Magdeburgk) Eyn kurtzes und sehr nutzbarlichs Regiment wider dye schwynde und erschreckliche kranckheit der Pestilentz auss bewerten und geübten Ertzten tzusamen getragen, sampt einem kurtzen bericht der schweysskranckheit. Meher eyn nutzlichs Regiment wider die weltleuftige und unsauber kranckheit der Frantzosen, u. s. w. Leyptzigk, am 7. October, 1529, 8vo. (Im Besitz des Verf.).

Jordani (Thomæ) Pestis phænomena, seu de iis, quæ circa febrem pestilentem apparent, exercitatio. Франкофурти, 1576, 8vo.

Jovii (Pauli, Novocomensis, Episcopi Nucerini) Historiarum sui temporis Tomi II. Basil. 1567. 3 Voll. 8vo.

Kegler (Casparus) Eyn nutzlichs und trostlichs Regiment wider dy Pestilentz und gifftigk pestilentzisch Feber die Schweyssucht genant, und sust mancherley gifftig und tödtlich kranckheit, u. s. w. Leyptzigk, 1529, 8vo. (Im Besitz des Verf. Это цвайт ауфлаге. Другое издание принадлежит сыну Кеглера, Мельхиору, вермерету в Бреслау, 1568 г., издано и находится в ведении Гр. Reg. R. Lorinser in Oppeln.).

Kircheri (Athanasii) Scrutinium physico-medicum contagiosæ luis quæ dicitur Pestis. Ed. Chr. Lange. Lipsiæ, 1671, 4to.

Kirchring (Gottschalck) und Müller (Gottschalck) Compendium Chronicæ Lubecensis, oder Auszug und historischer Kern Lübischer Chronicken; aus verschiedenen Authoribus, als Alb. Crantio, Herm. Bonno, Chytreo, Reimaro Kock, Reckmann, Helmoldo, Rehbeen, Angelo, Petersen u. s. w. zusammengetragen. Гамбург, 1678, 8vo.

Klemzen (Nicolaus) Vom Pommer-Lande und dessen Fürsten Geschlecht-Beschreibung, in vier Büchern, nach einer alten Handschrift herausgegeben. Stralsund, 1771, 4to.

Kronica der Preussen, 1553, fol. Handschrift der K. Bibl. zu Berlin. Ms. boruss. Fol. 176.

Lemnii (Levini, medici Zirizæi) De habitu et constitutione corporis, quam Græci κρᾶσιν, triviales complexionem vocant, Libri II. Jenæ, 1587, 8vo.

Lilie (George) Chronicon, sive brevis enumeratio regum et principum, in quos variante fortuna Britanniæ imperium diversis temporibus translatum. Francofurti, 1565, 4to. Abgedruckt bei Jo. Gualterus, Chronicon chronicorum politicum. Francofurti, 1614, 8vo, welche Ausgabe hier benutzt ist.

Marsolier (de) Histoire de Henry VII., Roy d'Angleterre, surnommé le Sage, et le Salomon d'Angleterre. Париж, 1700, 8vo.

Massæ (Nicolai, Veneti) Liber de Febre pestilentiali, ac de pestichiis, morbillis, variolis et apostematibus pestilentialibus, ac eorundem omnium curatione, etc. Venetiis, 1556, 4to.

Menckenii (Joannis Burchardi) Scriptores rerum Germanicarum, præsertim Saxonicarum. 3 Voll. Lipsiæ, 1728-30. fol.

Mezeray (Comte de) Histoire de France. 3 Voll. Paris, 1685, fol.

Мур (Джеймс) История оспы. Лондон, 1815, 8 vo.

Mori (Thomæ) Opera omnia. Francofurti a. M. et Lipsiæ, 1689, fol.

Omodei (Annibale) Del governo politico medico del morbo petechiale, etc. Milano, 1822, 8vo.

Osorii (Hieronymi, Lusitani Silvensis, in Algarbiis Episcopi) De Rebus Emmanuelis, regis Lusitaniæ gestis Libri XII. Coloniæ Agrippinæ, 1576, 8vo.

Ozanam (J. A. F.) Histoire médicale générale et particulière des maladies épidémiques, contagieuses et epizootiques, etc. 5 Voll. Paris, 1817-23, 8vo.

Paré (Ambroise) Œuvres. 7ème édition. Paris, 1614, fol.

Pasquier (Estienne) Les Recherches de la France. Paris, 1565, fol.

Le Petit (Jean François) La grande Chronique ancienne et moderne de Hollande, Zelande, West-Frise, Utrecht, Frise, Overyssel et Groeningue, jusqu'à la fin de l'an 1600. Dordrecht, 1601. 2 Voll. fol.

Petri Martyris Anglerii Mediolanensis, De orbe novo Decades octo. Labore et industria Rich. Hakluyti, Oxoniens. Париж, 1587, 8vo.

Pez (Hieronymus) Scriptores rerum Austriacarum veteres et genuini. 2 Voll. Lipsiæ, 1721-25, fol.

Pfeufer (Karl) Beiträge zur Geschichte des Petechial-typhus. (Diss.) Bamberg, 1831, 8vo.

Pilgram (Antonii) Calendarium chronologicum medii potissimum ævi monumentis accommodatum. Viennæ, 1781, 4to.

Pingré, Cométographie ou Traité historique et théorique des Comètes. 2 Voll. Paris, 1783, 84, 4to.

Pomarius (M. Johannes) Chronika der Sachsen und Nidersachsen. Wittenberg, 1589, fol.

Pontani (Johannis Isaci) Historiæ Gelricæ Libri XIV. Hardervici Gelrorum, 1639, fol.

De Rapin (Thoyras) Histoire d'Angleterre. 4 Tom. Basle, 1746, fol.

Rayer (P.) Traité théorique et pratique des maladies de la peau, fondé sur de nouvelles recherches d'anatomie et de physiologie pathologiques. 2 Voll. Paris, 1826, 27, 8vo.

Rayer (P.) Histoire de l'épidémie de suette-miliaire, qui a regné en 1821 dans les Départemens de l'Oise et de Seine-et-Oise. Paris, 1822, 8vo.

Ein Regiment der ihenen, so durch Gottes vorhengung inn die newe Schwitzende seuche plotzlich fallen. Виттемберг, 1529, 8vo. (Im Besitz des Verf.).

Regkman (Hans) Lübeckishe Chronik. s. 1. 1619, fol.

Reusner (Hieronym., Nordlingens. Poliatr.) Diexodicarum exercitationum Liber de Scorbuto. Франкофурти, 1600, 8vo.

Richter (Georg August) Medicinische Geschichte der Belagerung und Einnahme der Festung Torgau, und Beschreibung der Epidemie, welche 1813 und 14 daselbst herrschte. Berlin, 1814, 8vo.

Rondeletii (Guilelmi) Methodus curandorum omnium morborum corporis humani, in tres Libros distincta. Eiusdem de dignoscendis morbis. De Febribus. De Morbo gallico. De Internis et Externis. De Pharmacopolarum officina. De Fucis. Francofurti a. M. 1592, 8vo.

Сандоваль (дон Фрай Пруденсио де) История жизни и деяний императора Карлоса V. 2 части. En Pamplona, 1618, 1614, fol.

Sauvages (Francisc. Boissier de) Nosologia methodica sistens morborum classes juxta Sydenhami mentem et botanicorum ordinem. Amstelodami, 1768. 2 Voll. 4to.

Schenck a Grafenberg (Joannis) Observationum medicarum, rararum, novarum, admirabilium et monstrosarum Libri VII. Francofurti, 1600, 8vo.

ДД. Schilleri (Joachimi-ab Herderen) physici, De peste Brittannica Commentariolus vere aureus. Ad hæc Alexandri Benedicti Veronensis, etc. De observatione in pestilentia Libellus, etc. Basileæ, 1531, 8vo. (Im Besitz des Verfassers.)

Schmidt (Tobias) Chronica Cygnea, oder Beschreibung der Stadt Zwickau u. s. w. Zwickau, 1656, 4to.

Schneideri (Conradi Victoris) Libri de Catarrhis quinque et specialissimus. Wittebergæ, 1660-74, 4to.

Schnurrer (Friedrich) Chronik der Seuchen. 2 Thle. Tübingen, 1823-25, 8vo.

Schwelin (Narcissus) Würtembergische kleine Chronica. Stuttgart, 1660, 8vo.

Scriptorum de rebus Marchiæ Brandenburgensis maxime celebrium, Nicolai Leuthingeri nec non Zachariæ Garcæi, etc., in unum volumen Collectio. Præfat. est Joh. Gottl. Krause. Francofurti et Lipsiæ, 1729, 4to.

Sennert (Danielis) De Scorbuto Tractatus. Cui accesserunt eiusdem argumenti tractatus et epistolæ: Bald. Ronssei, Jo. Echthii, Jo. Wieri, Jo. Langii, Sall. Alberti, Matth. Martini. Wittebergæ, 1624, 8vo.

Sette (Vincenzo) Memoria storico naturale sull' Arrossimento straordinario di alcune sostanze alimentose, osservato nella provincia di Padova l'anno 1819. Venezia, 1814, 8vo.

Шорт (Томас) Общая хронологическая история воздуха, погоды, времен года, метеоров и т.д., в разных местах и в разное время; в особенности за 250 лет. В двух томах. Лондон, 1749, 8vo.

Sigeberti Gemblacensis cŒnobitæ Chronicon, ab anno, 381 ad 1113. Париж, ап. H. Stephan. 1513, 4to.

Sinner (Joseph Michael) Darstellung eines rhevmatischen Schweissfiebers, welches zu Ende des Novembers 1802, in dem churfürstlich-würzburgischen Städtchen Röttingen an der Tauber endemisch herrschte. Würzburg, 1803, 8vo. (Im Besitz des Hrn. Professor Fuchs in Würzburg.)

Sleidani (Joannnis) De statu religionis et reipublicæ Carolo quinto Cæsare Commentarii. Ed. Jo. Gotti. Boehme et Christ. Carol. Am Ende. 3 Partt. Francofurti a. M. 1785, 86, 8vo.

Spangenberg (Cyriacus) Mansfeldische Chronica. Eisleben, 1572, fol.

Spangenberg (Cyriacus) Historia von der flechtenden Kranckheit der Pestilentz, wie die von anfang her umb unser Sünde willen inn der Welt gewütet hat hat, das ist, alle schwinde Pestilentzische sterben derer inn Historien und Chroniken gedacht wird. 1552, 4to. (Ohne Druckort und Seitenzahlen.)

Staphorst (Nicolaus) Historia ecclesiæ Hamburgensis diplomatica, d. i. Hamburgische Kirchengeschichte aus glaubwürdigen und mehrentheils noch ungedruckten Urkunden gesammlet. 2 Theile in 5 Bänden. Hamburg, 1723-29, 4to.

Stelzner (Michael Gottlieb) Versuch einer zuverlässigen Nachricht von dem kirchlichen und politischen Zustande der Stadt Hamburg. 4 Bände. Hamburg, 1731, 8vo.

Stettler (Michael) Annales oder gründliche Beschreibung der fürnembsten geschichten und Thaten, welche sich in gantzer Helvetia u. s. w. verlauffen. 2 Theile. Bern, 1627, fol.

Stow (John) The Annales of England, faithfully collected from the most autenticall Authors, Records, and other Monuments of Antiquitie, from the first inhabitation untill this present yeere 1592. London, 1592, 4to.

Stumpff (Johann) Schweytzer Chronick, d. i. Beschreybunge Gemeiner löblicher Eydgenoschafft Stetten, Landen, Völcker und dero Chronickwirdigen Thaaten. Zürich, 1606, fol.

Thuani (Jacobi Augusti-de Thou) Historiarum sui temporis Volumina IV. Offenbachii et Ysemburgi, 1609, fol.

Valesii (Caroli) du Bourgdieu, Physici patria Burdegalensis, Commentarii de Peste et Exanthematibus[521] ad Alexandrum VII. Pontificem O. M. Romæ, 1656, 4to.

Valleriolæ (Francisci) Loci medicinæ communes, tribus Libris digesti. Lugduni, 1562, fol.

Velschii (Georgii Hieronymi) Sylloge curationum et observationum medicinalium. Augustæ Vindelicorum, 1668, 4to.

Vergilii (Polydori) Urbinatis Anglicæ Historiæ Libri XXVII. Basil. 1556, fol.

Verulam (Lord Francis) Viscount St. Alban, The Historie of the Raigne of King Henry the seventh. London, 1622, fol.

Villalba (Don Joaquin de) Epidemiologia Española ó Historia cronológica de las pestes, contagios, epidemias y epizootias que han acaecido en España desde la venida de los Cartagineses hasta el año 1801, etc. 2 Том. Madrid, 1803, 8vo.

Wagenaar (Jan) Amsterdam in zyne opkomst, aanwas, geschiedenissen, voorregten, koophandel, etc., beschreeven. Amsterdam, 1760-65. 8 Bände, 8vo.

Вебстер (Ной) Краткая история эпидемических и моровых болезней, с главными явлениями физического мира, которые им предшествуют и сопровождают, и наблюдениями, выведенными из изложенных фактов. 2 Voll. Хартфорд, 1799, 8vo.

Werlich (Engelbert) Chronica der weitberuempten Keyserlichen freyen und dess H. Reichs Statt Augspurg. (Nach Marx Welser.) Franckfurt a. M. 1595, fol.

Wintzenberger (Daniel, von Grim) Warhafftige Geschichte, und gedenckwirdiger Händel, so von dem 1500. Jar an, bis auff dis 1583. Jar ergangen, kurtz und richtig nach der Ordnung der Jare. Dresden, 1583, 4to.

Wild (Doktor Peters-von Ysni) tröstlicher Bericht, vonn der newen erstanden Kranckheyt, die schweyfssucht genant. An eyn Ersamen Rath und gemeyn diser löblichen Statt Wormbs. Getrukt zu Wormbs durch Hans Mechel, 1529, 8vo. (Im wörtlichen Auszuge in Baldinger's neuem Magazin für Aerzte, Bd. IV. St. 3. 1782. S. 277.)

Витихинди (монахи Корбеи) Анналы. Ed. Reiner. Reineccii, Steinhemii. Francofurti a. M. 1577, fol.

Wood (Anton.) Historia et Antiquitates Universitatis Oxoniensis. 2 Tom. Oxon. 1674, fol.

Вурстисен (Христиан) Баслерская хроника. Basel, 1580, fol.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

БОК, ИЛИ СОВЕТ

ПРОТИВ

БОЛЕЗНИ

ОБЫЧНО НАЗЫВАЕМОЙ

МОКРИЦЕЙ,

ИЛИ

ПОТЛИВОЙ БОЛЕЗНЬЮ.

СОСТАВЛЕНО ИОАННОМ КАЙУСОМ
ВРАЧОМ В ФИЗИКЕ.

ОЧЕНЬ НЕОБХОДИМАЯ ВЕЩЬ ДЛЯ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА, И МНОГО
НЕОБХОДИМО ИМЕТЬ В РУКАХ ДЛЯ ВСЕХ
РОДА, ДЛЯ ИХ ЛУЧШЕГО ОБУЧЕНИЯ,
ПОДГОТОВКИ И ЗАЩИТЫ, ПРОТИВ
ОТ НАДВИГАЮЩЕГОСЯ И СТРАШНОГО
НАПАДЕНИЯ ТОЙ ЖЕ
DISEASE.

1552.

ДОСТОПОЧТЕННОМУ
ВИЛЬЯМУ ГРАФУ ПЕНБРОКУ,
ЛОРДУ ХАРБЕРТУ КАРДИФСКОМУ, РЫЦАРЮ
ПОЧЕТНОГО ОРДЕНА ПОДВЯЗКИ И
ПРЕЗИДЕНТУ КОРОЛЕВСКОГО СОВЕТА
СОВЕТНИК В МАРШАХ
УЭЛЬСА:
ИГОН КАЙУС
ЖЕЛАЕТ ЗДОРОВЬЯ И ЧЕСТИ.

В благополучный период пота (ryghte honourable) многие прибегали ко мне за советом, среди которых некоторые, будучи моими друзьями и знакомыми, желали, чтобы я написал для них небольшой совет, как им помочь в этом: сказав также, что я доставлю большое удовольствие всем моим друзьям и знакомым, если на время моего отдыха сделаю некую штуку, которая от времени до времени могла бы оставаться, чтобы люди могли в таких случаях прибегать к помощи и находить убежище при любой опасности, поскольку у них их не было. По чьей просьбе в то время я написал диуэрам совет так коротко, как только мог, для нынешней нужды, в чем они были согласны, и уступил многим другим, и далее утвердился в том, что

исполню (насколько это в моих силах) другую часть их честной просьбы на будущее время. Для того, чтобы лучше исполнить и довести до конца, я не жалел ходить ко всем, кто посылал за мной, как бедным, так и богатым, днем и ночью. И не только для того, чтобы облегчить им жизнь, что мог, и проинструктировать их, чтобы они выздоровели, но и для того, чтобы тщательно изучить случаи и обстоятельства болезни у разных людей и понять природу и причины ее в полной мере, насколько это возможно. Поэтому, как я отметил, так я и написал, как тогда служили, и закончил одну книгу на английском языке, только для англичан, не знающих английского языка, другую на латыни для людей, знающих более широко, и вообще для помощи тем, кто в будущем должен будет найтись, либо в этом, либо в другом союзе, чтобы они могли облегчить наш вред. Это я думал сделать до Рождества Христова и отправиться к вашему лордшипу в Новый год, но другие дела помешали мне. Neuertheles то, что тогда не могло быть сделано, теперь приходит не по сезону, хотя это не так просто, так что это может сделать легко в будущем, который, как я верю, это будет, так для добра я geue и посвятить его в ваш добрый лордшип, надеясь, что тот же будет принимать это с таким же хорошим умом, как я geue его к вашей чести, который наш Господь сохранить и graunt долго, чтобы продолжать.

В Лондоне первого апреля.
1552.

САЙТ
БОКА ИОАННА КАИУСА
ПРОТИВ
ПРОТИВ ПОТНЫХ БОЛЕЗНЕЙ.

Человек рождается не только для себя, но и для блага многих, (как пишет разум и все добрые авторы) тот, кто в этом мире достоин жить, должен иметь свой ум и намерения, чтобы приносить пользу другим. Что я и делаю в действительности, хотя фортуна и попустила мне кое-какие надежды, но по той причине, что фортуна не может отступиться от некоторых надежд, я снова объявил. Ибо после нескольких лет, проведенных в Камбридже, я в возрасте шестидесяти лет, отчасти для того, чтобы упражнять себя и профилировать, что я мог делать, но с радостью для одного из моих близких, перевел с латинского на английский несколько произведений, не имея никого другого, кто был бы так добр, чтобы порадовать их этим. Одно из сочинений *С. Хризостома de modo orandi deum*, то есть о том, как молиться богу, я послал одному моему приятелю, находившемуся тогда при дворе. Другую, сочинение Эразма об истинной теологии, об истинном и прекрасном способе читать Священное Писание, я послал господину Августину Стиварду, олдермену Норвичскому, не в полном объеме, как это сделал автор, но сокращенно, для единственной цели, кому я ее послал, извлекая много тонких вещей, сделанных скорее для великих и ученых диуинов, чем для других. Третьим был парафраз того же Эразма на Послание святого Иуды, который я перевел по просьбе еще одного моего дорогого друга.

Это я сделал на английском языке, тем более что в то время люди еще не так хорошо знали английский язык, но они хорошо учились языкам и наукам, а также усердно изучали и применяли то же самое сами. Поэтому я не думал, что причинен вред. С тех пор я писал и другие книги, но с намерением больше не писать на английском языке, отчасти потому, что смысл того, что написано, не выходит за пределы Англии, а остается заключенным в морях, а

отчасти потому, что я думал, что труды, которые я взял на себя, наполовину пропадут среди тех, кто не учится. В-третьих, потому, что я считал, что лучше всего уклониться от мнения толпы, от которой в вопросах обучения человек вынужден отступать, отвергая то, что они больше всего одобряют, и отвергая то, что они больше всего не одобряют. В-четвертых, за то, что общее изложение и печатание всех глупых книг в Англии, как физических, так и других вопросов, нередко уменьшает благодать изученных книг, изложенных в них же. Но главным образом потому, что я не хотел бы подавать пример или утешение людям моей страны, (которых я хотел бы теперь, как и прежде, сравнить в обучении с людьми других стран), чтобы они учились только на английском языке, но оставить простоту того же самого, и продолжить многие и разнообразные знания, как в языках и науках дома, так и в других странах, к удовольствию своего народа, лучшему служению своему королю, и к большому удовольствию и выгоде для себя, к какому бы роду жизни они ни применяли их. Поэтому, в какое бы время я ни вздумал писать, я писал то же самое либо по-гречески, либо по-латыни. Как, во-первых, все цельные комментарии к цельным бокам Уильяма Фраминга, магистра искусств в Кембридже, человека большого ума, памяти, прилежания и образованности, воспитанного в тех же школах Англии, что и я, с начала его обучения и до его смерти. Из этих книг, ij. из *котинеции* (или котиненции) были в прозе, уᵉостальные в метре или стихах различных видов. Одно - утешение для слепого, озаглавленное *ad Aemilianum cæcum consolatio*, другое - *Ecpyrosis, seu incendiū sodomorū*, сожжение Содома. Третий Лаврентий, выражающий мучения святого Лаврентия. Четвертый - *"Идололатрия*, идолопоклонство", не по ремеслу и венам Священного Писания (в чем он также очень хорошо упражнялся), но в соответствии с Писанием и в соответствии с мирным и гуманным обучением, объявляя, что они поклоняются *Марсу*, который воюет или сражается: *Венере*, которая нечистоплотна: *Плутону*, что сваливает богатство; и так далее по всем порокам, распространенным в его время. Конечная бока *Apeme*, верность: шестая, Эпиграммы, собранные в двух боках, которые он посвятил мне в послании своей собственной руки до того, как осталась бока, намереваясь сделать еще много прекрасных вещей, но жестокая смерть помешала, отбросив его, когда он и я были перенесены в Норвиче, в год нашего Господа M.d.xxxvij. xxix. daie of September, beynge then of the age of xxv. yeres, vij. Monethes, and vj. daies, a greate lossse of so notable a yonge man. Эти труды после своей смерти он завещал передать в мои руки, и по этому случаю, после того как я просмотрел их и увидел, что они полны всех знаний, я подумал, что для всех меня нет трудов, которые я мог бы понять без посторонней помощи, кроме тех, которые были хорошо известны во всех видах авторов: Я побуждал себя отчасти для помощи другим, а отчасти для собственного упражнения, чтобы объявить им о пользе моего обучения в сильном и гуманном обучении, и чтобы иметь перед глазами, как в работе (которая всегда была моим делом), сколько я получил пользы в том же самом. Сделав это, я приложил все свои комментарии к каждой из его священных книг, лучше написанных Николасом Пергейтом для святого мэтра Фрамингема, и после того, как ученые мужи высказали свое мнение о том же самом, изложил их дальше, если бы это было им полезно. По этой причине при моем отъезде в Италию я положил перед ними Послание, посвященное правому отцу в Боге Томасу Тирлбю, ныне епископу Норвичскому, потому что тот же господин Фрамингем говорил ему о других. После моего отъезда он передал боксы ревенанту отца в Боге Джо Скиппе, покойному епископу Херефорда, затем Д. Тиртлу, воспитателю упомянутого мэтра Фраминха, от него - сыру Ричарду Морисину, ныне послу при королях Майеста с Теперуром, затем Д. Тайлуру Дину из Линкольна и сыру Томасу Смиту, секретарю при королях Майеста, всем большим ученым людям. От них они перешли к другим, среди которых боксы умерли, (как я полагаю) или хранятся в тесном месте, чтобы после моей смерти они могли быть установлены в именах тех, кто сейчас владеет ими, как их работы. Как бы то ни было, я знаю, что, вернувшись из Италии (после двухлетнего пребывания там) в

Англию, я так и не смог понять, где они находятся, хотя старательно и с желанием искал их. После этого я перевел с греческого на латынь небольшую книжку Никифора, в которой рассказывается, как человек может исповедовать себя в прайне, что после я сделал с Ихо Громом, бакалавром в искусстве, человеком в годах, но в остроумии и образованности для своего времени очень ожидаемым. Сделав это, я начал вести летопись города Норвича, о его начале и делах, совершавшихся в нем время от времени. Матерьял, пока еще грубый и не исследованный, остается у меня, который на досуге я намерен отполировать, и закончить то, что я начал. И, если быть кратким, в разных тысячах книг я сделал и напечатал их как на греческом, так и на латинском языках, не собираясь поступать иначе, как я уже говорил, всю свою жизнь: По этой причине все эти вещи, которые я изложил, излишни в этом месте. И все же, намереваясь теперь немного посоветоваться с потными больными для помощи другим, не отступая от своей прежней цели, две причины вынуждают меня, в письме об этом, вернуться в Англию, по необходимости и по доброй воле к моему окружению, друзьям и знакомым, которые здесь требуют меня, к которым я думаю, что переношу себя.

Необходимость, потому что эта болезнь почти свойственна всем англичанам, а не всем людям, как тень на теле, во всех странах, хотя и не во все времена. Поэтому я вынужден рассматривать этот наш английский язык как наилучший, чтобы быть понятным, и наиболее полезный для тех, кому он наиболее близок, наиболее подходящий для того, чтобы иметь средства защиты, и часто наименее подходящий для мест успеха и комфорта под руками сведущих людей: и менее всего не следует излагать на других языках, чтобы их понимали все люди, которых это либо вообще не преследует , либо очень редко, как тех, кто в возрасте. Думаю также, что лучше написать это на английском по моему собственному разумению, чем переводить с латинского другими по их недоразумению.

Доброжелательно отношусь к своим друзьям и знакомым в графствах, считаю их беззащитными перед ним, а его - любящим их, яростно с ними обращаться, стремительно их подавлять, вмеру их душить, и это в немалом количестве, и таких знатных родовитостью, хорошим состоянием, серьезной рассудительностью, необыкновенной мудростью и большой обучаемостью людей, как Генрих герцог Суффольк и лорд Карл, его брат, как мало кто был в их возрасте: heuy & pitifull thyng to here or see. Так что, если бы только ученые мужи в Фисике, а не так, как здесь, были бы голыми, то не следовало бы почти половине стольких ученых людей быть красными в каждом городе и местечке, как их должны были бы потеть больные люди. Однако, несмотря на это, я хочу, чтобы каждый человек не отказывался от совета нынешнего или нового ученого физика, который может, сообразуясь с местом, человеком, причиной и другими обстоятельствами, дать более конкретный совет, но в любом случае увещеваю его пользоваться им со всем усердием. В этом предприятии среди стольких ученых людей меня ничуть не смущает благородство и добрая воля всех людей, в чем я хорошо убедился до этого в своих прежних делах. Поэтому, имея столь же добрую волю, чтобы помочь моему советнику в этом, и надеясь на не меньшую доброту в том же, я ясно и по-английски, чтобы они лучше поняли, кому я пишу, сначала объявлю о начале, имени, природе и признаках потливых болезней. Далее, причины их возникновения. И в-третьих, как уберечь людей от нее и вылечить их, если она у них есть.

Начало болезни... В годы Господа Бога нашего M.CCCC.lxxxv. вскоре после vij. дня августа, в который кинг Генрих Седьмой прибыл в Милфорд-ин-Уоллс из Фраунса, и в первый год его правления среди людей началась болезнь, продолжавшаяся весь остаток того месяца и весь сентябрь, которая по своим резким проявлениям и неистовой жестокости была названа моровой язвой. Ибо обычно она бывает iij. или iiij. часто vij. сумма ix. как та первая в Афинах, которую Фукидид описывает в своей второй книге, сумма xj. и сумма xiiij. дней respecte,

которым она причиняет страдания. Но это сразу же убило одних, когда они открывали окна, других, когда они стояли с детьми на улице, некоторых в один час, многих в два уничтожило, а в самый долгий, тем, кто обедал, оно подарило печальную вечерю. Как он их находил, так и забирал, одних в сон, других в бодрствование, одних в покой, других в заботу, одних в пост, других в сытость, одних в занятость, других в праздность, и в одном доме несколько раз по три человека, несколько раз по несколько часов, несколько раз больше, несколько раз все, отчего, если в каждом городе спасались бегством, это считалось большим несчастьем. Как, или каким образом их захватил, с какими горестями и случайностями он их удерживал, потом я расскажу, когда приду, чтобы показать признаки этого. Заранее знайте, что эта болезнь (потому что она больше всего стояла на потении с самого начала и до конца) называлась здесь "потливой болезнью", а поскольку она впервые началась в Англии, то в других странах ее называли "английской потницей". Однако некоторые полагают, что оно или подобное ему было замечено прежде среди греков во время осады Трои. При императоре Октавии воевали *в Кантабрии*, называемой ныне Бискайя, в Хиспании, а турки - при Родосе. Насколько это верно, пусть покажут часы: насколько верно то, что ты говоришь, подтверждает лучшая из наших хроник, а также свежая память о последних болезнях. Но если бы имя было теперь дано, и я был бы волен сделать то же самое: я бы сделал имя *Ephemera*, то есть фейер одного естественного дня, по причине характера и пространства болезни (потому что это не пот только, как далее я объявлю, и в спиритах). Feuer, for the feruor or burning, drieth & sweating feure like. Одного естественного дня, ибо длится он всего xxiiij. часов. И для отличия от общей *эфемеры*, о которой пишет Гален, возникающей по другим причинам и с подобными болями, я бы отнес ее либо к английской, поскольку она следует за некоторыми английскими людьми, которым она почти соответствует, а также началась здесь: либо к язвенной, поскольку она возникает из-за заражения и гниения, иначе, чем другие *эфемеры*. Что, как я полагаю, может быть лучше сделано, потому что я вижу straunge и никаких английских названий как на латыни, так и на греческом языке, по общему мнению, принятых за английские. Как в латыни, Feure, Quotidiā, Tertian, Quartane, Aier, Infection, Pestilence, Uomite, Person, Reines, Ueines, Peines, Chamere, Numbre, &c. немного изменены по общинному произношению. В Greke, Pleuresie, Ischiada, Hydrops, Apostema, Phlegma, и Chole: называемые по вульгарному произношению, Schiatica, Dropsie, Impostume, Phleume, и Choler: Gyne also, and Boutyre, Sciourel, Mouse, Rophe, Phrase, Paraphrase, & cephe, wherof cometh Chaucers couercephe, in the romant of the Rose, writtē and pronoūced comōly, kerchief in y^{e}south, & courchief in the north. Thereof euery head or principall thing, is comonlye called cephe, pronoūced & writtē, chief. Многое другое есть в нашем общинном языке, что здесь пересказывать было бы долго. Эти для примера коротко я здесь отметил. Но для названия этой болезни теперь не имеет значения, имя Sweat beyng cōmōly vsed. Итак, вернемся к делу, которое, по случаю и причине, снова произошло в M.D.vi. в xxii. году упомянутого короля Генриха Седьмого. После этого, в год M.D.xvii. ix. yeare Kyng Henry the viii, и продолжалось с июля, до середины декабря. iiii время, в год M.D.xxviii. xx. года тесаида Кинга, начавшись в конце мая, и продолжаясь июня и июля. Пятое время этой страшной *Эфемеры* Англии, и язвенного пота, это в году M.D.LI. нашего Господа Бога, и пятый год нашего Суеверного Господа короля Эдуарда шестого, начавшись в Шрусбери в середине апреля, проследовав с большой смертностью в Ладлоу, Престен и другие места в Уэльсе, затем в Вестчестер, Куэнтр, Дренфорд и другие города на юге, и все, что было на пути к Лондону, не дошло ли оно до семнадцатого июля, и там продолжало болеть, с потерей vii. C. lxi. с ix. дня до xvi. дня, кроме тех, кто умер в vii. и viii. дни, о которых не велось никакого реестра, после чего она утихла до xxx. дня того же дня, с потерей C. xlii. больше. Затем, прекратившись там, она прошла через все восточные части Англии на север до конца августа, в это время она уменьшилась, а в конце сентября полностью прекратилась.

Эта болезнь - не потница (как ее считают и но жар, как я уже говорил, в духах от гниения ядовитого, с борьбой, трауалем и трудом природы против инфекции, полученной в духах, после того, как в порядке очереди следует пот, или выходит гумор, вынужденный природой, как также происходит в других болезнях, которые состоят в гуморах, когда они в состоянии, и в худшем в определенные дни иудином, также рвотами, кровотечениями, и потоками, так и потами. О том, что это так, свидетельствуют сами поты. Ибо, как во внутренних болезнях тела, болезненные трудом, при помощи того же принуждаются к потоотделению, так и во внутренних болезнях тела, подвергаемые труду и труду, побуждаются к тому же. В этих трудах, если природа сильна и способна изгнать пот (не позволяя себе иного), человек спасается, если же нет, то умирает. Что это лихорадка, так я частично объявил, и более убедительно по признакам болезни, под одним показывая также по тем же признакам, знакам и краткому описанию того же, что она состоит в спиритах. Во-первых, по боли в спине, или плече, по боли в крайних частях, как арме, или ноге, с шелестом, или ветром, как это кажется некоторым больным, шелестящим в том же самом. Во-вторых, скорбь в области живота и ближней части желудка. В-третьих, от боли в голове и безумия. В-четвертых, от страсти сердца. Ибо вспыхивание или появление в наружных и внутренних частях есть не что иное, как духи тех же самых, собравшиеся вместе при первом вхождении в угарный воздух, при заражении им, и перелетающие с места на место, для своего собственного саугарда. Но при последнем заражении они делают горе там, где их заставят, что обычно бывает в тарме или ноге (самые дальние части их убежища) - спина или плечо: сначала они выдерживают испытание, как хорошие соулдеры, прежде чем позволят врагу войти дальше в их владения. В других частях, как уже говорилось, другие беды бывают сильнее, потому что духи там самые обильные, как в своих фонтанах, и все желают идти. Ибо из груди, ближнего живота, мозгов и сердца выходят все виды и роды духов, гунеры наших тел, какие только появляются там. Но из сердца исходят люишские духи. При помещении их в тела, пригодные для этого, сердце угнетается. Отсюда также следует мрачное страдание, (пятый признак этой болезни) и желание спать, не будучи довольным, чувства во всех частях скованы или закрыты, части поэтому остаются тяжелыми, внлиуише и тусклыми. Вслед за этим наступает короткое пребывание в болезни, являющееся признаком того, что болезнь находится в духах, о чем может свидетельствовать *эфемера*, о которой писал Гален, и которая, поскольку она заключается в духах, длится всего один естественный день. Ибо как огонь в тверди или соломе вспыхивает и гаснет, так и жар в духах, либо от простого перегрева, либо от инфекции и гниения, о которых здесь идет речь, вспыхивает и гаснет. и более по силе или величине, которая, не задерживаясь, поглощает легкую материю, в отличие от всех других болезней, остающихся в человеке, когда разжигаемый огонь не так быстро гаснет, не более того, как во влажном дереве, или в жирных морских колах, так и на конкретном примере этой язвы (из всех других, наиболее похожих на эту) может быть объявлено, почему и по тому, что она пребывает в духах, тарится, как я сказал, несколько раз, из iiij. vii. ix. и xj. до xiiij. дней, отличаясь от этого, по причине этого, хотя и по заражению, наиболее схожему с этим. Таким образом, за один короткий труд я объявил, что это за болезнь, в чем она состоит, как и с помощью каких случайностей она распространяется и отличается от моровой язвы, и каковы ее признаки и признаки, без которых она не проявляется, если кто и потеет, то не от этой болезни, а скорее от страха, жары года, множества одежд, больших упражнений, привязанности, избытка диеты, или, на худой конец, от малой причины заражения и меньшей предрасположенности тела к этой болезни. Так что, если тело было лишено материи, оно потело, когда приходила инфекция: но если материя не была большой, это не могло быть ни опасным, ни болезненным, как у других, у которых причина была больше.

Причины... До этого я рассказал о начале, названии, природе и признаках этой болезни: теперь я объявлю о причинах, которые таковы: инфекция и нечистые духи в телах,

испорченных переполнением. Инфекция, принимая эуловые качества, распространяет не только гете, но и дырявый субстрат его, в путрифиенге том же, и это вообще иж. войны. По времени года естественному, и по природе и месту соития и области - куда могут быть положены конкретные происшествия этого же. По времени года vnnaturall, как если бы зима была жаркой и сухой, а лето жарким и влажным: (подходящее время для потов) весна холодная и сухая, осень горячая и влажная. To this mai be ioyned the euel disposition by constellation, whiche hath a great power & dominion in al erthly thinges. По месту и природе соития и региона, многими способами. Прежде всего и специально по туманам и выхлопам, вырывающимся из земли под солнцем в разгар года, как это случилось с греками при осаде Трои, от чего умерли сначала собаки и мулы, а потом и люди в большом количестве: и здесь также в Англии в этом м.д.л.г. причина этого язвенного пота, но более страшной природы. Whiche miste in the countrie where it began, was sene flie frō toune to toune, with suche stincke in morninges & eueninges, that mē could scarcely abreate it. Это от сырости из земли, как из Галена Баратру, или от поэтов *Ауэрну*, или *Аорну*; сырость от них такая, что в [ней]летают птицы. Подобные сырости я слышал на севере страны в ямах, где тружеников прямо убивают, разве что перед часом их прихода (который они знают по пламени их котелков), они вырывают пасть. В-третьих, гниение в пастях после сильных пожаров, в карионах и в мертвецах. После великих пожаров, как [это] случилось во времена Галлиена, императора в Риме, в *Ахайе* и *Ливии*, когда море надолго затопило города вблизи от них. И в xi. году *Пелагия*, когда по всей Италии свирепствовали бури, но главным образом *Тибрис* в Риме, который во многих местах был выше стен города.

В кариозах или мертвых телах, как это случилось в Англии на морских отмелях во времена короля Алуреда или Альфреда (как пишут некоторые летописцы), а во времена короля Этельреда после Сабеллика по случаю утонувшей саранчи, выброшенной морем, которая по воле винда была выгнана из Фраунса. Эта саранча - муха величиной в малый тумб, цветом коричневая, формой похожая на кузнечика, имеющая vi. fiete, столько-то крыльев, два темени, и голову, как у лошади, и потому называемая в Италии *Caualleto*, где в городе *Падоа*, в году m.d.xiij. (как я помню), я со многими другими видел рой из них, чей проход за город длился два часа, в ширину неоценимый для каждого человека там. Здесь на примере можно отметить, что заражение мертвецами в войнах, либо гниющими в земле, как это случилось в Афинах с эфиопами, либо погребенными под землей, как это случилось в Буллуине, в год M.D.xlv. после завоевания королем Генрихом Восьмым, либо долгое пребывание войска в одном месте, более воспроизводится на ежедневном опыте, чем это нужно показывать. Поэтому я перейду теперь к четвертой особой причине заражения, пент-айеру, вырывающемуся из земли при землетрясениях, как это случилось в Уенице в первый год правления Андреа Дандуло, тогдашнего герцога, в xxiiij. день января и xx. час после их исчисления. В результате чего умерло несколько человек, а многие родились раньше срока. Причина v. - теснота, и внстиримальный воздух, и поэтому гниение или тление, из старых колодцев, отверстий в вашем саду, сделанных для зерна, которых много я видел в и около *Пезаро* в Италии, открывая их после большого пространства, как и те, кто занимается этим, и также на примере объявлено, ибо многие, открывая их, несомненно, погибают. Из каузов, а также и из трупов, как это произошло сначала в стране *Вавилонии*, затем в Греции, а затем и в Риме, по случаю того, что [юные]соулдиры императора *Марка Антонина*, надеясь на деньги, разбили золотой гроб *Авдия Кассия*, проделав в нем маленькое отверстие, в храме *Аполлона* в *Селевкии*, как пишет Аммиан Марцеллин. К этим причинам могут быть причислены особые причины заражения, которые я называю случайностями места, увеличивающими одно и то же. Как вблизи жилых помещений, так и на грязной земле, в лужах или донжилях, в раковинах или канавах, в пологих местах или карионах, в мертвых канавах или гнилой земле, вблизи домов или уалей, и тому подобное. Таким образом, много для первой причины.

Вторая причина этой Englyshe *Ephemera*, я сказал, были thimpure spirites в телах corupt by repletiō. Переполнение я называю здесь, изобилие humores euel & maliciouse, с давних пор понемногу и понемногу собраны euel diete, оставаясь в bodye, приходя либо к moche мяса, или euel мяса в качестве, как зараженные фрукты, мяса euel пользы или nutrimēt; или оба ioyntly. К таким духам, когда заражение воздухом приходит к ним, они бывают расстроены, испорчены, подвергаются болезненному обращению и угнетены, их природа принуждается, и болезнь зарождается. Но пока я объявляю эти нечистые духи одной причиной, я должен вернуть ваши миндесы от духов к гуморам, чтобы духи питались лучшими их частями, и после снова привести вас к духам, где я вас толкаю. И поскольку я еще не забыл, кому я пишу, в этой декларации я приведу часть заученных и тонких обоснований, которые здесь недействительны и не имеют смысла, и изложу только те, которые будут наиболее понятны тем, кому я пишу, и легче всего будут поняты ими же: и при этом покажу, почему это действует на английских людей сильнее, чем на другие народы. Итак, я расскажу о тонком запахе пота, о его сиянии, цвете и других качествах, о количестве, о том, как он останавливается, как проходит дальше - быстро или с трудом, горячий он или холодный, о нотах в выделениях, о том, какое состояние длится дольше или сильнее, и о других признаках, которые могут свидетельствовать о развращенных чувствах и духах, и далее я приведу три примера. обоснования, объявляющие, что те же самые люди, которых постигло сильное истощение, находятся не в ином состоянии, ибо они более склонны к этой болезни, чем другие натуры. Ибо, как здесь я покажу, а Гале подтвердит, наши тела не переносят никаких болезней или повреждений от порочных и инфекционных причин, если только они не находятся в определенной материи, подготовленной к их получению, иначе, если бы кто-то был болен, он должен был бы быть болен, если в этой стране, то в тех местах, откуда пришла инфекция, что, как мы видим, не изменит ситуацию. Что касается первой причины, то мы считаем, что эта свирепая болезнь, или мор *Ephemera*, часто бывает в Англии, но никогда не заходит в Шотландию (кроме границ), хотя обе они находятся в пределах моря. То же самое, начинаясь здесь, нападало на Брабант и близлежащие к нему территории, но никогда не проходило через Германию, где оно было в таком же виде, как и здесь, с большой смертностью, в году m.d.xxix. Причина, по которой не существует никакой другой естественной причины, а именно: в рационе этих трех стран, которые уничтожают больше мяса и сухарей без всякого порядка, времени, обоснования или необходимости, чем Шотландия или все другие страны под солнцем, к большому несчастью их собственных тел и виттов, препятствию тех, кто их имеет, и большому недостатку и скудости в их монахских землях. Поэтому, если бы Эскулапий, врожденный фисик, избавивший меня от смерти и вернувший к жизни, снова вернулся в этот мир, он не смог бы избавить этих людей, у которых столько пота, столько тяжелых людей, заложенных в запас, от этой неприятной, страшной и пагубной болезни: разве что они выучили бы новый урок и занялись бы новым ремеслом. For other wise, neither the auoidyng of this countrie (seconde reason) nor fleyng into others, (a commune refuge in other diseases) wyll preserue vs Englishe men, as in this laste sweate is by experience well proued in Cales, Antwerpe, and other places of Brabant, wher only our contrimen ware sicke, and no other, except one or ii. others of thenglishe diete, which is also to be noted. Причина этого, естественно, одна, что они заботились о том, чтобы не есть, и с помощью такой диеты увеличивали то, что было причиной их болезни. Поэтому позвольте нам утверждать, что в каком бы состоянии ни находились причина и материя, соединение подобной причины и действенной причины будет вызывать подобный эффект и болезнь у людей с одинаковым цветом лица, возрастом и питанием, если время также будет соответствовать этому, и ни у кого другого. Это я говорю для того, чтобы время, в которое живет человек, способствовало злобе болезни, открывая поры тела, впуская в него воздух, разрешая гуморы и делая их текучими, и располагая таким образом спириты согласованно,

кроме того, что (как я показал в первой причине этого язвенного пота) он перемешивает и вытягивает из устья удушливые выдохи и туманы, к ухудшению состояния устья и неудовольствию всех. Диету я ставлю для того, чтобы противоположные диете не беспокоились о ней. Возраст и цвет лица, потому что, хотя он не щадит ни возраста обоих, ни цвета лица, но некоторых он трогает, однако по большей части (где всегда должны быть правила и причины) он досаждает тем, кто среднего возраста, лучшего вожделения, и они не так уж сильно под этим, и цвета лица горячего и влажного, как это подходит их непослушным и мохнатым субтильным блохам, чтобы питать духи: или близкие и подобные им по одному из качеств, как холерик по зною, флегматик по влаге, за исключением других их качеств, как дринес по холерику, и холод по флегматику, по великому господству над другими, позволяли. Ибо клен, противоположный зараженному телу, всегда остается здоровым, спокойным и лучшим, чем прежде, а развращенный и зараженный - нет. Поэтому холодных и сухих людей она либо вообще не трогает, либо трогает очень мало, и это не представляет опасности: таких, говорю я, помимо их цвета лица (который так трудно найти в любом человеке точным и простым, как точные гельты), были присущи некоторые порочные гуморы и духи, и поэтому они так часто получают ее, и то по хорошим основаниям. Ибо ничто не может по природе своей иметь силу сделать что-либо против какой-либо вещи, кроме как та же самая вещь имеет в себе предрасположенность по подобным качествам к ее получению. Так же как причина в фоте не могла бы беспокоить фланк и поднять колено (среднее между ними), если бы не было большего согласия и сходства природы в страдании (которое мы называем *симпатиями*) между теми и другими. Не отказываются от огня и камни, и жгучие камни, и ремни, и палки, и древесный уголь, и масло, и воск, и жир, и морские косточки, если только эти камни не были припасены и по своим качествам не располагали к тому, чтобы их воспламенять и сжигать. И никто не берется сжигать воду, потому что качества ее противоположны, а тело предрасположено к подобному огню. По этой причине можно также понять, что венозное качество этого испорченного воздуха горячее и влажное, ибо оно красным цветом лица поражает и близкие к ним, а противоположные - нисколько, или почти не поражает: и легко гниет, как это делают южные виндесы. Поэтому рядом с этими холодными и сухими комплексами свободно бегут старики, как подобные им по возрасту: и дети, как избавленные от истощения, потребляемого их большим количеством пищи, и поэтому всегда готовые поесть. Но в этой болезни более следует отметить субтильный юмор, обильный в полных телах, питающих спириты, чем юмор сложный, который, несмотря на это, как помощник или помеха тому же, не должен быть оставлен без внимания. Ибо он должен быть во всех сословиях и людях безразлично, как и все комплекции. Третья и последняя причина заключается в том, что[что]те, у кого пот пролился от болезни или смерти, были либо людьми благополучными, легкими и обеспеченными, либо людьми более бедного сорта, такими, как праздные люди, любители выпить эля и завсегдатаи таверн. Ибо эти[эти], благодаря большому благосостоянию одного рода и большому количеству выпитого другого, сохраняли в своем теле много тяжелой материи, а по своей легкости и праздности не могли растратить и израсходовать ее. Подтверждением этого является то, что люди, питавшиеся в труде и в худобе, либо не имели ее, потому что ели мало, чтобы сделать ее: либо не имели ее с большой пользой и опасностью, потому что трудились над ее получением. Поэтому из малой причины обязательно следует малое следствие. Все эти причины идут к этому концу, что люди всех континентов умеренной и хорошей диеты, избежать вашего английского *Ephemera*, и те быть только vexed там с, которыеiche быть неумеренным и euill диеты. Но почему? Только ли из-за дурного настроения и разврата? Нет, чтобы поднялась не язва, а яд. Тогда для чего? Потому что нечистые духи развращаются сами по себе и от заразы. Почему так? Потому что из нечистых и развращенных душ, будь то кровь или другие, может подняться не кто иной, как нечистые духи. Ибо всякая вещь подобна той, от которой она

происходит. О том, что из лучшего и конечного вещества, да в тленных телах (почему лучшее - ничто) эти духи зарождаются и питаются, я уже говорил. Поэтому тот, кто хочет иметь их чистыми и непорочными, и себя свободным от пота, должен придерживаться чистой и непорочной диеты, и тогда он будет уверен.

Заражение от аира и нечистые духи от переедания - таковы причины этого язвенного пота, или английской *эфемы*, и теперь давайте посмотрим, как мы можем уберечь себя от него и как его можно вылечить, если он случится, с меньшей смертностью. Я начну с предохранения. That most of all dothe stande in auoidyng the causes to come of the disease, the thinges helping forward the same, and remouyng that whiche alredy had & gotten. Al быть сделано хорошим порядком thynges perteynyng к состоянию тела. Поэтому я начну с диеты, где я оставил, а затем идти дальше с aier, где я начал в договоре причин, и объявить waie к auoide инфекции, и так далее к остальным в порядке. Кто желает жить в тихой уверенности, вне содовой опасности этой английской *эфемеры*, тот о всех вещах, малых и хороших должен есть и не щадить, последняя часть которых хорошо понравится (я не сомневаюсь) всем англичанам: первая, я думаю, не будет делом. И все же это должно радовать тех, кто стремится жить, не подвергаясь этой болезни. Таким образом, они легко избегут ее. Ибо из того, что хорошо, нельзя произвести ничего хорошего: из того, что мало, нельзя собрать ничего большого. Поэтому helthful должен он nedes быть и свободным от этой болезни, что vsethe этот вид liuynge и maner в dietynge. Пример этого может быть мудрый человек Сократ, который с помощью этого рода диеты избежал тяжелой язвы в Афинах, neuer fleynge ни kepyng закрыть его selfe от того же. Воистину, кто будет жить в согласии с природой, а не с похотью, может быть вполне доволен этой диетой. Ибо природа довольствуется малым, и не ищет иного, как того, чтобы ум, избавленный от забот и страхов, пребывал в покое и веселье, а тело, избавленное от жадности, могло жить спокойно, как пишет Лукреций. Здесь, на свободе, чтобы до тех пор, пока моя братия не будет израсходована, как на общем месте, против неумеренности или чрезмерного питания в Англии, товаров и неудовольствий тех же многих стран: и, напротив, в пользу средней диеты и воздержанности (названной *Платоном софросином*, за то, что она сдерживает мудрость) и тысячи ее достоинств, как для здоровья, так и для здоровья, ума и долгой жизни, хорошо, что я могу, и потерять свой труд: таковы наши английские лица, а не причины. Но так как я не намерен писать длинную работу, а только короткий совет, и не хочу морочить краснобаев тем, что им здесь не нравится, я оставлю это в прошлом, а тем, кто захочет узнать мою жизнь дальше, посоветую помнить, что я говорил раньше: мало и хорошо ешьте и не жалейте, и тогда они легко поймут, что я не прав. I therefore go furth with my diete, wherin my counseill is, that the meates be helthfull, and holsomly kylled, swetly saued, and wel prepared in rostyng, sethyng, baking, & so furth. Выращенный из свиной рогожки, хорошо проквашенный и пропеченный. The drinke of swete malte and good water kyndly brued, without other drosse nowe a daies vsed. Никакого вина во все время потения, кроме тех, чьи болезни требуют его для лечения, от воспаления и воспаления, и кроме того, чтобы половина была разбавлена водой. В остальное время - старым, чистым и маленьким. Желая для лучшего исполнения сего и для наблюдения за добрыми и полезными победами, назначены были в каждом городе и месте определенные магистры здоровья, как это есть в Италии, которые для хорошего порядка во всех местах могут быть примером. Мясо, которое я бы хотел, чтобы было веале, муттоне, кидде, олд ламбе, чикин, капоне, хенне, коке, пертриче, фесан, фельфар, мелкие птицы, голубь, йонг пекок, чья плоть по определенному естественному и секретному свойству никогда не протухает, как это уже было доказано. Кони, свиньи среднего возраста, ни толстые, ни худые, шкуру уносят, ростут и едят холодную: Тарты из чернослива, гели из телятины и каплуна. В этом случае не следует пренебрегать небольшим количеством пудры, а также новыми яйцами и хорошим молоком. Масло, намазанное шалфеем и перегноем в потное время,

является хорошим средством, кроме того, что оно питает. Крабы, краусы, пикрели, перше, ерши, гогионы, лампреи из зернистых риуров, корюшки, уклеи, колючки, горихвостки, белуги, подошвы, плавники, камбалы, мельничные пальцы, миноги, а [также]другие, натертые в воде и винегрете [с]розмарином, время, шалфеем и булавами, а также в холодном питье. Да солить рыбу и линь, ради соли, чтобы вымыть ее, которая во многих свежих рыбах остается, можно разрешить хорошо поливать тем, у кого нет другой, и хорошо любить ее. Не все рыбы, не более чем плоть, могут быть так полезны, как они принимаются: как хорошо объявлено в физике, и доказано старыми и мудрыми римлянами, что они могут быть в рыбе, похотливые чартузиане не могут быть в плоти, а бедные люди более в рыбе, чем в плоти. Но мы теперь в наше время так изящны, а женщины так нежны, что не можем прикоснуться к фиссу. Старая мужская твердость, мужество и стойкость Англии сильно угасли, в результате чего мужчины теперь получают женские линии и становятся милыми, не в силах выдержать бласт вайнда или противостоять бедной рыбе. А детей так воспитывают, что если они не сидят у огня с тостом и бутиром и не лежат в мехах, то их сильно укачивает.

Соусы к блюдам я назначаю вначале из всех видов мяса, вызывающих хороший аппетит, а затем из оливкового, каперсового, лимонного, барбарисового, гранатового, из винограда и сореля, из винограда, тепеза или госеберии. После метелки, айвы, или мармелада, гранатов, онгес, нарезанных кусочками, съеденных с сахаром, суккатов из таблеток или коры их, и из помецитров, старых яблок и персов, чернослива, рейсонов, фиников и орехов. Инжир также, чтобы он был принят перед обедом, но не плоды этого года, не трава и не гниль в салатниках, потому что в такие времена их подозревают в причастности к зараженному аиру.

Об аире я говорил и раньше, как о приложении к заявлению о заражении им. Теперь же я хочу посоветовать, как сохранить то же самое чистым, насколько это возможно, или менее зараженным, и исправить то же самое испорченным. Первое делается путем [устранения]причин заражения. Второе - путем устранения во всех пунктах противоположного. Устранить причины мы можем, проклиная дичи, ауоидинге кариос, пуская в открытый воздух, избегая таких сильных туманов, о которых я говорил ранее, не открывая и не задерживая ни одного грязного места, высаживаясь на грязную и гнилую землю, закапывая трупы, сохраняя в чистоте канелюры, раковины и пот, ремувинг донжехиллс, бокс и эуил сауоуринг тингс, энабитинг высоких и открытых мест, близко к севу, закрыто к ветру, как разум и опыт M. varro во время моровой язвы на *Корсире* подтверждает это. Исправлять обратное мы должны, осушая влагу огнем в домах или палатах, или на той стороне городов, поселков и домов, которая лежит в сторону заразы и ветра, щедро в утренние и вечерние часы, или сжигая жнивье в поле, или ветром в лесу, или другим способом по желанию. По этой же методе искусный *Акрон* избавил Афины в *Греции*, а диуней Гиппократ Абдеру во Фратии от моровой язвы и уберег от нее другие *греческие* города, в разное время сжигая веником *æethiopia*, *illyria* и *pŒonia*, подкладывая в костры хорошо пахнущие гарлады, муки и запахи, как пишут Гален и Соран. Подобным образом для очищения аира разводили костры (как я полагаю) в течение долгого времени в середине лета, а не только для бдений. При укреплении духов, а также при изменении аира с мелкими запахами роз, мелкими духами из них же, розмариновыми листьями, баями и белыми песками, а также несколькими облаками, смоченными в розовой воде и розовом уксусе, зараза будет менее гнусной. Этим же вы можете сделать себе благородный дом, если сначала, вытирая сырость и пыль, сделаете дом чистым. Держи всегда в руке своей прибор для носа и рта, как в доме твоем, так и вне его, или духи, о которых говорилось прежде, или уксус розат; и в рот твой клади по крупице или сетвеля, или корешка *энулы кампана*, натертого прежде в уксусе розат, булаву или ягоду

можжевельника. Чтобы получить такие духи, о которых говорилось выше, возьмите мирру и дриаду розовую, а также немного франкского ладана, для той же цели, и намажьте ими колос: или сожгите можжевельник и его ягоды. И так как глина очень помогает в лечении, то я советую, чтобы вся ваша одежда была пахучей и глянцевой, и чтобы вы мыли руки и лицо не теплой водой, а розовой водой и уксусом розового холода, или прекрасной водой и уксусом, в котором намочены столбики или коры рудника и граната: или таблетки помецитров и сорель кипяченые: ибо так вы закроете поры айра, чтобы он не вошел, и укутайте и закалите те части, которые так промыты, в соответствии с правильным подходом в лечении этой болезни. Ибо во всем, что касается лечения, сохранения, и излечения твоей болезни, основной целью является служение таким частям тела, которые по своей природе обладают способностью путем слияния и закрытия противостоять гниению, укреплять и защищать дух, успокаивать сердце и сохранять все тело от неудовольствия тленного воздуха. Поэтому будет хорошо, если вы возьмете из этой позиции после каждого утра вес ij. d. в vi. sponefulles воды или iuleppe of Sorel, и бросите это на ваше блюдо, как перец. ℞ seīs citri. acetos. ros. rub. sādal. citrin. ān. ʒ i boli armeni oriētal. ʒ i. s., terr. sigil. ʒ s, margarit. ʒ i, fol. auri puri. nº. iiij, misce. & f. pul. diuidatur ad pōd. Или же, в случае чего, прими в пост количество небольшого бена *митридатума* или уениса трехгранного в ложке воды сореля или скабиуса, или же сам по себе. А когда идешь, держи в руке либо рукомойник с уксусом и розовой водой, либо небольшой мускусный бальзам из мускатного ореха, булавы, гвоздики, сафлора и цинамома, из них весом в ij. d. мелко взбитых; из мастики весом в ij. d. об. сторакса, v. d. ладана x. d. Ambre grise vi. graines, из Muske iii. graines, растворенных в сухом мускаделе: закалите все вместе, и сделайте бальзам. За неимением *митридатума* или других средств, о которых я уже говорил, пейте ежедневно сиропы граната, лимона и сореля, по полстакана, с добавлением воды из торментиля, сореля и драгона, постясь утром и за час до ужина. Тост в уксусе или виноградном винегрете, с небольшим количеством кинамома и сеттевелла, намазанных на него. Или два инжира с одним орехом карнеллы, десять лье руты в эше и немного соли. Или бутир, рута и шалфей, с бридом, съеденным утром перед вашим хартом, будут хорошими консервантами, так как их легко достать. Эти консервы я назначаю тем охотнее среди многих других, которые еще предстоит достать, потому что их легче достать, чем под рукой в ниде, что, как теперь выясняется, является моей самой большой любовью, а также самым приятным для тех, кому я пишу. И делать это я советую в период болезни, когда вы впервые слышите, что она начинается и начинается, но не во время. Всегда помни, что не следует выходить быстро. Ибо, как утверждает Корнелий Цельс, уениме или инфекция берет в себя больше сына в теле, пока он постится, а потом в том же самом не постится. Однако это не так, чтобы быть понятым, что в утреннее время мы должны прямо, как одежда, набивать животы, как англичане, (как говорят французы, к нашему стыду), но довольствоваться нашими консервами или небольшим количеством еды как в обед (если того требуют забота и нужда), так и в ужин. Ибо иная мудрая природа, если болезнь возьмет верх, должна иметь больше шансов против полной болезни bealy и fearce, тогда она была бы в состоянии susteyne.

После диеты и аира следует наполнение или опустошение. О наполнении во имя насыщения я говорил раньше. О наполнении же я сейчас коротко напишу, как о вещи, очень необходимой для сохранения здоровья человека. Ибо если то, что есть внутри, не выводится наружу хорошими средствами и способами, это часто разрушает здоровье. Хороших способов выгнать из тела топливо - два: воздержание и покой.

Воздержание - в еде и питье понемногу, как я уже говорил, и понемногу. Ибо так, больше уходит вперед, чем приходит, и понемногу и понемногу растрачиваются гуморы и сухость. Поэтому (как я говорю) по совету Фисика и по доброй воле, и по политическим

распоряжениям, прикрепляя богатство многих к их животам, к их собственному вреду и ущербу, не в силах по здравому смыслу управлять собой, и тем самым подвергаясь всем порокам и болезням: Для того же, чтобы уберечься от них, увеличить силу, остроту и здоровье, насыщаясь продуктами, делая изобилие, уберегая себя от многоженства или изнеможения, при помощи чаунгов, беря некоторое время из того, что в море, и не уничтожая при этом землю, порядок (без которого ничто не может стоять) и общее богатство, сначала были установлены дни воздержания и посты, и не только для религии.

Поскольку это не может быть безопасно сделано без помощи хорошего врача-физиотерапевта, я пропущу здесь изложение того, как это должно быть сделано должным образом в соответствии с природой болезни и состоянием человека, в другой книге, сделанной мной на латинском языке, по этому же вопросу и болезни. Поэтому, кто желает увидеть больше, пусть заглянет в ту книгу. И все же здесь я скажу, что если после выведения или отвода газов поры кожи остаются закрытыми, а выделения пота в плоти продолжают сильно выделяться (как это узнать, я расскажу далее), то разотрите человека дома, и искупайте его в воде, смоченной фенелем, розмарином, мальвой и лавром, а в последнюю очередь - в холодной воде, наполовину остуженной на теле, и так высушите его и оденьте. Все это должно быть сделано за некоторое время до конца весны, чтобы гуморы были успокоены и находились в состоянии покоя до времени метеоризма, который наступает только в соме, если наступает вообще. Ибо раздирание тела в то время, когда оно должно быть наиболее спокойным, в состоянии покоя и вооруженным против своего врага, нравится мне не лучше всего здесь, не больше, чем в моровой язве. И все же для настоящего случая, если это будет угодно ученому и разборчивому Фисикиану, я скорее снисхожу. Ибо как в этом, так и во всех других случаях, о которых мы уже говорили, я предоставляю вас на усмотрение ученого врача, который может рассудить, что и как следует делать в соответствии с состоянием вашего тела, его природой, положением и свойством, возрастом, силой, здоровьем и качеством, временем года и другими обстоятельствами, а затем определить количество и сделать диуерсити своего лекарства. Иначе говоря, не получайте через эту лодку то добро, которое я предлагаю, а то, которое вы сами по своей воле приносите. Ибо добрым советом можно злоупотребить. И для меня писать о каждом конкретном имении и деле, коих столько, сколько людей, было бы столь великим делом, что можно было бы перечислить пески в море. Итак, если вы хороший физик, умеете владеть мастерством и, по крайней мере, так хорошо относитесь к своему телу, как к своим сапогам или ботинкам, чтобы хорошо их делать или чинить, то я не сомневаюсь, что вы будете старательно искать, кто лучший сапожник или сапожник в том месте, где вы живете, и бежать от неучей, как от моровой язвы в обществе. Как простые женщины, так и плотники, оловянщики, брадобреи, сопальщики, пультеры, хотельеры, живописцы, апотекарии (иначе - за их слюни) должны приходить из Полюса, Константинополя, Италии, Алмании, Испании, Фраунции, Греции и Туркии, Индии, Египта или Юрии: из службы императоров, королей и quienes, обещающих помощь от всех болезней, да неизлечимых, одной или двумя рюмками, водами по шесть монет в непрерывной перегонке, *Aurum potabile*, или *квинтэссенцией*, сушками больших и высоких цен, как если бы они были сделаны из суны, луны или стерляди, благословениями и дуновениями, ипокритическими молитвами, и дымящимися рубахами, носками и керчифами, с подобными им призраками и насмешками, не имеющими в виду ничего другого, кроме как злоупотреблять вашей светлой верой и пугать вас за спиной своими лекарствами (настолько мерзкими, что мне стыдно называть их) за ваш единственный ум и простую веру, в доверие к тому, чего вы совсем не знаете и меньше всего понимаете: подобно тем, кто думает, что у дальних пар есть прекрасные фетры, хотя они не так уж сильно надуты и паршивы: как не может быть столь коварным англичанин, как глупый бегущий незнакомец (о других я не говорю), или столь совершенной доброты от честного

обучения, как от обманчивого невежества. Ибо в заблуждении этих людей теряется ваша честная оценка, ваши драгоценные души, драгоценные духи и тихая жизнь, то, что больше всего ценится и стоит в этом мире, рядом с бессмертной душой.

Для расходования эуловой материи внутри, и для того, чтобы сделать наши тела lustye, galiard, и helthful, я не мало упражнений, которые в против англичан я позволяю быстро, и liuishe: как бегать за гончими и haukes, shote, wrastle, играть на Tēnes и оружие, tosse ветра balle, skirmishe на базе (упражнение для джентльмена, много против среди Italianes,) и vaughting vpon лошади. Боулинг - хорошее упражнение для женщин: кастинг на турнике и кемпинг я считаю скорее качанием ног, чем упражнением. И все же я не рекомендую их, если можно избежать вреда. Для них есть постоянное время, перед едой: должная мера, разумное потоотделение, во все времена года, саунинг в потоотделение. В чем я допускаю скорее спокойствие, чем упражнение, для раскрытия тела, в тех людях, которые специально, чтобы быть либерально и свободно принесены вверх. Другие, кроме сидящих ремесленников, упражняются ежедневными трудами в своих занятиях, которым ничто не приносит удовольствия, кроме одного только утешения, что полезно для каждого тела, которое стремится жить в здравии. Ибо как никакая другая вещь, так и исцеление не может быть долговечным. Так я говорю об утешении, чтобы не было праздности, желая всегда, чтобы никто не был праздным, но чтобы был занят каким-нибудь честным делом, необходимым в месячном благополучии. Ибо я считаю, что не стоит есть и пить в месячном благополучии, если это не годится для какой-нибудь цели или службы в нем, но воспринимаю это скорее как бремена, выгодные и полезные в течение года, людей, выносящих только для того, чтобы накормить, а самих фрутов, которые они делают, желая скорее уложить лакедемонян, старых и и сгорбленную ассу, которая трудилась ради жизни столько, сколько мог выдержать возраст, то вот такой праздный англичанин. Если честность и выгода честного труда и упражнений, сохранение здоровья, предохранение от болезней, поддержание жизни, поддержка, безопасность от позорных смертей, защита от нищенства, потери от безделья, позорные болезни от того же, ненавистные пороки и наказание бессмертной души, не в состоянии заставить себя разумно трудиться и упражняться и быть полезными членами общины, пусть хотя бы постыдятся, говоря, что другие деревенские мужики из ничего, своим умом, усердием, трудом и деятельностью, могут выковырять из брошенной кости, извилистой нити, лигтевого фетра или твердого камня честный ливень: И не услышите вы, как они скажут: "Увы, господин, у меня нет занятия, я должен либо просить, либо воровать". Ибо между этими двумя способами они могут найти и другие. А так как в нынешнем случае несчастные должны получать пособие в течение месяца, то я хотел бы, чтобы не порицали праздных, по усмотрению Марка. Цицерон и римлянин были против того, чтобы лечить их: Кто хотел, чтобы сострадание было проявлено к тем, кого необходимость заставила сделать или совершить ошибку: и не было сострадания к тем, в ком неисправность вызвала необходимость. Неисправность делает необходимым, в данном случае попрошайничество, в них, почему они могли бы трудиться и служить, а не заниматься бездельем: и поэтому их не следует жалеть, а скорее наказывать. Необходимость делает вину в тех, кто может трудиться и служить, но не может по возрасту, болезни или немощи, и поэтому их следует жалеть и облегчать. Но чтобы отменить наказание и указать путь к поправке, я хотел бы еще раз пожелать, чтобы поскольку мы так сильно распоряжаемся собой для своих собственных прибылей и выгод без посторонней помощи, этот старый закон был отменен, который запрещает неумным и бессильным родителям освобождаться от тех своих благополучных детей, которые по их вине или по их вине не были воспитаны в хорошей учебе и науке, или в честном занятии. Ибо человек без науки - это так же, как и королевский дом без короля. Так много упражнений и ради упражнений. К этому я хотел бы теперь привести честную компанию между мужчиной и женщиной, как часть естественных

упражнений, и исцелить вас от опустошения и молнии тела в другие разрешенные времена, в этом потном времени ради здоровья, и из-за страха открыть тело, и разрешить духи, не по назначению, но по соображениям, что при чтении бока, я должен быть внимательным к вашему читателю. Поэтому я позволяю вам пройти и дойти до сна и бодрствования, которые без хорошего порядка сильно вредят телу. Для того, чтобы это сделать, я считаю лучшим средством, и против этого пот наиболее похвален. Но если чрезмерность человека должна в какой-либо части оскорбить его, я разрешаю скорее наблюдать за ним, чем долго лежать в постели: чтобы, наблюдая, не было пути к серфингу. Все эти вещи, должным образом соблюдаемые и хорошо исполняемые, о которых я уже говорил, если мы можем отбросить часть своих привязанностей, таких как беспокойные заботы и мысли, тоскливые или печальные воображения, страхи вайна, глупости, грызущие ненависти, и заставить себя жить спокойно, свободно и весело. как это было принято в старом мире, где эта страна называлась Северной Англией, и каждый человек должен заниматься своими делами, считая их достаточными, как это делают в Италии, и вызывать недовольство и разногласия, разрушать общинные богатства и приютские дома: Я не сомневаюсь, что мы сохраним себя и от этой потливости, и от других болезней, о которых здесь не предполагается говорить.

Но если при отказе от части этих или некоторых из них, или при небрежном их выполнении, болезнь потливости будет беспокоить наше тело, то, минуя узы и принуждение к сохранению, мы должны перейти к лечению, способу устранения болезни, и третьей и последней части (как я уже говорил), которая будет рассматриваться в этой книге. Основным средством лечения является выведение венима через пот в соответствии с течением природы. Это достигается двумя путями: терпением и служением благосклонной природе, если она изгоняет ее охотно и доброжелательно; и помощью природе, если она будет упущена или будет слаба в изгнании. Служить природе мы будем, если во время, какое она занимает, или в каком имении, мы будем лежать на постели, если будем в постели и в одежде, не снимая ее с себя; или лежать, если будем в постели без одежды, надевая одежду в обе стороны, если хотим, разумно, не нагружая ее чрезмерно. Уложенные и укутанные таким образом, мы должны уверить себя в том, что будем оставаться спокойными, и столько, сколько возможно, без страха, расстройства или обморока, что бывает при всех болезнях. Ибо такие сдаются и уходят в болезнь, не сопротивляясь. По этому случаю во время страшной чумы *в Афинах*, о которой я говорил в начале твоей книги, умерло гораздо больше людей, чем должно было умереть в других местах. Наши пещеры, друзья и гости должны также заверить себя в том, что они будут внимательны и доброжелательны к вам, чтобы служить вам в любое время, и не оставлять вас в течение четырех и двадцати часов, но быть в полном порядке, чтобы никто из нас не снимал одежды, не вырывал рук и ног, в течение этих четырех и двадцати часов. Ибо, хотя после двенадцати часов или четырех, последних по времени испытаний, наступает тяжелая смерть, однако многие умирают после этого от излишней смелости, когда считают себя наиболее уверенными, или от небрежности, когда считают, что в этом нет необходимости. При этом утверждается, что без умысла, красивого усердия или неосторожной небрежности происходит гибель или отбрасывание многих. Если они лежат в одной постели, то пусть так и остаются, хотя бы это и было против их спокойствия. Из страха перед этим, а также для большего спокойствия и безопасности, очень хорошо, если во все время пота двое не будут лежать в одной постели. Если при таком спокойствии, усердии и порядке больные все же потеют, пусть они продолжают так, без еды, все xxiiij. часов: без дринака, до пятого часа, если он будет. Всегда принимайте пищу в четвертом, семнадцатом, девятом и одиннадцатом часах, особенно, и в четырнадцатом, как в последнем испытании и более трудном, но менее в обоих. Ибо они наиболее гибельны, как я наблюдал в этом году в этой болезни, имея у себя юдические часы, как и другие имеют свои дни, и поэтому хуже всего иметь в себе какую-либо вещь, ибо беспокоит природа, стоящая в

испытаниях. И все же, поскольку в запрете больше опасений, чем в принятии, я советую не жалеть в этих часах, поступать так, как требует случай, с мудростью и благоразумием, но меньше, чем в других часах. В первом случае пусть пьют осветленный эль, только доульче с небольшим количеством сахара, из кружки или из стекла, сделанного в кружке, с набалдашником, опасаясь, что они не смогут принять предложенный напиток, и таким образом пустить пот, вдыхая его. Но если больной, как было сказано выше, не потеет обильно, то, как я уже говорил, природа должна быть нечистой. А так как пот при этой болезни выделяется в большей степени из-за беспорядка, недостатков природы, закрытия пор в коже и переполнения ее гумурами: мой совет - устранить беспорядок такими средствами, как я учил, а затем открыть поры, если они закрыты, и сделать тоньше материю, если она переполнена, и вызвать пот, если природа слаба. Это вы должны делать с помощью нежных растираний, а это - с помощью теплых напитков, о чем я расскажу далее. А чтобы каждый человек не знал, какая из этих причин вызывает пот, я расскажу вам, как это сделать с наибольшей уверенностью и меньшей обидой. Начну я с естественных признаков. Поэтому хорошо запомните, что, рассматривая причины этой болезни, я сказал, что пот выступает монотонно у тех, кто в возрасте и с наилучшей похотью, причем инфекция имеет определенное соответствие или связь с развращенными духами тех, кто больше других. Знайте, что природа слаба, т.е. коварна, либо сама по себе, либо в связи с другим. Сама по себе, желая потерять силы из-за болезней или других причин. От чужого раздражения, когда природа настолько переполнена количеством губительных веществ, что не может двигаться. Между этими двумя установи свое остроумие и посмотри, кто человек - похотливый или болезненный. Если он похотлив, то пойми, что пот не останавливается в течение нескольких дней от природы сам по себе. Тогда по необходимости он должен быть вызван какими-то другими причинами. Но по каким, известно. Подумайте, был ли похотливый человек заранее приучен к сухоядению, питанию и питанию, к большому облегчению, к отсутствию упражнений и купаний в своей хелье, или нет. Если все это ты найдешь в нем, знай, что обе природы изнемогают от слияния гумуров, и что кожа останавливается, а гумуры растут, и что для них выпускается пот. Если вы обнаружите только некоторые из них, да и то в ярости, причиной будет аннуитет. Если причиной отсутствия пота является недостаток физических упражнений или купания, закупорка пор и их закрытие, или скопление влаги, или и то, и другое. С другой стороны, если человек болен, то легко узнать, что его пот состоит из природы самого себя. А так как и больные, и немощные могут и по другим причинам не потеть, рассмотрим, имел ли он в болезни платок или нет, или был расположен к нему и не мог. Если же он не потеет и не может потеть, знайте, что причиной тому закрытие кожных покровов и рост человека. Поэтому все, что есть в его организме, должно быть исправлено: природные недостатки - напитками, способствующими выделению пота, а недостатки и перерождения - растиранием, как я уже сказал. Но не бойтесь ни растирать, ни пить, если только не увидите причину, как было сказано выше. Ибо иное препятствует природе, а иное испускает дух и растрачивает силы. Поэтому, если нужно растирать, дайте больному в постель новую и несколько жесткую одежду, хорошо согретую, но не горячую, и пусть он растирает ею все свое тело под одеждой, ни много, ни мало, ни жестко, ни мягко, но в меру, держась за них так, чтобы, шевеля руками, они не поднимали одежду для впускания духа. Если того потребует случай, выпейте хороший стаканчик эля, приготовленного из топленого молока с уксусом, в четвертинку которого положите перца и шалфея, из которых натрите одну маленькую горсточку, три горсти розмарина, две горсти пажитника и несколько булавок. Здесь, как и в других местах этой книги, следует нагреть травы в посуде перед огнем или промыть их в горячей воде, прежде чем класть их в эль, и не класть их в холодную траву ни в какое время во время приготовления. Или же добавьте в поссетный эль розмарин, пижму и германдер. Или байе бери, анис и каламинты с кларетным вином, содденным и

дронк варме. Или белое вино с ягелем и диким танзием, выращенным в медах, вымоченных в нем, и 2 д. веса хорошего триакула, дрока хотэ, или в стебле этого, дикого танзи, мокрицы или фейерфуэ. Эти поты, которые вызывают потливость, могут быть легко уделены и удовлетворены для тех, которые имеют все причины до того, как они были отпущены. Но особенно, если при холоде и тяжести, или при закрытии кожи, пот выступает не дальше. Если при одном сквозняке они не потеют, дайте им другой, или ij. последовательно, через полчаса после этого, и увеличивают одежду, сначала немного за середину, после, больше или меньше, как того требует причина, и разводят небольшой огонь в камере из глинного дерева, как пепел и оки, с духами бделлиума: или из дерева можжевельника, пихты или сосны, по типу сосновых: помните, что нужно убрать огонь , когда они полностью вспотеют, а одежду, которая находится рядом с ними, понемногу и понемногу прикладывать к ней, когда они впервые пожалуются на обморок. А после xii. или xiiiiii. часов, немного и среднего, но один за другим по полчаса последовательно с осторожностью, не задерживаясь при этом на количестве пота, как это может спокойно вынести больной. И в таких случаях, когда больной падает в обморок, пусть в палату войдут компетентные открытые аиры, если они и мокрица находятся в доме, чтобы успокоить больного, через такие окна, в которые не влезает винда и которые открываются на юг. Приложите к их носам понюхать уксус и розовую воду в рукомойнике, не прикасаясь к ним так сильно, как это возможно. Пусть они лягут на правый бок и склонятся вперед, назовите их по именам и напоите их розмариновым браунингом или каким-нибудь другим лебединым чаем. В степи эля те, кто страдает от похмелья, водянки, ревматизма или других влажных болезней, заставляющих потеть, могут выпить хорошую порцию более крепкого *гваякового* напитка, сколько смогут, для подобного эффекта, как и другие могут не страдать от этих болезней, если он будет так красен для них, как другой. После того, как они полностью пропотеют, мой совет - не давать им больше поссетного эля, но осветленного эля с сахаром, замачивая отверстие, как положено, ни в разумных пределах, ни так часто, как они того требуют, и не ущемляя их, чтобы они мочились, когда они не хотят, всегда следите за тем, чтобы не класть им в рот никакой холодной тины, чтобы сжимать и увлажнять их, ни холодной воды, ни розовой воды, ни холодного уксуса на лицо, когда они потеют, и один день после этого, по крайней мере, но все время согревайте их в соответствии с природой, не противореча ей настолько, насколько это возможно. Если они беснуются или боятся, приложите к их носу тот же запах розовой воды и уксуса, чтобы выпустить пары из головы. Если же они спят, то держи их, как в случае с обмороком, о котором я говорил, держа их за уши, за нос или здесь, не позволяя им спать до тех пор, пока у них не пропадет желание спать, если только ученый человек не скажет, что дело обстоит наоборот. Ибо в противном случае веним во время сна постоянно бежит внутрь сердца. В противоположность этому мы должны все время намереваться, всячески отгоняя его от себя, чтобы не допустить затяжки, отчего оно так долго длится в жжении и поту, как только его вещество имеет какие-либо плотные или острые части. Ибо как большое и крепкое вино, эль или бере, так долго горит, пока в нем есть вещество, пригодное для сжигания, и затем прекращается, когда то, что остается, снова приходит в свою первую природу: то есть в такую воду, чистую и внсауери, как брюер, полученный из риуэра, или виноградная лоза из земли: Так и тело так долго продолжает гореть и потеть, поскольку в духах сохраняется материя, а затем вытекает, когда тление, взятое из тончайшей частицы крови, уничтожается, и духи остаются чистыми и ясными, какими они были до времени их тления.

Если это сделано, и тело выделило достаточное количество пота, то человек спасен. Если же он, вытирая пот, вспотеет недостаточно, то ему грозит смерть от оставшегося венима, или, по крайней мере, придется потеть еще раз или чаще, как это делали многие, сгорая через три,

шесть, да и xii. раз некоторые. Если достаточно пота наступит, вы узнаете по легкости и веселью тела, и по свету во всех частях, по непрерывному потоотделению дыры дае и из всех частей, почему это лучшие и святые поты. Другие же, которые приходят только по временам и только в определенных частях, или прерываются, не являются ни достаточными, ни хорошими, но очень тяжелыми, о недостаточности которых, ij. notes learne: a swellyng in y^{e}partes with a blackenes, & a tinglyng or prickyng in the same. Поэтому я советую назначить им самим снова потеть, чтобы избавить их тела от того, что осталось, и выдержать это до тех пор, пока они не почувствуют свои тела легкими и светлыми, и вытирать пот, как я уже говорил, если это не приходит само собой. Если они не могут воздержаться от еды в течение ^{всего} времени, пока они находятся в состоянии покоя, и постятся xxiiij. часов без опасности, дайте им немного алебриса на один раз, или тонкий хвост эгге, натертый одной дыркой булавы или ижа. Если они вынуждены по природе облегчать себя в среднее время, пусть делают это скорее в теплых шетах, положенных в них вплотную, а затем встают. После того, как они полностью расчехлятся, положите тесную теплую одежду в их постели и предложите им вытереть себя там со всеми частями любопытства: и следите, чтобы никто не вошел в их открытые тела (и особенно в их отверстия в подмышках, самую открытую и редкую часть их), чтобы не выпустить из них то, что они делают. То же самое можно делать и в остальной части их тела, с такими же предметами, ибо это сжимание успокаивает природу и облегчает состояние больного. Если в течение четырех и двадцати часов думают, что умирают без помощи, то лучше переверните кровать на другой бок, и пусть он сам перевернется на нее, чем брать его и перекладывать на другую кровать, чего ни в коем случае нельзя делать. Ибо лучше сомнительная надежда, чем верная смерть. Когда четыре и двадцать часов пройдут должным образом, они могут надеть свою теплую одежду, одеться и трапезничать с похлебкой из эгге swietelye сделано, или такие другие мясные блюда и соусы разумно и небольшие взяты, как прежде я mencioned. А если силы их сильно истощены, пусть они понюхают старое моченое яблоко (как это сделал Аристотель в своем отчете в "Книге *о помо"*) или горячий новый хлеб, как это сделал Демокрит, согласно записям Лаэрция в его жизни, либо сам по себе, либо обмакнув его в хорошо пахнущую вайну, как малуэзия или мускадель, и сбрызнув его пудрой из мяты. Orenges also and Lemones, or suche muske balles as I before described, be thinges mete for this purpose. Ибо, как я уже говорил в моих ij. litle bokes in Latine *de medendi methodo*, of deuise to cure diseases, нет вещи более удобной для духов, чем хорошие и тихие запахи. На этом мы остановились на том, как упорядочить себя во все время болезни, теперь остается увещевать вас не выходить из своих домов в течение iij. дней, или ij. по крайней мере, после того, как фитта прошла, и то с умом, осторожно, и не иначе, как в яркий день, опасаясь, что вы выскочите после большой пустоты, и внвонт аир, или для того, чтобы принудить природу субдейским ударом в тот же аир, холод, или эйль, в открытое тело. Ибо природа, принужденная таким образом, часто вызывает болезненное и болезненное состояние, как после выведения этих гуморов с помощью пота (как это было в этом году замечено у многих людей в разных странах Англии по другой причине), так и после выведения других с помощью чистки.

Таким образом, я объявил о начале, названии, природе, происшествиях, признаках, причинах, предупреждениях и естественном лечении этой болезни - потливой болезни, английской *эфемерии*, или язвенной потливости, так коротко и ясно, как только мог для вас. plainly as I could for y^{e}cōmune saufty of my good countrimen, help, relieue, & defence of thesame against y^{e}soubdaine assaultes of the disease, and to satisfyie the honeste requeste of my louynge frendes and gentleẅ acquaintance. Если же другие причины окажутся сверхъестественными,

то я оставляю диуины на досмотр, а болезни - на лечение, как дело, не требующее участия моего факультета.

ССЫЛКИ:

[1] Автор, как мне кажется, ссылается здесь на то, что Сиденхем называет "constitutio epidemica", как если бы он сказал: "Эпидемическая конституция, как она существует в любой момент времени, является лишь ступенью" и т.д.

[2] Grafton, Vol. II. pp. 147. 155.

[3] Hall, p. 425.

[4] Ибо внезапно жгучий пот так обдавал их тела и разгонял их кровь сильнейшим жаром, что *едва ли один из сотни* заболевших спасся; ибо все они, как только пот брал их, или в течение короткого времени после этого, исчезали из жизни. Holinshed, Vol. III. p. 482. Годвин, стр. 98. Полидор. Vergilius, L. XXVI. p. 567. Wood, T. I. A. 1485. p. 233. Свое свидетельство о симптомах болезни Вуд берет из третьих рук - от Кароля. Валезиус, (Cap. XIV. p. 226), французский врач в Риме, около 1650 года, который использует слова П. Фореста. Этот последний автор, однако, сам не наблюдал английскую потливую болезнь".

[5] Bacon, p. 36.

[6] Fabian, p. 673.

[7] *Swetynge sykenesse* в Хрониках.

[8] Мэров звали Томас Хилле и Уильям Стокер. Fabian, loc. cit.

[9] До 30 октября. Grafton, p. 158.

[10] Wood, loc. cit.

[11] Phil. de Comines, Tom. I. p. 344. Сравните процитированные английские хроники. В истории аббатства Кройланд говорится, что 1 августа было днем прибытия Ричмонда в Милфорд-Хейвен. Нет причин отступать от этого утверждения некоторым современным авторам, а именно Кею, дю Чесне, p. 1192; Лили, p. 382, и Марсолье, которые утверждают, что высадка армии произошла 7 августа. Historia Croylandensis, p. 573, в Jo. Fell.

[12] Grafton, p. 147.

[13] Stow, p. 779.

[14] Согласно единодушным заявлениям летописцев.

[15] Histor. Croylandens, p. 573. Фелл.

[16] Bacon, p. 7. Marsolier, p. 142. Осенью того же года *Генрих* создал телохранителей, чего не было ни у одного короля Англии. Она состояла всего из 50 "йоменов Кроуна", каждому из которых было назначено по два пеших человека - лучник и полукопьеносец, а также конюх для присмотра за его тремя лошадьми. Первым командиром этого телохранителя, составлявшего древнейший костяк, из которого возникла английская постоянная армия, был

Генрих Буршир, граф Эссекс. Герберт из Чербери, стр. 9. Графтон и другие хронисты, loc. cit. Baker, p. 254.

[17] Бэкон, Стоу, Бейкер, loc. cit. Рапин считал середину сентября периодом вспышки. T. IV. p. 386.

[18] "Бесконечные личности". Бэкон. "Чудесное число". Stow. "Многие тысячи". Бейкер, loc. cit.

[19] Вряд ли можно сказать, что чума обеспечивает такой иммунитет, поскольку, хотя второй приступ является исключением из довольно общего правила, он случается отнюдь не редко.

[20] Holinshed, Vol. III. p. 482.

[21] Wood, p. 233.

[22] Histor. Croyland. p. 569. Fell.

[23] Ни одно лекарство не помогло вылечиться. Baker, p. 254.

[24] Генрих VII. и Генрих VIII. Сравните прекрасную биографию этого ученого человека, написанную Эйкином.

[25] Эразм выражается на эту тему в своей обычной манере. Он был в строгих дружеских отношениях с *Линакром*, которого в других случаях он очень хвалит. Это, однако, не мешает ему поносить его своей сатирой как филологического педанта. "Novi quendam πολυτεχνότατον, græcum, latinum, mathematicum, philosophum, medicum, καὶ ταῦτα βασιλικὸν, jam sexagenarium, (он родился в 1460 году, а умер в 1524 году) qui *ceteris rebus omissis*, annis plus viginti se torquet ac discruciat in grammatica, *prorsus felicem se fore ratus, si tamdiu liceat vivere, donec certo statuat, quomodo distinguendæ sint octo partes orationis*, quod hactenus nemo Græcorum aut Latinorum ad plenum præstare valuit." Laus Stultitiæ, p. 200. То, что здесь имеется в виду Линакр, совершенно очевидно; этот отрывок не относится ни к какому другому современнику.

[26] См. "Историю медицины" автора, книга II. с. 311.

[27] Grafton, p. 161, и другие летописцы.

[28] Wood, loc. cit.

[29] Сочные греческие вина были в это время наиболее популярны, особенно критское вино, Мальмси и Мушат. Lemnius, de compl. L. II. fol. 111. b. Reusner, p. 70.

[30] Werlich, p. 248.

[31] Spangenberg, Mansf. Chr. fol. 395. f.

[32] Werlich, p. 236. Spangenberg, loc. cit. Разлив Леха, 1484 год. Werlich, p. 239.

[33] Frank von Wörd. fol. 211. a.

[34] Grafton, p. 133, и все другие летописцы. Short, Vol. I. p. 201, и некоторые другие, даже Шнуррер, ошибочно утверждают, что это затопление произошло в 1485 году.

[35] Campo, p. 132. Pfeufer, p. 32.

[36] Frank v. Wörd, fol. 211. a. Во время последовавшей за этим чумы в Бриксене умерло около 20 000 человек, а в Венеции - 30 000.

[37] Fracastor, p. 182. Morb. Contag. L. II.

[38] Wurstisen, p. 474. cap. 15. Fracastor, p. 136. Шпангенберг (Pestilentz) называет эту эпидемию 1482 года, распространившуюся по всей Германии, Швейцарии и Франции, "*das phrenitische, schwerhitzig Pestilentzfieber*", френитической, сильно пылкой, чумной лихорадкой. Сравните Stumpff. fol. 742. b.

[39] Так называемый *Hauptkrankheit*.

[40] Spangenberg, Mansfeld. Chr. fol. 396. a.

[41] Во многих местах женщины и дети были вынуждены тянуть плуг из-за нехватки тяглового скота; они также были вынуждены заниматься земледелием по ночам, чтобы их не заметили бесчеловечные королевские чиновники, занимающиеся сбором налогов - Mezeray, Tom. II. p. 750.

[42] "В 1482 году во Франции появилась опасная и смертельная болезнь, которая безразлично поражала как больших, так и маленьких, хотя и не была заразной. Это был некий вид *горячего и яростного бреда, который все время накапливался в нервной системе и вызывал жестокие страхи, так что одни из них бросались на муравейники, а другие уходили в путы*, или их заставляли идти вперед и назад. Он приписывает причину этому злому влиянию астр и коррупции, которую плохое питание предыдущего года сформировало в теле; кроме того, если вина и кровь не дошли до зрелости, дисетта была столь велика, главным образом в провинциях дель Луары, что люди не могли питаться только расинами и травами". Mezeray, Tom. II. p. 746.

[43] Историки прямо утверждают, что многие представители высших сословий не могли спать от *постоянной тревоги и страха перед мечом Тристана*. Как сильно такое состояние должно было предрасполагать разум к этой разрушительной лихорадке!

[44] Жак Котье. Он вымогал у своих пациентов 10 000 долларов в месяц, но после смерти своего хозяина был вынужден вернуть Карлу VIII 100 000 долларов. Comines, L. VI. c. 12. p. 400.

[45] Mezeray, loc. cit.

[46] Spangenberg, Mansfeld. Chron. fol. 379. a. Pestilentz, 1485.

[47] Сравните Webster, T. I. p. 147.

[48] Spangenberg, Mansfeld. Chron. fol. 398. a., и многие другие летописцы. Читатель не преминет заметить, что здесь и в других подобных местах текст излагает не мнение автора, а то, как эти события воспринимались в ту эпоху.

[49] -Il y avoit seulement en Normandie quelque troupes de franc-archers, de ceux, que *Louis XI*. avoit licenciez, qui couroit la campagne: et plusieurs faineants s'étant joint avec eux, ils detruisoient tout le païs, et on devoit même craindre, que ce mal ne se communiquât aux provinces voisines. Однако сейчас представился прекрасный случай избавить Францию от этих столпов... и он (*Карл VIII*) отдал всех этих франков-лучников и *разбойников* Нормандии числом до 3000 человек". Mezeray, T. II. p. 762.

[50] "La milice estoit plus cruelle et plus desordonnée que jamais." Так говорит Мезерей о французских солдатах в целом. T. II. p. 750.

[51] Schiller, Sect. II. c. 1. p. 131. b.

[52] Angelus, p. 253. Spangenberg, M. Chr. fol. 398. b. В XV и XVI веках цинга поражала общество гораздо сильнее, чем в настоящее время, и неоднократно принимала характер эпидемии. Сравните, в частности, Ройзнера, чья работа по истории эпидемий имеет большое значение. Сеннерт, Виер и другие.

[53] Schiller, loc. cit.

[54] Считалось, что это не эпидемическое заболевание, а вызванное злом в конституции воздуха, собранного по предрасположенности времен года: и быстрое прекращение болезни заявляло об этом. Бэкон, стр. 9.

[55] Это название перешло во французский, английский и итальянский языки - Lansquenet, Lancichinecho.

[56] -- "летом они слетаются вместе, как мухи, так что любому интересно, откуда взялись все эти стаи и как их содержат зимой; и действительно, они представляют собой такую жалкую команду, что скорее стоит пожалеть, чем позавидовать тому, какую жизнь они ведут и как нестабильна их судьба". Хроника Франка. "*О губительных ланскенцах*", лист 217. б.

[57] 1518. "В этом году было большое собрание ландскнехтов, которые, как только собрались, вышли из Фрисландии, совершили большие опустошения и вторглись в страну в Геллерне, и были избиты *Вернлоу*". Wintzenberger, fol. 23. a.

[58] "Не говоря уже о сокращении жизни, ибо *редко встретишь старого ландскнехта*". Franck, loc. cit.

[59] Так называли тех мавров, которые, чтобы остаться в Испании после завоевания Гранады, приняли христианство - *прим.* перев.

[60] Петехиальная лихорадка, о которой пойдет речь далее.

[61] Grafton, p. 220. Webster, Vol. I. p. 149.

[62] Stow, p. 809. Fabian, p. 689. Hall, p. 502. Grafton, p. 230. Holinshed, p. 536. Bacon, p. 225.

[63] Spangenberg, M. Chr. fol. 403. a. Pestilenz, A. 1505.

[64] Webster, Vol. I. p. 151. Franck, fol. 219. a. Pingré, T. I. p. 481.

[65] Bacon, p. 225. Stow, p. 809. Сравните с другими летописцами, которые в большинстве своем очень подробно описывают это событие.

[66] Bacon, p. 231.

[67] Эмпсон и Дадли, министры Генриха VII, оставившие после себя сокровища на сумму 1 800 000 фунтов стерлингов. Сравните Hume, Hist. of Eng. Vol. III., Бэкона и почти всех летописцев. Оба министра были казнены в следующее царствование, в 1509 году. Grafton, p. 236.

[68] Villalba, T. I. pp. 69. 99.- Конфликты *Фердинанда* с сарацинами начались в 1481 году и закончились падением Гранады в 1492 году. Болезнь называется по-испански *Tabardillo*, название которой, однако, Виллальба не приводит в столь ранний период, как 1490 год.

[69] Villalba, loc. cit. p. 66.

[70] Ibid. p. 69-Fracastor, de morbis contagios. L. II. c. 6. p. 155.-Schenck von Grafenberg, L. VI. p. 553. T. II.

[71] Кроме уже названных, труды Омодея и Пфейфера. Сравните Schnurrer, Book II. p. 27.

[72] Она называлась Puncticula или Peticulæ, также Febris stigmatica, Pestis petechiosa. Reusner, p. 11. Более поздние синонимы см. в Burserius, Vol. II. p. 293.

[73] Consimilem ergo *infectionem in aëre* primum fuisse censendum est, quæ mox in nos ingesta tale febrium genus attulerit, quæ tametsi pestilentes veræ non sunt, in limine tamen earum videntur esse. Analogia vero ejus contagionis ad sanguinem præcipue esse constat, quod et maculæ illæ, quæ expelli consuevere, demonstrant, etc. p. 161.

[74] Сравните всю шестую и седьмую главы книги Fracastor. loc. cit. О том, каково было общее мнение итальянских врачей относительно пятнистой лихорадки, можно судить по труду Nic. Massa, чей путаный труд, однако, ничего не вносит в историю болезни. Cap. IV. fol. 67, seq. Сравните превосходный и очень обширный трактат Шенка фон Графенберга, de febre stigmatica. L. VI. p. 553, Tom. II.

[75] Osorio, fol. 113. b., 114. a.

[76] См. далее.

[77] Villalba, p. 78, et seq.

[78] Spangenberg, M. Chr. fol. 402. a. Angelus, p. 261. Pingré, T. I. p. 479.

[79] Сравните с Вебстером, который собрал воедино все, что можно было найти по этому вопросу. Vol. II. p. 82.

[80] Spangenberg, M. Chr. fol. 402. a.

[81] То же. Franck, fol. 219. a.

[82] История медицины автора. Книга II. стр. 146.

[83] Sigebert. Gembl. fol. 58. a. Spangenberg, M. Chr. fol. 66. b.

[84] Sigebert. Gembl. fol. 82. a. Hermann. Contract, p. 186. Witichind. p. 34.

[85] Сравните по этому вопросу дополнение Нееса против Эсенбека к "Разным ботаническим сочинениям" Р. Брауна, книга I. стр. 571; и "Новые наблюдения над кровянистыми явлениями в Египте, Аравии и Сибири" Эренберга, вместе с обзором и критикой того, что было известно ранее, в "Анналах" Поггендорфа, 1830 г.; две лучшие работы по этому вопросу; в них также содержится критика гиперметеорологических взглядов Хладни.

[86] Крузиус наиболее косвенен в этом вопросе, поскольку он называет имена многих людей, на одежде которых были видны кресты. Предполагается, что на девичьей шали были отмечены орудия мученической смерти Христа. В окрестностях Биберaха отрок мельника грубо потешался над рисованием крестов, но был схвачен и сожжен. Книга II. с. 156.

[87] Mezeray, T. II. p. 819.

[88] Angelus, p. 261.

[89] Возможно, Sporotrichum vesicarum, или разновидность Mycoderma.

[90] Винченцо Сетте описывает вид красной плесени, которая в 1819 году окрасила растительные и животные вещества в провинции Падуя и вызвала суеверные опасения среди людей. См. его работу на эту тему.

[91] "Autumnali vero tempore, cum jam vestes, lintea, culcitræ, panes, omnis generis obsonia, sub dio, vel in conclavibus patentibus locata talem situ *mucorem* contraxerunt, qualis oritur in penore, in opacis domus cellis collocato, aut etiam in ipsis cellis diu non repurgatis, pestis præsentes ad nocendum vires habet." L. I. p. 45. Трактат Агриколы о чуме - один из самых умных, созданных шестнадцатым веком.

[92] Например, во времена Юстиниановой чумы и Черной смерти.

[93] Mezeray, T. II. p. 828.

[94] См. выше, с. 189.

[95] Прежняя смертность была так далека от прекращения, да, скорее, в сильную жару (летом) была еще более сильной, что в некоторых местах третья часть, а в некоторых даже половина людей были унесены смертью, и это не от одной только, *а от различных и доселе неслыханных болезней*. Люди подхватывали жгучую лихорадку так быстро и жестоко, что им казалось, что они должны быть полностью уничтожены. Некоторые были охвачены такой *сильной и невыносимой головной болью*, что лишались чувств, другие - таким *сильным кашлем*, что непрерывно *отхаркивали кровь*, третьи - таким быстрым потоком, что разрывалось сердце: тела некоторых разлагались и были настолько отвратительны, что никто не мог находиться рядом с ними. И по причине таких необычных болезней год был самым печальным и беспокойным, а за ним последовала суровая зима, в которую холод держался три месяца". Spangenberg, M. Chr. fol. 402. b. Сравните Angelus, p. 263, который, следуя некоторым современникам, упоминает комету (в чем сомневается Пингре, I. 479) как появившуюся в 1504 году.

[96] Из "Поэмы о Генрихе VIII" Герберта Чербери.

[97] Они сочли пастбища более выгодными и превратили большие участки пахотной земли в пастбища. Hume, T. IV. p. 277.

[98] Lemnius, fol. III. b.

[99] Grafton, p. 294. Это восстание названо летописцами "Восстанием Эвилла в майский день" - Hume, T. IV. 274.

[100] "Из общего рода они были бесчисленны, которые погибли от этого". Godwyn, p. 23.

[101] Is valde sibi videbatur adversus contagionem victus moderatione munitus: qua factum putavit, ut quum in nullum pene incideret, cujus non tota familia laboraverat, neminem adhuc e suis id malum attigerit*, id quod et mihi et multis præterea jactavit, non admodum multis horis antequam extinctus est*."-Erasm. Epist. L. VII. ep. 4. col. 386. Дата года этого письма сэра Томаса Мора к Эразму, 1520, явно ошибочна, как и дата многих других писем в этом сборнике, поскольку в то время потливая болезнь не преобладала в Лондоне; также достаточно хорошо известно из других исследований (Biographie Universelle General Biographical Dictionary), что

Аммониус умер в 1517 году. Однако дата месяца, 19 августа, кажется правильной. Из-за этой ложной даты года Шпренгель был введен в заблуждение, предположив, что конкретная эпидемия потливой болезни имела место в 1520 году (Book II. p. 686), что совершенно не подтверждается.

[102] Grafton, p. 294, очень подробный. Сравните Holinshed, p. 626. Baker, p. 286. Hall, p. 592.

[103] Godwyn, p. 23. Stow, p. 849.

[104] Это, исходя из предыдущего замечания о смерти Аммония, можно заключить с наибольшей вероятностью.

[105] - "omnibus fere intra paucos dies decumbentibus, amissis plurimis, optimis atque honestissimis amicis." Th. More in Erasmus's Epist. L. VII. ep. 4. col. 386.

[106] Ibid. Единственное место, где говорится о распространении болезни через канал.

[107] Spangenberg. M. Chr. fol. 408. a.

[108] Crusius. T. II. p. 187.

[109] Wintzenberger, fol. 21. a. Angelus, p. 282. Spangenberg, loc. cit. Pingré, T. I. p. 483.

[110] Так в Германии называли уже часто упоминавшуюся пагубную лихорадку с воспалением мозга. Впервые мы узнаем о ней, как об эпидемии, во Франции в 1482 году. (См. выше, с. 189.) Она часто появлялась на протяжении всего шестнадцатого века.

[111] Crusius, T. II. p. 187.

[112] 16 июня 1517 года в Нёрдлингене произошло сильное землетрясение и сильный штормовой ветер, так что приходская церковь Святого Эмерана была полностью вырвана из земли и повалена, и, по подсчетам, в этом месте было 2000 домов и конюшен, которые на протяжении двух миль были опрокинуты и разломаны, и там было мало домов, которые, как и церковь, не были повреждены и разнесены в щепки. Wintzenberger, fol. 21. b.

[113] В Ксативе. Villalba, T. I. p. 83.

[114] "*Il est saoul comme un Angloys*."-Rondelet, de dign. morb. fol. 35. b.

[115] Элиот в своем "Замке здоровья", цитируемом Эйкином, p. 64. Rondelet, loc. cit.

[116] В 1724 году, когда был большой урожай фруктов, в этом самом графстве, из-за неумеренного употребления сидра, возникла эпидемия холецистита; Colica Damnoniorum. См. Хакшем, Опера. (Губы. 1764.) Том. III. p. 54.

[117] Elyot, in Aikin, p. 63.

[118] Le Grand d'Aussy, T. I. p. 143.

[119] Hume, T. IV. p. 273. Aikin, p. 59.

[120] "В наши дни, если мальчик семи лет или молодой человек двадцати лет не имеет на голове двух чепцов, он и его друзья думают, что он не может оставаться в здравии; и все же, если внутренний чепец не из бархата или атласа, служивый человек боится потерять свое доверие". Elyot, in Aikin, p. 64.

[121] -- "ubi homines perpetuo in hypocaustis degunt, multoque carnium esu se ingurgitant, et alimentis piperatis continuo utuntur. Quare factum est, ut continua hypocaustorum æstuatione meatuum cutis relaxatio consequeretur, quæ sudoris promptissima et potentissima causa esse solet, *cuius materia in humorum exsuperantia consistebat, quam frequens alimentorum multum nutrientium et piperatorum usus colligerat*." Rondelet, loc. cit.

[Полы в домах, как правило, состоят только из суглинка и устланы камышом, который постоянно настилается свежим, без удаления старого, и остается лежать там, в некоторых случаях в течение двадцати лет, с рыбьими костями, разбитыми продуктами и другими нечистотами под ними, и пропитанный мочой собак и людей. Эразм. Epist. L. xxii. ep. 12. col. 1140. Это описание, по всей вероятности, слишком растяжимо и применимо только к самым бедным хижинам. Однако оно, безусловно, не вымышленное и не опровергается Кайе.

[123] Фракасторо, Фернель, Валлериола, Улье и большинство других ученых врачей шестнадцатого века.

[124] -- "*quod, vulgaria diversoria parum tuta sunt a contagio sceleratæ pestis*, quæ nuper ab Anglis-in nostras regiones demigravit", говоря об английской потливой болезни в Германии (1529). Эразм. Epist. L. xxvii. ep. 16. col. 1519. c.

[125] Brown's "Opportunity".

[126] Erasm. Epist. L. vii. ep. 4. col. 386.

[127] Mezeray, T. II. p. 853. Paré, p. 823. Holler, Comm. II. in secund. sect. Coac. Hippocrat. p. 323.

[128] "Un étrange rhûme qu'on nomma coqueluche, lequel tourmenta toute sorte de personnes, et leur rendit la voix si enrouée, que le barreau et les collèges en furent muets."-Mezeray. Сравните Дидро и д'Алембер, "Энциклопедию или толковый словарь наук" и др. T. IV. p. 182.

[129] Pasquier, Livr. IV. Ch. 28, pp. 375, 376. Ниже приводится этот отрывок. "В 1411 году появилась другая разновидность болезни, в которой пострадало *бесчисленное множество людей*; при ней человек должен был пить, есть и спать, но при этом, если бы он был болен, он бы страдал от сильной ярости; ce qu'il mangeoit luy sembloit amer ou puant, tousiours trembloit, et auec ce estoit si las et rompu de ses membres, que l'on ne l'osoit toucher en quelque part que ce fust: Aussi estoit ce mal accompagné *d'une forte toux*, qui tourmentoit son homme iour et nuit, laquelle maladie dura trois semaines entieres, *sans qu'une personne en mourust*. Bien est vray que par la vehemence de la toux plusieurs hommes se rompirent par les genitoires, et plusieurs femmes accoucherent avant le terme. После того, как они пришли на войну, у них началось сильное истечение крови из груди, носа и сердца, *и ни один врач не смог определить, что это зло, а только общая воздушная инфекция, причина которой скрыта*. Этот недуг назывался le *Tac*: и он же сулил через ризы или проклятия злобу Така своему компаньону, который не знал, что это такое.- В 1427 году, против C. Реми (1. Oct.), в 1427 году, против S. Remy (1. Oct.), появился другой *воздух*, который породил очень страшную болезнь, называемую *Ладендо* (по словам одного из авторов этого времени), в которой не было ни мужчины, ни женщины, и которая практически не ощущалась в течение всего времени, пока длилась. *Elle commençoit aux reins, comme si on eust eu une forte gravelle*, en après venoient les frissons, et estoit en bien huict ou dix iours qu'on ne pouvoit bonnement boire, ne manger, ne dormir. После этого начался тукс, настолько ужасный, что, когда выходили на проповедь, вы не могли понять, о чем говорит проповедник, из-за сильного шума тусс. Она длится очень долго, вплоть до начала Туссенктов (1 ноября), около пяти часов или даже больше. Et

n'eussiez gueres veu homme ou femme qui n'eust la bouche ou le nez tout esseué de grosse rongne, et s'entre-mocquoit le peuple l'un de l'autre, disant: As tu point eu Ladendo?"

[130] Reusner, p. 75.

[131] Valleriola, Loc. med. Comm. Append. p. 45. Schenck a Grafenberg, Lib. VI. p. 552. Сравните Short, T. I. p. 221.

[132] Reusner, p. 72. Некоторые из приведенных здесь синонимов показывают медицинские взгляды того времени на эти болезни: Catarrhus febrilis. Febris catarrhosa. Ardores suffocantes. Febris suffocativa. Catarrhus epidemicus. Tussis popularis. *Cephalæa catarrhosa*. Cephalalgia contagiosa. *Gravedo anhelosa*, Fernel. Богемская пипка. Der Schafhusten (овечий кашель). Die Schafkrankheit (болезнь овец). Die Lungensucht (фтизис). Das Hühnerweh (птичий кашель, или куриный кашель, переходящий в подбородочный кашель) и многие другие. При гриппе 1580 года иногда наблюдалось сильное потоотделение, так что некоторые врачи думали, что английская потливая болезнь вот-вот вернется, как и при перемежающейся болезни Грёнингера (1826), а при холере 1831 года, не имея никаких знаний по этому вопросу, они говорили о Черной смерти.

[133] То, что врачи шестнадцатого века были знакомы с этим наблюдением, доказывает следующая цитата из Улье. "Nulla fere corporis humani ægritudo est, quæ non defluxione humoris alicuius e capite aut excitari aut incrementum accipere possit." Morb. int. L. I. fol. 68. b.

[134] Hvitfeldt, Danmarks Riges Kronike.

[135] Forest, Lib. VI. Obs. IX. p. 159.

[136] Webster, vol. I. p. 157. 165. Villalba, T. I. p. 102. 117., и Шнуррер.

[137] Spangenberg, M. Chr. fol. 408. b.

[138] Tyengius, in Forest: Lib. VI. Obs. II. Schol. p. 152.

[139] Форест воспользовался ненапечатанными и, вероятно, утраченными трудами этого выдающегося врача, о котором, если бы не он, мы ничего не знали бы.

[140] Современные люди, предпочитающие сильные средства, используют для этой цели, без какого-либо лучшего эффекта, лунную щелочь.

[141] Wurstisen, p. 707. В этом семнадцатом году возникла неизвестная эпидемия. Языки и глотки больных были белыми, как будто покрытыми плесенью; они не могли ни есть, ни пить, но страдали от головной боли вместе с язвенной лихорадкой, которая приводила их в бред. От этой болезни в Базеле в течение восьми месяцев погибло 2000 человек. Помимо других средств, было обнаружено, что очень эффективно очищать рот и пищевод каждые два часа, вплоть до кровотечения, а затем смягчать их медом из роз.

[142] Дифтерит Бретонно. Сравните трактат Науманна по этому вопросу в "Wissenschaftlichen Annalen der ges. Heilkunde, Vol. XXV. II. 3. p. 271.

[143] Forest. Lib. VI. obs. ix. p. 159.

[144] Petr. Martyr. Dec. IV. cap. 10. p. 321. Сравните Moore, p. 106.

[145] 24 февраля 1525 г.

[146] Лотрек.

[147] Сначала при *Гуго де Монкада*, затем при принце *Оранском*.

[148] 1495 год, год эпидемии Луэса.

[149] Среди них несколько полков швейцарцев.

[150] Двести рыцарей под командованием сэра *Роберта Джернингема*, а затем под командованием *Кэрью*: оба умерли от лагерной лихорадки. Herbert of Cherbury, p. 212. seq.

[151] 6 мая 1527 года.

[152] Jovius, L. XXVI. Том. II. p. 129.

[153] Ibid. p. 114.

[154] По мнению Мезерая, эпидемия достигла своего апогея в конце июля. Это согласуется с Йовиусом, который отмечает окончание великой смертности, возможно, с излишней точностью, 7 августа.

[155] В связи с этим кажущимся возбужденным состоянием, возможно, стоит отметить, что сам главнокомандующий, как утверждается, был дважды обескровлен. Jovius, loc. cit. p. 125.

[156] Jovius, loc. cit. p. 116-118.

[157] Mezeray, T. II. p. 963.

[158] Fracastor. Morb. Contag. L. II. c. 6. p. 155, 156.

[159] Она вспыхнула в начале февраля и продолжалась весь следующий месяц. Campo, p. 151.

[160] Guicciardini, p. 1054.

[161] Mezeray, T. II. p. 957.

[162] Guicciardini, p. 1276.

[163] Ibid. p. 1315.

[164] См. выше, с. 201.

[165] Это также наблюдалось, как известно, летом 1831 года, перед вспышкой холеры.

[166] Gratiol. p. 129, 130.

[167] См. выше, с. 204.

[168] Jovius, loc. cit. p. 115.

[169] Mezeray, p. 963.

[170] Испанское название lues venerea, которое она получила в результате преобладающих извержений. Оно соответствует французскому "la vérole" и немецкому "französische Pocken". Поэтому мы не должны думать, что оно означает "бубоны". Сандоваль, часть II. стр. 12. 14. Сравните Astruc, T. I. p. 4.

[171] В мадридском издании той же работы, 1675. fol. L. XVII. p. 232. b.

[172] "Auster namque ventus per eos dies perflare et mortiferum crassioris nebulæ vaporem ex palustri ortum uligine, per castra dissipare et circumferre ita cœperat, ut *aliis ex causis conceptæ febres* in contagiosum morbum verterentur." Jovius, L. XXVI. p. 127.

[173] В Торгау, где в 1813 и 1814 годах нашли свои могилы 30 000 французов, преобладали две болезни, тиф и диарея, совершенно отличные друг от друга. См. Рихтер.

[174] Schwelin, p. 143.

[175] См. стр. 189.

[176] Trousser, в устаревшем значении, означает вызывать скорую смерть.

[177] Mezeray, T. II. p. 965, где можно найти лучшие упоминания о нем.

[178] Его рассказ относится к городу Пюи в Оверни, где он, похоже, сам видел эту болезнь. Livr. XXII. c. 5. p. 823.

[179] Forest. L. VI. obs. 7. p. 156. Сандер пишет об этом на основании многочисленных наблюдений, сделанных им в Камбрее и его окрестностях.

[180] Sauvages, T. I. p. 487, называет Trousse-galant "Cephalitis verminosa", хотя ни воспаления мозга, ни червей во всех случаях не было, и берет свое описание у Сандера, как и Озанам взял его у Sauvages, T. III. p. 27.

[181] Forest. p. 157. Schol.

[182] Paré, loc. cit.

[183] Так оспа и корь, как известно, являются предшественниками чумы.

[184] Fabian, p. 699.

[185] *Сэр Уильям Комптон* и *Уильям Кэрью*, а также многие другие выдающиеся личности, которые не названы.

[186] Grafton, p. 412, основной отрывок. Сравните Holinshed, p. 735. Бейкер, c. 293. Hall, p. 750. Herbert of Cherbury, p. 215.

[187] Во время правления *Генриха* Восьмого (с 1509 по 1547 год), согласно Харрисону, за кражи и грабежи было казнено 72 000 злоумышленников, то есть около 2000 человек за каждый год. Hume, T. IV. p. 275.

[188] Stow, p. 885.

[189] Fabian, loc. cit.

[190] - "похоже, что это всего лишь одна и та же зараза воздуха, меняющаяся в зависимости от климата". Герберт из Чербери, loc. cit.

[191] Stow, loc. cit.

[192] Campo, pp. 150, 151.

[193] Grafton, p. 431. Wagenaar, Vol. II. p. 516.

[194] Haftitz, p. 130.

[195] Annales Berolino-Marchici, (без номеров страниц).

[196] Magnus Hundt, fol. 4. b., и многие другие.

[197] Bonn, p. 143. Одна девочка в Любеке умерла от испуга, увидев этот метеор.

[198] Haftitz. p. 131. Angelus, p. 317.

[199] Не следует думать, что автор, поскольку он привел эти заметки, имеет какие-либо заранее сформированные мнения относительно значения этих небесных тел. Историк не может обойти вниманием современные события, какие бы выводы из них мы ни сделали в силу ограниченности наших знаний.

[200] Pingré, T. I. p. 485. Spangenberg, M. Chr. fol. 410. a.

[201] Pingré, p. 486. Angelus, p. 318. Crusius, Vol. II. p. 223.

[202] Pingré, p. 487. Campo, p. 154. Angelus, p. 320, и другие многочисленные описания. Он совершает свой оборот за 76 лет, и наблюдался в 1456, 1531, 1607, 1682 и 1759 годах.

[203] Pingré, p. 491. Spangenberg, M. Chr. fol. 433. b.

[204] Pingré, p. 496. Angelus, p. 322. Spangenberg, M. Chr. fol. 435. a.

[205] Эрфуртская хроника. Спангенберг, который часто пользовался этой хроникой, использует те же слова, M. Chr. fol. 431. b.

[206] Они называли кислое вино этого года den *Wiedertäufer-Wein*; вино анабаптистов. Schwelin, p. 144.

[207] Crusius, Vol. II. p. 323. День святого Вита приходится на 15 июня. На реке Неккар, у Гейдельберга, они вытащили ребенка, который плыл по течению в своей колыбели невредимым на расстоянии шести (немецких) миль. Franck, fol. 252. b.

[208] Spangenberg, M. Chr. fol. 432. a.

[209] Klemzen, p. 254.

[210] Schwelin, p. 144. Newenar, fol. 69. a. "fecit tamen huius anni, ac fortasse etiam præcedentium intemperies, fluminum exundationes, frigora cum humiditate perpetuo coniuncta, *ut jam in Germania Britannicus quidam aër suscitatus videri possit*." Подобные рассказы встречаются почти во всех хрониках.

[211] Leuthinger, p. 90. см. "Scriptorum" и т. д.

[212] Сравните превосходную работу Аутенриета по этому вопросу.

[213] Schiller, sect. I. cap. 2. fol. 3. b.

[214] Franck, fol. 243. b.

[215] Среди прочих особенно отличился Базель. Stettler, part II. p. 34.

[216] Spangenberg, loc. cit.

[217] Leuthinger, p. 89.

[218] От Whitsuntide до дня святого Иакова, 25 июля. Klemzen, p. 254.

[219] Два капитана судов, бросивших штурвал от внезапного нападения такого рода, оказались в опасности сесть на мель на Моле. Однако их положение было замечено, и они были спасены. Клемзен.

[220] Spangenberg, M. Chr. fol. 432. a.

[221] Ibid. fol. 433. a. 435. b. Schwelin, pp. 149, 150.

[222] Летописец Марша даже уверяет нас, что это продолжалось до 1546 года. Annales Berol. Marchic: но другие современные авторы противоречат этому.

[223] Spangenberg, fol. 432. a.

[224] Ньюенар, правда, утверждает, что потливая лихорадка вспыхивала в Англии каждый год, fol. 68. b., но такие общие и ничем не подкрепленные утверждения, исходящие от иностранцев (граф *Герман фон Ньюенар* был бургомистром Кельна), совершенно недостойны доверия.

[225] Около 25 июля.

[226] От дня святого Иакова, 25 июля, до Успения Пресвятой Девы Марии 15 августа. Стафорст.

[227] Например, во втором томе "Scriptores rerum Brunsvicensium" Лейбница сообщается, что от потогонной лихорадки в Гамбурге умерло 8000 человек. Неизвестный хронист в Стапхорсте, часть II, том I, стр. 85, утверждает, что 2000 г.

[228] "Более того, в 1529 году, около дня святого Иакова, Всемогущий Бог послал на город Гамбург страшную болезнь; это была потливая болезнь, которая проявлялась по-разному и началась, когда капитан *Герман Эверс* приехал из Англии в день святого Иакова со многими молодыми спутниками, из которых в течение двух дней двенадцать умерли от этой болезни, которая была неизвестна как в Гамбурге, так и в других странах, так что самый старый человек не помнил, чтобы видел подобную болезнь". Неизвестный очевидец, цитируется в Staphorst, Part II. Том I. стр. 83. Другой человек высказывается в том же духе, с. 85. "Болезнь возникла в Англии, поскольку там на людей нападали на улице, когда они сходили на берег, и те, кто вступал с ними в контакт, многие из которых принадлежали к низшему классу, заражались". Заметки неопределенной даты можно найти в Adelung, на стр. 77. Steltzner, Part II. p. 219. В аббревиатуре. Hamb. Chron. p. 45, и в других местах.

[229] "Как только корабль прибыл в Гамбург, люди начали умирать по всему городу, а утром прошел слух, что от этого умерло четыре человека". Из книги Реймара Коха "MS. Chron. of Lübeck. За выдержку из нее автор обязан любезности профессора Аккермана из Любека.

[230] Klemzen, p. 254. Считалось, что воды Балтики отравлены.

[231] Хроника Любека Реймара Кока.

[232] "В 1529 году эта жестокая болезнь за очень короткое время прошла по всей Германии, и в Любеке многие из его самых знатных граждан умерли в день бдения святого Петра в Винкулисе". Regkman, p. 135. Сравните Kirchring, p. 143. Bonn, p. 144.

[233] Reimar Kock.

[234] Schmidt, p. 307.

[235] См. выше, с. 243; и Клемзен, с. 254.

[236] Euric. Cordus.

[237] Gruner, It. p. 23.

[238] А именно, во вторник после Усекновения главы Иоанна Крестителя (29 августа), который выпал на воскресенье, так как С. Эгидий был в среду. Даты приведены в соответствии с хронологическим календарем Пилигрима.

[239] Klemzen, p. 255.

[240] Curicke, p. 271.

[241] Kronica der Preussen, fol. 191. b.

[242] Stettler, II. p. 33.

[243] In Gratorol. fol. 74. b.

[244] Gruner, It. p. 25, согласно MS. Chronicles.

[245] Franck, fol. 253. a.

[246] По Джозефу Франку, в последнем издании его Praxeos Medicæ Universæ Præcepta. Сравните Gruner, It. p. 28.

[247] Klemzen, p. 254.

[248] Это следует из письма Эврция Корда гессенскому личному секретарю *Иоганну Рау фон Нордеку*. *Рау фон Нордеку*, в конце 2-го издания его "Regimen".

[249] *Магнус Хундт* закрыл свою книгу 7 октября.

[250] Bayer von Elbogen, cap. 7.

[251] Она называлась там *Ingelsche Sweetsieckte*, или потливой болезнью.

[252] Forest. L. VI. Obs. VII. Schol. p. 157. Obs. VIII. c. Schol. p. 158. Wagenaar, T. II. p. 508.

[253] Pontan. p. 762. Haraeus, T. I. p. 581. Antwerpsch Chronykje, p. 31. Ditmar, p. 473.

[254] "Laquelle (sa suette) s'estendit par le pays d'Oostlande, de Hollande, Zeelande, et autres des pays bas, on en étoit endedens vingt et quatre heures mort ou guarry, elle ne dura in Zeelande pour le plus que 15 jours, dont plusieurs en moururent." Le Petit, T. I. Livr. VII. p. 81.

[255] Forest, loc. cit.

[256] Erasm. Epist. Lib. XXVI. ep. 58. col. 1477. b. В Цербсте потливая лихорадка длилась, подобным образом, всего пять дней. Gruner, It. p. 29.

[257] Она называлась там "den engelske Sved".

[258] Frederick I. Histor. p. 181. Те же слова в Huitfeld, T. II. p. 1315.

[259] Boesens Beskrivelse over Helsingöer. За это утверждение автор должен поблагодарить д-ра Манса, полкового врача в Копенгагене.

[260] Д-р *Баден*, D. C. L., по просьбе Грюнера приложил много усилий для проведения исследований, но не получил ничего большего, чем дал Хюитфельд. Копия его латинского письма к Грюнеру по этому вопросу также попала к автору через д-ра Манса.

[261] Dalin, D. III. p. 221. Engelske Svetten. В "Истории короля Густава I" Тегеля, часть I. стр. 267, можно найти только общие упоминания об английской потливой болезни в Швеции, без точной даты (осень 1529 г.) или описания болезни, как это без конца встречается в немецких хрониках. Свен Хедин явно слишком высоко оценивает смертность при эпидемической потливой лихорадке, когда сравнивает ее (с. 27) с депопуляцией, вызванной Черной смертью. Он приводит (с. 47) поразительный отрывок о потливой болезни из "Патологических сборников" Линнея. Однако великий натуралист дал волю своему воображению и, как и все современные врачи, высказывавшие свое мнение об английской потливой болезни, знает слишком мало фактов, чтобы судить об этом предмете правильно. (Supplement till Handboken för Praktiska Läkare-vetenskapen, rörande epidemiska och smittosamma sjukdomar i allmänhet, och särdeles de Pestilentialiska. 1 sta St. Stockholm, 1805. 8vo.)

[262] Из MS Реймара Кока. Хроника Любека и Леса, loc. cit. Сравните "Итинерарий" Грюнера, подготовленный с похвальным и даже утомительным усердием, но получивший столь малое признание в эпоху Брунона, что уже стал редкой работой.

[263] "В соответствии с ним некоторые утверждали, что пот должен выделяться в течение двадцати четырех часов подряд, и в это время к больному не должен поступать воздух. Это лечение свело многих в могилу" - Эрфуртская хроника.

[264] Эрфуртская хроника, и в том же духе Спангенберг, M. Chr. fol. 402. b. Pomarius, p. 617. и Schmidt, p. 305. Гемма пишет о Нидерландах, L. I. c. 8. p. 189, получив рассказ от своего отца, который сам был подвержен потливой болезни: "Consuti (зашитые) et violenter operti clamitabant misere, obtestabantur Deum atque hominum fidem, sese dimitterent, se *suffocari iniectis molibus, sese vitam in summis angustiis exhalare*, sed assistentes has querelas ex rabie proficisci, *medicorum opinione persuasi*, urgebant continue usque ad 24 horas," etc.

[265] Schmidt, loc. cit.

[266] -- "*Animos omnium terrore perculit adeo ut multis metus et imaginatio morbum conciliarit*." Erasm. Epist. L. XXVI. ep. 56. c. 1476. a. Spangenberg, loc. cit.

[267] "Многие потеют от страха и думают, что у них английский пот, а когда после этого спят, признают, что все это было чепухой". Bayer v. Elbogen, cap. 8.

[268] Автор может привести несколько необычных случаев такого рода, которые произошли в его собственной практике.

[269] Это был парикмахер в Париже. Berliner Vossische Zeitung, Sept. 2, 1833.

[270] Carlstadt, Nic. Storch, Marcus Thomii, Marus Stubner, Marlin Cellarius и Thomas Münzer.

[271] "Ибо всякая любовь остыла во всех народах; топор лежит у корня дерева, веревка уже наложена, никто не замечает этого. Ибо мир поражен густой слепотой, вера угасла. Всякое единство и богобоязненность навсегда покинули землю, и ничего, кроме ложного

лицемерного притворства, не найти среди баптистов, и, самое большее, ложной, фиктивной, бесплодной, мертвой, колеблющейся веры в других сектах, и все же мир думает, несмотря на это, что он видит и сидит во свете. Короче говоря, на одного дьявола баптистов, которого она изгнала, приходится семь более тонких и злых духов, хотя она думает, что освободилась и что все они ушли". Franck, fol. 248, a. Эта же хроника содержит очень живое описание Крестьянской войны.

[272] Ад. Кларенбах и Петр Флистедт.

[273] Schmidt, p. 308.

[274] Nusquam pax, nullum iter tutum est, rerum charitate, penuria, fame, pestilenti laboratur ubique, sectis dissecta sunt omnia: ad tantam malorum lernam accessit letali sudor, multos intra horas octo tolleus e medio, etc. Erasm. Epist. L. XXVI. ep. 58. c. 1477. b.

[275] Fuhrmann, Part II. p. 745.

[276] Chronicon Monasterii Mellicensis. In Pez, T. I. col. 285.

[277] Собрание реформаторов началось там 2 октября.

[278] Памфлет, написанный Магнусом Хундтом, украшен деревянной гравюрой, где под престолом Бога, сидящего на львах, изрыгающих огонь, великое множество ангелов, вооруженных мечами, витает вокруг людей, с которыми они обращаются хуже, чем воины Ирода с детьми из Вифлеема.

[279] Хроника Любека Реймара Кока.

[280] Kersenbroick in Sprengel, II. p. 687. Сравните Sleidan, L. VI. Tom. I. p. 380, который просто и ясно излагает этот факт.

[281] Culpam eius rei plerique conferebant in theologos concionatores, qui suppliciis impiorum placandam esse clamabant iram Dei, novo morbi genere nos verberantis. Sleidan, loc. cit. p. 380.

[282] Haftitz, p. 131. Angelus, p. 319. Cramer, Book III. p. 76, и многие другие.

[283] "Verum quamplurimi, tam nobiles quam populares viri ac mulieres, hoc morbo misere suffocati sunt, *ob libellos erroneos*, ab indoctissimis hominibus in vulgus emissos, qui in eiusmodi lue curanda peritiam et experientiam jactabant, multosque in Angliâ aliisque regionibus sese curasse dicebant, cum omnia falsa essent. Tales inquam minima pietate fulti erga ægrotos, *illorum loculos tantum expilabant*, ac in sui commodum convertebant, nullam de aliorum damnis nec morte ipsa curam gerentes, sed quæ sua sunt tantum curantes, nulla arte instructi miseros ægros, passim sua ignorantia trucidabant." Forest. L. VI. obs. 8. p. 158. a.

[284] "Ditissimi negociatores, lectis adfixi medicos ad se vocabant, montes auri promittentes, si curarentur." Ditmar, p. 473.

[285] "Nam occlusis rimis omnibus, et excitato igne copioso, opertisque stragulis, quo magis tutiusque suderent, æstu præfocati sunt." Forest. loc. cit. p. 157. b.

[286] Wild, in Baldinger, p. 278.

[287] Печатник *Франц*. Schmidt, p. 307.

[288] Stelzner, Part II. p. 219.

[289] Это следует из реестра Виттенберга.

[290] Хроника Любека Реймара Кока.

[291] Klemzen, p. 255.

[292] In Gratoroli: Petrus, proto medicus, fol. 90.

[293] См. его памфлет.

[294]

Я привожу здесь весь памфлет, который занимает всего пять страниц. Она озаглавлена "Средство, совет, помощь и утешение против ужасной и пока еще неслыханной для нас, немцев, скоротечной и смертельной болезни, называемой английской потливостью, от которой да защитит нас всемогущий Бог".

"Когда начнется болезнь и потливость, спросите, который час, и запомните его". "Если кто-либо поражен этим недугом (да защитит нас от него Бог!), он поражает его либо жаром, либо холодом, и он сильно потеет; это происходит по всему телу. Некоторые переносят болезнь с внезапными извержениями и не потеют; а тем, кто не потеет, дают цветок булавы с теплым пивом, и тогда они потеют".

"Если же мор и болезнь, от которых да сохранит нас Бог, нападут на кого-либо после того, как он лег в постель, то его следует оставить; если же над ним есть пуховая постель, хотя и тонкая, то разрежьте ее и выньте перья, чтобы она состояла только из тика или покрытия. Если она слишком тонкая, добавьте прохладное покрывало, и пусть больной лежит под ним, укрывшись до шеи, и следите, чтобы воздух не касался и не бил его по груди, по рукам и по подошвам ног, и пусть он не кувыркается".

"Пункт. При больном должны присутствовать два человека, чтобы не дать ему раздеться и заснуть.

"Пункт. Те же два человека должны следить за больным и охранять его от сна: если они пренебрегут этим и не помешают ему, а больной уснет, то он лишится чувств и сойдет с ума".

"Чтобы он не заснул, возьмите немного розовой воды и с помощью губки или чистой салфетки омочите ею виски между глазами и ушами, а также с помощью губки или салфетки приложите к его носу острое вино или пивной уксус и постоянно разговаривайте с ним, чтобы он не заснул.

Если он хочет пить, дайте ему некрепкий напиток, который должен быть немного теплым; не следует давать ему больше двух ложек за раз".

"Пункт. На голову больного следует надеть льняной ночной колпак, а поверх него - шерстяной.

"Пункт. Следует взять теплое полотенце и вытереть им пот с лица.

"Пункт. Кто подвергся нападению в дневное время, должен быть уложен в постель: если это мужчина, то в чулках и бриджах, если женщина, то в одежде, и пусть они будут накрыты не более чем двумя тонкими покрывалами, и, прежде всего, никакой перины, а затем лечить их, как написано выше.

"Пункт. Болезнь эта нападает на большинство людей от большого страха и от неправильного образа жизни, от чего человек должен оберегать себя с великими муками.

"Раз навсегда, пациент не должен идти своим путем; то, что он хотел бы, чтобы вы сделали для него, не должно быть сделано".

"Пункт. Что касается тех, на кого он нападает ночью и кто лежит нагишом, то если они не хотят лежать спокойно, пусть зашьют их в простыни, а простыни пришьют к кровати, чтобы снизу не поступал воздух; а затем накройте их, как прежде.

"Сумма". Кто сможет выдержать таким образом двадцать четыре часа, тот, по благословению Божию, исцелится от болезни и выздоровеет".

"Если человек продержался двадцать четыре часа, пусть его возьмут, завернут в теплую простыню, чтобы он не замерз, накинут что-нибудь на ноги и принесут к огню; и прежде всего пусть он не выходит на воздух в течение четырех дней, и пусть избегает много и холодного питья.

"Если он хочет спать, если прошло двадцать четыре часа, пусть спит свободно; и да хранит его Бог!

"Господь всемогущ над нами! Аминь."

Место издания не указано. Вероятно, это был Лейпциг или Виттенберг.

[295] Magnus Hundt, fol. 27. a. "Nullis vero aliis medicamentis utuntur adversus ipsam, quam expectatione sudoris, nam quibus advenit, omnes fere evadunt, quibus autem retinctur, maxima pars perit." Forest. loc. cit. p. 159. a. Schol.

[296] Родился около 1483 года; умер в 1549 году.

[297] Родился в 1492 г.; умер в 1555 г.

[298] Умер в 1558 году.

[299] Умер в 1545 году. "Vir gravis; eximia litterarum cognitione, singulari judicio, summa experientia, et prudenti consilio Doctor". Aikin, p. 47.

[300] В *Генрихе VIII*.

[301] См. их биографию в Aikin.

[302]

Описание Томасом Гейлом этого класса практикующих врачей дает наилучшее представление об их способностях. "Помню, - говорит он, - когда я был на войне в Монтрейе (1544 год) во времена этого самого знаменитого принца, Генриха VIII, там был большой сброд, который взялся быть хирургами. Некоторые из них были меринами свиней, другие - меринами лошадей, а также лудильщиками и сапожниками. Эта благородная секта творила такие великие исцеления, что получила себе вечное имя; как секта Фессала называлась фессалионами, так и этот благородный сброд за свои пресловутые исцеления назывался собачьими лишаями; ибо двумя перевязками они обычно делали свои исцеления целыми и невредимыми навечно, так что те не чувствовали ни жара, ни холода, ни какой-либо боли после них. Но когда герцог Норфолк, который был тогда генералом, понял, как умирают люди, причем от небольших ран, он послал за мной и некоторыми другими хирургами,

приказав нам выяснить, как эти люди умирают, от тяжести ли их ран или от недостатка знаний у хирургов, и мы, согласно нашему приказу, провели обыск по всему лагерю и нашли много таких же молодцов, которые взяли себе имена хирургов, и не только имена, но и жалованье. Мы спрашивали их, хирурги они или нет, они отвечали, что да; мы спрашивали, с кем они воспитывались, и они с бесстыдными лицами отвечали, что либо с одним хитрым человеком, либо с другим, который умер. Тогда мы спросили их, какие у них есть хирургические штуки, чтобы лечить людей внутри; и они показали нам горшок или ящик, который был у них в сметке, где лежала такая труха, которой они смазывали пятки лошадей, и клали на поцарапанные спины лошадей, с вервалом и тому подобным. А другие, сапожники и лудильщики, использовали сапожный воск с ржавчиной от старых сковородок и делали из него благородную мазь, как они ее называли. Но в конце концов этот достойный сброд был заключен в Маршалси, и герцогская милость пригрозила им повешением за их достойные деяния, если только они не скажут правду, кем они были и чем занимались, и в конце концов они признались, как я уже говорил вам раньше".

В другом месте Гейл говорит: "Я сам, во времена короля Генриха VIII, был вынужден в течение одного года поставлять из Лондона, который служил на море и на суше, три десятка и двенадцать хирургов, которые были хорошими работниками и умели служить, и все они были англичанами. В настоящее время из всей компании нет и тридцати четырех англичан, и притом большая часть из них находится на дворянской службе, так что если бы у нас возникла нужда, я не знаю, где найти двенадцать достаточных людей. Что я говорю? Достаточно людей: нет, я бы хотел, чтобы среди всей роты было десять человек, достойных называться хирургами".

[303] Klemzen, p. 255.

[304] Part I. cap. 8.

[305] Gruner, Script, p. 11.

[306] "Vix malevolorum *cachinnos* morsusque præteriit." Шиллер, Epist. nuncupator. Название, которое Грюнер, Script. p. 12, дает оригинальному произведению, все еще существующему в библиотеке Страсбурга, и латинскому отрывку из него. Gratoroli, fol. 39.

[307] См. каталог в Приложении, "Ein Regiment" и т. д.

[308] Любой сорт слабого пива с прохладой. Теплое пиво было широко распространенным напитком на севере Германии. Пиво *Аймбека* и *Бернау* было более крепким и рекомендовалось медиками во время выздоровления.

[309] "У меня в доме лежало семь человек, больных той же болезнью, из которых, слава Богу, никто не умер". Из письма жителя Гамбурга, приведенного в той же брошюре "Ein Regiment" и т. д.

[310] Gratorol. fol. 87. b.

[311] Gratorol. fol. 90.

[312] Stettler, Part II. p. 33.

[313] Wagenaar, op. cit. p. 509.

[314] Его собственное имя было *Генрих Шпатен*, (немецкое *Spät*, в английском *late*), откуда *Cordus* (последний рожденный или поздно рожденный), по-видимому, было переводом.

[315] Второе сентября.

[316] ℞ Pulveris cardiaci, (очень сложный, содержащий драгоценные камни и много других ингредиентов,) ʒij; Pulveris cornu cervi ʒj; Seminis Santonici, Myrrhæ, aā ʒſs ℳ □. ft. Pulv. Sumᵗ. ʒj; в теплом винном уксусе.

[317] Chronicle, p. 473.

[318] Родился в 1505 году, умер в 1577 году.

[319] Это *Electuarium liberans Gasseri*:-℞ Spec. liberant. Galen, Spec. de gemm. aā ʒj, Pulveris Dictamn., Tormentill, Serpentinæ, aā ℈iv, Pimpinell. Zedoariæ. aā ʒſs, болг. Армен, лот.; терр. сигиллат. aā ℈ij Rasur. Cornu cervin. ℈j, Zingiber. ʒſs, Консерв. Rosar, rec. ℥ſs, Theriac. veteris ℥j, Syrup. acetositatis citri. q. s. ut ft. electuar. spiss.-Velsch, p. 19.-Гассер в своей Аугсбургской хронике утверждает, что там было более 3000 случаев этой болезни, но умерло не более 600. См. Mencken, Scriptores rerum Germanicarum.

[320] Gratorol. fol. 74. b.

[321] Gratorol. fol. 85. Вероятно, это послание существенно не отличается от латинской работы этого автора о потливой лихорадке, которая появилась отдельно. (De ἰδροπυρετοῦ seu sudatoræ febris curatione Liber. Coloniæ, 1529. 4.)

[322] Gratorol. fol. 64.

[323] Gratorol. fol. 69. b.

[324] Videmus, quam multi de sudore convalescant, fol. 66. a.

[325] Этот город называется по-фламандски Tienen, (Thenæ in Montibus,) в переводе Дамиана Дечикополиса.

[326] Fol. 117. a.

[327] Fol. 109. a.

[328] Fol. 116. b.

[329] Fol. 118. a. Дамианус написал свой немаловажный трактат во время эпидемии потливой лихорадки в Генте.

[330] Он называет себя Шиллером фон Гердереном, по имени поместья в деревне с таким названием близ Фрайбурга.

[331] Шиллер с большой наивностью утверждает, "что симптомы болезни очевидны, а те, которые он не указал, должны быть воображаемыми". Sect. II. c. 1. fol. 206.

[332] "Habet inconstantes notas morbus". Schiller. "Diversos diversimode adoritur". Damian. fol. 115. b.

[333] См. выше, remedium, p. 267, прим. e. Sudoris absentia plurimum nocebat.-Forest. p. 158. Schol.

[334] См. выше, p. 245. Klemzen, p. 254.

[335] Bayer, cap. 6. M. Hundt, fol. 5. a.

[336] Bayer, loc. cit.

[337] Angelus, p. 319. Schiller, Stettler, locis cit.: и многие другие.

[338] Damian. fol. 115. b.

[339] Schiller, loc. cit.

[340] Regimen of Wittenberg.

[341] Damian. fol. 115. b.

[342] Klemzen, p. 255.

[343] "Ungues potissimum excruciat, alas ita comprimit, ut etiam si velis, non posses attollere." Forest. p. 157. Schol. "In extremitatibus puncturis retorquentur dolorosis-extremitates obstupefiunt, dolet orificium ventriculi, nervorum contractiones nascuntur, plantarum pedumque dolores."-Damian. fol. 116. a.

[344] Damian. loc. cit.

[345] Klemzen, loc. cit.

[346] "Nec quenquam vidimus ita delirantem restitutum incolumitati."-Damian. fol. 116. a.

[347] Schiller, Stettler.

[348] Somnolentia et *inevitabilis sopor*, Шиллер; *глубокий сон*, почти у всех летописцев.

[349] Шиллер.

[350] "Aliis mox tument manus et pedes, aliis facies, quæ et in pluribus livet; nonnullis sola labia et superciliorum loca: mulieribus etiam inguina inflantur."-Damian. fol. 116. a.

[351] "Maximus denique calor haud procul a corde sentitur, qui ad cerebrum devolans delirium adducit, internecionis nuncium."-Damian. loc. cit.

[352] Damian. loc. cit.

[353] Schiller, loc. cit.

[354] "Primo insultu aliis cervices aut scapulas, aliis crus aut brachium *occupavit*," p. 15. Кайе не указывает, что именно он подразумевает под этим "occupare". Из аналогичного, более современного наблюдения следует, однако, что под ним подразумеваются раздирающие ревматические боли. "Добавьте к этому, что пациенты все до одного жаловались, одни больше, другие меньше, на раздирающую боль в шее". Sinner, p. 10.

[355] Pulsus concitatior, frequentior. Единственное замечание о пульсе, которое можно найти у всех писателей. Caius, p. 16. Вероятно, большинство врачей боялись заразы и по этой причине не исследовали пульс.

[356] Страница 252.

[357] Odoris teterrimi. Tyengius in Forest., p. 158.

[358] Newenar, fol. 72. b.

[359] Стр. 190.

[360] Schiller, Kaye, loc. cit.

[361] -- "cum alvi solutione ac lotii haud modica eiectione, in ea morbi specie, quæ curatum itura est." Damian. fol. 116. a.

[362] Rondelet, de dignosc. morbis, loc. cit.

[363] Чтобы не подвергаться воздействию холода, они предпочитали, чтобы пациент принимал опорожнения в постели. Постельные принадлежности были неизвестны. Kaye, p. 110, и большинство других авторов.

[364] Tyengius in Forest., p. 158. b. "Febrem sudor finiebat, *post se relinquens* in extremitatibus corporis, *pustulas parvas*, admodum *exasperantes* diversas et malignas secundum humorum malignitatem."

[365] Если не позаботиться о том, чтобы руки и ноги оставались под одеждой, они умирали, и *их тела становились черными как уголь, покрывались язвочками* и так воняли, что из-за зловония их приходилось закапывать глубоко в землю. Стафорст, часть II. Vol. I. p. 83.

[366] Пятна (maculæ quas ronchas (?) vocant), которые в других случаях считались признаками приближающейся смерти или не появлялись до наступления смерти, появились после возобновления потоотделения, которое было подавлено, по всему телу ученой *Маргариты Ропер*, старшей дочери *Томаса Мора*, которая была подвержена потливой лихорадке в 1517 или 1528 году и выздоровела. Th. Stapleton, Vita et obitus Thomæ Mori, c. 6, p. 26. См. Mori Opera.

[367] И, конечно, только после очень правильного и тщательного лечения. См. Виттенбергский режим, Kaye, loc. cit. Schmidt, p. 307, и Klemzer, p. 256.

[368] Newenar, fol. 72. b.

[369] Erasm. Epist. L. XXVI. Ep. 58. p. 1477. b. "Et crebro quos reliquit brevi intervallo repetens, nec id semel, sed bis, ter, quater, donec in hydropem aut aliud morbi genus versus, tandem extinguat miseris excarnificatum modis."

[370] Kaye, p. 110.

[371] Idem. p. 113.

[372] Staphorst, Part II. vol. I. p. 83.

[373] "Immunes erant pueri et senes ab hoc malo." Ditmar, p. 473. "Pueri infra decem annos rarissime hac febre corripiuntur." Newenar, fol. 72. a. "Senibus solis quandoque pepercit,- præternavigavit etiam magna ex parte atrabilarios et emaciatos corpore, quoniam et horum corpora putris succi expertia erant." Schiller, fol. 4. a.

[374] Schmidt, p. 307.

[375] Как, например, у Шиллера, который называет лишь одного из тысяч. "Juvit etiam auxitque malum frequens multaque crapula, et in potationibus otiosa vita nostra", fol. 3. b.

[376] Пусть это будет замечено *при аналогичных обстоятельствах*. Не следует утверждать, что они свободны от ревматических болезней, но лишь то, что они менее склонны к ним.

[377] То, что *ревматическое состояние превращает тело в изолятор*, *А. фон Гумбольдт* обнаружил еще в 1793 году, и это наблюдение подтвердилось последующими

экспериментами. "Я сам наблюдал, как во время тяжелого приступа катаральной лихорадки я не мог самыми сильными металлами возбудить гальваническую вспышку перед глазами; я прерывал все связи между мышечным и нервным аппаратом. Как ревматическая болезнь уменьшает раздражимость органов, так и она, по-видимому, уменьшает их проводящую способность. Как это происходит? Пока об этом ничего не известно. Время от времени я встречал изолированных людей, которые были совершенно здоровы, но не можем ли мы, среди такого океана неопределенности, обнаружить условие, по которому мы могли бы определить каждый случай?" Versuche in Vol. I. p. 159. Пфафф считает, что во время ревматических заболеваний электричество в организме опускается до нуля. См. его "Эссе о своеобразном электричестве человеческого тела" в Mechel's Archiv. Том III. No. 2. p. 161.

[378] Временами автор проводил над собой необычные эксперименты такого рода.

[379] Это явление можно справедливо сравнить с очень похожими, но более продолжительными болезненными последствиями холеры. Паралич и переполнение возвратных сосудов должны рассматриваться в одинаковом свете в обоих случаях.

[380] После смерти *Генриха* VIII в 1547 году на престол взошел *Эдуард* VI, которому было всего девять лет. Он умер в 1553 году.

[381] Caius, p. 2.

[382] Ibid. p. 28.

[383] Godwyn, p. 142. Stow, p. 1023.

[384] Caius, p. 3.

[385] Ibid. p. 7.

[386] "Который в округе, где он начался, был таким летящим от края до края, с таким грохотом по утрам и вечерам, что люди едва могли его переносить" - Кайе. См. Приложение, а также лат. изд. стр. 28, 29. Здесь следует отметить, что в 1529 году Дамианус заметил в Генте, что утром на восходе солнца болело больше людей, чем в любое другое время. p. 115. b.

[387] Хосак допускает в подобных случаях "*ферментативный или ассимилирующий процесс*" в атмосфере. T. I. p. 312. Законы заражения. Лукреций уже выражал ту же мысль в поэзии. L. VI. v. 1118. to 1123.

[388] Caius, p. 29.

[389] Ibid. pp. 2-8.

[390] Holinshed, p. 1031, и др.

[391] Stow, p. 1023. Baker, p. 332.

[392] Godwyn, p. 142.

[393] Среди прочих, герцог *Саффолк* и его брат. Godwyn, loc. cit.

[394] "И то же самое, будучи белым и страшным, побуждало людей сильно взывать к Богу и совершать много дел милосердия: но *как болезнь прекратилась, так и набожность быстро угасла*". Grafton, p. 525.

[395] History of Medicine, Vol. II. p. 136.

[396] Caius, p. 30, и в других местах цитируется. "И это так подействовало на англичан, что такие маршалы Англии, которые были во Флоренции и Испании, и других странах за морем, были все посещены этим, и ни один другой народ не был заражен этим". Grafton, loc. cit. Сравните: Baker, p. 332. Holinshed, p. 1031.

[397] Caius, p. 48.

[398] См. Приложение: "Эти три страны (Англия, Нидерланды и Германия), которые уничтожают больше мяса и сухих продуктов без всякого порядка, удобного времени, причины или необходимости, чем Шотландия или все другие страны под солнцем, к большому ущербу для их собственных тел и виттов" и т. д. Сравните с p. 46 лат. издания.

[399] Годвин, loc. cit., прямо уверяет нас, что обжоры, которые заболевали этой болезнью, когда их желудки были полны, становились ее жертвами; а Кайе утверждает, что кроме пожилых людей и детей, бедняки, которые по необходимости жили экономно и переносили лишения, либо оставались свободными, либо переносили болезнь легче, p. 51.

[400] См. выше, с. 231, 232.

[401] Кайус. См. Приложение.

[402] Schwelin, p. 177.

[403] Spangenberg, fol. 463. a.

[404] Chron. Chron. p. 401.

[405] Ibid, and Spangenberg, loc. cit.

[406] Chron. Chron. loc. cit.

[407] Spangenberg, fol. 463. b.

[408] Angelus, p. 344. Spangenberg, fol. 464. a. Chron. Chron. p. 401.

[409] Spangenberg, fol. 464. a.

[410] Chron. Chron. p. 402.

[411] Haftitz, p. 167. Angelus, p. 344.

[412] Chron. Chron. p. 403. Leuthinger, p. 248.

[413] Angelus, loc. cit.

[414] Spangenberg, fol. 465. a. В это время Магдебург был осажден за отказ принять "Временное соглашение".

[415] Wurstisen, p. 624. Spangenberg, fol. 466. a.

[416] В марте Бранденбурга кресты, как их называли, видели на одежде в 1547 году (Leuthinger, p. 216); красную воду видели в Зёрбиге в 1549 году (Ibid. p. 231) и часто также в 1551 году. (Chron. Chron. p. 402.) Агрикола, кажется, указывает на эти связанные явления в уже цитированном отрывке; см. стр. 206, примечание e.

[417] "Pestis insuper in certis sæviebat Germaniæ provinciis (1533,) præsertim Nurenbergæ et Babenbergæ, et villis oppidisque per girum. Et est stupenda res, quod hæc plaga nunquam totaliter cessat, sed omni anno regnat, jam hic, nunc alibi, de loco in locum, de provincia in provinciam migrando, et si recedit aliquamdiu, tamen post paucos annos et circuitum revertitur, et juventutem interim natam in ipso flore pro parte majore amputat."-Jo. Ланге, Chron. Nuremburgens. eccles., in Mencken, T. II. col. 88.

[418] Spangenberg, fol. 369. b.

[419] Fernel, de abditis rerum causis, L. II. p. 107.

[420] См. Fernel. Вурстисен (стр. 613), однако, утверждает, что предыдущая зима была очень теплой. Таким образом, Aph. 12. sect. III. будет в силе.

[421] Wurstisen, loc. cit.

[422] L'année des vins rostis, у французов. Stettler, p. 119.

[423] Spangenberg, fol. 439. a. Chron. Chron. p. 375.

[424] Kircher, p. 147.

[425] Spangenberg, fol. 439. b.

[426] Villalba, T. I. p. 93. Они совершали большие опустошения в Испании.

[427] См. Приложение и с. 25. латинского издания; сравните Haftitz, p. 149 и др.

[428] Spangenberg, fol. 439. b.

[429] Jordan, Tr. I. c. 19. p. 220.

[430] Spangenberg, fol. 440. b.

[431] Villaba, T. I. p. 94. Автору не удалось получить работу Сикста Кепсера, наблюдателя этой болезни. (Consultatio saluberrima de causis et remediis epidemiæ sive pestiferi morbi Bambergensium civitatem tum infestantis.) Bambergæ, 1544. 4to.

[432] See p. 236.

[433] Mezeray, p. 1036.

[434] См. с. 236.

[435] Thuan. L. IV. p. 73.

[436] Spangenberg, fol. 458. a. b. 459. a.

[437] Leuthinger, p. 241.

[438] Spangenberg, fol. 460. a.

[439] Crusius, p. 280.

[440] Villalba, T. I. p. 95.

[441] См. выше, с. 221.

[442] Wurstisen, (1552, эпидемия моровой язвы в Базеле) p. 627.-Spangenberg, fol. 467. b., 468. a. (Pestilence and Phrenitis.)

[443] Aikin, p. 103, et seq.

[444] См. Приложение.

[445] 1556 г. - Это издание очень редкое, и, вероятно, его не найти в Германии. Издание, выпущенное автором (1833), взято с очень хорошего лондонского репринта 1721 года.

[446] В немецком языке иногда называется "eines Tags pestilentziches Fieber".

[447] P. 15. Lat. edit.-II. ἑλώδης τυφώδης, ἱδρώδης.

[448] Ibid. p. 17. seq.

[449] Ibid. p. 49.

[450] P. 31. Lat. edit.

[451] См. выше, с. 272.

[452] P. 43. Lat. edit.

[453] P. 44. Лат. изд. См. выше, p. 214.

[454] Ibid. p. 74.

[455] P. 94. Lat. edit.

[456] Practica, fol. 43. a. 263. a.

[457] Fallop. de compos. medic. cap. 41. p. 208.

[458] P. 102. Lat. edit.

[459] P. 106, 7. Ibid.

[460] Незадолго до смерти он сложил с себя полномочия магистра, но продолжал проживать в колледже в качестве сотрапезника. См. Aikin, p. 109.-*Примечание* переводчика.

[461] Он отдал на строительство нового здания для этого заведения более 1800 фунтов *стерлингов*, весьма значительную сумму по тем временам.

[462] De medendi methodo, ex Cl. Galeni Pergameni, et Joh. Bapt. Montani, Veronensis, principum medicorum, sententia, Libri duo. Basil. 1554. 8. Эту легкомысленную книгу он посвятил *обычному придворному врачу* Баттсу. См. Balæus, fol. 232. b.

[463] Сравните его собственную работу, "De Libris Propriis", в Jebb, которая является подражанием Галену и написана почти в том же духе.

[464] De canibus Britannicis et de rariorum animalium et stirpium historia, in Jebb.

[465] См. с. 270.

[466] "Sudor anglicus fere similis ei sudori, quem cardiacum dicebamus." De morb. int. L. II. fol. 60. a.

[467] "Est autem *cor* præstans atque salutaris corpori particula, præministrans omnibus sanguinem membris, atque spiritum." Cæl. Aurel. Acut. L. II. c. 34. p. 154. Сравните "Доктрину кровообращения до Гарвея" автора, Берлин, 1831. 8.

[468] Cæl. Aurel. cap. 30. p. 146.

[469] Ibid. cap. 34. p. 156.

[470] Вся 34-я глава, loc. cit. Аврелиан дает, начиная с 30-й и заканчивая 40-й главой, самые полные сведения о Morbus cardiacus.

[471] Torpor frigidus, C. 35. p. 157.

[472] Hallucinatio.

[473] Cæl. Aurel. p. 157.

[474] Spiratio præfocabilis.

[475] C. 34. p. 154. Thoracis gravedo.

[476] C. 35. p. 156.

[477] Aretæus, L. II. c. 3. p. 30.

[478] Cæl. Aurel. loc. cit.

[479] Diaphoretici, cardiaci.

[480] Febres continuæ flaminatæ. Cæl. Aurel. c. 31. p. 147.

[481] Aretæus, Cur. ac. L. II. c. 3. p. 188.

[482] Cæl. Aurel. c. 33. p. 150.

[483] L. II. c. 3. p. 30.

[484] Aret. Cur. ac. L. II. c. 3. p. 193.

[485] Cæl. Aurel. c. 31. p. 146.

[486] Cæl. Aurel. c. 31. p. 146.

[487] Cæl. Aurel. c. 33. p. 153. Совершенно аналогичное наблюдение сделано в наши дни в связи с растущей частотой жалоб на печень в Англии. Родители, долгое время прожившие в Ост-Индии, передают предрасположенность к этим болезням, совершенно чуждым умеренному климату, своим потомкам, среди которых нет необходимости в тропической жаре, а просто общие причины, действующие в их собственной стране, вызывают различные заболевания печени". См. Белл (Джордж Гамильтон).

[488] Cæl. Aurel. c. 36. p. 159.

[489] По этому вопросу читайте классическую работу Баччиуса.

[490] Celsus, L. III. c. 19. p. 140. Cæl. Aurel. from c. 37. on.

[491] Ἂν γὰρ ἐπὶ συγκοπῇ καὶ σμικρὸν ἁμαρτῴη, ῥηϊδίως εἰς ἅδου τρέπει. Cur. ac. L. II. c. 3. p. 188.

[492] Cæl. Aurel. c. 37. p. 169.

[493] Cæl. Aurel. c. 38. p. 171.

[494] Græcum salsum, οἶνος τεθαλασσωμένος, смесь вина и морской воды, которая была очень распространена.

[495] Cæl. Aurel. c. 39. pp. 174, 175.

[496] Cæl. Aurel. c. 38. p. 171.

[497] "nihil jugulatione differre". Ibid.

[498] Цельс рекомендовал полтора секстария в день, что составляет около 42 кубических дюймов, loc. cit. Cardiacorum morbo unicam spem in vino esse, certum est. Plin. Hist. Nat. L. xxiii. c. 2. T. II. p. 303. Bibere et sudare vita cardiaci est. Senec. Epist. 15. T. II. p. 68. Прим. ред. Ruhkopf. Cardiaco cyathum nunquam mixturus amico. Ювенал. Sat. v. 32.

[499] Celsus.

[500] Aspergines, sympasmata, diapasmata. Cæl. Aurel. c. 38. p. 171.

[501] Cæl. Aurel. c. 37. p. 161.

[502] Aretæus, p. 192.

[503] Celsus, loc. cit.

[504] Например, в деревнях Рю-Сен-Пьер и Нёвиль-ан-Эз, между Бове и Клермоном. Rayer, Suette, p. 74.

[505] Godofredi Welschii Historia medica novum puerperarum morbum continens. Disp. d. 20. April. 1655. Lipsiæ, 4to. Главный труд, посвященный первому приступу милиарной лихорадки в Германии.

[506] Например, во время эпидемии 1782 года, которая в течение нескольких месяцев унесла в Лангедоке до 30 000 человек. Пюжоль наблюдал в этой эпидемии четыре формы экзантемы. 1. Purpura urticata - приподнятые розовые пятна, или папулы меньшей окружности: она была очень благоприятной и иногда проходила без лихорадки. 2. Пятна, состоящие из очень мелких милиарных везикул и пустул, вдающихся друг в друга: менее благоприятно. 3. Маленькие полусферические прыщики, размером от горчичного зерна до кукурузы. Над ними появлялась белая точка, прежде чем они исчезали, а крупные превращались в пустулы, заполненные веществом или сероватыми полупрозрачными фликтенами, с красным воспаленным основанием. Эта форма была самой распространенной и распространялась, смешиваясь с другими, по всей поверхности, особенно на стволе. 4. Экзантема, напоминающая блошиные укусы, ярко-красная, с маленькой серой милиарной везикулой в центре, почти невидимой, разве что через линзу: эта форма была самой страшной. Pujol, Œuvres diverses de Médecine Pratique, 4 vols. Castres, 1801. 8vo.

[507] Foderé, III. p. 222.

[508] По этому поводу см. Allioni, который сделал свое классическое описание милиарной лихорадки на основе эпидемий в Пьемонте.

[509] Bellot, An febri putridæ, Picardis Suette dictæ sudorifera? Diss. præs. Ott. Cas. Barfeknecht. Paris, 1733. 4to.

[510] Rayer, Suette, p. 426, где слово в слово перепечатан основной отрывок диссертации Беллота.

[511] Лучше всего в Rayer, p. 421. Не так хорошо в Ozanam, T. iii. p. 105. Авторы очень многочисленны.

[512] Rayer, Mazet, Bally, François, Pariset, и многие другие.

[513] Балли и Франсуа, в Journal Général de Médecine, T. LXXVII. p. 204. Сравните Фодере, T. III. p. 227. Озанам, T. III. p. 116. Rayer, Suette, p. 148. Mal. d. l. p. T. I. p. 320.

[514] К ним можно добавить и те, что наблюдаются на юге Германии, в этиологии которых Шенляйн делает большой акцент на загрязнении воздуха в процессе вымачивания конопли. Vorlesungen, II. p. 324.

[515] Она не является полной, но может дать представление о силе и масштабах болезни. См. Rayer, Suette, p. 465.

[516] В то время здесь проживало около двухсот пятидесяти деревенских жителей. Sinner, p. 7.

[517] *Доктор Тейн*, государственный врач города Об.

[518] Полное число случаев заболевания и смертей не указано. *Доктор Синнер* обнаружил девять тел, ни одно из которых не было вскрыто, незадолго до прекращения болезни.

[519] Избегали всякого нагревания; воздух тщательно очищали, давали охлаждающие напитки и, вопреки распространенному в то время методу Брауна, применяли мало лекарств, таких как валериана, спиртовые настойки, капли Гофмана и т. д. На помощь приходили волдыри, а также, при некоторых обстоятельствах, камфора. Выздоравливающих хорошо кормили.

[520] Здесь перечислены только те работы, к которым обращался сам автор.

[521] Он рассматривает только петехиальные лихорадки, и то очень поверхностно.

Примечания транскриптора:

- Источник изображения на обложке является общественным достоянием согласно Викимедиа.
- Пустые страницы удалены.
- Очевидные опечатки исправлены, орфография оставлена без изменений.